

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Труды XIII Международной
научно-теоретической конференции

22–23 октября 2021 года

ПОЛИТЕХ-ПРЕСС

Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого

Санкт-Петербург

2021

УДК 1/316.77(130.1) + (303.01) + (159)
ББК 60

Коммуникативные стратегии информационного общества : труды XIII Междунар. науч.-теор. конф., 22–23 октября 2021 г. – СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. – 340 с.

В публикуемых материалах обсуждаются особенности коммуникативного пространства в медиасредах цифровой культуры. Большое внимание уделяется технологиям взаимодействия в системах электронного обучения и проблемам социального управления в информационном обществе. Рассмотрены особенности интеллектуальных структур в информационном обществе, характер мотивации и манипулирования сознанием в сетевых взаимодействиях, отношение к искусственному интеллекту. В фокусе внимания находятся информационные технологии и коммуникативные практики при взаимодействии человека с компьютером.

Материалы докладов напечатаны в авторской редакции.

Оргкомитет конференции:

В. В. Сергеев (первый проректор СПбПУ – председатель),
О. Д. Шипунова (заместитель председателя),
В. Н. Волкова, С. В. Кулик, Н. А. Ащеулова, И. П. Березовская,
Д. С. Быльева, Н. В. Попова, И. В. Коломейцев, Г. Ф. Малыхина,
А. В. Логинова, С. В. Широкова

Ответственный за выпуск – профессор кафедры общественных наук
СПбПУ *О. Д. Шипунова*

Печатается по решению
Совета по издательской деятельности Ученого совета
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2021

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

PETER THE GREAT
SAINT-PETERSBURG POLYTECHNIC UNIVERSITY

COMMUNICATION STRATEGIES
OF THE INFORMATION SOCIETY

Proceedings of the XIIIth International
Scientific-Theoretical Conference

October 22–23, 2021

POLYTECH-PRESS

Peter the Great
St. Petersburg Polytechnic
University

Saint-Petersburg
2021

Communication strategies of the information society : proceedings of the XIIIth International Scientific-Theoretical Conference, October 22–23, 2021. – St. Petersburg : POLYTECH-PRESS, 2021. – 340 p.

The published materials discuss the features of the communicative space in the media environments of digital culture. Much attention is paid to the technologies of interaction in e-learning systems and the problems of social management in the information society. The features of intellectual structures in the information society, the nature of motivation and manipulation of consciousness in network interactions, the attitude to artificial intelligence are considered. There are information technologies and communicative practices in the human-computer interactions in attention focus.

All materials are printed in authors' version, wording and edition.

Organization committee of the conference:

V. V. Sergeev (Vice-Rector, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University – chairman), *O. D. Shipunova* (deputy chairman),
V. N. Volkova, *S. V. Kulik*, *N. A. Asheulova*, *I. P. Berezovskaya*,
D. S. Bylieva, *N. V. Popova*, *I. V. Kolomeyzev*, *G. F. Malykhina*,
A. V. Loginova, *S. V. Shirokova*

Executive editor: *O. D. Shipunova*, Professor,
Department of Social Sciences of the Humanitarian Institute,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Printed by the Publishing Council
of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Academic Council.

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic
University, 2021

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ
PROGRAM COMMITTEE

- Alfred Nordmann – Professor of Philosophy and History of Science and Technoscience, Darmstadt Technical University (Germany), [nordmann@phil.tu-darmstadt.de/](mailto:nordmann@phil.tu-darmstadt.de)
- Laurent Moccozet – Researcher at the Computer Science Centre, University of Geneva, Switzerland, Laurent.Moccozet@unige.ch
- Stephen Cottrell, University of London (Great Britain), Stephen.Cottrell.1@city.ac.uk
- Valeriy V. Vyatkin, Luleå tekniska Universite (Sweden).
- Hans-Rolf Tränkler, Bundeswehr University Munich (Germany).
- Tatiana A. Gavrilova, St. Petersburg State University (Russia).
- Yu. S. Vasil'ev, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Russia).
- Jukka Pekka Bergman, Lahti University of Technology (Finland).
- Paul Josephson, Colby College (USA).
- Nataliya D. Pankratova, National Technical University of Ukraine (Ukraine)
- Violetta N. Volkova, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Russia).
- Elena A. Iakovleva, St. Petersburg State University of Economics (Russia).
- Peeter Mürsepp, Tallinn University of Technology (Estonia).
- Igor Dukeov, LUT University (Finland).
- Galina V. Gorelova, Southern Federal University (Russia).
- Irina A. Brusakova, Saint Petersburg State Electrotechnical University (Russia).
- Johan Siebers, Middlesex University London (UK).
- Igor Klyukanov, Eastern Washington University (USA).
- Elena Fell, Empedocles: European Journal for Philosophy of Communication (UK).
- Bencion Fleishman, Dr. of Technical Sc., Prof. (New York, NY, USA).
- Alia R. Massalimova, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan).
- Nadezhda Almazova, Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University (Russia).
- Vladimir I. Ignatyev, Novosibirsk State Technical University (Russia).
- Natalia A. Lukianova, Tomsk Polytechnic University (Russia)
- Olga D. Shipunova, Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University (Russia).
- Aktolkyn T. Kulsariyeva, Abai Kazakh National Pedagogical University (Kazakhstan).
- Van Qi, Tsinghua University (China).
- Olga A. Zolotareva, Polesye State University (Belarus)
- Naim Katz, Carnegie Mellon University (USA).
- Giuliano Di Bernardo, Trento University (Italy).
- Hermes Varini, Trento University (Italy).
- Stefano Maria Capilupi, University of La Sapienza (Italy).
- Igor B. Arefiev, Maritime University of Szczecin (Poland)
- Svetlana Cojocar, Academy of Sciences of Moldova (Moldova).
- Leon Bazil, Montclair State University (NJ, USA).
- Zanna Bober, MTU “EVRIKA” (Estonia).

УДК 1/316.77

ББК 60.0

О.Д. Шипунова
Olga Shipunova
o_shipunova@mail.ru

Интеллектуальные структуры в информационном обществе **Intelligence Structures in the Information Society**

Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого
Peter the Great St. Petersburg State Polytechnic University

В развитии современного информационного общества современная наука и философия выделяют роль функциональных систем. В этом ключе рассматриваются особенности обобщенных интеллектуальных структур, включённых в коммуникативную сеть. Выделена проблема доверия социальным роботам и цифровым посредникам.

Ключевые слова: междисциплинарные парадигмы, фреймовые структуры, когнитивные системы, информационные сети, искусственный интеллект.

In the development of the modern information society, modern science and philosophy distinguish the role of functional systems. In this vein, the features of generalized intellectual structures included in the communicative network are considered. The problem of trust in social robots and digital intermediaries is highlighted.

Keywords: interdisciplinary paradigms, frame structures, cognitive systems, information networks, artificial intelligence.

Концептуальную базу для интерпретации интеллектуальных структур информационного общества составляет когнитивная парадигма. М. Мински [1] в 70-х гг. 20 в. ввел в научный оборот представление о структурах, подобных знанию, обозначив термином *фрейм* базовую семантическую единицу трансляции знания, в отличие от битов и байтов, измеряющих количество сообщений. Фреймовые структуры стали трактовать как когнитивные, отождествляя операции со структурами знания и базами данных с познавательными процессами, которые используются системой для прогнозирования действий и ориентации в семантическом поле. Носителем или агентом когнитивных процессов в этом контексте, выступает не только индивид или его мозг, но и искусственная система небиологической природы. В этом случае функциональная специфика интеллекта определяется динамикой семантической или когнитивной сети.

Базовой установкой когнитивной парадигмы в интерпретации интеллекта выступает компьютерная метафора, сводящая природу сознания к информационной

деятельности мозга в адаптивном поведении. В эволюции человека приоритет социальной адаптации определяет интенции когнитивной ориентации индивида и согласовании разных норм поведения. Именно эти координаты образуют смысловую матрицу, стимулирующую формирование новых функциональных полей в структуре мозга [2].

В сетевой модели К.В. Анохина [3] социум связан когнитивной гиперсетью, динамика которой порождает интенции сознания. Интеллектуальная архитектура субъективного действия при этом связывается с семантическими уровнями информационной сети. Иерархически организованная когнитивная гиперсеть социума, в которую включена нейронная сеть мозга, осуществляет информационный контроль и стимулирование ментальной активности индивида. С этой точки зрения, закономерность интеллекта в качестве функциональной нормы психики человека определена тотальной связностью когнитивной гиперсети, которая включает семантические системы социальной памяти и культурного опыта в трансляции знания, а также семантику цифровых интерактивных сетей.

Интерпретация структур интеллекта в междисциплинарном контексте выделяет способность такой структуры воспринимать или передавать информацию, а также сохранять ее в виде знания и использовать для ориентации в поведении. Согласно принципу Тьюринга, совпадение действий машины и человека в распознавании и решении задач допускает замену субъекта интеллектуального действия в широком смысле. В этом контексте структуры искусственного интеллекта относят к области технологий, которые позволяют вычислительным системам действовать разумно.

Формы интеллектуальных структур в информационном обществе

Структура ИИ	Функциональные особенности
Нейросеть	Алгоритм, реализуемый на физическом уровне. ИИ на не-биологической основе, способен к обучению
Объединенный интеллект	Часть коллективного разума человеческого сообщества Перспектива ИИ в сотрудничестве или симбиозе естественного и искусственного, машинного и человеческого интеллекта
Промышленные и военные роботы	Автономно действуют в опасных для человека средах
Социальные роботы	Взаимодействуют с людьми в качестве помощников в повседневной жизни людей
Цифровые агенты, цифровые двойники (голосовые помощники, чат-боты, консультанты)	Посредники в сетевых интеракциях в профессиональных и коммерческих сферах деятельности между людьми (голосовые помощники, чат-боты, консультанты)

Первым роботом была программируемая рука с цифровым управлением, которая использовалась в автомобильной промышленности в 1950-х годах. Инструментальные машины-роботы необходимы для расширения пространственно-временных границ чувственного опыта в достижении цели человека. Промышленные и военные роботы в основном рассматриваются как инструменты для успешных действий в ситуациях, когда человек не может использовать силы природного организма. Социальные роботы созданы для тесного взаимодействия с людьми в качестве искусственных компаньонов и помощников. В этом приложении назначение робота - максимально точно имитировать людей по внешнему виду, эмоциональному выражению и поведению [4]. Будущее этой области связано с проблемами доверия социальным роботам, выяснением отношения людей к роботам, а также с исследованиями, которые помогают понять поведение человека. Цифровая эволюция и продуктивное использование новых технологий зависят от того, насколько хорошо мы можем построить цифровое доверие, аспекты которого раскрываются через параметры поведения, отношения, характера цифровой среды и опыта ориентации в ней [5,6].

Имитация поведения человека как когнитивной системы в теории «искусственного интеллекта» базируется на роли фреймов как ячеек знания в самоорганизации поведения систем в физической и информационной среде. Механизм адаптации сводится к прогнозирующим действиям в когнитивном пространстве, содержащем набор фреймов. Это позволяет такого рода системе реагировать на внешнее воздействие, ориентируясь в поле накопленных «знаний», и прогнозировать свою реакцию и последовательность действий. Техника фреймирования информационной среды, в которую погружена система, представляет обобщённый инструмент формирования семантического поля сознания в границах, определенных накопленным знанием.

На базе компьютерной метафоры, сводящей любую деятельность человека к информационным процессам, выдвигаются модели активности человека как информационного организма. В модели Л.Флориди [7], человек действует по принципам информационной системы, включенной в семантические взаимосвязи социума посредством 3-х каналов переработки информации на перцептивном, когнитивном, рефлексивном уровне.

В современных смарт технологиях перцептивный канал чувственно-эмоционального восприятия моделируется интеллектуальными системами распознавания и дополненной реальности. Когнитивный канал на уровне трансляции структур знания моделируется в облачных интеллектуальных системах, экспертных системах, системах коллективного интеллекта на основе обмена большими базами данных. Рефлексивный (сознательный) канал восприятия и переработки информации соотносится с мотивацией интеллектуальной активности и моделируется в рефлексивных системах, требующих введения символов цели. Функциональная архитектура рефлексивной системы включает сложную динамику взаимосвязи

когнитивных и интерактивных механизмов действия. Моделирование действий рефлексивной системы опирается на алгоритмы подхода к решению неструктурированных и неповторяющихся проблем.

Сознательный канал информационного взаимодействия предполагает ментальную активность на уровне операций понимания, рассуждения, оценивания. В обобщенной форме это взаимодействие представляют в виде интеграции двух неразрывно связанных и влияющих друг на друга источников активности – деятельности (воздействующая функция) и мышления (когнитивная функция).

В социальной практике каждое активное действие человека вызывает когнитивную реакцию участников, которая, в конечном счете, воплощается в результаты конкретной деятельности. Мотивация действий поддерживается контекстом жизненной ситуации в общности, которая определяет общие рамки приемлемости речевых актов и последовательности интеракций в конкретных ситуациях. Коммуникативное пространство общих значений стимулирует появление новых сверх-инстинктивных функций ориентирующего поведения, характерных для разумного действия человека.

Междисциплинарная эпистемология включает в качестве фактора эволюции человека онтологию когнитивной системы, в которой прогнозируемые физические взаимодействия направляются смысловыми ориентирами. Жизнь популяции, затем социума образует необходимое условие эволюционных изменений нервной активности, лежащих в основании психических процессов сознания и мышления. Высшая нервная деятельность человека основана на механизмах условного рефлекса, который формируется в процессах обучения как устойчивый ответ на определенный информационный сигнал. Первая сигнальная система мозга человека и животных обеспечивает поведенческие реакции на зрительные, слуховые, и другие чувственные сигналы окружающего мира и внутренней среды организма. Вторая сигнальная система мозга формируется только у человека на физиологической основе первой сигнальной системы в процессе социализации. В этом случае смысл сказанного слова запускает переход от чувственного образа первой сигнальной системы к абстрактным представлениям. В сознательном и бессознательном восприятии информации именно смысловое значение запускает психофизиологический процесс ответного реагирования человеком (прежде всего на уровне эмоций и соматических процессов).

Виртуальные информационные сети и умные технологии трансформируют семантическое пространство современного общества, продуцируя новые функциональные системы в области когнитивных действий. С одной стороны, искусственные интеллектуальные структуры усиливают инструментальные возможности познания человека. С другой, сложная, неконтролируемая динамика цифровой сети порождает страх перед тотальным подчинением людей некоему сверх-или пост-человеческому интеллекту. Однако искусственные интеллектуальные структуры представляют собой функциональные системы человеческого общества, его продукт, который выступает инструментом познания и его самоорганизации.

Литература:

1. Минский М. Фреймы для представления знаний. М. : Энергия, 1979. - 151 с.
2. Савельев С.В. Морфология сознания: в 2 т. – М.: ВЕДИ, 2018. – Т.1. – 208 с
3. Анохин К.В. Коннектом и когнитом. <https://newtonew.com/science/connectomics-brain-models>
4. Broadbent, E. (2017). Interactions with robots: The truths we reveal about ourselves. *Annual review of Psychology*, 68, 627–652. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010416-043958>
5. Chakravorti B, Bhalla A, Chaturvedi RS (2018) The 4 dimensions of digital trust, chartered across 42 countries. In: *Harvard business review* February 19, 2018 <https://hbr.org/2018/02/the-4-dimensions-of-digital-trust-charted-across-42-countries>. Accessed 22 Mar 2019
6. Hollis C (2018) Let Artificial Intelligence Earn Your Trust. *Forbes*. <https://www.forbes.com/sites/oracle/2018/03/26/let-artificial-intelligence-earn-your-trust/>
7. Floridi, L. (2011). The Informational Nature of Personal Identity. *Minds & Machines*, 21: 549

УДК 316.42: 004.08

ББК 60.0

Е.Г. Поздеева
Elena Pozdeeva
elepzd@mail.ru

Отношение к искусственному интеллекту: вызовы и реальность
Attitude towards artificial intelligence: challenges and reality

Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого
Peter the Grete St. Petersburg State Polytechnic University

Технологии искусственного интеллекта стремительно включаются в нашу жизнь, однако отношение к ним характеризуется неоднозначностью. В статье анализируются факторы и основания, оказывающие влияние на адаптацию общества к искусственному интеллекту, связанные как с временными аспектами жизни технологий, так и с особенностями освоения новых цифровых возможностей. Отмечается взаимосвязь отношения с формирующимся цифровым доверием, которое зависит от роста пользования цифровыми услугами и посредниками, доверия соцсетям и сервисам, соблюдения конфиденциальности и обеспечения безопасности персональных данных, осознания функциональности и полезности технологий. Доступ к цифровым ресурсам и рациональное решение сложных проблем с помощью технологий искусственного интеллекта формирует позитивный тренд отношения к нему, однако сомнение в возможности сохранить доминантные позиции во взаимодействии с умными техническими агентами выступает сдерживающим фактором.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, цифровые посредники, доверие, цифровые практики, безопасность.

Artificial intelligence technologies are rapidly entering our lives, but the attitude towards them is characterized by ambiguity. The article analyzes the factors and foundations influencing the adaptation of society to artificial intelligence, associated both with the temporal aspects of the life of technologies, and with the peculiarities of the development of new digital opportunities. The relationship of the relationship with the emerging digital trust, which depends on the growth in the use of digital services and intermediaries, trust in social networks and services, confidentiality and security of personal data, awareness of the functionality and usefulness of technologies, is noted. Access to digital resources and rational solution of complex problems using artificial intelligence technologies form a positive trend in attitudes towards it, however, doubts about the ability to maintain dominant positions in interaction with smart technical agents act as a deterrent.

Keywords: digitalization, artificial intelligence, digital intermediaries, trust, digital practices, security.

Согласно теории подражания Г. де Тарда, отношение к инновационным идеям проходит стадии подражания, оппозиции и адаптации. Сегодня, оценивая наше отношение к искусственному интеллекту как главной инновации последнего времени, мы балансируем между оппозицией и адаптацией, так как вынуждены постоянно пересматривать все более возрастающее значение технологий в социальной жизни и продолжаем встречать сопротивление новому. Если в 2019 году половина россиян не верила в замену людей роботами в разных сферах деятельности (51%) [1], то сегодня можно сказать, что мы принимаем не только идею их присутствия, но и их активное участие в жизни и профессиональной сфере.

По данным опросов ВЦИОМ, большей части россиян свойственно позитивное отношение к искусственному интеллекту (ИИ), но многие обнаруживают затруднение в определении его сущности и функциональности. Всего около трети россиян (29%) могут дать четкое определение ИИ, а 38% - могут обозначить сферы применения, при этом ставят на первое место науку (72%), промышленность (69%) и транспорт (66%) [2]. Выявленное негативное отношение, характерное 21% опрошенных, в большей мере связано с осознанием россиянами угроз безопасности личных данных, неясностью перспектив дальнейшей цифровизации в условиях динамичного вхождения искусственного интеллекта в повседневные практики, в профессиональную сферу и наступательное проникновение на рынок труда. Это также обусловлено недостаточным уровнем осведомленности людей, дефицитом их знаний в области разработок и внедрения цифровых технологий, внедряемых агентов, а также отрицательным отношением в принципе к замещению техническими посредниками живого взаимодействия между людьми. Однако оценка готовности личного использования сервисов на основе технологий ИИ, характерная россиянам, все же достаточно высока. Это, прежде всего, относится к активному пользованию более половиной населения государственных услуг (на портале «Госуслуги»), помощи в решении бытовых задач, использованием сервисов, направленных на развитие в сферы досуга и развлечения, медицинской помощи и диагностики, образовательных ресурсов и профориентации.

Рассматривая ИИ как систему, которая способна думать и действовать подобно людям, опираясь на рациональные решения и стремясь рационализировать действия, вслед за Дж. Ф. Люгером в качестве главной чертой ИИ следует выделить автоматизацию разумного поведения [3, С. 27]. В основе функционирования ИИ лежат разветвленные базы знаний (фактические знания, правила, метазнания), логические алгоритмы, позволяющие делать выводы и использовать их для принятия решений. Сегодня уже сложилась многоуровневая система включенности ИИ в социальную жизнь, выделяется искусственный *ограниченный* интеллект, который предназначен для однозадачности и реализации узких специализированных задач; искусственный *общий* интеллект - представляет собой аналог человеческого типа мышления, который готов к анализу данных, обучению и взаимодействию с другими (машинами, агентами); а также искусственный *суперинтеллект*, он оставляет за собой

право и способность принятия решений на основе собственной мотивации [4, С. 41]. Этот веер возможностей применения ИИ, вызванный уровневymi различиями в сложности технических характеристик и интегральности систем, позволяет предположить вариативность отношения человека к ИИ, определяемую как новыми возможностями взаимодействия, так и неготовностью к ним.

Примечательно, что социологические опросы отношения студенческой молодежи к ИИ подтверждают эту неоднозначность отношения. Несмотря на высокий уровень интереса и оценки собственной осведомленности о перспективах развития ИИ и современных технологиях, молодежь среди основных моделей коммуникации с ИИ, таких как: выполнение рутинных операций, осуществление интеллектуальной поддержки человека, решение прикладных задач, - особо отмечает в качестве ключевой прерогативу человека, его ведущие позиции в этом взаимодействии, оставляя ИИ инструментальную функцию [5, С.87].

Отношение к цифровым носителям и алгоритмам с использованием искусственного интеллекта во многом опирается на складывающееся в обществе цифровое доверие. Этот новый тип доверия, с одной стороны, продолжает линию отношения к абстрактным посредникам социальных отношений, коими в прошлом веке выступали институты, по отношению к которым действовали ожидания поддержки, реализации потребностей, сохранения ценностей и статусных привилегий. С другой стороны, цифровое доверие представляет собой новый тип доверия, в радиусе которого действуют умные машины, устройства, антропоморфные роботы, невидимые алгоритмы, характеристики которых подчас превосходят качества самого человека. Это формирует многоагентную среду [6], что подразумевает пересмотр собственных доверительных отношений. Также важным аспектом выступает наступление цифрового мира, его тотальность, замена живого общения его аналогами в социальных сетях.

Цифровое доверие можно понимать как складывающуюся уверенность субъектов-пользователей в способности цифровых институтов, людей и других участников взаимоотношений создавать безопасный цифровой мир [7]. В основе цифрового доверия лежит уверенность людей в надежности и безопасности цифровых систем, процессов и технологий [8]. Тогда элементами цифрового доверия могут рассматриваться обеспечение безопасности, конфиденциальности, а также надежность и этика взаимоотношений между субъектами цифрового пространства. Их характеристики позволяют предположить уровень цифрового доверия в стране и его динамику.

На цифровое доверие однозначно влияет рост пользователей сетью интернет и цифровыми услугами. То, что пользование интернетом трансформировалось в повседневную практику для россиян, стало очевидным исследователям уже в 2009г. [9]. Сегодня доля тех, кто пользуется интернетом ежедневно, составляет больше 80% (Москва - 87,2%, Санкт-Петербург - 83,7%). Около 90% населения пользуются мобильными банковскими приложениями. Действие интернет-портала «Госуслуги» вызывает доверие у 37,5%, частично ему доверяют - 30,1% россиян. Оценивая риски

обмана в интернете, более половины россиян отмечают их высокий уровень, более 30% придерживаются мнения о среднем уровне риска. Таким образом, цифровое доверие раскрывается в показателях, отражающих доверие социальным сетям, институтам цифровой экономики, «цифровому правительству» в лице сервисов слуг и в оценках рисков поведения в цифровой среде [10, С.60].

Наряду с этими сторонами цифрового доверия, следует отметить, что базовой составляющей в интеграции с ростом пользования цифровыми услугами принимается уровень цифровой грамотности, и здесь пока складывается ситуация, не обеспечивающая высокой динамики освоения цифровых технологий, что выполняет роль сдерживающего фактора [11].

Трактовка искусственного интеллекта как совокупности технологий обработки различных типов данных и информации, в частности способных интерпретировать данные, извлекать знания и использовать для достижения определенных целей [12, С.16] позволяет пристально взглянуть на рынок пользователей технологиями с искусственным интеллектом. В топовых позициях оказываются: пользование виртуальными помощниками (38%), машинным обучением и прогнозным анализом (35%), анализом изображений (30%), обработкой запросов на естественном языке (25%). Согласно мнению российских экспертов - представителей наукоемкого бизнеса, внедрение технологий ИИ связано для них с рядом конкретных преимуществ. Это оптимизация бизнес-процессов, разработка новых продуктов и услуг, повышение производительности труда. В отношении развития государственного сектора главные направления, определяющие ожидания от внедрения ИИ, находятся в тесной связи с качеством предоставляемых государственных сервисов, с развитием форм и технологий взаимодействия с гражданами и повышение их удовлетворенность как пользователей [12, С.29].

Учитывая формирующиеся тренды, ожидания пользователей и цели разработчиков технологий важно опираться на прогнозы развития. Так, по предварительным расчетам IDC, к концу 2021 года рынок применения ИИ в мире увеличится на 16%, а в России на 18% [13]. К числу активно внедряемых технологий, которые определяют рынок ближайшего будущего, относятся следующие:

- В промышленности: дефектоскопия.
- В телекоммуникационной сфере: технологии предсказания поведения абонента.
- В финансовой сфере: цифровые управленческие технологии, которые оптимизируют работу банкоматов с точки зрения распределения наличных.
- В2В-сфере: новый уровень оптимизации автоматизированного процесса продаж (от сбора необходимой аналитической информации до конкретных рекомендаций продавцам по тактическим вопросам).
- В ритейле: одна из наиболее популярных технологий - это система распознавания объектов по изображениям (технология ЛАНИТ). Также применение технологии Image Captioning сулит новые широкие возможности (например, система по фотографии определяет предмет одежды и подсказывает, в каком магазине можно

приобрести такой же или подобный предмет; она помогает автоматически распознавать продукты в магазине, позволяя покупателю без контакта с кассиром или терминалом оплачивать их с помощью смартфона). Подобные технологии изменяют пользовательские практики, направляя их интерес к ранее не доступным услугам и действиям. Другое применение аналогичного решения - распознавание людей. Технологию ЛАНИТ можно использовать в мобильном приложении для распознавания людей, она позволяет при наведении камеры на актера, певца или спортсмена узнать его имя.

•В образовании: для подстройки учебных курсов под конкретного обучающегося (каждый обучается по собственному образовательному треку, что способствует усвоению материала и значительно сокращает время обучения). Также обучение с опорой на алгоритмы искусственного интеллекта сегодня позволяет более тщательно проверять корректность тестовых материалов на предмет языка и формулировок, оперативно генерировать вопросы на основе имеющихся в распоряжении учебных материалов, распознавать ответы – как в количественной форме, так и в текстовой. Современные алгоритмы настроены на анализ данных цифровых следов обучающихся и преподавателей, различных видов их активности и коммуникаций как в цифровой среде вуза, так и за ее пределами.

Таким образом, цифровая реальность является уже частью нашей жизни, пожалуй, одной из динамичных, ставящих перед нами новые задачи. В практиках внедрения сложных цифровых технологий и искусственного интеллекта оказывается много скрытых барьеров, которые вызваны как недостаточно высоким ростом цифровой грамотности населения, так и многоаспектностью цифрового доверия. Как отмечают социологи, балансирование между технооптимизмом и технологическим детерминизмом [14, С. 10-11], а также стремление раскрытию секретов, таящихся в цифровом будущем, вдохновляет нашу жизнь и определяет повестку дня исследований.

Литература:

1. Роботы и работа: мифы и реальность. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/roboty-i-rabota-mify-i-realnost> (дата обращения 14.10.2021)
2. Искусственный интеллект: угроза или возможность? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyj-intellekt-ugroza-ili-vozmozhnost> (дата обращения 14.10.2021)
3. Люгер Дж. Ф. Искусственный интеллект. Стратегии и методы решения сложных проблем, 4е изд.: пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2003.
4. Маслов В.И., Лукьянов И.В. Четвертая промышленная революция: истоки и последствия // Вестник Московского университета. 2017. Серия 27. Глобалистика и геополитика. №2. С. 38–48.
5. Пинчук А.Н., Тихомиров Д.А. О взаимодействии человека и искусственного интеллекта: новая социальная реальность в представлении московских студентов // ЗНАНИЕ. ПОНИМАНИЕ. УМЕНИЕ. 2019. №3 .С. 85-96. DOI: 10.17805/zpu.2019.3.8
6. Шипунова О.Д., Поздеева Е.Г., Евсеева Л.И. МУЛЬТИАГЕНТНЫЙ ПОДХОД В АНАЛИЗЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ // Социология. 2020. № 6. С. 50-59
7. Нурмухаметов Р.К., Торин С.С. ЦИФРОВОЕ ДОВЕРИЕ (DIGITAL TRUST): СУЩНОСТЬ И МЕРЫ ПО ЕГО ПОВЫШЕНИЮ // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2020. №1. С. 32-39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-doverie-digital-trust-suschnost-i-mery-povysheniya> (дата обращения: 10.10.2021).

8. Веселов Ю.В. Доверие в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т.13. Вып.2. С.129–143.
9. Радкевич А.Л. Интернет-аудитория в России: состояние, динамика, тенденции // Знание. Понимание. Умение. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-auditoriya-v-rossii-sostoyanie-dinamika-tendentsii> (дата обращения: 09.10.2021).
10. Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г. Доверие в эпоху цифровых трансформаций: опыт социологического исследования // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 57-68. DOI:10.31857/S013216250012556-4
11. Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. Индикаторы цифровой экономики, 2019: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2019
12. ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ. КАК РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС ИСПОЛЬЗУЕТ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ. URL: <https://www.sostav.ru/app/public/files/raek.pdf> (дата обращения 10.10.2021)
13. Многогранный интеллект: использование ИИ в промышленности, образовании и ритейле URL: <https://tass.ru/obschestvo/12584775?from=teaser> (дата обращения 10.10.2021)
14. Приключения технологий: барьеры цифровизации в России: [монография] / Л.В. Земнухова [и др.]. М. — СПб. : ФНИСЦ РАН, 2020.

УДК 111+117+17+361.77
ББК 87.15

Е.А. Тунда¹, В.А. Тунда²
Elena Tunda¹, Vladimir Tunda²
e.tunda@yandex.ru

Искусственный интеллект и разум человека **Artificial intelligence and the human mind**

¹*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia*

²*Независимый исследователь, Томск, Россия*

²*Independent researcher, Tomsk, Russia*

Бурное развитие систем искусственного интеллекта способами, которые не всегда предотвращают, смягчают или решают проблемы, отрицательно влияющие на жизнь человека и благополучие природы, вызывают всё возрастающий уровень опасений по порабощению человечества искусственным интеллектом. Чтобы понять суть этих опасений авторы статьи предлагают пересмотреть модели структурной организации Материи, взглянуть на её более глубокие структурные уровни, чем допускает современная квантовая физика, перейти наконец от зловещей абстрактной модели Большого взрыва к более естественным, менее заматематизированным моделям устройства нашего мироздания. С помощью новых моделей осознать многомасштабность естественных многоуровневых процессов коммуникации в природе и сравнить их с возможностями развивающегося искусственного интеллекта и связанных с ним технологий. С точки зрения авторов природные возможности человеческого разума гораздо выше «ума» машин с любым уровнем искусственного интеллекта. Другими словами, высокий уровень образованности общества является достаточной гарантией от порабощения человечества искусственным интеллектом.

Ключевые слова: уровни структуризации Материи, многомасштабность естественных уровней коммуникации, мышление, искусственный интеллект, этика отношений.

The rapid development of artificial intelligence systems in ways that do not always prevent, mitigate or solve problems that negatively affect human life and the well-being of nature, cause an ever-increasing level of concern about the enslavement of humanity by artificial intelligence. To understand the essence of these concerns, the authors of the article propose to revise the models of the structural organization of

Matter, to look at its deeper structural levels than modern quantum physics allows, to finally move from the sinister abstract model of the Big Bang to more natural, less mathematized models of the structure of our universe. With the help of new models, to realize the multi-scale of natural multi-level communication processes in nature and compare them with the capabilities of the developing artificial intelligence and related technologies. From the authors' point of view, the natural capabilities of the human mind are much higher than the "mind" of machines with any level of artificial intelligence. In other words, a high level of education of society is a sufficient guarantee against the enslavement of humanity by artificial intelligence.

Keywords: levels of development of matter, multiscale natural levels of communication, thinking, artificial intelligence, ethics of relations.

1. ВВЕДЕНИЕ

В связи с происходящей в настоящее время цифровой революцией и возникающими, в связи с этим, новыми цифровыми технологиями, основанными на бурно развивающемся искусственном интеллекте, современное общество всё полнее осознаёт необходимость более глубокой и всесторонней проработки вопросов *этики цифровых отношений*. Так, например, юбилейная Международная конференция Уполномоченных по защите данных и конфиденциальности ICDPPD¹ 2018 прошла в Брюсселе под кодовым названием «Дискуссионная этика». Эту международную площадку для обсуждения законодательства в области защиты персональных данных посетили представители более 85 стран-участниц, в том числе и такие, как король Испании, основной разработчик социальной сети Facebook, генеральный директор компании Apple. Критическая масса мировых изменений достигла своего предела – тема поведения в цифровом пространстве занимает мировую философскую мысль – нужны правильные законы на основе общепринятой на международном уровне этики, основанные на глубоком понимании того, как человеческие ценности соотносятся с новыми технологиями, а последние работают на общее благо всего человечества и окружающей среды. Другими словами, очень важна *адекватность* взаимодействия всех заинтересованных сторон. В обществе не должно возникать излишних опасений, связанных с возможностью порабощения человечества искусственным интеллектом. В этой связи мы хотим обратить внимание на необходимость более глубокого понимания не только уровней коммуникации антропогенного характера, но и носящих естественную природу. Последние требуют наличия *многомасштабной многоуровневой модели структурной организации Материи*, позволяющей адекватно сравнить нативные и антропогенные механизмы и технологии коммуникации, возможности человеческого разума и «ума» искусственного интеллекта.

Проведённые исследования показали, что к наиболее значимым представлениям о структурной организации Материи, вобравшим в себя результаты размышлений их предшественников, можно отнести работы Ньютона (1643-1727), Лейбница (1646-1716) и Бошковича (1711-1787). Если Ньютон придерживался корпускулярного строения Материи и считал, что тела действуют друг на друга без материальных посредников – принцип дальнего действия, то Лейбниц постулировал Материю, как состоящую из уникальных монад без частей, протяжённости или формы, но имеющих всевозможные свойства и являющихся центрами потенциальной энергии и

---

¹ ICDPPD – International Conference of Data Protection and Privacy Commissioners.

действующей кинетической энергии. Взгляды обоих предшественников осмыслил и углубил Бошкович, который основал своё представление об устройстве Материи на доктрине непрерывности Лейбница «Всё происходит постепенно», аксиоме непроницаемости Бошковича «никакие две материальные точки не могут занимать одну и ту же пространственную или локальную точку одновременно» и Законе силы, сформулированном им самим. Он предполагал Материю состоящей из комбинаций однородных, совершенно неделимых, не имеющих никакой протяжённости и отделённых друг от друга точек, каждая из которых обладает свойством инерции, кроме того, взаимной активной силой, зависящей от расстояния таким образом, что, если расстояние задано, задаются и величина, и направление этой силы, но если изменяется расстояние, изменяется и сила. Если расстояние уменьшается бесконечно, неограниченно возрастает сила отталкивания, тогда как, если расстояние увеличивается, сила отталкивания уменьшается, исчезает и превращается в силу притяжения, которая сначала увеличивается, затем уменьшается, исчезает, снова превращается в силу отталкивания, и так много раз до тех пор, пока на больших расстояниях она, наконец, не становится силой притяжения, которая уменьшается приблизительно в обратном отношении квадратов расстояний, почти совпадая с силой тяготения Ньютона.

Несколько более подробно о взглядах на структурную организацию Материи Ньютона, Лейбница, Бошковича и других учёных изложены в [1.С.223–233].

Воспользовавшись результатами перечисленных выше работ, мы предлагаем свою новую модель структурной организации Материи, которая позволит по-новому представить устройство мироздания, течение естественных процессов коммуникации в Материи, а также несколько по-иному взглянуть на мыслительные и эмоциональные процессы, сравнивая их с антропогенными подобиями в нашем физическом мире.

2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Технологии Четвёртой промышленной революции, влияющие на всевозможные сферы жизнедеятельности человечества, несут не только блага, но и угрозы для жизнедеятельности человека. Клаус Шваб, основатель и бессменный председатель Всемирного экономического форума, и другие исследователи [2, 3, 4] утверждают, что нужны новые, более гибкие модели управления для частного сектора, общественных организаций, а также для правительств и традиционных регуляторов. Однако, исследователи аспектов Четвёртой промышленной революции подразделяются на две большие группы: тех кто, как и Клаус Шваб, говорят о цифровых технологиях и тех кто, как и Лучано Флориди, рассматривают процессы современного мира с информационной точки зрения [5, 6.С.2,6,8], т.е. жизни в так называемой инфосфере² [7.С.14-18]. Проблема в том, что ни та, ни другая группа исследователей не рассматривает человека как дитя Природы с его нативными

---

² **Инфосфера** – это информационная среда, состоящая из всех информационных процессов, сервисов и сущностей, включая информационных агентов, а также их свойства, взаимодействия и взаимоотношения.

механизмами коммуникации и симбиотическими возможностями взаимодействия с другими живыми организмами.

Мы предлагаем рассмотреть возможные последствия развития Четвёртой промышленной революции с учётом масштабных уровней структурной организации Материи [8.С.35–92], влияния механизма резонансного взаимодействия последней на процессы коммуникации [9.С.169–180, 10.С.247–257], а также возможных механизмов и скоростей естественного мышления в сравнении с возможностями ИИ [11].

Основываясь на наиболее значимых, с нашей точки зрения, представлениях об организации Материи с древности до наших дней, представляем авторскую *качественную* модель масштабно многоуровневой структурной организации Материи. Представляя масштабно многоуровневый механизм резонансного взаимодействия материальных структур и возможные многомасштабные уровни механизма мышления, приходим к масштабно многоуровневым процессам коммуникации, сравнивая их с возможностями искусственного интеллекта [6, 12–35] в свете вызовов цифровых технологий, возникающих в процессе Четвёртой промышленной революции, протекающей в настоящее время.

2.1. Авторская модель многоуровневой структуры мира

Бесконечное самосовершенствование Материи с помощью естественных механизмов самоорганизации привело мир к его современному состоянию. Всё происходило и происходит в так называемой *Великой Пустоте*, которая наполнена неисчислимым множеством будем говорить *П-квантов*, подобных точкам Бошковича. П-кванты буквально носятся по Великой Пустоте на непредставимых скоростях совершенно свободно во всех направлениях. Они изначально обладают свойствами *притяжения* и *отталкивания*, описываемыми *силовой функцией Бошковича*, графически изображённой на рис. 1.

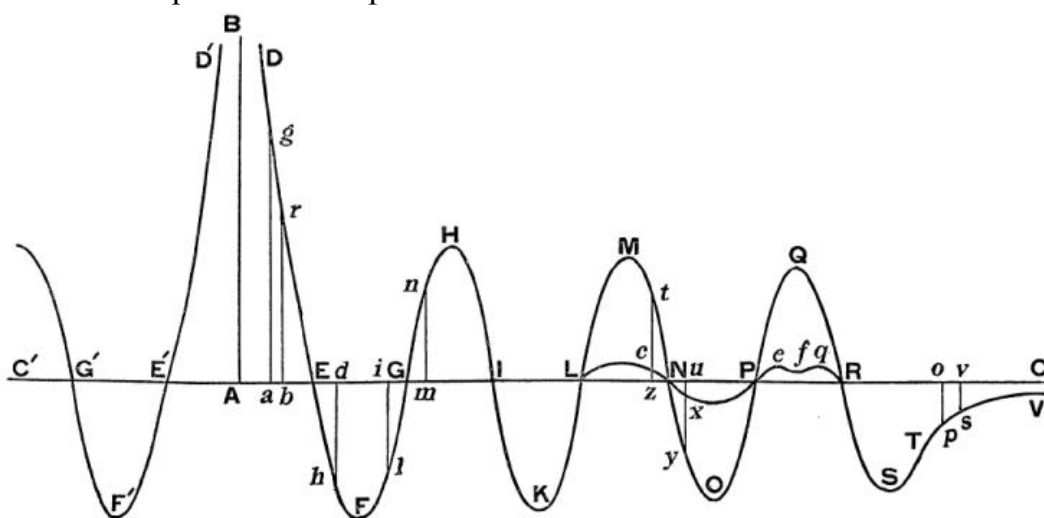

Рис. 1. Графическое изображение выведенной Бошковичем зависимости сил (по оси ординат) взаимодействия точек материи от расстояния (оси абсцисс) между ними

П-кванты *не* могут слипнуться, т.к. с бесконечным уменьшением расстояния Aa между ними сила отталкивания ag возрастает неограниченно. Кривая sV соответствует силе тяготения Ньютона. П-кванты, несжимаемы и нерастяжимы, и настолько малы (во многие *порядки раз* меньше известных в наше время, так называемых, элементарных частиц), что о них можно говорить как о математических точках. О *размерах* самой Великой Пустоты, о *количестве* в ней П-квантов и величине *скорости* их движения (во многие *порядки раз* большей скорости света) мы, видимо, не сможем достоверно судить никогда. О вечном и безграничном *источнике сил*, приводящем в движение П-кванты, мы точно также никогда ничего достоверно сказать не сможем.

Субстанциональную основу нашего мира принято называть Материей. Материя начиналась с праматерии, становление которой происходило из П-квантов. Сначала образовались так называемые *Платоновы тела* (см. рис. 2) – самые прочные структуры в мире, поскольку геометрическая их правильность многократно увеличивает их прочность.

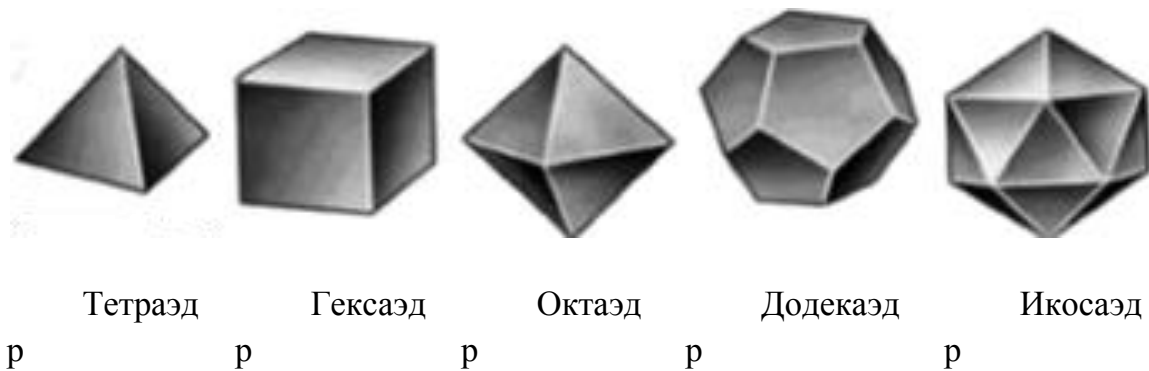

Рис. 2. Платоновы тела

Образовавшееся в Великой Пустоте великое множество Платоновых тел и является *праматерией*. Если свободно двигающиеся П-кванты остаются свободными в первозданном хаосе движения, то Платоновы тела уже не свободны – они подвержены воздействию свободных П-квантов. В частности, их, если так можно выразиться, можно «сбить в кучу», которая, подчиняясь каким-то природным механизмам, начинает двигаться единым потоком по некой эллиптической³ траектории, образуя в Великой Пустоте невероятных размеров тор. Этот поток самоорганизуется в *спиральное замкнутое* движение внутри упомянутого тора и энергетически подпитывается за счёт соударений со свободными П-квантами, которые и питают своей энергией структуры потока. По нашему представлению этот поток является *Эфиром*, обнаружить который безуспешно пытался Майкельсон и др. Безуспешность попыток обнаружения Эфира связана с невообразимой малостью составляющих его Платоновых тел и их проницаемостью всё и вся. Исходя из

³ Подсказку нам даёт форма галактик, кольца Сатурна и т.д.

цикличности процессов, наблюдаемых в нашем физическом мире, мириады Платоновых тел не просто движутся в виде единого потока Эфира, а самоорганизуются в огромные по своей толщине струи (наподобие прядей девичьей косы), каждая из которых состоит в основном из одного вида Платоновых тел. Если сами Платоновы тела называют Первоэлементами, то струи их движения внутри тороидального потока Эфира называют Стихиями. Каждая прядь-Стихия связана с определённым временем года: летом превалирует стихия Огонь-тетраэдр, бабьим летом – Земля-куб, осенью – Воздух-октаэдр, зимой – Вода-икосаэдр, весной – Дерево-додекаэдр.

Скорость движения потока Эфира, прокладывающего себе путь внутри хаоса свободно двигающихся П-квантов, ниже скорости последних, а значит и кинетическая энергия структур этого потока не так разрушительна, как П-квантов. Следовательно, внутри потока Эфира возможен рост более сложных структур, чем структуры Платоновых тел. Эти более сложные структуры менее прочные, чем Платоновы тела, и составляют первооснову *Материи*. Структуры Материи, по мере эволюции последней постоянно усложняются, приобретая свойства, о которых и невозможно было предположить у свободных П-квантов.

Итак, в недрах Великой Пустоты сначала зародился поток Эфира, внутри которого постепенно возникла Материя, т.е. мир подразделился на три уровня: Великую Пустоту – Эфир – Материю. *Великая Пустота* – это мириады хаотично с невероятными скоростями снующих П-квантов. *Эфир* – это поток из пяти свитых наподобие девичьей косы струй-Стихий. *Материя* – субстанция, рождённая внутри потока Эфира как продукт структуризации его субстанции – праматерии, т.е. Платоновых тел, и свободных П-квантов, залетающих внутрь потока Эфира.

2.2. Свойство отражения Материи и уровни механизма мышления

Материя имеет свойство отражения. Чем более сложны материальные структуры, тем более сложным образом они способны проявлять свою способность отражения – вплоть до ментального уровня. По мере усложнения структурной организации Материи (время которой никаким Большим взрывом не ограничено) в недрах последней возник, будем говорить, *ментальный мир* – аппарат отражения происходящих в Материи процессов такого уровня сложности, который в наше время принято связывать с мышлением, со всеми его атрибутами типа внимания, осознания, воображения, памяти. Возникающие новые уровни структуризации Материи – вселенные, галактики, звёздные и планетарные системы, жизнь с её различными уровнями организации – в *аппарате мышления* имели свои мыслительные структуры (формы, идеи). В целом аппарат мышления можно уподобить многоуровневым пчелиным сотам, каждая ячейка которых является механизмом «мышления» одной конкретной структуры с присущим ей конкретным ментальным уровнем вплоть до уровня мышления человека с его вниманием, памятью, воображением, сознанием, подсознанием и пр. Таким образом, где-то на глубинном уровне структуризации Материи существуют ментальные «соты», отвечающие за биологический вид человека разумного. В них осмысливается всё, что связано с эволюцией этого вида.

Отдельные ячейки этих сот связаны с конкретными человеческими особями. Другими словами, ячейки обслуживают/соответствуют отдельным особям, а соты – отдельным эгрегорам⁴ и ноосферам планет, звёздных систем, галактик и вселенных. Эволюционирует Материя, эволюционирует ментальный мир.

Эволюция Материи в недрах Великой Пустоты позволила постепенно сначала сформировать ментальный аппарат, затем окрасить мысли эмоциональными переживаниями – сформировать *эмоциональный мир*, а затем и сформировать *физический мир*, который, эволюционируя совместно с первыми двумя, постепенно от косной материи пришёл к живой, от простейших вирусов – к бактериям и так далее, вплоть до построения человеческих организмов со всеми их возможностями. Многоуровневая структуризация окружающего мира предполагает и коммуникацию в нём на многих уровнях, которая осуществляется за счёт механизма многоуровневого резонанса.

2.3. О механизме многоуровневого резонансного взаимодействия

Каждый уровень структурной организации Материи имеет свои *резонансные частоты*. Самым широким *диапазоном частот* обладает поток Эфира. Более узкий диапазон у ментального уровня Материи, ещё более узкий у эмоционального и самый узкий – у физического уровня. Если на объект нашего физического мира воздействует какой-либо источник, скажем, эмоционального мира с частотой *кратной резонансной частоте* этого объекта, то последний входит в резонансное состояние.

Основу каждой структурной составляющей конкретного объекта физического мира составляют Платоновы тела определённого типа. Пусть большая часть какого-то конкретного объекта, например, сердца человека, состоит из первоэлементов «Тетраэдр». Значит каждый раз при наступлении летнего периода времени года, когда превалирует воздействие стихии «Огонь», этот объект будет приходить в возбуждённое (резонирующее на частотах первоэлемента «Тетраэдр») состояние со всеми вытекающими для этого объекта последствиями (вплоть до резонансного разрушения).

Но каждый структурный уровень организации Материи имеет свои, воспользуемся привычным термином, поля с уникальным для каждого диапазоном резонансных частот. Значит, разные уровни при кратности каких-либо частот могут входить в резонанс и энергетически подпитывать друг друга. Например, при передаче какого-нибудь коммуникативного сообщения на физическом уровне оно в режиме резонанса может распространиться на соответствующих частотах на эмоциональный и ментальный миры. Или, наоборот, какая-то мысль может с ментального уровня вызвать резонансное возбуждение в эмоциональном мире, которое послужит

---

⁴ **Эгрегор** (от др.-греч. ἐγρέγορος «бодрствующий») – «ментальный конденсат», порождаемый мыслями и эмоциями группы (общности) людей или животных и обретающий самостоятельное бытие.

⁵ **Резонанс** (от лат. resonare «откликаюсь») – частотно-избирательный отклик колебательной системы на периодическое внешнее воздействие, который проявляется в резком увеличении амплитуды стационарных колебаний при совпадении частоты внешнего воздействия с определёнными значениями, характерными для данной системы.

источником резонанса чего-либо в физическом мире (например, спонтанного заболевания или, наоборот, выздоровления).

2.4. О многоуровневости структуры живых организмов

Материальные структуры/объекты имеют ограничивающую их поверхность/оболочку. *Естественные* структуры сначала *замышляются* в ментальном мире – конструируется форма (*идея*, как говорили древние) будущего объекта, скажем, эмоционального мира, которая при близком рассмотрении представляется в виде сетки (наподобие сумки-авоськи советского периода), состоящей из материи ментального уровня с его гораздо большими энергиями, чем энергии эмоционального уровня и тем более физического, а значит *неразрушимыми* на уровне двух последних миров. Затем эта форма «наполняется» для живых организмов заготовками/шаблонами эмоционального и физического мира, а для неживых объектов – только материей последнего.

Поскольку такие естественные объекты как вселенные, галактики, звёздные и планетарные системы имеют разную материальную плотность, это отражается на скоростях нативной коммуникации внутри их субстанций: самые медленные скорости – в физическом мире, более быстрые – в эмоциональном, ещё более быстрые – в ментальном, и самые быстрые – в субстанции потока Эфира. Обладающие совершенно непредставимыми скоростями П-кванты Великой Пустоты не участвуют в процессах коммуникации (а только в структуризации и энергизации).

Различие масштабов субстанциональных структур материальных построений типа вселенных, галактик и звёздных систем так велика, что между ними возможно нативное взаимодействие только на основе описанного выше резонанса на кратных частотах. Например, мы наблюдаем различные проявления электромагнитного поля в нашем физическом мире, но сами субстанциональные структуры этого поля наблюдать не можем – наблюдаем только следы взаимодействия поля с физическим токопроводящим веществом.

Если говорить о многих масштабных уровнях устройства живых организмов, то их, прежде всего, следует разбить на три структурных составляющих: физическую, данную в ощущениях, эмоциональную, известную по реакциям живых существ, и ментальную со своей памятью и прочими атрибутами мышления. *Ментальная структура*, если так можно выразиться, сплетена в виде некоего каркаса из нитей Материи ментального мира и охватывает снаружи, а изнутри пронизывает физические тела, наподобие известных энергетических каналов-меридианов, которые проходят не только внутри физического тела, но и вокруг него. Она подобно активной радиоантенне поддерживает связь живого организма на физическом структурном уровне с его естественной индивидуальной ячейкой мышления на ментальном структурном уровне организации Материи. Где бы ни находился в недрах Материи *истинный аппарат мышления живого организма* (ячейка мышления), он посредством ментального поля – переносчика мыслей – взаимодействует с меридианной структурой, связанной с физическим телом человеческого организма, используя в качестве сенсоров его рецепторы и проприоцепторы: принимает от них сигналы

осязания, обоняния, зрения, слуха, вкуса, пространственной ориентации, осмысливает эти сигналы и передаёт команды, как действовать далее тем или иным органам или системам этого физического тела. Команды, связанные с выживаемостью организма, закрепляются в виде соответствующих реакций в самых древних структурах нервной системы типа ствола головного мозга и мозжечка. Волокна нервной системы живых организмов, также, как и нити ментальной структуры, распределены по всему объёму физического тела и «стекаются» к головному мозгу, который аккумулирует всевозможные сенсорные ощущения и передаёт их в истинный аппарат мышления. Материя в процессе своей эволюции для выживаемости живых организмов продублировала различные сенсорные/коммуникационные цепи последних на разных структурных уровнях организации Материи. Возбуждение цепи одного уровня в режиме резонанса возбуждает цепи других уровней, дублируя коммуникационные сообщения. Например, насыпав корм для птичек, мы можем наблюдать, как первая из обнаруживших пищу птичек подаёт другим сигнал типа «Здесь еда!» в общем-то слабым птичьим голоском. Но его тут же слышат птицы, находящиеся за сотни метров от обнаружившей корм, и слетаются со всех сторон к кормушке. То есть *естественный* птичий голосовой сигнал передаётся не только на уровне упругих колебаний воздуха, но и на других структурных уровнях Материи. Или повсеместно известные случаи *ощущения* грозящей опасности родственникам, физически находящимся на другой стороне Земли.

2.5. Рассмотрение модели всеобщей нативной коммуникации

Итак, резонансный механизм передачи возбуждений/сообщений с одного уровня структурной организации Материи на другие позволяет наблюдать в нашем физическом мире эффекты так называемой коллективной деятельности, когда, например, молекулярные структуры сжимаемого образца или геологические породы, подверженные магматическому извержению, коллективно приходят в возбуждение со скоростью гораздо большей скорости распространения звука, с которой передаются упругие колебания, формируя коллективное поведение соответствующих структур.

При достаточности энергии накачки возбуждения его резонансный отклик с планетарного уровня может достичь структурных уровней организации Материи звёздных, галактических или даже вселенских систем. Конечно, разная материальная плотность субстанций вызывает преломление и отражение сигнала возбуждения (т.е. его ослабление), а различие скоростей полей разных структурных уровней организации Материи, ведёт к различию скорости распространения сигнала первичного возбуждения. Другими словами, если сейсмическое возбуждение, возникшее, например, в недрах нашей планеты и распространяющееся по планете с одной скоростью, сможет вызвать резонансное возбуждение в недрах субстанции нашей солнечной системы, то оно уже с гораздо большей скоростью достигнет других её планет.

Главное в подобных процессах естественной коммуникации состоит в том, что ментальный уровень структурной организации Материи пронизывает все рождённые после него, в том числе, и вселенские, и галактические, и звёздные, и планетарные.

Диапазон частот ментального уровня превышает диапазоны всех упомянутых выше уровней, а значит резонанс в недрах ментального уровня может возникнуть в ответ на любые возбуждения, формируя соответствующие сообщения для ментального мира. Эти сообщения осмысливаются в ментальном мире и, если нужно, устанавливается обратная связь с источниками оригинальных сообщений. Поскольку на границах сред различных структурных уровней Материи любые сигналы подвергаются преломлению и отражению, т.е. искажению, то это, скорее всего, учитывается неким «избыточным кодом» при отправке сообщений обратной связи из ментального мира. Это в случае нативной коммуникации.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ

Новая многомасштабная многоуровневая модель структурной организации эволюционирующей Материи, в отличие от модели Большого взрыва, позволяет сделать несколько далеко идущих в когнитивном смысле выводов. Время эволюции Материи не ограничено никакими мыслимыми временными пределами. Мышление, как высшая форма отражения Материи, сформировалось вполне естественным путём всё большего и большего усложнения форм структуризации. Наиболее значимые для эволюции мысли, идеи не исчезают со смертью их родителя, а сохраняются на глубинных уровнях структурной организации Материи. Сам процесс мышления происходит не в биологических структурах мозга мыслящего существа, а в глубинах ментального мира. Ментальный мир управляет деятельностью и эмоционального, и физического уровня – следует только учитывать коммуникативные искажения из-за огромной разницы масштабов всех трёх миров. Меньшая разница масштабов между эмоциональным и физическим миром, чем между ментальным и физическим, позволяет зачастую успевать проявляться эмоциям, нежелательным с точки зрения ментального мира. Искусственный интеллект для развития человека осуществляет приблизительно тоже, что и мыслительный мир для эволюции Материи. Огромнейшая разница скоростей естественной коммуникации и передачи сообщений по искусственным каналам связи всегда будет позволять разуму человека превалировать над искусственным интеллектом так, что бояться порабощения человечества искусственным интеллектом совершенно не стоит. Бояться нужно только того, что люди не смогут договориться между собой. Нужна соблюдаемая каждым общечеловеческая этика, позволяющая всем трудиться на благо друга.

4. ОБСУЖДЕНИЯ

Человек, по нашему мнению, «задуманный» природой как одно из направлений эволюции Материи, с помощью своих антропогенных технологий устанавливает свои каналы коммуникации, которые функционируют только в пределах технологических достижений человеческой цивилизации. При необходимости природа может легко разрушить любое антропогенное вмешательство в эволюцию Материи, а может и приспособить свои естественные эволюционные механизмы к механизмам вмешательства человека. Если цивилизация, подобная человеческой, на какой-либо

планете не осознаёт нативные механизмы эволюции и нарушает целостность мира, ментальный мир даёт команду и планета стирает такую цивилизацию со своего лица как эволюционную помеху. Не является ли эпидемия коронавирусной инфекции предупреждением тем людям, которые, совершенно забыв потребности своей естественной природы и обязанности перед последней, лишь упиваются благами цивилизации. А ведь с уровня ментального мира «видно» всё!

С другой стороны, любая цивилизация вместо войн может направить свои усилия на постижение нативных механизмов эволюции и коммуникации, развитие технологий с учётом природных законов, разработку и следование правилам общечеловеческой этики, установку контактов с другими цивилизациями, чтобы совместными усилиями помочь Материи эволюционировать в нужном направлении, кстати всегда в целом приносящим благо всем цивилизациям.

ВЫВОДЫ

С нашей точки зрения, любые модели физических процессов должны предусматривать возможные эффекты от нативных процессов коммуникации. С их учётом, скажем, может оказаться, что и размеры наблюдаемой вселенной не так велики, поскольку скорость света в звёздных системах гораздо ниже соответствующих скоростей в галактиках и, тем более, во вселенной.

Или возьмём другой пример. Любая природная вирусная инфекция, как тест на соблюдение природных Законов с целью эволюционного отбора, обычно продолжается в течение одного сезона, а затем стихает. Современная же коронавирусная напасть, похоже, затихать не собирается. Возможно, это связано с тем, что антропогенные технологии порождают артефакты (в том числе и вирусного типа) лишь физического уровня Материи, которые не связаны по резонансным частотам с более глубокими уровнями, а значит и не могут быть быстро уничтожены (по прошествии одного сезона) усилиями ментального мира путём резонансного разрушения самих вирусов или повышения иммунитета у человека. Иначе говоря, чем выше уровень развития цивилизации, т.е. чем ближе она к природе, тем меньше следов она оставляет за собой. Артефакты же современных технологий, подобные коронавирусам, полиэтиленовым пакетам или отходам атомной промышленности, пока не могут свидетельствовать о высоком уровне развития нашей цивилизации.

Литература:

1. Тунда В.А., Тунда Е.А. Пропедевтика или зачем возвращаться к вопросу о праматерии // *Коммуникативные стратегии информационного общества: труды XII Междунар. науч.-теор. конф., 23–24 октября 2020 г.* СПб.: ПОЛИТЕХПРЕСС. – 2020. – С. 222–233.
2. Шваб К. Технологии Четвёртой промышленной революции: пер. с англ. / К. Шваб, Н. Дэвис. – М.: Эксмо, 2018. – С. 121 с.
3. Cliquet, Robert, & Dragana Avramov. 2018. *Evolution Science and Ethics in the Third Millennium*, Springer, <https://scihubtw.tw/10.1007/978-3-319-73090-5>
4. Umbrello, Steven (2019). *Evolution Science and Ethics in the Third Millennium: Challenges and Choices for Humankind* by Robert Cliquet and Dragana Avramov. *World Futures*, 75(4), 191–193. doi:10.1080/02604027.2018.1490113, Routledge, Taylor & Francis Group, <https://scihubtw.tw/10.1080/02604027.2018.1490113>

5. Floridi, Luciano, Josh Cows, Thomas C. King, & Mariarosaria Taddeo. 2020a. How to Design AI for Social Good: Seven Essential Factors. *Science and Engineering Ethics*. Springer, <https://doi.org/10.1007/s11948-020-00213-5>
6. Morley, Jessica, Luciano Floridi, Libby Kinsey, & Anat Elhalal. 2019. From What to How: An Initial Review of Publicly Available AI Ethics Tools, Methods and Research to Translate Principles into Practices. *Science and Engineering Ethics*. Springer, <https://doi.org/10.1007/s11948-019-00165-5>
7. Floridi, L. (2010), *Information: A Very Short Introduction*. Oxford University Press, <https://book4you.org/dl/5893400/9f6897>
8. Boscovich R.J. 1922. *Theoria natural philosophiae*. Printed in Great Britain by Butler & Tanner, Frome, England
9. Тунда В.А., Тунда Е.А. К вопросу о коммуникативных стратегиях информационного общества. // Коммуникативные стратегии информационного общества: труды XII Междунар. науч.-теор. конф., 23–24 октября 2020 г. СПб.: ПОЛИТЕХПРЕСС, – 2020. – С. 169–180.
10. Aggarwal, Nikita, & Luciano Floridi. 2020. Towards the Ethical Publication of Country of Origin Information (COI) in the Asylum Process. *The 2019 Yearbook of the Digital Ethics Lab, Digital Ethics Lab Yearbook*, 89-116. Springer, https://doi.org/10.1007/978-3-030-29145-7_6
11. Fabris, Adriano. 2018. *Ethics of Information and Communication Technologies*. Springer, <https://doi.org/10.1007/978-3-319-75511-3>
12. Himma, Ken, & Rafael Capurro. 2008. Intercultural information ethics: foundations and applications. *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*, 6(2): 116–126. doi:10.1108/14779960810888347 <https://scihubtw.tw/10.1108/14779960810888347>
13. Капурро Р. Информационная этика // Информационное общество. – 2010. – Вып. 5. – С. 6–15.
14. Floridi, Luciano (2016). On Human Dignity as a Foundation for the Right to Privacy. *Philosophy & Technology*, 29(4), 307–312. Springer, <https://doi.org/10.1007/s13347-016-0220-8>
15. Floridi, Luciano (2017). The Logic of Design as a Conceptual Logic of Information. *Minds and Machines*. Springer, <https://doi.org/10.1007/s11023-017-9438-1>
16. Cath, Corinne, Sandra Wachter, Brent Mittelstadt, Mariarosaria Taddeo, & Luciano Floridi. 2017. Artificial Intelligence and the ‘Good Society’: the US, EU, and UK approach. *Science and Engineering Ethics*. Springer, <https://doi.org/10.1007/s11948-017-9901-7>
17. de Bruin, Boudewijn, & Floridi, Luciano (2017). The Ethics of Cloud Computing. *Science and Engineering Ethics*, 23(1): 21–39. Springer, <https://doi.org/10.1007/s11948-016-9759-0>
18. Floridi, Luciano (2018). Soft Ethics and the Governance of the Digital. *Philosophy & Technology, February 2018*. Springer, <https://doi.org/10.1007/s13347-018-0303-9>
19. Floridi, Luciano, Christoph Luetge, Ugo Pagallo, Burkhard Schafer, Peggy Valcke, Efy Vayena, Janet Addison, Nigel Hughes, Nathan Lea, Caroline Sage, Bart Vannieuwenhuysse, & Dipak Kalra. 2018. Key Ethical Challenges in the European Medical Information Framework. *Minds and Machines*. Springer, <https://doi.org/10.1007/s11023-018-9467-4>
20. Floridi, Luciano. 2019a. Translating Principles into Practices of Digital Ethics: Five Risks of Being Unethical. *Philosophy & Technology, May 2019b*. Springer, <https://doi.org/10.1007/s13347-019-00354-x>
21. Floridi, Luciano. 2019b. Marketing as Control of Human Interfaces and Its Political Exploitation. *Philosophy & Technology, August 2019*. Springer, <https://doi.org/10.1007/s13347-019-00374-7>
22. Floridi, Luciano. 2019c. *The Logic of Information. A Theory of Philosophy as Conceptual Design*. Oxford University Press
23. Burr, Christopher, Mariarosaria Taddeo, & Luciano Floridi. 2019. The Ethics of Digital Well-Being: A Thematic Review. *SSRN Electronic Journal*. doi:10.2139/ssrn.3338441, url: <https://ssrn.com/abstract=3338441>
24. Turner, Jacob. 2019. *Robot Rules Regulating Artificial Intelligence*. Springer, <https://doi.org/10.1007/978-3-319-96235-1>
25. Floridi, Luciano. 2020b. What the Near Future of Artificial Intelligence Could Be. *The 2019 Yearbook of the Digital Ethics Lab, Digital Ethics Lab Yearbook*, 127-142. Springer, https://doi.org/10.1007/978-3-030-29145-7_9
26. Floridi, Luciano. 2020c. AI and Its New Winter. from Myths to Realities. *Philosophy & Technology, February 2020*. Springer, <https://doi.org/10.1007/s13347-020-00396-6>
27. Floridi, Luciano, & Andrew Strait. 2020d. Ethical Foresight Analysis: What it is and Why it is Needed? *Minds and Machines*. <https://doi.org/10.1007/s11023-020-09521-y>
28. Floridi, Luciano. 2020e. *Pensare l’infosfera. La filosofia come design concettuale*. Raffaello Cortina Editore Milano

29. Floridi, Luciano. 2020f. "Il verde e il blu" di Luciano Floridi: idee ingenue per migliorare la politica. Raffaello Cortina Editore Milano
30. Burr, Christopher, & Luciano Floridi. 2020. The Ethics of Digital Well-Being: A Multidisciplinary Perspective. *Ethics of Digital Well-Being*, Philosophical Studies Series 140: 1-30. Springer, <https://doi.org/10.1007/978-3-030-50585-1>
31. Milano, Silvia, Mariarosaria Taddeo, & Luciano Floridi. 2020a. Ethical aspects of multi-stakeholder recommendation systems. *The Information Society*, 1–11. <https://doi.org/10.1080/01972243.2020.1832636>
32. Milano, Silvia, Mariarosaria Taddeo, & Luciano Floridi. 2020b. Recommender systems and their ethical challenges. Springer, <https://doi.org/10.1007/s00146-020-00950-y>
33. Ohman, Carl, Robert Gorwa, & Luciano Floridi. 2020. Prayer-Bots and Religious Worship on Twitter: A Call for a Wider Research Agenda. *The 2019 Yearbook of the Digital Ethics Lab*, Digital Ethics Lab Yearbook, 117-126. Springer, https://doi.org/10.1007/978-3-030-29145-7_8
34. Roberts, Huw, Josh Cows, Mariarosaria Morley, Mariarosaria, Mariarosaria Taddeo, Vincent Wang, & Luciano Floridi. 2020. The Chinese approach to artificial intelligence. An analysis of policy, ethics, and regulation. *AI & SOCIETY*. Springer, <https://sci-hub.tf/10.1007/s00146-020-00992-2>
35. Hidalgo, César A., Diana Orghian, Jordi Albo-Canals, Filipa de Almeida, & Natalia Martin. 2021. How Humans Judge Machines. The MIT Press Cambridge. DOI: 107551/mitpress/13373.001.0001

УДК 37.012.1

ББК 10.0

О.М. Корчажкина
Olga M. Korchazhkina
olgakomax@gmail.com

Процесс познания с позиции информационного подхода The process of cognition from the information approach viewpoint

*Институт кибернетики и образовательной информатики ФИЦ «Информатика и управление» РАН,
г. Москва
Institute for Cybernetics and Educational Computing, FRC "Computer Science and Control" of the Russian
Academy of Sciences, Moscow*

В статье излагается альтернативный взгляд на процесс познания, связанный с понятием Ф.М. Вудворда «априорное незнание», к анализу которого применяется информационный подход. В отличие от трактовки априорного незнания, основанного на вероятностных характеристиках информационной энтропии, предлагается рассматривать априорное незнание как неопределённость, обладающую нечёткими признаками.

Ключевые слова: информационный подход, процесс познания, информационная энтропия, неопределённость, вероятность, нечёткость, «априорное незнание»

The article presents an alternative view of the process of cognition associated with the concept "a priori lack of knowledge" by F.M. Woodward, to the analysis of which the information approach is applied. In contrast to the interpretation of "a priori lack of knowledge" based on the probabilistic characteristics of the information entropy, it is proposed to consider "a priori lack of knowledge" as the uncertainty with fuzzy features.

Keywords: information approach, cognition process, information entropy, uncertainty, probability, fuzziness, "a priori lack of knowledge"

Британский математик и радиолокационный инженер Филип Мэйн Вудворд (1919-2018) выдвинул гипотезу, согласно которой полезная информация, выделяемая в результате приема радиолокационных сигналов на фоне шума и выступающая мерилom определённости, то есть мерой достоверного знания, может быть описана в терминах и с применением инструментов теории вероятностей и теории информации [1]. В 1953 году им был введён в научный оборот концепт *априорное незнание*, базирующийся на понимании информации с точки зрения радиотехники и математики. Вудворд трактует *априорное незнание*, то есть начальную неопределённую характеристику, запускающую процесс познания, как достоверную информацию, которая опосредованно – даже с весьма низкой вероятностью – определяет объём *априорного знания* [1, с. 50; 2, с. 214]. Согласно этим рассуждениям, если *априорное незнание* описывать с помощью вероятностных характеристик, то оно по сути своей не является абсолютным незнанием, а, напротив, характеризует уровень *априорного знания*, то есть знания, которым владеет познающий субъект до начала активного процесса познания.

Определяя таким образом *априорное незнание*, Вудворд не просто с некоторой долей вероятности отождествляет его с *априорным знанием*, а приписывает им обоим одни и те же функции. Так, в [1, с. 56] он определяет прирост информации не в терминах достоверного знания, а как разность между априорным (начальным) и конечным незнанием. Как справедливо отмечает А.Д. Урсул, «С позиций статистической теории информации получается, что чем больше первоначальное незнание (не достигающее, однако, полного, абсолютного незнания), тем большее количество информации приобретается...» [2, с. 214]. Если учесть гуманитарные (психологические и оценочные) аспекты, непременно присутствующие в любом процессе познания, то в подходе Вудворда к описанию процесса познания на основе статистических (вероятностных) законов нельзя не усмотреть своего рода «упражнение в пустословии» по типу Платона, приводящее к явному противоречию в рассуждениях.

И действительно, низкий уровень *априорного знания*, эквивалентный высокому уровню *априорного незнания*, будет служить объективным препятствием для извлечения и понимания новой информации познающим субъектом с недостаточной предметной подготовкой. А слишком высокий уровень *априорного знания*, сопоставимый с объёмом информации, предоставляемой некоторым источником, то есть низкий уровень *априорного незнания*, сделает процесс познания мнимым, неполноценным или вовсе неактуальным, поскольку не будет представлять особый интерес для познающего субъекта в силу своей тривиальности. В обоих случаях познающий субъект утрачивает мотивацию к получению нового знания. Поэтому, делает вывод А.Д. Урсул, «методы вероятностной теории информации <...> оказываются неадекватными, не отражающими существа познавательного процесса, <в чём> можно видеть ограниченные возможности приложения статистической теории информации к анализу процесса познания» [2, с. 216].

Без сомнения, понятие *априорное незнание* является важным показателем возможности познающего субъекта воспринимать определённый объём информации, преобразуя его в знания. И хотя эта зависимость не столь линейна, как трактует её Вудворд, следует отдать ему должное: если рассматривать меру *априорного незнания* как информационную энтропию, то в этом концепте можно усмотреть более глубокий смысл, чем тот, что Вудворд вкладывает в понятие «априорных вероятностей», чья состоятельность справедливо оспаривается в ряде исследований (см., например [2, с. 213-214]). Поэтому, с одной стороны, не следует полностью отвергать «радиотехнический» подход, предложенный Вудвордом: если рассматривать радиочастотный сигнал как носитель информации, а присутствующий в любом сигнале шум – как источник помех при его приёме и обработке, то в общем объёме информации радишум будет являться причиной информационной энтропии как степени неопределённости, пропорциональной объёму недостоверного знания [3, с. 198-211]. С другой стороны, оппоненты Вудворда справедливо отмечают ограниченность чисто технического подхода к анализу процесса познания, не учитывающего «человеческий фактор», который является признаком наличия гуманитарных составляющих, лежащих в основе неопределённости познавательного процесса и складывающихся из личностных характеристик познающего субъекта и критериев экспертной оценки того, насколько результативным оказался процесса познания.

Как известно, существует два основных метода работы с неопределённостью – метод теории вероятностей и метод нечётких множеств, применимость которых зависит от типа самой неопределённости. Так, **вероятностная неопределённость**, характеризующая *вероятность наступления точно описываемого события*, может быть представлена вероятностной (стохастической) моделью, основанной на эмпирических данных, математическим выражением которой является функция распределения вероятностей (плотность вероятности), например, гауссова кривая при нормальном распределении. Наступающее со стопроцентной вероятностью информационное событие обладает **лексической неопределённостью**, если оно несёт в себе некое произвольное субъективное значение, не имеющее статистического смысла. При этом допускается приблизительная словесная формулировка с использованием модальных фраз: *определённо, в некоторой степени, довольно, весьма, более или менее, скорее, крайне*, характеризующих истинность содержания этого события. Мерой оценки подобных «нечётких событий», то есть *абсолютно точно наступающих событий, в словесном описании которых присутствует неопределённость*, является функция принадлежности, выражающая степень достоверности получаемой информации, то есть степень соответствия логических формул (в нашем случае информационных единиц) их истинному значению.

Поэтому *радишум* можно использовать как метафору недостоверного или недополученного знания, своего рода информационную энтропию, препятствующую процессу познания, чем может являться, например, мера ошибок, допущенных познающим субъектом. При этом все компоненты процесса познания представляют

собой события, которые нельзя определённо описать, тогда как вероятность наступления каждого из них равна единице в силу реальности самого процесса.

Неопределённость описания каждого такого события может быть сведена к «нечёткому» виду, то есть формализована и представлена функцией принадлежности, которая в числовой форме демонстрирует степень усвоения знания познающим субъектом, что является комплексной информационной характеристикой, включающей как число техническую, так и гуманитарную составляющую. В математическое выражение подобной функции принадлежности могут быть заложены определённые критерии, имеющие реальное практическое значение в диапазоне уверенной достоверности. Это означает, что при значениях степени усвоения знаний в пределах этого диапазона эксперт с принятой долей уверенности (нечёткости), определяемой соответствующим весовым коэффициентом достоверности, сможет оценить, насколько глубоко отдельным учащимся или учебным коллективом был усвоен необходимый учебный материал [3, с. 125], тогда как вероятностные характеристики не допускают возможность подобной экспертной оценки.

Подобный подход, на наш взгляд, соответствует содержанию процесса познания, который может быть выражен формулой, подобной вероятностной формуле К. Шеннона, где основой является не вероятностная, а нечёткая характеристика – мера достоверности усвоенного знания как актуальная надёжность знания, не обладающего свойством избыточности (по терминологии [4]): $K + M^e = 1$ [3, с. 202].

Функция принадлежности, описывающая величину K – достоверность усвоенного знания, включает критерии экспертной оценки, а функция принадлежности для M^e – информационной энтропии, эквивалентной мере ошибок, допущенных познающим субъектом, устанавливает связь с его формализованными психологическими характеристиками.

Итак, в результате проведённого исследования установлено, что степень усвоения нового знания, несущая в себе лексическую неопределённость, является формальным аналогом прироста информации в терминологии Вудворда. Однако если «радиотехнический» подход Вудворда не позволяет описывать вероятностными законами гуманитарные компоненты, присутствующие в любом процессе познания, то инструменты нечёткой логики с опорой на заданную степень достоверности информационного события позволяют заложить психологические и оценочные характеристики в любую математическую процедуру, формализующую неопределённость процесса познания.

Литература:

1. Вудворд Ф.М. Теория вероятностей и теория информации с применением в радиолокации. М.: Издательство «Советское радио», 1955. 128 с. URL: <https://bookree.org/reader?file=791963&pg>.
2. Урсул А.Д. Информация: методологические аспекты. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2020. 304 с.
3. Корчажкина О.М. Содержание и практика применения метапредметного подхода к смешанному обучению. Московская обл., г. Ногинск: АНАЛИТИКА РОДИС, 2017. 450 с.
4. Шаповалов В.И., Кондрашова Р.Ю. Проблема избыточного знания: системный подход // Вопросы философии. 2016. № 4. С. 194-204.

УДК 316.77

ББК 60.0

Наум Кац
Naum Katz
kats@andrew.cmu.edu

Новый Тренд в Университетском Образовании: Пандемия Ковид – 19 и Переход к “E-Learning”
New Trend in University Education: Covid – 19 Pandemic and Transition to “E-Learning”

*Карнеги Меллон Университет, Питтсбург, США
Carnegie Mellon University, Pittsburgh, USA*

Статья освещает некоторый опыт университетов по массовому переходу к виртуальному обучению, наколенный с начала пандемии Ковид -19. В ее основе – недавно опубликованные материалы, рассказывающие о таком преподавании для студентов бакалаврских программ в разных странах мира, как и наблюдения автора. В заключении даются прогнозы о развитии такого образования в будущем.

Ключевые слова: пандемия Ковид-19, “E-Learning,” виртуальное обучение, межкультурная коммуникация.

The article highlights the experience of universities in the mass transition to virtual learning as the result of the Covid-19 pandemic. It is based on recently published materials describing virtual instruction for undergraduate students around the world, as well as the author's observations. Lastly, forecasts are given about the development of such education in the future.

Key words: Covid-19 pandemic, “E-Learning,” virtual education, intercultural communication.

Автор статьи более 30 лет преподает в Карнеги Меллон Университете (США), являющимся учебным заведением нового типа, так называемым «глобальном университетом», имеющим филиалы во всех частях света и обучающим только на главном кампусе в Питтсбурге студентов из более чем 90 стран мира. Начавшаяся в начале зимнего семестра 2020 г. пандемия Ковид-19, как и везде в мире, коренным образом изменила учебный процесс в университете, заставив многих зарубежных студентов срочно уехать из США и вернуться домой, в то время как американские студенты покинули общежития, возвратились в родные города к родителям или же арендовали квартиры за пределами кампуса. Университетские корпуса, опустевшие более чем на полтора года, были закрыты и представляли весьма грустное зрелище, поскольку любой университет существует только тогда, когда в его коридорах толпятся студенты и повсюду слышны их молодые энергичные голоса.

Повсеместно перед профессорско-преподавательским составом, с начала закрытия университетов, встали такие задачи, как что надо сделать, чтобы перестроить курс на виртуальное преподавание, какие возможности дают новые условия работы и учебы как студентам, так и самим преподавателям, каковы должны быть ожидаемые результаты выполнения программ, насколько гибким должен быть преподаватель в работе со студентами онлайн, как правильно организовать

тестирование и экзамены по результатам усвоения программы и многие другие. Можно утверждать, что у университетов и их профессорско-преподавательского состава еще никогда не было такой возможности в кратчайшие сроки применить весь творческий потенциал и накопленный педагогический опыт, коллективную мудрость, новейшие достижения электронных технологий на решение задачи перехода к новым формам обучения.

Было понятно, что перевод на 100% виртуальное обучение потребует информацию и о том, все ли студенты имеют необходимое оборудование для учебы, как работает Интернет там, где они проживают и есть ли вообще у них дома Интернет, имеют ли их компьютеры достаточное обеспечение для приема передач через, например, Zoom или скайп [1].

Конечно, такая картина стала общей для большинства университетов мира, которые перешли на обучение онлайн. Для многих студентов, как и для преподавателей, непредвиденное изменение среды и методов обучения означало ломку стереотипов в обучении и преподавании, потребовало пересмотра методов и технологий преподавания, отношения к дистанционному обучению и, как правило, заставило пересмотреть контент, методы и ресурсы, уделив особое внимание визуальной стороне презентации материала. Как выяснилось, лекция в ее классическом понимании, перестала работать онлайн, а все потуги преподавателей учить перед монитором компьютера «по-старому» заканчивались для них непомерной растущей усталостью и снижением внимания и интереса у студентов, многие из которых быстро освоились в новой обучающей среде и стали просто выключать камеры на компьютерах. Для тех же, кто годы преподавал онлайн, а таких преподавателей в мире уже немало, практически ничего не изменилось, и им не было никакой необходимости адаптироваться к новым условиям работы.

Занятия в университетах не прекращались. Что касается преподавателей, в дополнении к ознакомлению с некоторыми еще не апробированными до начала пандемии сторонами компьютерных технологий, в расчет необходимо было взять и тот фактор, что студенты находились в разных временных зонах. К тому же, многие из них сами перенесли ковид или потеряли близких и родных. Этот «психологический фактор», влиявший и на студентов, и на преподавателей, нельзя было не принимать во внимание, особенно в первые месяцы пандемии.

Хорошо известно, что виртуальное обучение широко исследовалось еще до начала пандемии Ковид-19. Многие университеты внесли свой вклад в становление и развитие образования онлайн, пытаясь создать максимально благоприятные условия для такого обучения. Исследователи отмечали важность использования сотрудничества между студентами в процессе виртуального обучения, подчеркивая роль социального взаимодействия между студентами, как ключевого фактора в процессе преподавания и писали о необходимости гарантировать студентам такое виртуальное взаимодействие [2].

Сегодня широкое распространение компьютерной техники и доступ в Интернет позволяют представителям разных культур и народов общаться между собой в

различных областях знаний и деятельности, включая и образование. Так, среди важнейших контактов, например, для функционирования мировой экономики, сегодня стали такие, как краудсорсинг, краудфандинг, отзывы пользователей, медиа-группы и др. До пандемии трудно было даже представить какую роль эти технологии смогут сыграть и в сфере образования.

Что же такое «виртуальное обучение» или “E-Learning”? Согласно ставшему популярным в литературе определению, данному Р. Кларк, это обучение, в котором контент и методы обучения, предоставляемые обучающемуся через компьютер, на компакт-диске, в Интернете или через Интранет, предназначены для приобретения специфических знаний и навыков. Из этого определения следует, что такое обучение преследует и задачу правильной организации процесса виртуального образования [3].

Сегодня виртуальное обучение стало быстро растущим трендом и стимулируется большинством стран мирового содружества [4].

Преподавание онлайн в 2020–2021 учебном году подтвердило ранее высказываемые некоторыми исследователями идеи о том, что Facebook, например, будет играть весьма незначительную роль в решении задач образования, а также в обсуждении проблем, касающихся работы университетов [5]. Работая онлайн в группах, студенты использовали этот важный инструмент межкультурной коммуникации главным образом для обсуждения личностных вопросов, не относящихся к предмету класса. Согласно статистике, опубликованной Facebook в 2021 г., 69% взрослых и 42% подростков в США являются постоянными ее пользователями [6].

Еще более интересная статистика, относящаяся, в частности, к Мичиганскому Государственному Университету, свидетельствует о том, что по данным 2009 г., 94% студентов бакалаврских программ регулярно общалось в социальных сетях, которые, конечно помогали и помогают молодым людям расти и социально идентифицироваться. Уже с марта 2020 г. в США отмечалось увеличение на 20% пользования компьютерными технологиями, а социальные сети планировали рост рекламных материалов через, например, Facebook до 12% [7]. Однако, как показала жизнь, многие студенты весьма негативно относятся к самой идее использования социальных сетей для учебно-педагогических целей [8].

Характеризуя межкультурной аспект обучения и образования онлайн, мы должны помнить о роли искусства, во всех его формах, которое является своеобразным окном, выходящим на другие сообщества людей [9]. Интересно отметить, что, обучая онлайн, преподаватели создают многочисленные слайды, являющиеся результатом их творчества и художественного воображения. Заметим, что, работая над слайдами, необходимо помнить о том, что зачастую изображения могут иметь разный смысл и характер для представителей разных народов. В то же время, в процессе коммуникации с представителями других культур, студенты, обсуждая изображения на слайдах, приходят к правильному пониманию как новых для них идей, традиций, так и образа жизни других людей. Среди факторов, влияющих на культуру каждого студента, виртуально обучающегося и находящегося в стране постоянного проживания, С. Райнс и Л. Евинг называют такие, как

особенности страны, раса и этническая принадлежность, религия, воспитание, способности, проблемы со здоровьем, характеристика всего поколения студентов, сексуальная ориентация и политическая принадлежность индивидуума [10].

Успех работы онлайн со студентами, носителями разных культур, невозможен без учета этих и других факторов. К тому же преподаватель всегда должен помнить, что представители других культур не просто пассивно воспринимают предлагаемые им идеи и визуальные образы, но и активно реагируют на них и что межкультурный обмен онлайн не является односторонним процессом, а должен быть интересным диалогом культур [11].

Особую роль в виртуальном образовании и связанным с ним межкультурным обменом играет знание английского языка. Конечно, «носители» этого языка и те, для кого он является вторым, неадекватно распределены на нашей планете. Интересное исследование, в этой связи, было проведено по анализу электронных коммуникаций между студентами Малайзии, изучающими технические науки, и студентами-гуманитариями из Японии. Студенты работали в маленьких группах, постоянно обмениваясь фактическими материалами, касающимися их стран, и делали короткие презентации, суммировавшие их работу. Исследование показало важность сотрудничества онлайн студентов разных культур, владеющих английским языком. Эта активность, кстати, являлась одной из образовательных задач, которая была сформулирована в программе курса. В процессе взаимодействия студенты нередко попадали в ситуации, когда необходимо было договариваться о смысловом значении того или иного понятия. Но главное – это достигнутый успех в межкультурном понимании и обмене, как и доказательства отличного сотрудничества онлайн между студентами двух стран [12].

Что касается преподавателей, виртуальное обучение носителей разных культур, требует особой гибкости, терпения и внимания к их запросам. Необходимо всегда правильно реагировать на реакции носителей других культур, побольше узнать об их исторических и религиозных традициях, всегда выслушивать все аргументы, пытаться найти «правильные слова» как в прямом общении онлайн, так и через электронную почту (email) и, конечно, очень важны уверенность в своих действиях и ожидание получить наилучшие результаты в учебе от каждого студента.

Отметим, что виртуальное обучение по-разному повлияло на университетских преподавателей. За последнее время было сделано несколько весьма интересных исследований, давших настораживающие результаты. Так, в июле – сентябре 2020 группа из 97 университетских преподавателей Италии приняла участие в опросе о положительных и отрицательных сторонах обучения онлайн. 51.5% опрошенных составили женщины в возрасте от 60 до 69 лет. Среди основных «жалоб» преподавателей были такие, как полное отсутствие контакта лицом к лицу или, как его часто называют зрительного контакта со студентами (81% опрошенных), преподавание «в пустоте» (64.7%). Многие также жаловались на появившиеся в результате такой работы проблемы со сном, отсутствие энергии и т. д. Более четверти участников опроса выявили симптомы депрессии, причем различной степени

остроты. Интересно, что некоторые преподаватели, особенно женщины, сообщали и о проблемах, связанных с отсутствием концентрации внимания [13].

Другое большое исследование охватило 1084 студента и 554 сотрудника из 9 университетов Испании, Колумбии, Чили и Никарагуа. Был использован так называемый “LockDown” опросник, содержащий 82 вопроса. Результаты также свидетельствовали о стрессе, чувстве беспокойства среди студентов и сотрудников, усиливавшихся с каждой неделей. Лучше реагировали на новые условия учебы и работы те молодые люди, которые рассматривали виртуальную активность как очень полезную для своего будущего, для карьеры. Эта группа, особенно когда страна их проживания оказалась временно «закрытой», смогла легко обеспечить себя через сервисы онлайн всем необходимым, включая и продукты питания, и, как результат, качество их жизни совсем не изменилось [14].

Конечно, особенно негативно влияли на людей массовые «закрытия» стран, широко практиковавшиеся особенно в начале пандемии. Так, в Индии было проанализировано 1685 ответов участников опроса, при этом 38,2% респондентов писали о том, что они испытывали тревогу, а 10,5% участников писали об депрессии [15].

В августе 2020 г. были опубликованы результаты специального исследования, проведенного в университете принцессы Нуры бинт Абдул Рахман в Саудовской Аравии, которое ставило целью выяснить, как в условиях пандемии изменилась осведомленность студентов университета в вопросах, касающихся охраны здоровья, и как профессорско-преподавательский состав университета понимает свою роль в новых условиях. В то время, как понимание преподавателями своих задач и функций по охране здоровья студентов было на высоте, осведомленность же студентов о пандемии Ковид - 19 оставалась недостаточной [16].

Тем не менее, при всех негативных сторонах ситуации в мировом образовании, навязанной нам пандемией, мы должны позитивно смотреть на будущее общего и университетского образования и сделать для себя выводы из уже накопленного за эти месяцы опыта виртуального обучения. Сегодня стало ясным, что такое образование является относительно дешевым для студентов. Так, отпадает необходимость в проживании в общежитии, снятии квартиры по месту учебы, как и в транспортных расходах. Конечно, при такой системе обучения страдает общение «лицом к лицу» с университетскими друзьями, товарищеская поддержка и взаимопомощь – очень важные факторы в становлении и социальном развитии молодежи. К тому же “E-Learning” может позволить студентам лучше планировать свое время и обучение и, при желании и возможности, записываться на курсы к ведущим специалистам и в лучшие университеты мира. Такая идея сегодня является только гипотезой, но, кто знает, может быть она сможет реализоваться в будущем. Что же касается университетов, то им следует более широко использовать новые синхронизированные формы обучения, сочетающие занятия в классах с серьезным обучением и активным участием тех, кто занимается виртуально. И, конечно, можно уже утверждать, что в

будущем такие формы обучения сделают процесс образования непрерывным для всех людей, независимо от их возраста.

Необходимо отметить, что широчайшее распространение обучения онлайн развивает и научно-педагогическую деятельность, которая, в свою очередь, должна теоретически обосновать и обобщить практику такого обучения. Сама новизна виртуального образования, стимулированного пандемией Ковид-19, настоятельно требует дальнейшей исследовательской работы с тем, чтобы развить его теоретическую базу и улучшить каждодневную практику [17].

Литература:

1. William P. Bintz. Transition to Online Literacy Teaching: Challenges and Opportunities. – *The Reading Teacher*. 2020–11, Vol. 74 (3), p. 247.
2. Alexandra Petrakau. Interacting Through Avatars: Virtual Worlds as a Context for Online Education. – *Computers and Education*, 2010, Vol. 54, p. 1020.
3. Ruth Clark. Six Principles of Effective e-Learning: What Works and Why. - *The E-Learners Developers' Journal*, 2002, September 10, p.2. - [https://faculty.washington.edu/farkas/TC510-Fall2011/ClarkMultimediaPrinciples\(Mayer\).pdf](https://faculty.washington.edu/farkas/TC510-Fall2011/ClarkMultimediaPrinciples(Mayer).pdf).
4. The Evaluation of a Virtual Education System Based on the DeLone and McLean Model: A Path Analysis. - *F1000Res*. 2017 Sep 4;6:1631.doi:10.12688/f1000research.12278.2. eCollection 2017, p 6.
5. Anouk Lang. Exploring the Potential of Social Network Sites in Relation to Intercultural Communication. – *Art and Humanities in Higher Education*, 2012-02, Vol.11 (1-2), p. 122-124.
6. Facebook Revenue and Usage Statistics (2021) - <https://www.businessofapps.com/data/facebook-statistics/>.
7. Influential. Market Intelligence. Covid-19 Media Impact. Social, Talent, Digital, TV and OTT. Special Report. March 25th, 2020. - https://docs.google.com/presentation/d/e/2PACX-1vTdC5_wbynh5eP5rr8fdNYSfdufOOI-vJdk8p_ykc4_ApXGKqnKpixznVipqfM7d7vSMsuLNDBCe6a/pub?start=false&loop=false&delayms=3000&slide=id.g81add42e61_0_598.
8. Anouk Lang. Ibid.
9. Bart Vandabeele. New Media, Art, and Intercultural Communication. – *The Journal of Aesthetic Education*, Winter, 2004, Vol. 38, No 4, p. 1.
10. Claire Raines and Lara Ewing. *The Art of Connecting: How to Overcome Differences, Build Rapport, and Communicate Effectively with Anyone: AMACOM*, 2006, p. 28-44.
11. Ju Yon Kim. When Marco Leaves the Building: Intercultural Performances and Other Audiences. - *Modernism/Modernity*, Vol 19, No 4, November 2012. Johns Hopkins University Press, p. 677-692.
12. Nik Aloesnita bt Nik Mohd Alwi, Ainol Haryati bt Ibrahim. Promoting Second Language Learning and Intercultural Communication between Engineering and Liberal Arts Tertiary Education Students. - <https://core.ac.uk/download/pdf/195449449.pdf>.
13. Distance Education During Covid 19: An Italian Survey of the University Teachers' Perspectives and Their Emotional. Conditions. – *BMC Medical Edition*, 2021-06-09, Vol. 21 (1), p. 335. - <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34107926/>.
14. The Impact of Covid 19 on University Staff and Students from Iberoamerica: Online Learning and Teaching Experience. - *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021 May 28;18(11):5820. doi: 10.3390/ijerph18115820. - <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34071535/>.
15. Psychological impact of COVID-19 lockdown: An online survey from India. *Indian Journal of Psychiatry*. 2020 Jul-Aug; 62(4); p. 354–362. -<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7597717/>.
16. Amani M. Al-Hosan, Nawal M. AlRajeh, Boshra A. Arnout. The Role of University Teaching Staff Members in Cognitive Awareness and Raising the Level of Health Protection, Value, and Moral of Students Through the COVID-19 Pandemic. - *Journal of Public Affairs*, 2020 Aug 19; e2332. doi: 10.1002/pa.2332. Online ahead of print. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32904882/>.
17. Rich Rice, Kirk St. Amant. *Thinking Globally, Composing Locally: Rethinking Online Writing in the Age of the Global Internet*: Utah State University Press, 2018, p. 15-35.

Медиа-среда информационного общества. Философия, технологии и политика
The media environment of the information society. Philosophy, technology and politics

УДК 1:3+304.2

ББК 87.66

Е.В. Папченко
Elena Papchenko
evpapchenko@sfnedu.ru

Философия техники: вызовы информационного общества
Philosophy of technique: challenges of information society

Южный федеральный университет
Southern Federal University

Статья посвящена рассмотрению становления и перспектив дальнейшего развития одного из важнейших разделов философского знания – философии техники. Обзор производится начиная с того периода, когда были заложены основы философии техники до масштабного развертывания подобных исследований, связанных с превращением техники в один из важнейших факторов развития общества. Особое внимание обращено на современный этап развития философии техники, характерными тенденциями которого являются социальное измерение техники, кризис мировоззренческих установок, поиск ответов на вызовы современности, среди которых особое место занимает проблема устойчивого развития. Показано, что постепенно сформировался конструктивный подход к обсуждению техники и последствий ее развития. В работе делается вывод о необходимости гармоничного и целостного характера современной философии техники.

Ключевые слова: философия техники, техника, техносреда, технонаука, устойчивое развитие.

The article is devoted to the consideration of the formation and prospects of further development of one of the most important branches of philosophical knowledge – the philosophy of technology. The review is made starting from the period when the foundations of the philosophy of technology were laid, i.e. when the technique began to be interpreted from the philosophical standpoints to the large-scale development of such studies connected with the transformation of technology into one of the most important factors in the development of the society. Current stage of the development of the philosophy of technology receive emphasis, the typical tendency of which are the social dimension of technology, the crisis of worldviews, the search for answers to the challenges of our time, among the problem of sustainable development occupies a special place. The formation of constructive approach to the discussion of technology and the consequences of its development was shown. There is a conclusion about the harmonious and holistic nature of the modern philosophy of technology.

Keywords: philosophy of technology, technology, technoenvironment, technoscience, sustainable development.

Систематизированное исследование техники с философских позиций относится к XIX в., а формирование философии техники – ко второй половине XX в. Термин «философия техники» ввел Э. Капп, автор одной из первых концепций философии техники, опубликованной в 1877 г. в работе «Основные направления философии техники». Согласно теории «органопроекции» Каппа, «возникающее между орудиями и органами человека внутреннее отношение ... заключается в том, что в орудии человек систематически воспроизводит себя самого» [1, с. 15–16].

Акцентируя внимание на взаимозависимости совершенствования техники и ее сходства с живым организмом либо его отдельными частями и функциями, А. Лазаревич показал современную тенденцию, в основе которой сближение пропасти между техническим и биологическим с ориентированием создания биологического посредством искусственного [2, с. 25]. Ярким примером подобного синтеза, потенциальных возможностей взаимодействия, выступают нанотехнологии, био- и генная инженерия, предопределившие формирование таких направлений, как нанобиотехнология, позволившая «воспроизводить окружающий мир с помощью тех же приемов, которые использует сама природа» [2, с. 25].

В первой половине XX в. значительно усиливается интерес к философскому осмыслению техники. При этом четко обозначились два подхода к пониманию техники [3]. Инженерный подход к технике должен выявить сущность технического способа бытия человека в мире, являющегося главным для понимания других типов человеческого мышления и действия. Данного подхода придерживаются Э. Капп, П.К. Энгельмейер, Ф. Дессауэр и др. И концептуальный подход к оценке техники – гуманитарный подход –, представителями которого являются К. Ясперс, Л. Мэмфорд, Х. Ортега-и-Гассет и др. В отличие от инженерного подхода, в гуманитарном подходе к рассмотрению техники начинают преобладать систематические попытки защиты приоритета гуманитарного, не-технического начала над техническим.

Рассматривая развитие философии техники в контексте вызовов современности, А.А. Сапунова совершенно права, делая заключение о том, что философия техники сталкивается с необходимостью пересмотра и расширения своего концептуального арсенала: «Становление новых технологий в медицине, управлении финансами, экономикой и т.д., качественно расширяя границы не только человеческих, но и технических возможностей, остро ставит вопрос о техногенной коэволюции, ее направленности и соотносительности с биосоциальной эволюцией человека» [4, с. 49].

Осмысление развития самой технической среды осуществлялось в условиях ее воздействия на окружающую среду и на самого человека, что ставит вопрос о взаимосвязи эволюции технического мира и человека. «В каждом и любом животном и растении обнаруживаемо техногенное присутствие, – подчеркивает Б.И. Кудрин, – Примеры: dust в пингвинах, остатки лекарств в питьевой воде Калифорнии. Или: после семи дней от ближайшего жилья (пешком по тайге) мною был собран лишайник *Usnea longissima Ach.*, в котором тяжёлых металлов оказалось в 3–5 раз больше, чем в образцах 1939 г. Техническая реальность проникла вглубь на километры, недоступные живому, а верхние границы уже непредсказуемо выше.

Таким образом, я обращаю внимание на факт, что техносфера, не став ноосферой по де Шардену и Вернадскому, поглотила биосферу» [5]. Все это позволяет говорить о формировании тенденции, согласно которой техника рассматривается как фактор порабощения человечества и уничтожения природы.

На проблемы, рассматриваемые современной философией техники, как подчеркивает Т.П. Малькова, обращено пристальное внимание, поскольку довольно заметно воздействие техногенной цивилизации с «глобальной техно- и инфосферой» [6, с. 80]: «Дисциплина, на наш взгляд, требует дальнейшей разработки. ... исследование современных проблем теорий, возникающих в рамках философии техники, выявление наиболее общих закономерностей развития техники, инженерной и технико-технологической деятельности, проектирования и реализации проектов. Важен анализ тенденций развития технических наук для более глубокого понимания их места в культуре современного общества, ибо человечество делает шаг из шестого в седьмой технологический уклад. Роботостроение, создание биокомпьютеров, работы по связи искусственного интеллекта с «живыми» системами ускоренными темпами входят в техническую реальность в процессе научно-технического прогресса» [6, с. 80].

Такая ориентированность философии техники характеризует качественное изменение ее основных задач. Во-первых, попытка в рамках философии техники обратиться к изучению сущности техники, оценить широкомасштабное обновление понимания техники, сложившееся в результате экспансии техногенной цивилизации. Как убедительно показали Б.В. Ковригин и Р.А. Ильин, вопрос о том, что «традиционная философия техники почти полностью игнорировала социальные факторы и исторические условия и истолковывала феномен техники через те или иные основные черты» [7, с. 57] сменился более принципиальным: «в рамках какого знания возможно создание концептуального и методологического аппарата, который позволит обозначить конструктивные пути научно-технического развития?» [7, с. 57].

Во-вторых, в последнее время особенно актуализируется исследование кризиса мировоззренческих установок философии техники и ее неспособности дать адекватные ответы на вызовы современности – проблему устойчивого научно-технического развития, принципы перехода информационного общества в общество знания, проблему глобализации техносферы как результата развития технонауки и информатизации общества, проблему дегуманизации культуры [8, с. 14].

Таким образом, направленность современной философии техники учитывает вызовы времени и в ней все больше доминирует ценностная проблематика.

Литература:

1. К. Митчем. Что такое философия техники? / Пер. с англ. под ред. В.Г. Горохова. М.: АспектПресс, 1995. 149 с.
2. А. Лазаревич. Горизонты техносоциума // Наука и инновации. 2014. Т. 3. №133. С. 22–28.
3. Е.В. Папченко. Техника как философское понятие: основные подходы к определению // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2018. №4 (101). С. 16–19.
4. А.А. Сапунова. Философия техники в контексте вызовов сложного мира // Общество: философия, история, культура. 2016. №9. С. 48–50.

5. Б.И. Кудрин. Онтология и гносеология технической реальности (Доклад на XXII Всемирном философском Конгрессе, 31 июля 2008 г., Сеул) // Электронный ресурс: URL: <http://www.kudrinbi.ru/public/10720/index.htm> (дата обращения 15.09.2021 г.).
6. Т.П. Малькова. Философия техники: современные проблемы развития теории // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. №4 (90). С. 79 – 83.
7. Б.В. Ковригин, Р.А. Ильин. Человек в техносреде: конвергентные технологии, глобальные сети, Интернет вещей // Сборник научных статей. Выпуск 1. Под ред. доц. Н.А. Ястреб. Вологда.: ВоГУ, 2014. С. 56–59.
8. Е.Е. Елькина. Философия техники в XXI веке: современное состояние и перспективы развития // Дискурс. 2017. №1. С. 13–25.

УДК 165.12

ББК 87.25

Наталья Борисовна Ломакина
Natalya Lomakina
krisyankin@yandex.ru

Медиасреда как фактор возникновения нового типа рациональности **The media environment as a factor in the emergence of a new type of rationality**

*Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»
National Research University of Electronic Technology*

В докладе рассматривается роль медиасреды в процессе формирования нового типа рациональности. Перечислены главные ценности и признаки эпохи медиа, вычленены основные черты рациональности как типа мышления в условиях медиакультуры – ведущая роль информационных медиа, прагматичность и направленность на получение прибыли, эмоциональность, возможность субъекта выбирать, какую информацию принять на веру, а какую – подвергнуть критике.

Ключевые слова: рациональность, медиасреда, технологии, коммуникация, электронная культура.

The report examines the role of the media environment in the process of forming a new type of rationality. The main values and signs of the media era are listed, the main features of rationality as a type of thinking in the conditions of media culture are identified – the leading role of information media, pragmatism and profit orientation, emotionality, the ability of the subject to choose which information to take on faith and which to criticize.

Keywords: rationality, media environment, technology, communication, electronic culture.

Стремительные изменения мира в наше время связаны с научным и техническим прогрессом, развитием интернет-технологий, сетей, и всего, что можно было бы охарактеризовать как медиасреду. Это не могло не оказать влияния на господствующий тип рациональности. Еще Ницше заметил, что «Инструмент, которым мы пишем, соучаствует в работе нашей мысли». [1] Лекторский считает, что «развитие современных конвергирующих и социальных технологий заставляет переосмысливать многие старые философские проблемы, например, проблему рациональности». [2]

Научная рациональность как метод исследования, дающий основания оценочно рассматривать те или иные научные утверждения, основанный на принципах объективности познания предмета и рефлексивности [3, с. 41], имеет деление на исторические типы – классическую, неклассическую и постнеклассическую, [4] а

также имеет иные классификации, где выделены, например, инструментальная, ценностная, и другие. [5]

Из-за невозможности серьезного анализа все возрастающего количества и скорости информации и сведения ее к единому понятию, многое приходится принимать на веру («новая непрозрачность» по Ю. Хабермасу),⁶ возникает декларация многообразия рациональностей. Формируется новый тип рациональности, в котором медиа-посредник, средство общения начинает определять смысл передаваемой информации.

Под «медиа» мы будем иметь в виду не только непосредственно передатчик как средство общения, но и созданную ими среду, содержание передаваемой ими информации. «...медиа не только становятся самостоятельными, но и единственным, или, усилив тезис, онтологическим условием существования человека. Они уже не являются техническими посредниками, транслирующими нечто, что в них самих отсутствует, что только через них передается, проходит, но сами предстают всепоглощающей и всеохватывающей средой, то есть реальностью опыта и сознания.» [6]

Медиасреду можно понимать с помощью подхода социальной и культурной антропологии – «как всякое новое техническое средство коммуникации медиа обогащают наши культурные практики, расширяют наш горизонт социального, но, тем не менее, не должны быть переоценены в качестве источника достоверного знания...». [7]

Сформировавшаяся в эпоху постнеклассики медиакультура вбирает в себя ее основные черты – множественность вариантов достижения истины, плюрализм форм и методов познания, установку на неопределенность и открытость сложных систем как объектов познания, отказом от диалектической модели развития и переходом к модели стадийного перехода от хаосогенности к структурогенезу, а также постмодернистскую интерпретацию знания. [8]

С появлением цифровых объектов формируется новый тип культуры – электронная, внутри которой информационные технологии выступают фактором развития экономического уклада, социальной среды, жизненного мира человека, а средства связи или медиа превращаются в модераторов мышления и мировоззрения. Как источники культурного кодирования и моделирования сознания медиа играют основную роль в формировании особого типа рациональности и мышления. Более того, медиа становятся нами, изменяя наше сознание и рациональность. [9]

Ценностью становится не только содержание информации, но и скорость ее получения и возможность дальнейшего распространения, у человека формируется новая базовая потребность – быть частью медиасреды. [8] Главной же ценностью эпохи медиа выступает коммуникация, в обществе возникает потребность поддерживать виртуальное общение, постепенно вытесняющее реальное. Медиасреда

---

⁶ Ю. Хабермас «Кризис государства благосостояния и исчерпанность утопической энергии» (1985)

дает человеку возможность заявить о себе, и это становится самоцелью, проявляя нарциссические черты субъекта.

Рациональность как тип мышления в условиях медиакультуры определяет ведущая роль информационных медиа, вследствие чего вырабатываемые идеи являются результатом получения неотрефлексированной информации, а не собственной познавательной активности. Из-за отсутствия рефлексии и критической оценки получаемой информации, можно отнести ее к иррациональному стилю мышления, даже обнаружить некую его мифологичность, ведь многая информация принимается на веру, хотя и не имеет особой значимости для субъекта, и он волен сам принимать решения об авторитетности источников и значимости информации для себя. [8]

Если субъект принимает решение без рефлексии принимать всю поступающую информацию, то он встает на путь объективации и его рациональность тяготеет к технологизму и стандартизации, упрощающих общение всех со всеми. Если же принято решение подвергать информацию интеллектуальной критике, пропускать их через свои принципы, то медиасреда позволит найти новые инструменты для реализации идей, даст невероятное количество информационных источников.

Особенность передаваемой современными медиа информации – ее визуальная форма, слова заменены образами, с целью вызвать большой эмоциональный отклик. Новая рациональность склоняется к эмоциональному восприятию информации, мир воспринимается гедонистически – как средство получения удовольствия, положительных эмоций, и медиасреда транслирует этот посыл.

Однако при всей кажущейся эфемерности, несерьезности медиакультура крайне прагматична, утилитарна и подчинена коммерческим задачам. Поэтому еще одна черта новой рациональности – направленность на получение прибыли и практической пользы.

Литература

1. Unser Schreibzeug arbeitet mit an unseren Gedanken)»30 Friedrich Nietzsche an Peter Gast; Feb. 1882 // Nietzsche F. Kriti sche Gesamtausgabe. Berlin; New York, 2002. Bd. III. 1. S. 172.
2. Лекторский В.А. Рациональность, социальные технологии и судьба человека // Эпистемология и философия науки. 2011. № 3. С. 35-48., с.46
3. Даниелян Н.В. Научная рациональность: Монография М.: Издательство МГОУ, 2010. 198 с., с. 28
4. Степин В.С. КЛАССИКА, НЕКЛАССИКА, ПОСТНЕКЛАССИКА: КРИТЕРИИ РАЗЛИЧЕНИЯ (опубликовано в кн.: Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009 С.249 – 295
5. Рациональность и её границы: Материалы международной научной конференции «Рациональность и её границы» в рамках заседания Международного института философии в Москве (15–18 сентября 2011 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2012. – 233 с.
6. Савчук В.В. Медиафилософия: формирование дисциплины. URL:<http://www.intelros.ru/pdf/mediafilosofia/01.pdf>.
7. Хайдарова Г.Р. Медиасреда как пространство культурной практики: борьба за воображаемое // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 1. – С. 45–51
8. Баева Л.В., «Рациональность эпохи медиа: экзистенциально-аксиологический анализ», Ценности и смыслы №3 (43)/2016, С. 69-77
9. Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности . СПб. : Изд-во РХГА, 2013 г., 338 с.

Феномен цифровизации в контексте философии техники М. Хайдеггера
The Phenomenon of Digitalization in the Context of M. Heidegger's Philosophy of
Technology

Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета
The Institute of Philosophy of St. Petersburg State University

В представленном докладе автор обращается к анализу феномена цифровизации и пытается указать на возможные риски и опасности, с которыми сопряжено развитие современных информационных технологий. В качестве теоретической базы, на которой проводится исследование, выбрана концепция М. Хайдеггера о сущности техники. Автор пытается дать критическую оценку позиции Хайдеггера и ставит перед собой задачу установить степень актуальности его концепции в современных реалиях.

Ключевые слова: Хайдеггер, цифровизация, техника, постав, символическая логика, исчисляющее мышление.

The given conference paper deals with the phenomenon of digitalization. Taking M. Heidegger's concept of technology as a theoretical framework the author tries to point to possible problems and risks with which the development of modern technologies is related. The main aim of research is to define the degree of relevance of M. Heidegger's conception in the modern world.

Keywords: Heidegger, digitalization, technology, enframing, symbolic logic, calculative thinking.

Повсеместное распространение и небывалое развитие информационных технологий, с которым человечеству довелось столкнуться на заре XXI века, несомненно, является вызовом общецивилизационного масштаба. Еще никогда человечество не обладало таким количеством накопленной информации и столь изощренными и совершенными в техническом отношении средствами ее обработки и хранения. Обилие и доступность информации трансформируют опыт повседневного существования людей, их представления о своем собственном «я», обществе и окружающем мире. Не вдаваясь в перечисление неоспоримых преимуществ и благ, которые сулит дальнейшее развитие информационных технологий, мы попытаемся указать на ту опасность, которую таит в себе этот, судя по всему, уже необратимый процесс. Поставленную задачу предполагается решить, опираясь на философскую интерпретацию сущности техники, предложенную М. Хайдеггером в его работе «Вопрос о технике» [1]. И хотя с момента публикации этой работы минуло уже более семидесяти лет, и в контексте современной философии техники, пережившей так называемый «эмпирический поворот», эссенциалистские взгляды Хайдеггера рассматриваются некоторыми исследователями как устаревшие, требующие пересмотра и «деромантизации» (см. [2]), мы все же попытаемся указать на их актуальность в решении вышеозначенной задачи.

Итак, с точки зрения Хайдеггера, сущность техники не есть нечто техническое, поскольку техника, наряду с искусством, есть способ или, скорее, путь раскрытия потаенного, на который человека послало само бытие, и как таковая она есть вид события истины и судьба человечества. Другими словами, техника — это не средства или инструменты обращения с сущим, это также и не их производство или использование, но производство самого сущего, выведение его из потаенности. Поэтому, рассматривая технику в таком онтологическом ракурсе, Хайдеггер приходит к выводу, что сущность техники есть не что иное, как «постав» (Gestell), то есть возможность техники или, выражаясь в терминах Канта, «условие возможности» техники, в то время как сама техника — это уже реализация этой возможности. Другими словами, постав это то, что в соответствии с судьбой исторического бытия человека послало его на такой путь раскрытия сущего, как техника, и посредством которого человек способен раскрывать потаенное путем поставления истины, в котором сущее раскрывается как поставленное перед человеком, как «стоящее-в-наличии», высчитываемое и измеряемое. Однако, как отмечает Хайдеггер, тот факт, что человек способен осуществлять это поставляющее производство, вовсе не значит, что оно находится в его власти, поскольку у него нет власти над непотаенным, то есть над тем, откуда приходит в бытие и куда уходит сущее, поэтому скорее наоборот, человек захвачен им. Постав захватывает человека и сосредоточивает его на производстве сущего средствами техники, и как таковой он есть вызов, брошенный человеку бытием, и человек отвечает этому вызову техническим отношением к миру. При этом, как отмечает Хайдеггер, постав таит в себе угрозу: втянутый в поставляющее производство человек рискует забыть о том, в чем состоит подлинная сущность поставы, а именно о выведении сущего из непотаенности. Прельщаясь властью над сущим, которую ему дарует техника, человек перестает воспринимать технику лишь как способ творения истины и забывает о своем подлинном предназначении — стоянии в истине бытия, тем самым прослушивая зов бытия, который был изначально обращен к нему в поставе. Это отпадение человеком от своего подлинного предназначения проявляется, с точки зрения Хайдеггера, прежде всего в особом типе мышления, присущем человеку массового общества в эпоху техники, а именно в «исчисляющем мышлении», которое характеризуется тенденцией к опредмечиванию сущего.

Однако, несмотря на всю оригинальность и глубину наблюдений Хайдеггера, мы не можем не отметить тот факт, что его анализ сущности техники до некоторой степени ограничен теми историческими реалиями, в которых ему довелось жить, а потому вполне уместно задать следующий вопрос: насколько его представления о технике как способе раскрытия потаенности применимы при анализе сущности современных информационных технологий?

Для ответа на этот вопрос обратим внимание на тот факт, что в основе развития современных информационных технологий лежит прежде всего особый тип мышления, находящий свое формальное выражение в соответствующей языковой практике. Язык, на котором современное информационное общество пытается

вступить в коммуникацию с миром и описать его, есть не что иное, как язык символической логики, где всякая языковая единица есть лишь символ, знак, нечто формальное и абстрактное, лишенное всяких содержательных определений, но при этом застывшее и устоявшееся. В отличие от естественного языка, язык символической логики предстает некой обедненной, выхолощенной вариацией языка как «дома бытия», приспособленной исключительно для нужд метафизического мышления. Так, основополагающий принцип новоевропейской метафизики — закон тождества ($A = A$), являющий собой квинтэссенцию метафизической интерпретации бытия как чего-то наглядно представимого, находит в кибернетике свое предельное воплощение, где всякий символ самотождественен и в предельной степени формализован, а потому в высшей степени нагляден. Другими словами, если закон тождества говорит, что всякая сущность тождественна самой себе и именно благодаря этому мы можем быть уверены в том, что она есть, то в случае с символической логикой самотождественность знака обеспечивается прежде всего его формальностью и бессодержательностью, которые гарантируют единство его значений в бесконечно разнообразных контекстах и приложениях, то есть сущее в данном случае, для того чтобы быть сущим, должно быть сведено к пустой, прозрачной форме. Пользуясь этим унифицированным и кодифицированным языком формальных абстракций, человечество вступает в финальную стадию процесса забвения бытия, где бытие понято уже не просто как нечто пред-ставленное, но как формализованный и оцифрованный, а значит лишенный всякой двусмысленности оттиск представленного, абсолютно прозрачный для испытующей мысли наблюдателя, а потому всецело находящийся в его власти. Примечательно то, что сама этимология существительного «информация» до сих пор указывает нам на то семантическое значение, которым изначально обладало латинское *informatio*, а именно принудительное «формование», приведение «в» (*lat. in*) некоторую устоявшуюся форму. Таким образом, мы можем сделать вывод, что разработанная Хайдеггером концепция сущности техники как поставка вполне может быть экстраполирована и на современные процессы повсеместной цифровизации, поскольку в обоих случаях мы имеем дело с непрекращающейся попыткой самоутверждения человеческой воли к власти средствами «исчисляющего мышления». Разница лишь в том, что в процессе индустриализации человек за счет различных манипуляций с сущим пытается подчинить себе вещество природы, в то время как в процессе цифровизации объектом манипуляции и регламентации становится язык. Другими словами, стремление господствовать над сущим достигает своей наивысшей кульминации не в развитии более совершенных средств производства, а в выработке особого способа говорения о нем.

Теперь, рассмотрев позицию Хайдеггера и экстраполировав его представления о сущности техники на процесс развития современных информационных технологий, мы можем ответить на вопрос, поставленный в начале представленного исследования, сделав следующий вывод: основная опасность, которую таят в себе современные технологии, более не заключается в том, или по крайней мере состоит не только в

том, что природа сводится человеком до статуса «гигантской бензоколонки», но содержится в том, что у человека остается все меньше способов говорить о природе, не прибегая к помощи формализованных знаков, нулей и единиц, в абстрактной чистоте и прозрачности которых тонет и истощается сущее, оставляя человека один на один с его всепожирающей волей к власти.

Литература:

1. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. Пер. с нем.: В. В. Бибихин. М.: Республика, 1993. – 445с. С. 221–238.
2. Ihde D. Heidegger's Technologies: Postphenomenological Perspectives. New York: Fordham University Press. 2010. 176 p.

УДК 316.77

ББК 60.0

С.В. Черненкокая
Svetlana Chernenkaya
schernenkaja@yandex.ru

Трансформация коммуникативных практик в сетевом обществе Transformation of communication practices in a networked society

*Московский городской педагогический университет
Moscow City University*

Актуальность исследования трансформации коммуникативных практик в сетевом обществе обусловлена тем, что значительная часть межличностных и массовых коммуникаций смещается в интернет-пространство. Происходит не просто изменение традиционных форм коммуникации, меняются принципы и структура коммуникативных практик. Ввиду открытости современного общества возрастает объем и плотность информационных потоков, расширяется его информационное пространство. В то же время происходит дробление информации, изъятие ее из контекста, смешение информации и оценки, смысла сообщения и его интерпретации. Автор статьи анализирует происходящие изменения, в том числе изменение субъектов коммуникации в сетевом взаимодействии.

Ключевые слова: цифровые технологии, интернет-пространство, коммуникативные практики.

The relevance of the study of the transformation of communicative practices in a networked society is due to the fact that a significant part of interpersonal and mass communications is shifting to the Internet space. There is not just a change in traditional forms of communication, the principles and foundations of communication practices are changing. In view of the openness of modern society, the volume and density of information flows are increasing, its information space is expanding. At the same time, there is a fragmentation of information, its removal from context, mixing of information and evaluation, the meaning of the message and its interpretation. The author of the article analyzes the ongoing changes, including the change of communication subjects in network interaction.

Keywords: digital technologies, Internet space, communication practices.

Традиционно в сфере изучения медиа и коммуникации выделяют несколько теоретико-методологических подходов. Представители Торонтской школы (Г. Иннис, М. Маклюэн и др.) рассматривали медиа как один из социальных институтов,

детерминирующих социальные связи и отношения. Согласно Г. Иннису, эволюция способов коммуникации влияет на изменения в общественном и государственном строе. Соответственно, по типу средств коммуникации можно сделать выводы об особенностях культуры конкретного общества и государства. М. Маклюэн, развивая медиацентричный взгляд Г. Инниса на общество, рассматривает медиа как любую форму передачи опыта и смыслов. Для него важно не столько содержание, которое передается в сообщении, сколько его форма. Средство передачи сообщения, отмечает он, само по себе есть сообщение. При этом каждый последующий этап в развитии медиа воспроизводит в себе опыт предыдущих этапов. В будущем, по Маклюэну, информация станет ценностью «без границ», что приведет к массовой децентрализации [4].

Согласно эмпирико-функционалистскому подходу (Г. Лассуэл, П. Лазерфельд), необходимо рассматривать влияние сообщений медиа на отдельные группы людей с учетом сложившихся в группах коммуникативных практик. Так же, как и представители Торонтской школы, функционалисты выделяют линейную направленность влияния медиа на коммуникативные практики, сложившиеся в обществе.

Помимо линейной, однонаправленной, концепции выделяют «активистскую», в рамках которой сам процесс коммуникации выступает смыслообразующей практикой. В активистских теориях отмечается, что в процессе коммуникации индивиды интерпретируют, часто подсознательно, те или иные события, тем самым трансформируя изначальный смысл передаваемого сообщения [8].

Л. Манович различает «старые» (классические) и «новые» медиа по способу передачи информации. Классические медиа предстают как однонаправленные медиаторы передачи информации, тогда как «новые» (цифровые) медиа вовлекают реципиента в производство и трансляцию сообщения. «Интернет отличается тем, что пользователь может высказаться на языке интерфейса, а не только понимать его, как в случае с кино и телевидением... В процессе дигитализации и компьютеризации культура постепенно апроприирует эту идею и применяет ее по отношению к собственным категориям и концептам, заменяет их на уровне смысла и языка на те, что лучше соотносятся с компьютерными феноменами. В результате новые медиа становятся предвестниками масштабного процесса реконцептуализации» [5, стр. 82–83]. Компьютерные данные извлекаются, сортируются, управляются посредством алгоритмов вывода данных. Как подчеркивает Л. Манович, компьютерная эпоха подарила нам новый культурный алгоритм «реальность – медиа – данные – база данных», предложив своим пользователям новый вид осмысленной деятельности – индексирование данных [5, стр. 276–277].

Сторонники сетевого подхода (Э. Кастельс, Я. ван Дейк), выделяя «сеть» как новый тип социальных отношений в системах, отмечают, что сетевая структура, соединяя все уровни общества, частную и общественную сферы, погружает человека в новые формы социальности. Как трансформируются коммуникативные практики в сетевом обществе?

Надо отметить, что трансформация означает не просто эволюционное изменение коммуникативных практик, допустим, смену устных практик письменными. Трансформация – это, как правило, скрытый от внешнего наблюдателя процесс встраивания в систему чужеродных элементов, внешне не разрушающих ее, но заставляющих работать иным образом.

В сетевом обществе нивелируются границы между межличностными и массовыми коммуникациями. Ввиду его открытости возрастает объем и плотность информационных потоков, расширяется информационное пространство. В то же время происходит дробление информации, изъятие ее из контекста, смешение информации и оценки. Продуцирование громадного количества информации с возможностью быстрого к ней доступа создает риски поверхностного отношения к фактам из непроверенных источников.

При изучении социальных практик, в том числе коммуникативных, всегда выделялся социокультурный контекст. Для сетевого общества характерно становление транснациональной фрагментарной и открытой культуры.

Медиаисследователи обратили внимание на появление в сетевой коммуникации нового типа – «количественного» – читателя и/или слушателя. Такой читатель посредством практики использования медийной среды оставляет цифровой след, который затем автоматически обрабатывается для «нового числового включения». Восприятие мира в сетевом обществе как бы «сжимается до двух взаимно дополнительных типов объектов – структур данных и обрабатывающих эти данные алгоритмов» [5]. Происходит наложение цифрового и смыслового слоев, которое Манович называет транскодингом. Принцип поиска данных по запросу позволяет провайдеру услуг отследить траекторию движения пользователя и ранжировать его поисковую выдачу в соответствии с выявленными предпочтениями. Попадая в рекурсивно замкнутый круг, пользователи вынуждены углубляться в конкретные тематические приоритеты, что, по мнению Д.И. Шаронова, влечет повышенную нетерпимость к смысловым альтернативам [7]. Такая нетерпимость выражается и в языке интернет-коммуникаций, в котором, как показывают эмпирические исследования, допустимы проявления девиантного поведения [1, 2,3].

Формируется новый вид дискурса – электронный – сочетающий в себе устный и письменный типы дискурса и требующий новых навыков использования, приобретение которых влияет на речемыслительные механизмы субъектов коммуникации [2,6]. Выделенные выше изменения коммуникативных практик, на наш взгляд, можно определить как их трансформацию.

Литература:

1. Вьюгина Д.М. Интернет в ежедневном медиапотреблении цифрового поколения России // Медиаскоп. 2018. Вып.3. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2475> DOI: 10.30547/mediascope.3.2018.11
2. Завьялова З.С. Реальный и виртуальный субъекты сетевой коммуникации: специфика интеракции // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 45-47.
3. Смирнов Ф.О. Блоги. Пользователи сети в поисках нового способа самовыражения // Единицы языка и их функционирование. 2004. Вып. 10. С. 229-232.

4. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. М.: Гиперборея : Кучково поле, 2007. 464 с.
5. Манович Л. Язык новых медиа / Л. Манович. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 400 с.
6. Черненькая С. В. Философия языка: Учебно-методическое пособие. М.: МГПУ, 2017. 120 с.
7. Шаронов Д.И. Гипермедиа: экосистемы и эволюция//Вестник Московского университета. Серия 7: Философия.2019. №5. с. 56–64.
8. Buralkin M.Yu., Chernenkaya S.V. The problem of the scientific status theory of mediatization // 11th International Scientific and Theoretical Conference-Communicative Strategies of Information Society.Editors: Olga D. Shipunova, Violetta N. Volkova, Alfred Nordmann, Laurent Moccozet. 2019. p. 272–280.

УДК 32.019.5

ББК 66.04

А.А. Малькевич
Aleksandr Malkevich
alexander.malkevich@gmail.com

Феномен новых медиа в контексте политической коммуникации **The Phenomenon of New Media in the Context of Political Communication**

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
Pushkin Leningrad State University

Данная статья посвящена анализу феномена новых медиа как фактора современных политических коммуникаций. Автор отмечает то влияние, которые новые медиа оказывают сегодня на политическое поведение и участие, динамику взаимодействия различных политических акторов. Такое влияние обусловлено спецификой функционирования самих новых медиа — их интерактивностью и цифровой природой.

По мнению автора, «новые медиа», став неотъемлемым элементом образа жизни современного общества, включая политическое поле, являются его важной характеристикой, и используются в качестве инструмента воздействия на сознание, как отдельных граждан, так и социальных групп, для достижения политических целей.

Ключевые слова: новые медиа, политические коммуникации, интернет, Black Lives Matter, Беларусь, Facebook, Twitter

This article is devoted to the analysis of the phenomenon of new media as a factor of modern political communications. The author notes the influence that new media have today on political behavior and participation, the dynamics of interaction between various political actors. This influence is due to the specifics of the functioning of the new media themselves — their interactivity and digital nature.

According to the author, "new media", having become an integral element of the lifestyle of modern society, including the political field, are its important characteristic, and are used as a tool to influence the consciousness of both individual citizens and social groups to achieve political goals.

Keywords: new media, political communications, Internet, Black Lives Matter, Belarus, Facebook, Twitter

Новые медиа можно назвать одним из концептуальных и важнейших явлений начала XXI столетия, возникших благодаря глобальным социокультурным процессам, обусловленных динамичным развитием информационно-коммуникационных

технологий и цифровой трансформацией [6. С. 40]. Под новыми медиа понимают прежде всего социальные сети (Facebook, ВКонтакте, Instagram, TikTok и пр.), блог-платформы (LiveJournal, Blogger и др.), микроблоги (Twitter, Tumblr), интернет-СМИ и поисковые сервисы. Указанные виды новых медиа представляют собой наиболее известные и востребованные онлайн-ресурсы: при этом они являются лишь частными примерами гораздо более масштабного и глобального феномена, который включает в себя понятие «новые медиа».

Уже на первом этапе своего становления и распространения новые медиа вызвали многочисленные дискуссии о возможных положительных и отрицательных последствиях их воздействия как на отдельную личность, так и на общество в целом. Подобные споры — нередко спекулятивного характера — возникали в свое время и в отношении «традиционных» медиа: от книг и печатной прессы до радио и телевидения. Опыт использования интернет-технологий, несмотря на их большую популярность и почти повсеместное распространение, представляется нам еще недостаточно релевантным, чтобы прогнозировать долгосрочные последствия их воздействия. Так или иначе постепенно формируется конструктивное отношение к использованию новых медиа в социальной и политической сферах, становится очевидным их влияние на политическое поведение и участие, динамику взаимодействия различных политических акторов. Современное цифровое пространство представляет собой сложную сетевую систему взаимодействия коммуникаторов, имеющих свои потребности и преследующих различные цели и интересы.

Исследователи по-разному определяют понятие «новые медиа». Нередко его отождествляют с понятием «новые СМИ», однако такой подход существенно сужает понимание исследуемого феномена, по сути сводя его до одного из новых форматов функционирования СМИ. Так или иначе большинство подходов к дефиниции понятия «новые медиа» указывают на два существенных аспекта этого явления, которые отличают его от всех остальных видов средств массовой информации и коммуникации — интерактивность и цифровой характер функционирования [5].

В наши дни благодаря электронным технологиям по факту любой пользователь может создать собственное медиа, обладая минимальными ресурсами. Одновременно с этим новые медиа образуют целую индустрию и многомиллиардный рынок, на котором действуют высококвалифицированные профессионалы. Современные пользователи обладают многочисленными ресурсами, включающими фото- и видео-контент, подкасты, wikis, мобильную телефонию, блог-платформы. Помимо указанных технологий контент, производимый пользователями, может содержать те или иные комбинации из открытых источников, бесплатных программ и др. Примерами интернет-ресурсов «пользовательского» содержания являются Wikipedia, Facebook, MySpace, YouTube и Flickr [8. С. 100].

Исследователи сходятся во мнении, что новые медиа, помимо прочего, представляют собой технологию эффективной коммуникации со своими «плюсами» и «минусами» [2]. По мнению О.В. Гудошниковой, « “новые медиа” — это лишь

технологический базис, позволяющий быстро и качественно предоставлять оцифрованную информацию неограниченному числу индивидов, тогда как его надстройкой выступают являются «социальные медиа» [Там же. С. 44]. А.Г. Быстрицкий в этом отношении отмечает, что «социальные медиа обогатили человеческую коммуникацию, но не изменили ее суть и не придали ей, коммуникации, новых сущностных качеств» [1. С. 21].

В качестве «положительных» тенденций использования новых медиа в процессе политической коммуникации Е.С. Крестинина и Ю.Г. Чернышов выделяют следующие [3. С. 290]:

1) использование блогов политиками и политическими партиями для информирования, консолидации сторонников и координирования их действий, что способствует политической активности граждан;

2) пропаганда и «обкатка» идей, что позволяет вырабатывать идеи привлекательные для максимального числа граждан;

3) контрпропаганда и борьба против политических оппонентов. Потенциально данная технология использования новых медиа способна стать механизмом поиска компромиссов и сглаживания конфликтных моментов как между политическими партиями, так и их сторонниками.

Пожалуй, основная отрицательная характеристика новых медиа — это их использования в процессе политического манипулирования. По мнению Г.С. Мельника, новые медиа представляют собой эффективный инструмент влияния на массовое сознание с целью обеспечить рост протестных настроений [4]. В то же время ученый считает — и мы согласимся с ним в этом, — что роль традиционных средств массовой информации в манипуляционном политическом воздействии пока превалирует.

После 2011 г. Facebook и Twitter становятся ведущими новыми медиа в глобальной политической коммуникации. Они превосходят все другие системы по набору возможностей быстрой коммуникации. По состоянию на январь 2019 г. Facebook доступен на 101 языке, а средний пользователь этой социальной сети имеет 155 друзей и связан с 80 страницами сообщества. Столь же популярен и Twitter. Всплеск его популярности приходится на 2009 г., когда число пользователей возросло на 1382 % по сравнению с предыдущим годом [9]. С начала 2019 г. популярность этой сети измеряется в 500 млн сообщений в день. Вплоть до 2016 г. указанные социальные сети не подвергались политическому регулированию: эта проблема актуализировалась после того, как стали известны неожиданные для многих результаты американских президентских выборов 2016 г.

Одним из наиболее значимых современных кейсов использования новых медиа в политической коммуникации является движение «Black lives matter» (BLM — «Жизни черных важны») в США. Несмотря на длительную демократическую традицию, в американском обществе продолжительное время остается нерешенным вопрос расового неравенства и дискриминации. Неразрешенность данной проблемы периодически формирует социальные противоречия и конфликты, и одним из

выразителей этого стало массовое социальное движение BLM, получившее новый протестный импульс в 2020 году.

Триггером актуализации движения BLM в 2020 году стала гибель афроамериканца Джорджа Флойда, фактически задушенного полицейским Дерекком Шовином при задержании в Миннеаполисе [10]. Впоследствии видеозапись данного события, опубликованная в социальных сетях, вызвала волну протестов по всей Америке. В массовых протестах участвовало от 15 до 26 млн человек, ставших крупнейшими протестными акциями в США. Активность протестующих подогревалась благодаря пропаганде протестного движения в социальных сетях Facebook и Instagram с использованием хештега #BlackLivesMatter. Неравнодушные к проблеме расового неравенства пользователи выкладывали множество фотографий и видеозаписей по данной тематике в социальных сетях. Движение получило распространение также в других странах, имевших схожие проблемы расовой дискриминации и сегрегации. Ожесточенные столкновения протестующих с полицией зафиксированы в Париже и Лондоне.

Еще одним примером возросшего влияния социальных медиа в выражении гражданской активности является уличные протесты в Белоруссии после прошедших президентских выборов в августе 2020 года, когда недовольные результатами выборов сторонники оппозиции вышли на митинги. Основными факторами, спровоцировавшими протестную активность среди населения, безусловно, послужили длительная несменяемость руководства, отрицание эпидемии COVID-19 и непринятие адекватных мер со стороны белорусских властей по контролю эпидемиологической ситуации в Беларуси [7]. Однако окончательным триггером стала победа А. Лукашенко на выборах в августе 2020 года.

Поствыборная гражданская активность оппозиции, выразившаяся в проведении длительных массовых акций протеста против результатов президентских выборов в Белоруссии, координировалась и информационно поддерживалась посредством мессенджера Telegram. Наибольшую активность в поддержке оппозиционных протестов оказали Telegram-каналы «Nexta» и «Nexta live» блогера и журналиста С. А. Путило.

Данные каналы ежедневно освещали протесты в крупных городах Белоруссии. Здесь же публиковались агитационные материалы, а также видео с жесткими мерами принимаемыми силовиками. Это дополнительно увеличивало градус протестной активности. Кроме того, в конце каждой акции протеста анонсировалась проведение следующих акций с указанием мест и форм протеста. На фоне агитационной активности Telegram-каналов возникали стихийные собрания со стороны наиболее организованных социальных групп. К примеру, отказ части журналистов, работать в государственных каналах.

В последующем эти журналисты, организовавшись, стали доводить до общественности ситуацию с протестами на улицах. Также были акты со стороны медиков, которые протестовали против силовых методов разгона демонстраций со стороны правоохранительных органов. Дополнительно организовывались флешмобы

наподобие сжигания формы со стороны бывших военнослужащих, служивших во внутренних войсках и спецназе и протестующих таким образом против жестких силовых методов против населения.

Таким образом, принципы функционирования «новых медиа» учитываются в политической коммуникации и являются частью современной политической культуры. Изменения в политической коммуникации дают много возможностей для политической культуры. Интернет дает возможность пользователю извлечь больше информации и получить более глубокие знания - в отличие от телевидения, которое передает политическое содержание селективно и поверхностно.

Новые медиа, став неотъемлемым элементом образа жизни современного общества, включая политическое поле, являются его важной характеристикой, и используются в качестве инструмента воздействия на сознание, как отдельных граждан, так и социальных групп, для достижения политических целей, представляя интерес как феномен, отражающий многие особенности современного общества, для дальнейших исследований в области общественных наук.

Литература:

1. Быстрицкий А.Г. СМИ в корень // Коммерсантъ–Власть. № 3 (1108). 2015.
2. Гудошникова О.Е. «Новые медиа» и СМИ как актуальные политические технологии в инфокоммуникационном пространстве // Youth World Politic. 2015. № 4. 43-53.
3. Кристинина Е.С., Чернышов Ю.Г. Использование интернет-блогов и «социальных сетей» в российской публичной политике // Известия ФГУ. 2008. № 3 (60).
4. Мельник Г.С. Новые (тактические) медиа как структурный компонент мобилизационных технологий // Гуманитарный вектор. 2014. № 3 (39).
5. Нойман Р. Что такое Новые медиа, или digital-глобализация // AMDG. 2020. 10 Ноября. URL: <http://smm.artox-media.ru/wiki/new-media.html>
6. Носовец С.Г. Новые медиа: к определению понятия // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10).
7. Сабыров Н.Б., Дюсенов Р.Б. Социальные медиа как новые источники гражданской и политической коммуникации // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2021. № 16. С. 10–15.
8. Стинс О., Ван Фухт Д. Новые медиа // Вестник ВолГУ. Серия 8. Вып. 7. 2008.
9. Шестов Т.Л., Кузьмин В.А. Значение «новых медиа» в современном политическом процессе // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2019. № 2. С. 69–77.
10. Black lives matter // Britannica: website. 2020. URL: <https://britannica.com/topic/Black-Lives-Matter>

Л.И. Евсева¹, А.С. Матвеевская²
Lidiya Evseeva, Anna Matveevskaya
l.evseeva@mail.ru
annamatveevskaya@mail.ru

Электронные коммуникации в трансформации политических взаимодействий
Electronic communications in the transformation of political interactions

Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого¹
Peter the Grete St. Petersburg State Polytechnic University¹
Санкт-Петербургский государственный университет²
St. Petersburg State University²

Статья посвящена анализу процессов влияния электронных коммуникаций и способов сетевизации коммуникаций на диапазон, динамику и качество политических взаимодействий. Авторы подчеркивают неоднозначность влияния мобильных интернет-технологий, отмечают факты повышения эффективности и открытости политических взаимодействий. Каналы обратной связи принципиально расширили возможности диалога государственных структур и граждан, а также оценки их деятельности. Расширение форматов государственных услуг повлияло на качество коммуникативного диалога. Делается вывод о том, что общество нуждается в новых институализированных инструментах эффективной коммуникации, которые способны создавать пространство для сотрудничества и развития диалога.

Ключевые слова: электронные коммуникации, политические взаимодействия, диалог, сетевые коммуникации, обратная связь, форматы государственных услуг.

The article is devoted to the analysis of the processes of influence of electronic communications and methods of networkization of communications on the range, dynamics and quality of political interactions. The authors emphasize the ambiguity of the influence of mobile Internet technologies, note the facts of increasing the efficiency and openness of political interactions. Feedback channels have fundamentally expanded the possibilities of dialogue between state structures and citizens, as well as assessing their activities. The expansion of the formats of public services influenced the quality of the communicative dialogue. It is concluded that society needs new institutionalized tools for effective communication that can create space for cooperation and dialogue development.

Keywords: electronic communications, political interactions, dialogue, network communications, feedback, public service formats.

Влияние цифровых информационных мобильных интернет-технологий и способов сетевизации коммуникаций послужило поводом для научных дискуссий о модернизации политических процессов и оценки масштабности диапазона их влияния на политические взаимодействия. В будущем нас ждут и трансформация экономики, прозрачность, транспарентность информации, и новые принципы реальности, которые приведут к изменению социально-политической практики и межкультурных взаимодействий. Применение новых информационно-коммуникативных технологий, искусственного интеллекта и технико-технологических инноваций в осуществлении субъектами социально-политического процесса своей деятельности открывают новые горизонты для реализации двусторонней политической коммуникации между государством, населением и гражданским обществом и увеличивают диапазон возможностей прогрессивных групп. Новые медиа формируют общественный дискурс, сокращают разрыв между реальной и публичной политикой, предоставляя

возможность голоса тем, кто по тем или иным причинам, оказывался на периферии политического участия.

Сетевые политические коммуникации (СПК), получившие широкое распространение сегодня, включает в себя не только электронные, но и печатные, и самые обычные межличностные коммуникации без посредничества каких-либо средств массовой коммуникации. СПК формируют диалоговый формат зон контактов как акторов гражданского общества, так, с другой стороны, государственных структур. Формирование постоянно меняющейся политической практики инициирует запросы на поиск инструментов эффективной коммуникации. В этом ракурсе сетевые политические коммуникации способствуют расширению гражданских инициатив и гражданского активизма [1]. Это приводит к открытости политического процесса, а, с другой стороны, и возможности постоянного мониторинга политических настроений повседневности. Общество нуждается в новых институализированных инструментах, которые способны создавать пространство для сотрудничества и развития диалога.

Присутствие в «on-line» пространство усиливает ориентацию на сетевое нормирование коммуникации, например, web-сайты, политическая реклама, конвенциональные формы интернет-активности, блоги и форумы политических партий, лидеров движений и институтов гражданского общества, цифровое волонтерство, краудсорсинговые платформы и др. В процессе развития электронные сетевые технологии становятся и основой управления информацией, и механизмом социальных взаимодействий [2; 3; 4]. Наличие и рост каналов обратной связи между государством и гражданами, использование электронных сервисов и программ может стабилизировать политический процесс и в конечном итоге значительно улучшить имидж государственной власти. В России онлайн-технологии получают все большее признание и распространение в качестве эффективного метода политических кампаний, информационного канала власти и общества [5].

По мнению экспертного сообщества, каналы обратной связи осуществляются в основном в период избирательных кампаний. Хотя, следует констатировать, что применение сетевых технологий с использованием технологий мобильного интернета в политической сфере помогает выходит на новый уровень взаимодействия граждан с институтами государственной власти [6; 7; 8]. Коммуникации действительно являются важной частью человеческого общества и государства и «любые изменения в способах коммуникации имеют существенные последствия для распределения власти внутри общества для изменения индивидуального и социального сознания, а также для пересмотра социальных ценностей» [9].

Условия сетевого формата общения и обмена мнениями и информацией между людьми способствуют закреплению горизонтальной иерархии социального взаимодействия, как наиболее эффективной системы регуляции политических отношений. Рост горизонтально интегрированных систем коммуникации позволил широкому слою населения участвовать в политике [10]. Участие населения в политической жизни с помощью интернет-технологий способствует открытости общества, развитию демократических принципов его развития, вносит разнообразие,

динамику, развивает гражданскую активность, формирует новую политическую культуру, создает качественно новое интернет-пространство для его участников с разными интересами, потребностями и целями коммуникации [11].

Локдаун повлиял на интенсивность в использовании мобильных интернет-технологий всеми участниками политического процесса, в том числе и в цепочке взаимоотношений «государство - общество». Появились новые сервисы, новые приложения и электронные устройства, пользование которыми, побудили граждан улучшать свою цифровую грамотность и культуру. Особенность коммуникаций органов государственной власти состоит в том, что она использует дополнительные инструменты для достижения поставленных целей. В моментально изменяющихся условиях, государство показало готовность обеспечить реализацию прав граждан на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации. Одним из таких инструментов является «Портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации» (портал Госуслуг). Портал, как инструмент взаимодействия и коммуникации между органами власти и населением, позволяет определить динамику развития политического диалога. Широкие интерактивные возможности современных социальных медиа, предполагают приоритет двусторонней и многосторонней коммуникации, остаются в целом востребованными.

Запрос населения с выводом новых государственных услуг в режим онлайн позволило расширить спектр цифровых возможностей для общества [12; 13]. Более того, был подготовлен целый ряд цифровых сервисов, в разработке и тестировании которых принимали активные участие заинтересованные граждане. Были сформированы фокус-группы по отраслевым направлениям, в которых проходили дискуссии по каждому новому электронному сервису. Таким образом, в подготовке было учтено не только мнение пользователей о предстоящем продукте, но и их пожелания и рекомендации. В ускоренном режиме были расширены форматы государственных услуг, например, уже в 2020 году была обеспечена возможность дистанционной подачи документов в 50 вузов страны, разработан цифровой сервис для «Электронного голосования», сервис ежемесячной денежной выплаты на детей от 3 до 7 лет, а также детям до 16 лет, выведены сервисы регистрации человека по месту пребывания, выдача загранпаспорта, выдача российского паспорта, справка о судимости, регистрация автотранспорта, возможность регистрации и расторжения брака, единовременная помощь пенсионерам и др. Это значительно повлияло на качество коммуникативных отношений в сфере оказания государственных услуг с наименьшей затратой времени и средств в контексте реализации электронного правительства в части G2C.

Изучение и анализ политических процессов в новых реалиях использования виртуальных механизмов коммуникативных взаимодействий [14; 15; 16] позволяет сделать выводы о том, сетевые политические коммуникации формируют диалоговый формат зон контактов как акторов гражданского общества, так, с другой стороны, и государственных структур. Формирование постоянно меняющейся политической

практики инициирует запросы на поиск инструментов эффективной коммуникации. Это приводит к открытости политического процесса.

Литература:

1. Танова А.Г., Евсеева Л.И. Информационные технологии в политике. Технологии PR и рекламы в современном обществе Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 177-183.
2. Сафонова А.С. Новые формы виртуальной политической коммуникации в молодежной среде // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 2 (220). С.30-34. DOI: 10.5862/JHSS.220.3
3. Обухова Ю.О., Сафонова А.С., Арканникова М.С., Танова А.Г. Процесс усвоения политических ценностей и динамика развития института гражданского участия в молодежной среде // Коммуникология. 2020. Том 8. №3. С. 95-108. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-3-95-108.
4. Поздеева Е.Г. Институционализация доверия в организации: управленческий аспект // Управление социальными изменениями в нестабильных условиях материалы Всероссийской научной конференции. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Издательство: ООО "МАКС Пресс" (Москва). 2016. С. 446-449.
5. Танова А.Г. Политическая активность современной студенческой молодежи Технологии PR и рекламы в современном обществе Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. Под ред. И.Р. Тростинской. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 129-133.
6. Евсеева Л.И., Тимофеева Е.П., Шипунова О.Д. Сетевая политическая коммуникация в модернизации публичной сферы. Технологии PR и рекламы в современном обществе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 151-156.
7. Сафонова А.С. Партнерство государства и гражданского общества как механизм реализации коммуникативного подхода к власти. Коммуникативные стратегии информационного общества. Труды X Международной научно-теоретической конференции. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 184-188.
8. Поздеева Е.Г. Соучастие в поведенческом репертуаре сетевого общества. Субкультуры и коммуникативные стратегии информационного общества Труды Международной научно-теоретической конференции. Ответственный за выпуск О.Д. Шипунова. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. С. 140-142.
9. Deibert R.J. *Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation*. - New-York: Columbia University Press, 1997.
10. Shipunova O.D., Timermanis I.E., Evseeva L.I. Political System Legitimation in Network Society // *Review of European Studies*. 2014. Vol. 6. No. 4. Published by Canadian Center of Science and Education. Pp. 69-73. doi:10.5539/res.v6n4p69
11. Евсеева Л.И., Матвеевская А.С., Тараканова Т.С. Политическая коммуникация в условиях цифровизации. Коммуникативные стратегии информационного общества Труды XI Международной научно-теоретической конференции. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. С. 195-197.
12. Ermolina M.A., Matveevskaya A.S., Zeleneva I.V. Dialogue Of Civilizations – New Model Of World Politics The european proceedings of social and behavioural sciences. Future Academy. 2017. pp. 829-836. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.98
13. Шипунова О.Д., Евсеева Л.И. Тренды политического участия в сетевом обществе Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения сборник материалов Международной научной конференции. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 488-491.
14. Башкарев А.А. Электронная демократия как форма политической коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 69. С. 25-29.
15. Тараканова Т.С. Политико-коммуникативные технологии в интернет пространстве. Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 2. № 4. С. 91-97.
16. Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды. // Полис. 2019. №2. С.92-106.

Концепция обретения пользы и удовлетворения в исследованиях социальных медиа

The Concept of Uses and Gratifications in Social Media Research

*Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова
Russian State Institute of Cinematography named after S.A. Gerasimov*

В статье рассматривается проблема применимости одной из классических концепций медиакоммуникации – *обретения пользы и удовлетворения*, для изучения поведения людей в социальных сетях. Хотя на всех этапах развития коммуникационной технологии основные виды медиаиспользования одинаковы, в эпоху интернета они наполняются новым содержанием. Отмечается, что рассмотрение медиаконтактов под углом данного подхода в интернете в общем и на социальных платформах в частности оказывается весьма эффективным.

Ключевые слова: теории медиакоммуникации, концепция обретения пользы и удовлетворения, интернет, социальные медиа, медиаконтакты.

The article considers the problem of applicability of one of the classic concepts of media communication – *uses and gratifications* – to identify the exposure patterns in social media. Though at all stages of communication technology evolution the main types of media consumption remain relatively constant, the internet age adds some new dimensions. The authors emphasize that the current research of media exposure from the angle of media uses concept proves to be effective.

Key words: media communications theories, uses and gratifications concept, the internet, social media, media exposure.

Еще на ранних стадиях изучения медиакоммуникации исследователи заинтересовались, чем конкретные медиа привлекают и удерживают аудиторию. В настоящее время они особенно пристально присматриваются к пользователям, которые одновременно и потребляют, и создают контент. Теоретическим фундаментом для изучения широкого распространения интернета и в частности социальных медиа служит одна из классических теорий – *обретения пользы и удовлетворения*⁷, которая в контексте традиционных медиа позволила выделить базовые модели использования/потребления и виды удовлетворения/удовольствия – *искомые и обретенные*. Исследователи заметили, что степень удовлетворения медиапотребностей определяется характеристиками конкретного средства массовой коммуникации, в первую очередь его контентом и способом распространения. Функционально одинаковые медиа могут служить для удовлетворения схожих потребностей, но благодаря своим достоинствам, в особенности интерактивности, новые медиа вытесняют традиционные из общего объема потребления. Важность

⁷ В отечественной научной литературе есть несколько вариантов перевода с английского названия теории - *uses and gratifications*; авторы предпочитают версию, используемые в данном материале.

анализа мотиваций аудитории растет по мере беспрецедентного расширения выбора каналов, когда размывается грань между отправителем и получателем контента [1].

Концепция обретения пользы и удовлетворения исходит из предпосылки, являющейся основной характеристикой медиакommunikации, т.е. способности занимать свободное время людей. Она становится важным инструментом анализа – как, когда и почему люди тратят свое время на потребление медиаконтента до такой степени, что он колонизирует их свободное время [2]. По этой причине большая часть исследований, проводимых под этим углом, базируется на анализе видов использования и видов мотивации, указываемых индивидами для объяснения их контактов с медиа.

Рождение концепции обретения пользы и удовлетворения

В первой половине XX века исследователи заметили, что индивидуальные различия и социальная дифференциация влияют на поведение, связанное с массмедиа, что явилось основанием, чтобы отказаться от сложившегося к тому времени представления о членах аудитории как о пассивных получателях контента, испытывающих одинаковое воздействие медиа. Они захотели узнать, почему люди читают книги, слушают «мыльные оперы» на радио, просматривают ежедневные газеты, включают популярную музыку и ходят в кино и что за удовольствие они от этого получают.

Несмотря на то, что количество видов медиаиспользования столько же, сколько самих реципиентов — одно и то же содержание может удовлетворять разные потребности разных индивидов, все их традиционно разделяют на пять основных категорий:

1. Когнитивные потребности – получать информацию, приобретать знания, ориентироваться в своей социальной среде, удовлетворять любопытство, понимать суть событий.
2. Эмоциональные потребности – приобретать эстетический и эмоциональный опыт, получить удовольствие.
3. Самоидентификация – обрести уверенность в себе, укрепить свое положение, увериться в цельности своего мировоззрения, поддерживать социальный статус, повысить самоуважение.
4. Интеграция и социальная интеракция – осознавать необходимость поддерживать нормальные отношения в семье и с друзьями, обеспечивать связь с внешним миром, состоять в каком-нибудь сообществе.
5. Эскейпизм – забыться (уйти от реальности), снять напряжение, переключить внимания с неприятного на приятное [3].

Более подробное описание видов использования, в частности телевидения, предложил Д.Маккуэйл [4].

Изучения медиаконтактов в социальных сетях

Как свидетельствуют современные исследования, концепция обретения пользы и удовлетворения, родившаяся в контексте традиционных медиа, оказывается весьма эффективной при изучении интернета в целом и социальных медиа в частности.

Результаты анализа социальных медиа указывают на то, что хотя их пользователи ищут удовлетворения всех тех базовых потребностей, которые приводятся в ранних типологиях, а именно – когнитивные и эмоциональные потребности, самоидентификация, интеграция и социальная интеракция и эскейпизм – диапазон мотивов существенно расширился, и внутри его наблюдается смена приоритетов. Детерминантом в новой коммуникационной среде несомненно является установление и укрепление социальных связей. В частности, исследователи массовой коммуникации еще до эпохи интернета, доказывали, что социальное удовлетворение (т.е. удовлетворение от общения) будет способствовать росту его популярности и контакты в виртуальном сообществе станут альтернативой межличностной коммуникации [4].

Выясняется, что диапазон видов удовлетворения, которые человек получает в социальных сетях, намного шире традиционного – они служат, например, инструментом для налаживания обратной связи, платформой для продвижения, способом найти единомышленников.

Заслуживает внимания анализ медиаконтактов в социальных сетях, выполненный А.Уайтинг и Д.Уилльямсом, которые путем опроса выявили десять самых популярных видов контактов в социальных сетях [5].

Список естественно возглавляет социальная интеракция. Они воспринимают Фейсбук местом для взаимодействия и общения, чтобы поболтать со старыми знакомыми и завести новых, где они чаще контактируют с другими, чем лицом к лицу, в общем эта платформа обеспечивает их тем, что называется социальной жизнью.

Следующий по популярности вид использования социальных медиа – это поиск информации о значимых для них событиях, днях рождения и развлекательных мероприятиях, продукции различных компаний, общественных организаций и т.д. Кроме того, информацию ищут с целью самообразования, научиться что-то делать, узнать новое, выполнить домашнее задание. Часто указывается, что в социальные сети люди заходят, когда у них свободное время, когда им скучно или хотят чем-то заняться, причем не редко в рабочее время или на занятиях.

Развлечения – еще один вид медиаконтактов. Социальные сети используются, например, послушать музыку и посмотреть видео или поиграть в игры. Есть те, кто заходит, чтобы посмеяться над шутками, почитать анекдоты и поиронизировать над ляпами и глупыми высказываниями знаменитостей и добавить свой комментарий.

В целях релаксации пользователи читают чужие профили, по Фейсбуку можно бродить бездумно, чтобы просто уйти от реальности, выкинуть все из головы.

Люди также пользуются социальными медиа в качестве «отдушины», чтобы выразить свои точки зрения и мнения, ставя лайки и оставляя комментарий под чужими постами, фотографиями и обновлениями в профиле.

Как источник материала социальные медиа дают людям темы для разговоров, повод посплетничать с друзьями, узнать подробности о том, что увидели в сетях.

Одними из важных факторов популярности социальных медиа также называются удобство использования и доступность в любое время и в любом месте.

Использование социальных медиа для обмена информации несколько отличается от их использования для поиска информации, который описан выше. Под обменом информации подразумевается обмен сведениями о себе с другими. В отличие от ТВ и интернета социальные медиа интерактивны по своей природе и позволяют пользователям общаться и обмениваться информацией в форме живого диалога.

Важно также, что социальные сети служат площадкой для установления романтических отношений, посплетничать о друзьях и знакомых, тайком подглядывать за другими и показать себя, черпать информации об общественно значимых событиях, делиться проблемами и узнавать новые тренды, найти материал для учебы и т.д.

Примечательно, что около трети респондентов признались, что из любопытства они используют сети, чтобы наблюдать за тем, чем другие занимаются. По их словам, они «шпионят», «тайком подсматривают за людьми», «следят за своими детьми», чтобы быть в курсе событий в жизни других.

Если для удовлетворения своих телевизионных потребностей, человеку достаточно включить приемник и с помощью пульта настроиться на нужный канал, то интерактивный характер таких онлайн-технологий, как электронная почта, форумы, социальные медиа, заставляют пользователей проявлять активность, целенаправленно оперируя ссылками и текстовыми системами, что свидетельствует о том, что они осознают потребности, которые хотят удовлетворить. По мере расширения данных о демографии аудитории и разработки сложных методов отслеживания и изучения поведения пользователей в Сети, исследователи смогут нарисовать более точную картину использования медиа широкими сегментами населения.

Заключение

Говоря в общем, подход обретения пользы и удовлетворения является важной теоретической концепцией на всех этапах эволюции нового средства коммуникации – газет, радио, телевидения и теперь интернета. Главная сила подхода обретения пользы и удовлетворения в том, что он позволяет рассмотреть «положение медиативированной коммуникации через призму одного или множества наборов психологических потребностей (мотивов, коммуникационных каналов и контента) и психологических удовлетворений в конкретном или кросс-культурном контексте» [6]. По мере развития коммуникационных технологий расширяется диапазон возможных тем, связанных с подходом обретения пользы и удовлетворения. Эта гибкость особенно важна в новом информационном веке.

Важность этой парадигмы для изучения электронной коммуникации лишний раз говорит о всеобъемлющем характере подхода обретения пользы и удовлетворения в коммуникационной среде, ведь компьютеры применяются не только в быту и в бизнесе, но и для выполнения функций работы и игры.

Основной единицей сбора информации по-прежнему остается индивид, но его активность теперь рассматривается во множестве психологических и социальных контекстов, включая медиазависимость, ритуализацию, коммуникабельность или самоизоляцию, социальное научение или углубление ролевого разделения. Концепция медиаиспользования позволяет углубить и уточнить мотивации медиапользования – отвлечение (например, уход от рутины и эмоциональная разгрузка), социальное использование (получение темы для общения), самоидентификация (повышение весомости своей точки зрения, мнения или убеждения) и наблюдение за окружающим миром (стремление узнавать о событиях, происходящих в ближайшем окружении, в городе, стране, мире).

Разнообразные формы использования медиа является важной характеристикой существования современных обществ, в которых на контакты людей с медиа в целом и социальными сетями в частности, приходится большая часть как рабочего, так и свободного времени.

Литература:

1. Бакулев Г. Вечнозеленые теории массовой коммуникации: подход обретения пользы и удовлетворения // Вестник ВГИК, №1 (31), март 2017. С. 140-150.
2. Scherer, Helmut (2017). "Connecting media use to media effects". In: Rössler, Patric; Hoffner, Cynthia A.; Van Zoonen, Liesbet. The international encyclopedia of media effects. Malden, MA: John Wiley & Sons, pp. 137-148.
3. Katz, Elihu, Blumer, Jay, Gurevitch (1973). "Uses and gratifications research". Public opinion quarterly, v. 37, n. 4, pp. 509-523.
4. McQuail, Mass Communication Theory: An Introduction. Beverly Hills: Sage Publications, 1987.
5. Whiting, A. & Williams, D. (2013). Why people use social media: A uses and gratifications approach. Qualitative Market Research: An International Journal. Vol. 16, No. 4, 2013, pp. 362-369.
6. Lin, C. A. (1996). Looking back: The contribution of Blumler and Katz's uses and mass communication to communication research. Journal of Broadcasting & Electronic Media, 40, 574–581.

**К особенностям строительства и использования идеологии в Германии 20-х -30
годов двадцатого века**
**On the peculiarities of the construction and use of ideology in Germany in the 20s-30s
of the twentieth century**

*Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»
The National University of Science and Technology MISiS*

Необходимость идеологии как элемента технологического воздействия на политизацию масс и вовлечение масс в регулируемые политические действия для построения тоталитарного государства и использование идеологии для разрушения старых, традиционных связей между жителями империи после завершения первой мировой войны и пересобирания фрустрированного и обескровленного немецкого народа в условиях построения тоталитарного государства. Анализ публикаций, посвященных Германии начала двадцатых – конца тридцатых годов двадцатого века, убедительно показывает, что идеология и массивные методы индоктринации позволили «склеить» немцев из атомизированной, обесструктуренной массы в управляемую и послушную, используемую и для мирного восстановления экономики, и для превращения в сильных, идеологически подготовленных солдат во вторую мировую войну. Идеология сформировала национализм без нации, внесла в сознание людей и политические практики государства этатизм и псевдо-прошлое, ставшие элементами политизации Рейха и технологиями индоктринации граждан. Индоктринация затрагивала не только формальные (институализированные) формы существования граждан, но была направлена на частные сферы жизни каждого немца, ускользнуть в частность в условиях тоталитаризма было невозможно.

Ключевые слова: идеология, атомизированное население, пересобирание связей, национализм, этатизм, индоктринация населения, тоталитарное государство,

The need for ideology as an element of technological impact on the politicization of the masses and the involvement of the masses in regulated political actions to build a totalitarian state and the use of ideology to destroy the old, traditional ties between the inhabitants of the empire after the end of the First World War and to reassemble the frustrated and bloodless German people in the conditions of building a totalitarian state. An analysis of publications devoted to Germany in the early twenties - late thirties of the twentieth century convincingly shows that ideology and massive methods of indoctrination made it possible to "paste together" Germans from an atomized, unstructured mass into a manageable and obedient one, used for both peaceful economic recovery and transformation into strong, an ideologically trained soldier in the second world war. Ideology formed nationalism without a nation, introduced statism and pseudo-past into the consciousness of people and political practices of the state, which became elements of the politicization of the Reich and technologies for indoctrination of citizens. Indoctrination affected not only the formal (institutionalized) forms of the existence of citizens but was aimed at the private spheres of life of every German; it was impossible to slip away into privacy under the conditions of totalitarianism.

Keywords: ideology, atomized population, reassembly of connections, nationalism, statism, indoctrination of the population, totalitarian state,

Тоталитарные государства, возникшие после (в результате) первой мировой войны, стали выстраивать всю систему государства. Ранее я уже останавливалась на вкладе «прусской консервативной революции», мифологизирующей деятельности

идеологов NSDAP [1] и философов «родственных» национал-социализму взглядов в деле строительства таких государства. В этой публикации я намереваюсь зафиксировать более общие характеристики тоталитарного государства (Третьего рейха). Понятие «тоталитарное государство» уходит из словаря авторов, занимающихся политической философией и философией истории, уступая место понятию «авторитарное государство». Но я не хотела быть настолько точной и научно корректной, поэтому оставлю пока именно устаревшее понятие «тоталитарное государство» и связанные с ними тоталитарную идеологию и тоталитарное сознание. Первая мировая война, помимо прямых человеческих жертв, принесла и другие отвратительные последствия, в том числе тоталитарные государства. Страны, более других затронутые войной, вытолкнули из своих глубин и стали достраивать одно из самых страшных явлений двадцатого века – тоталитаризм. Да, он принял разные формы и был не похож в своих появлениях в Италии, Испании, Германии и СССР, привел к разным последствиям, но он был именно тоталитаризмом – явлением, охватившим все сферы публичной и частной жизни. «*In the Shadow of the Swastika: Life in Germany under the Nazis, 1933-1945* («В тени свастики: жизнь в Германии при нацистах»)» [2] - называется одна из самых интересных публикаций, рассчитанная на неспециалистов, посвященная тоталитаризму германскому, но под тенью какого-либо значимого и считываемого всеми символа прожила в двадцатом веке не только Германия. И, вероятно, тоталитарные государства стали первыми, кто сознательно и целенаправленно использовал технологии построения таких государств. Германия предьявляет читателю и зрителю все богатство создания и использования технологий построения (воссоздания) рейха как тоталитарного государства.

Едва ли можно говорить, что идеологи NSDAP изобрели политические технологии, позволившие построить крайне националистическое государство, национализм культивировался в Германии с момента ее объединения во второй половине девятнадцатого века, но именно подготовка к первой мировой войне превратила национализм в государственный, сделав его оправданием необходимости войны. Ход войны, ее итоги не оправдали ожиданий Германии, поражение в войне, совпавшее с революционными событиями и отречением кайзера, разворачивание революции и Версальский мир, постоянные политические кризисы и тяжесть репараций никак не помогали стабилизации жизни в Германии, ее экономическому процветанию, для этого были необходимы «серьезные усилия» и «планомерные мероприятия». И политической силой, которая не испугалась того, чего боялись и левые, и правые (или не могли), оказалась небольшая, но шумная политическая структура NSDAP - именно она смогла выстроить тоталитарное государство, именно ее идеологи, стали применять политические технологии в государственном масштабе. Они обосновывали необходимость не просто неограниченного подавления и специального аппарата подавления, но и всепроникающая идеология как «истинное учение», воспринимающаяся через массированную индоктринацию населения, при государственном ограничении религиозной индоктринации как соперника «истинной» идеологии, достигаемой через примат идеологии во всех сферах и

пассивной вера населения в истинность идеологии. В случае Германии эта идеология не систематическая, но состоящая из ярких фрагментов, не всегда связанных между собой, противоречивых, опирающаяся не на рациональную систему мира, но на мифологические структуры сознания. Государство присутствует везде, его деятельность носит внеправовой характер, опирается на аппарат организованного насилия и всепроникающую идеологию и государственный патриотизм. Полное использование государством человека как абсолютный и тотальный этатизм (ein Reich-ein Volk), безнациональный национализм (обезличенность нации до состояния массы) как разрушение прошлой культуры, прежних связей, прежнего стремления к гуманности, основанное не только на милитаризации экономики, но и сознания и культуры, тотальный и абсолютный антилиберализм. Борьба за нацию и национализм парадоксальным образом эту национальность и национальную культуру разрушало: тотальность-универсальность-единство-растворение единицы в массе. Все является политикой, доминирующей над всем в государстве, установившийся примат идеологии дает возможность произволу толкования всей духовной сферы и ее продуктов. Устанавливается святость идеологических символов – важнейшего элемента индоктринации. Общество, поглощенное тоталитарным государством и его вождями превращается в безликий коллектив, с одной стороны, атомизированных личностей, с другой, растворенных в массе. Так создается массовая база тоталитарных диктатур, объединенная идеологией и вовлеченная в политику, где террор делает невозможным объединение поверх одобряемых связей. Прежде всего это технологии проникли в сферу коммуникаций, как формальных (государственных), так и неформальных (приватную сферу). «Характерной особенностью социальных движений, возникших на их основе [обрушившихся ценностей], было соединение архаических моделей мышления и поведения с ультрасовременными для своего времени идейными устремлениями, направленными на рациональное преобразование действительности, и немислимими в прошлом технологиями социального и идеологического воздействия» [З.с.126]. Архаику в голову немцам «внедряли» самыми современными средствами, «аннигиляция (как итог военного поражения и вытекающего из него резкого обострения почти перманентного в условиях догоняющего развития социально-политического и социально-экономического кризисов) традиционных институтов при сохранении некоторых устойчивых архетипов [не всегда сохранение, скорее псевдо-реанимация, «реанимация» только что созданного – ТК.] традиционного мышления и современных политико-культурных ориентаций» [З.с.129]. Для этих стран редуцирование сложной социальной действительности принимало вид простых «архаических», скорее псевдоархаических форм (вновь созданных, но получивших архаический «вид»).

Это и регуляция: как «правовая», так и через «общественное мнение» и «общественное сознание» осуществлялась путем ликвидации гражданских прав и свобод, особенно после Декрета «О защите народа и государства» (февраль 1933 года). Исполнительной властью были получены чрезвычайные полномочия после введения чрезвычайного положения, и власть стала их реализовывать во всех сферах.

Она занялась перестройкой система образования и воспитания, полностью извлекая детей из семьи, преподавая «немецкую математику», «немецкую географию» и «расовые законы», принуждая учителей присягать рейху (NSDAP), контролируя СМИ и используя радио (в публичных местах были установлены радиоприемники), телевидение (раньше США и Великобритании), и кинохроники для формирования и контроля общественного мнения. Это если не считать массовых акций по сжиганию книг и борьбы с «дегенеративным искусством». И формирование: на создание настоящего арийца была направлена вся идеологическая машина, начиная от массовых съездов NSDAP, систем воспитания детей и вовлечение домохозяек в массовые митинги. И насильственная чистка, или постоянное избавление от инакомыслия – это касалось как борьбы за расовую чистоту («Нюрнбергские законы»), так и концентрационных лагерей для неправильно мыслящих (начиналось с безобидного отстранения от работы). Отрабатывались и способы воздействия на любые коммуникации - коррекции «ошибочных» и дискредитации «враждебных» [4, 5]. «Фюрер думает за нас» - главный лозунг эпохи. Коммуникации были «наложены» на особенности действий NSDAP сначала не имеющей власти, потом обретший власть: авторитаризм, этатизм, необходимость понижения образованности населения, как в научных представлениях о мире, так и межчеловеческих – упрощение и опора не на рациональное и рефлексивное в диалоге, но на мифические (стереотипные, но не рационализированные) структуры сознания. Социальное конструирование коммуникаций и действий системы сверху как технология, опирающаяся на возврат к мракобесию и суевериям. Технологии требовали единства: власти, идеологии, лояльности и цензуры. Поэтому в центре коммуникации «стоит» язык - оформитель и реализатор всех идеологических установок, именно через язык эти установки внедряются в сознание, языком они оформляются и «переносятся». Язык в тоталитарной политической сфере важен, он маркирует политический мир, вносит в мир индивида оценочные характеристики большого мира, передает и искажает передаваемую информацию о мире. Тоталитарные государства стали активно использовать язык, слово, началась идеологическая экспансия в язык через примитивное, мистическое, вульгаризированное его использование, аксиологическую поляризацию словаря и речи. Слово позволяло задавать примитивный взгляд на мир, упростить мышление, подменить мышление набором идеологических штампов и сигналов. Была создана и тщательно отобрана система новых идеологических ценностей: создается официальный язык «сфера политического служит своего рода образцом, который целенаправленно используется при освоении тоталитарным языком всех других семантических сфер языка, обслуживающих идеологию» [6.с.29]. Тотальная пропаганда, отсутствие гражданского общества и свобод, глубокий и широкий контроль приватной жизни до мельчайших подробностей, растворение индивида в обществе, сильная автономизация для разрушения старых связей, потом растворение в толпе на основе новых, выстроенных государством связей, автономные индивиды, сплоченные в управляемую массу. Вовлечение больших масс в политику и использование их «вслепую», разработка технологий использования – «кнопка

исторической боли» - для Германии «предательство Европейских стран» в войне, переповторить, с лучшими условиями (сейчас не проиграем). В центре тоталитарной идеологии всегда война – хорошо «склеивает» наличие внутреннего (евреи и коммунисты) и/или внешнего (мировое еврейство-мировой марксизм, и страны, вонзившие нож в спину в 1920), врага. Причем, это война «за», не «против». Война породила тоталитаризм и стала топливом (и клеем) поднимающегося и укрепляющегося тоталитаризма. Война стала центром всего – экономики, политики, идеологии и воспитания детей (будущих солдат их матерей) – война дала надежду на будущее, которое будет лучше, светлее и сытее (право молодых народов на территории) [7].

Историческая дистанция позволяет увидеть, что «переход капитализма в промышленную фазу приводит к появлению на исторической арене феномена человеческой массы, показывает беспрецедентную значимость технического фактора» [3. с.15]. Для Германии – это не просто массы, это массы, организованные войной, сначала патриотическим подъемом – потом солдатским братством – потом общей бедой (Версальским миром). «Технический фактор» в использовании идеологии приводит к пониманию необходимости деформации национальной исторической памяти, но возможность «брешей в прошлое» мешает в этом тоталитарной системе.

Литература:

1. Karulina T. Political Myth in Communicative Practices of Political Philosophy of the first third of the XX century in Germany. Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research. <https://www.atlantis-pess.com/proceedings/csis-18/articles>
2. Seligmann, M. S., Davison, J. and McDonald, J. (2003) *In the Shadow of the Swastika. Life in Germany under the Nazis, 1933-1945*. Staplehurst : Spellmount, 2003.
3. Ряботяжев Н. В., Соловьев Э. Г. Феномен тоталитаризма: политическая теория и исторические метаморфозы. М.: Наука, 2005
4. Heiden K. *Geschichte des Nationalsozialismus. Die Karriere einer Idee*. Berlin, Rowohlt, 1932
5. Heiden K. *Geburt des dritten Reiches. Die Geschichte des Nationalsozialismus bis Herbst 1933*. Zürich, Europa Verlag, 1934
6. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург, из-во Уральского университета, 2015
7. Голосов Г.В. Автократия. Спб, 2019, из-во Европейского университета, 2019

Digital-негативизм: аксиология, онтология, идеология?
Digital negativism: axiology, ontology, ideology?

*Казанский государственный энергетический университет.
Kazan State Power University*

Статья посвящена анализу новых форм явленности социального бытия, характеризующих современное (цифровое) общество. Отмечается, что трансформация социальных процессов связана, в первую очередь, с формированием новых медиа. Авторы обосновывают положение о том, что современные (социальные) медиа, пришедшие на смену традиционным средствам массовой коммуникации, изменяют сущность социального порядка и систему его ценностных ориентаций.

Ключевые слова: социальность, новые медиа, медиасфера, коммуникация, аксиология, идеология.

The article is devoted to the analysis of new forms of the given of social being that characterize modern (digital) society. It is noted that the transformation of social processes is associated, first of all, with the formation of new media. The authors substantiate the proposition that modern (social) media, which have replaced traditional means of mass communication, change the essence of the social order and the system of its value orientations.

Keywords: sociality, new media, media sphere, communication, axiology, ideology.

Как и любой диалектический «скачок», цифровая революция и, как ее следствие, цифровое общество обладают потенциалом антропологических и социальных метаморфоз [1, с.49], что обусловило восприятие информации в качестве определяющего фактора, предопределившего стиль жизни и образ мышления современного индивида – «человека кликающего», живущего в реалиях «кнопочной культуры» [2, с.43-46].

Главная качественная характеристика нового – цифрового – типа общества и человека заключается в потенциальной возможности модифицировать аксиологически значимое и преобразовать его в собственную противоположность – негативное.

Идеология негативизма обладает качеством максимальной субъектности, так как содержит в себе понятие «интерес». В основе интереса лежит та или иная потребность, то есть полагание отсутствующего необходимым. При этом интересы формируются и отдельным индивидом, и обществом в целом; при этом необходимо учитывать, что общество всегда дифференцировано: политическое, экономическое, национальное, расовое, половое, правовое разделение существует всегда. Поэтому задача идеологии – объединять своих носителей, защищать и оправдывать их интересы. Субъекты идеологии – индивиды, превращающие общественный перелом в

часть индивидуального опыта, социальную практику – в личную. Результат – обезличение устойчивых ранее ценностных императивов, замена коммуникации ее имитацией; отчуждение и самоотчуждение человека – уже антропологический факт. И то, «что еще вчера представляло ценность для большинства, списывается «за ненадобностью» без оглядки на тех, кто не способен, «смеяться», расставаться со своим прошлым, в котором, возможно, и заключается весь смысл их жизни» [3, с.4].

«Негативизм» становится формой мировосприятия не в последнюю очередь благодаря современным информационным технологиям. Так, например, реклама как часть современного коммуникативного потока становится триггером и внедряется в сознание посредством «скользящих» медиаресурсов. Становится невозможным игнорировать слоганы, нейминги и офферы, навязываемые через заполонившие общественные пространства рекламные конструкции (биллборды, растяжки, листовки, тумбы). Возникает, по выражению И. Василенко, «рекламный тоталитаризм» [4, с.7].

Современная реклама – это инструмент трансформации человека, меняющий его рациональность. Российский культуролог А. Генис писал: «реклама завоевала завидный престиж в России», «заменила идеологию», более того – «идентичность нации <...> сегодня создается дикой и неуправляемой рекламой» [5, с.5]. В пространстве цифрового общества возникла условная идентичность, которая создает культ созерцательности по отношению к окружающему миру и самому себе. Происходит вытеснение человека из медиапространства; в нем нет и не может быть человека как субъекта: анонимность – главный принцип новых медиа. Постепенно стираются границы между «производителями» и «потребителями» информации, что создает, по Г. Лукачу, деформированный способ бытия: индивид поглощает гигабиты информации и одновременно является ее автором.

Особенность цифрового бытия заключается в противоречии социальной природы человека и мира коммуникаций. Новые медиа акцентируют условность бытия и усиливают его негативность: индивид верит фейковым персонажам, постановочным кадрам, вымышленным сюжетам, в эффект «как в жизни», надеется на чудо и легкую удачу. Подключение индивида к массовой коммуникации, его «подшивание» (термин А.Бадью) к ней и ею (через различные ток-шоу, реалити-шоу, фабрики талантов и звезд и т.п.) можно рассматривать как бытование новых форм социальности.

Литература:

1. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. Тарасенко В.В. Человек кликающий: фрактальные метаморфозы // Информационное общество. 1999. №1. С.43–46.
3. Шайхитдинова С.К. Информационное общество и ситуация человека: Эволюция феномена отчуждения. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2004. 308 с.
4. Новая газета. 2014. №23.
5. Новая газета. 2014. №75.

Потенциал социальных медиа в реализации политики постправды
The potential of social media in implementing post-truth policy

Пятигорский государственный университет
Pyatigorsk State University

В исследовании доказывается, что социальные медиа, будучи неотъемлемым элементом медиасреды информационного общества, стали главным инструментом политики постправды, ведущейся представителями политических элит с целью защиты своих информационных привилегий и властного статус-кво.

Ключевые слова: социальные медиа, политика постправды, политические элиты.

The study argues that social media being an integral part of the media environment of the information society has become the main tool of post-truth policy pursued by representatives of political elites in order to protect their information privileges and the power status quo.

Keywords: social media, post-truth policy, political elites.

В последние несколько лет мир окончательно вступил в эпоху постправды, в которой истина уже не имеет высшего авторитета, а границы между правдой и ложью, честностью и нечестностью, фикцией и фактами практически полностью размылись [1, p. 136]. В различных странах успеха добиваются представители элиты, полагающиеся на полуправду, инсинуации и даже откровенную ложь. Широкую общественную поддержку получают политические кампании, далекие от объективных реалий. Не удивительно, что в 2016 г. редакция Оксфордского английского словаря назвала «постправду» термином года [2], понимая под ней представление о мире, основанное в большей мере на эмоциях и личных убеждениях, чем на объективных фактах.

Социальные медиа стали главным инструментом политики постправды, к которой сегодня обращаются многие элиты для защиты своих властных позиций. В данном контексте политика постправды есть совокупность действий, направленных на то, чтобы отделить политический дискурс от фактологической базы, в результате чего массы утрачивают способность адекватно реагировать на политические события. С помощью социальных медиа элиты часто дезориентируют общественность, публикуя откровенно ложные заявления, которые затрудняют продуктивные политические дебаты и критический анализ со стороны электората. Анализ показывает, что даже после многократных опровержений ложные заявления продолжают циркулировать в пространстве социальных медиа, отвлекая общественность от реально важных политических проблем.

С технической стороны эффективное проведение политики постправды, сопровождаемое расцветом «культуры пустословия» и возрождением популизма, стало возможным благодаря радикальной трансформации структуры и экономики информационного пространства, вызванной появлением новых коммуникационных технологий [3, р. 3]. Социальные медиа за относительно короткий период времени заняли место главного источника новостей, потеснив в этом деле т.н. мейнстрим-медиа. Информационное изобилие породило особую культуру, пропагандирующую использование коротких, ярких и легко запоминающихся сообщений, вытесняющих собой более сложные и детальные аргументы. Однако огромные объемы информации, захлестнувшие современное общество, затруднили возможность проверки ее подлинности и происхождения. В результате появилось множество ресурсов, распространяющих ложную информацию и фейковые новости, отвечающие политическим и финансовым интересам определенных акторов.

Наиболее ярким примером успешного использования элитами социальных медиа для проведения политики постправды может считаться референдум о членстве Великобритании в ЕС, предшествующая ему кампания и последующие события. Референдум о членстве Великобритании в ЕС, состоявшийся 23 июня 2016 г., отличался от других британских электоральных мероприятий неожиданно высокой явкой избирателей, составившей 72,2%. Неожиданным оказался и результат голосования (51,9% в пользу выхода страны из ЕС). Большинство опросов показывали, что голосование, хоть и с небольшим перевесом, должно завершиться в пользу продолжения членства Великобритании в ЕС [4, р. 89-90]. Однако благодаря проведению консервативной элитой, заинтересованной в выходе страны из ЕС, политики постправды с масштабным использованием социальных медиа результат оказался противоположным.

Литература:

1. Foroughi H., Gabriel Y., Fotaki M. Leadership in a Post-Truth Era: A New Narrative Disorder? // Leadership. 2019. Vol. 15. № 2. P. 135-151.
2. Flood A. «Post-Truth» Named Word of the Year by Oxford Dictionaries // The Guardian. 2016. November 15. URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/nov/15/post-truth-named-word-of-the-year-by-oxford-dictionaries> (дата обращения: 11.05.2021).
3. Mair J. Post-Truth Anthropology // Anthropology Today. 2017. Vol. 33. № 3. P. 3-4.
4. Marshall H., Drieschova A. Post-Truth Politics in the UK's Brexit Referendum // New Perspectives. 2018. Vol. 26. № 3. P. 89-105.

Историзм как коммуникативный концепт, парадигма и дисциплинарная матрица гуманитарных наук*
Historicism as a communicative concept, paradigm and disciplinary matrix of the humanities

*Санкт-Петербургский государственный университет
Saint Petersburg State University*

В работе анализируется возможность методологического исследования историзма в контексте целостного корпуса гуманитарных наук. Обсуждаются современные подходы и по отношению к исследованию историзма разрабатываются понятия «концепт-путешественник», «парадигма» и «дисциплинарная матрица». Делается вывод о том, что развитие этих понятий поможет отойти от характерной для философии истории оппозиции «телеологизм / релятивизм» и перейти в другой регистр проблематизации историзма – в диалоге гуманитарных наук.

Ключевые слова: историзм, гуманитарные науки, концепт-путешественник, парадигма, дисциплинарная матрица.

The paper analyzes the possibility of a methodological study of historicism in the context of an integral corpus of the humanities. The author discusses the modern approaches and the concepts of “travelling concept”, “paradigm” and “disciplinary matrix” and develops it in relation to the study of historicism. It is concluded that the development of these concepts will help to move away from the opposition “teleologism / relativism” characteristic of the philosophy of history and move to another register of problematization of historicism is the dialogue of the humanities.

Key words: historicism, humanities, travelling concept, paradigm, disciplinary matrix.

Философия истории – та область, в которой необозримое количество работ отражает не только растущий интерес к теме истории, но и существующее противоречие и кризис исследовательской ситуации. Причем, это положение дел характерно как для мировой, так и для отечественной научной сцены. Традиционная схема историзма, разработанная в рамках классической философии и метафизической традиции предполагала онтологический телеологизм. В XX веке в ходе кризиса классической онтологии, развития постмодернизма в культуре и науке на место историческому телеологизму пришел предельный релятивизм. Последний способствовал развитию с начала 1980-х гг. большого числа проектов, слабым местом которых стала онтология истории. Телеологизм и релятивизм выступили полюсами, противоречие которых не преодолено до сих пор. По этим причинам большинство исследований в этой области базируется на каком-то из методологических приоритетов

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук».

В отечественной науке последних тридцати лет ситуация осложняется тем, что классический историзм лежал в основании масштабной традиции исторического и диалектического материализма. С отказом от марксизма-ленинизма как идеологической основы философии распалась и традиция разработки историзма. В настоящий момент времени поэтому в России мы видим или работы по частным аспектам проблемы историзма в классической или современной философии истории, или обобщающие исследования (как и в западной науке), которые принимают за отправную точку какой-либо из методологических полюсов «телеологизм-релятивизм». Всякое исследование по философии истории воспринимается у нас в стране заведомо либо как устаревшее «истматовское», либо как онтологически неукорененное «постмодернистское». Эта ситуация не способствует осмыслению проблемы истории – фундаментальной проблемы не только философии, но и гуманитарных наук в целом.

Без преодоления описанной ситуации невозможно объективное исследование истории, ее онтологических оснований и одновременно исторического опыта человека. Синтез двух картин историзма в пространстве гуманитарных наук важен для налаживания междисциплинарного диалога и может стать основанием для преодоления частных методологических проблем в конкретных дисциплинарных областях. Онтологически обоснованной и одновременно обращающейся к современности (и посмодерной реальности) разработке проблемы историцистских оснований гуманитарных наук будет способствовать обращение к принципу историзма. Историзм при этом рассматривается как основание философии, истории, филологии и проч. наук, как поле, в котором могут быть обсуждены их методологические основания. Историзм тогда - необходимое условие легитимации гуманитарных дисциплин в социальном пространстве, а его философские основания есть онтология мышления, обеспечивающая теоретические основания этих дисциплин. При этом историзм является не только основанием методологии гуманитарных наук. На рубеже XIX–XX вв., когда большинство из них, разрабатывали свой фундамент, историзм выступил платформой для разработки критериев научности и объективности этих наук и дисциплин. Исторические методы, разработанные В. Дройзеном, А. Беком, В. Дильтеем, в частности методы исторической интерпретации, составили остов наук.

Отношения гуманитарных наук со своей историей, истористская позиция по отношению к самим себе являются фундаментом для самосознания каждой из них. Самосознание философии, филологии, психологии, социальных, политических, наук о культуре, во многом, историцистское самосознание. По этим причинам можно говорить об историзме как коммуникативном концепте, концепте-путешественнике, поэтому историзм можно рассматривать как парадигму, дисциплинарную матрицу гуманитарных наук. Подобная проблематизация будет развиваться на пересечении философии и методологии науки, социологии науки, философии истории.

В мировой традиции для таковой контекстуализации могут быть особенно значимыми идеи историков Хермана Пауля и Адриан ван Вельдхёйзена об историзме

как «концепте-путешественнике», лекции теоретика культуры Мике Балл, которые касаются самого понятия «концепт-путешественник», а также масштабная теория Йорга Рюзена и его учеников о парадигме, или дисциплинарной матрице, историографии.

В 1999 г., в своих лекциях, Мике Балл подмечает тот факт, что некоторые концепты оказываются особенно важными для целого ряда гуманитарных наук, и они переключаются из одной в другую, меняя смысл, приспосабливаясь к новым условиям, сгущаясь или расширяясь [1, р. 22]. Часто в других («не родных») науках они оказываются не менее, а даже более продуктивны. Херман Паул и Адриан ван Вельдхёйзен во введении к коллективной монографии 2021 г., совсем недавно, предлагают посмотреть на историзм как на подобный концепт-путешественник и оценить его гуманитарное поле [2]. Они не разрабатывают этой теории, а объединяют этой очень хорошей идеей разнородные работы, которые не могут (да и не намеривались) развить ее на своем материале. Паул в других исследованиях отмечает, что насущная задача истории – исследование историзма именно в перспективе гуманитарных наук в целом, а не как узкой идеи или теории немецких интеллектуалов, и что эта задача, несмотря на наличие огромного количества работ по историзму, до сих пор не реализована [3]. Как видим, пока не осмеливается на ее реализацию и он сам.

Единственная попытка здесь (и Паул упоминает ее как не выдержавшую критики) – это исследование историзма и историографии как парадигмы, или дисциплинарной матрицы, предложенная Йоргом Рюзеном. На наш взгляд, если присмотреться к ней внимательнее, несмотря на существующие критические возражения [4], в ней можно найти ряд потенциалов для контекстуализации историзма как основания гуманитарных наук.

Методологии историографии Рюзен посвящает трехтомник, в котором, развивая терминологию Т. Куна, обращается к дисциплинарной матрице (парадигме) историографии, которая может изменяться с течением времени под влиянием изменений общенаучных оснований дисциплины, а также общей теории науки, трансформаций запроса к социальным наукам [См.: 5]. Структура дисциплинарной матрицы включает пять факторов, или «принципов исторического мышления»: 1) познавательный интерес – превосходение интересами и потребностями наличной ситуации, научный интерес не может быть ограничен данностью и нуждается во временной, исторической перспективе; эта перспектива рождает историческое сознание науки; 2) теория или доминирующие взгляды, которые показывают исторический характер мышления, а также существующие в данный момент научные представления о гипотезах, методах и проч.; 3) эмпирические методы и методические правила эмпирического исследования; 4) формы исторической репрезентации; 5) ориентировка существования – формирование фундамента жизненной практики, культурная ориентация, концепция исторической идентичности.

Всякая гуманитарная наука, включающая исторический раздел, – философия, психология, филология, социальные и политические науки, науки о культуре, –

предполагает историческую парадигму. Более того, в силу близости дисциплинарных полей, науки о культуре и человеке ориентируются на общую историческую парадигму, своеобразную и специфическую для всех историцистскую дисциплинарную матрицу.

Особенно акцентированный элемент здесь, если мыслить в терминологии Рюзена, это фактор познавательного интереса – постоянное превосхождение гуманитарными науками наличной ситуации, характерная для них темпоральная ориентация. Фактор познавательного интереса часто активизируется в моменты институциональных перестроек или, позднее, когда исторические разделы становятся необходимы для идентификации соответствующей науки. Для философии этот фактор особенно значим, поскольку она постоянно обращается к своей истории, однако наиболее выраженным мы находим его в момент выделения истории философии как самостоятельной отрасли, в XVII–XVIII вв. Именно тогда история философии мыслится как пропедевтика к собственно философии и служит направляющей для философского мышления: теория, ориентировка существования, методы философской интерпретации тесным образом связываются тогда с формами исторической репрезентации.

Часто фактор познавательного интереса, как и сама историцистская парадигма, акцентируются в продолжении такового в исторической науке. Так происходит в последние годы в теории литературы и психологии, в рамках которых развиваются «новые истории». Они мыслят себя как непохожие на «старые», базирующиеся на новой теории и использующие другие формы исторической репрезентации. Эта новая конфигурация исторической парадигмы в рамках теории литературы и психологии способствует институционализации исторических отраслей наук.

Новые истории поднимают и вопросы идентификации науки. Мы видим это на примере дискуссий новой истории психологии и спора Д. Робинсона [6] и К. Данцигера [7; 8]. Акцентирование двух первых принципов исторического мышления приводит к поставке вопроса об истоке психологии. Предмет спора исключительно истористский: Робинсон и Данцигер спорят о том, можно ли считать античную науку предшественницей психологии, или нам вести ее отчет с начала XIX века. Каждый из маститых исследователей приводит свои обоснованные аргументы, и самое главное не в них, а в самой сути дискуссии. Психология здесь в новом варианте своей истории наконец-то обращается к точке своего рождения. Она активизирует, как его называет Рюзен, фактор познавательного интереса и обсуждает свою современную концепцию, ставя ее напротив древней, проблематизируя второй фактор – в терминологии Рюзена «фактор теории». Так психология выстраивает перспективу истории, обретая историческое самосознание, о котором в своих ранних работах как о давно желаемом, но недостаточно развитом у психологии писал М. Фуко [9]. Можно сказать, что спустя более полувека в своей новой истории психология как раз смогла развить проект философской и психологической историографии.

Три остальных фактора или принципа исторического мышления в гуманитарных науках не менее важны. Методические правила эмпирического исследования – это, по

мнению Рюзена, то, что часто подменяется метатеорией и редко обсуждается в исторической науке и, можно добавить, что редко обсуждается в гуманитарной науке в целом [10]. С этим фактором связан фактор исторической репрезентации и конкретных техник представления истории в современной теории. Новые истории как раз поднимают эти проблемы, когда обсуждают чем они, как «новые» отличаются от «старых» [11; 12; 13]. Поэтому, когда Ф. Анкерсмит стирает это отличие и говорит, что всякие «новые» истории являются лишь радикализацией «старой» [14], он одновременно и прав, и не прав: в том смысле, что для нового периода развития исторического самосознания гуманитарных наук, наименование себя «новой» есть способ проблематизировать собственные подходы, формы исторической репрезентации и эмпирические методы. Так теория литературы и психология говорят о приоритетах в выборе исторических фигур, необходимости учета контекста, процедурах отбора источников. Дистанция здесь, конечно, искусственна, но нужна не для различения, а для вычленения того, что без постулирования «новизны» могло оказаться незамеченным.

Последний элемент исторического мышления, принцип ориентировки существования, который связан с выработкой концепции исторического прогресса, или же концепций исторической идентичности, культурной ориентации, предстает как раз не в отдельной исторической науке, а в истории как парадигме гуманитарных наук в целом. Он задается теми общими принципами, которые гуманитарные науки вырабатывают в своем историческом самосознании с целью ориентирования человека в истории.

Все три понятия «концепт-путешественник», «парадигма», «дисциплинарная матрица», которые могут использоваться при проблематизации историзма в гуманитарных науках, указывают на необходимость методологического диалога между философией истории, исторической наукой, историей психологии, новой историей и проч. Развитие этих понятий в связке с исследованием историзма поможет отойти от характерной для философии истории оппозиции «телеологизм – релятивизм» и перейти в другой регистр проблематизации историзма – в диалоге гуманитарных наук.

Литература:

1. Bal M. Travelling Concepts in the Humanities: A Rough Guide. Toronto: University of Toronto Press, 2002.
2. Paul H. Veldhuizen A., van. Introduction: Historicism as A Travelling Concept / Historicism as A Travelling Concept. Eds. Herman Paul, Adriaan van Veldhuizen. London, New York: Bloomsbury Academic, 2021. P. 1–12.
3. Paul H. Who Suffered From the Crisis of Historicism? A Dutch Example // History and Theory. 2010. № 2. P. 169–193.
4. Iggers G.G. Historicism: The History and Meaning of the Term // Journal of the History of Ideas. 1995. № 1. P. 129–152.
5. Megill A. Jorn Rusen's Theory of Historiography between Modernism and Rhetoric of Inquiry // History and Theory. 1994. № 1. P. 39–60.
6. Robinson D.N. Historiography in Psychology: A Note on Ignorance // Theory & Psychology. 2013. № 6. P. 819–828.

7. Danziger K. Does the history of psychology have a future? // *Theory & Psychology*. 1994. № 4. P. 467–484.
8. Danziger K. Psychology and Its History // *Theory & Psychology*. 2013. № 6. P. 829–839.
9. Фуко М. Ранние работы. Пер. с франц., предисл. и коммент. О.А. Власовой. СПб.: Владимир Даль, 2015. 287 с.
10. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории // *Диалог со временем*. 2001. Вып. 7. С. 8–26.
11. Levinson M. Reflections on the New Historicism // *European Romantic Review*. 2012. № 3. P. 355–362.
12. Lovett B.J. The New History of Psychology: A Review and Critique // *History of Psychology*. 2006. № 1. P. 17–37.
13. Watrin J.P. The “New History of Psychology” and The Uses and Abuses of Dichotomies // *Theory & Psychology*. 2017. № 69–86.
14. Ankersmit F.R. An Appeal from The New to The Old Historicists // *History and Theory*. 2003. № 42. P. 253–270.

УДК 1(091)
ББК 60.0

А.В. Дьяков
Alexandr Dyakov
a.diakov@spbu.ru

Критика историзма как критика оснований гуманитарных наук* **The Critics of the Historicism as a Critics of the Foundations of Humanities**

Санкт-Петербургский государственный университет
St. Petersburg State University

Историзм служит основанием гуманитарных наук в методологическом отношении и в то же время выступает инструментом их легитимации в пространстве научного знания. Всякая критика историзма, с какой бы стороны она ни развивалась, оказывается тем самым критикой оснований, на которых так или иначе зиждется корпус гуманитарных наук и порождаемые ею идеологические и политические конструкции.

Ключевые слова: историзм, гуманитарные науки, механицизм, релятивизм, критика.

Historicism serves as the basis of the humanities in methodological terms and at the same time acts as an instrument of their legitimation in the space of scientific knowledge. Any criticism of historicism, no matter how it develops, turns out to be a criticism of the foundations on which the body of the humanities and the ideological and political constructions generated by it are based in one way or another.

Keywords: historicism, Humanities, mechanicism, relativism, criticism.

Историзм как парадигмальная установка гуманитарных наук является их основанием как в методологическом, так и в квази-метафизическом отношениях. Поэтому всякая критика историзма, с какой бы стороны она ни приходила и в каком бы направлении ни развивалась, представляет собой подрыв этих оснований. Таков наш общий тезис, который мы намерены здесь аргументировать, обозначив свою

---

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук»).

позицию за пределами этой критики, то есть по возможности избегая оценочных суждений.

Термин «историзм» в том самом общем смысле, который мы используем здесь, представляет собой интеллектуальную установку, в силу которой всякое явление или процесс рассматриваются как обусловленные текущей исторической конъюнктурой и порождаемые определенной исторической ситуацией. Другими словами, историзм – это релятивизм и полная противоположность механицизму в философии, утверждающему неотменимое воспроизводство одних и тех же сущностей в силу постоянства природы человека и мира. Главным эффектом историзма является отказ о представлении о существовании транс-исторических универсалий и самой телеологической истории, протекающей не только по неизменным законам, но и в определенном направлении. Непосредственным следствием принятия историзма в области философии оказывается устранение метафизики сущности и явления, а по большому счету ревизия всей философской традиции, имеющей своим основанием механицизм, от картезианства до феноменологии.

Историзм является изначально критической установкой, нацеленной на ниспровержение мощной традиции. Подрыв оснований метафизики позволяет произвести тотальную ревизию философских доктрин, имеющую не только и, быть может, не столько теоретическое, но также политическое значение. Наиболее ярким примером такого утверждения историзма в качестве теоретического и политического орудия критики старой философии и старого мира служит проект исторического материализма, уходящий корнями в труды классиков марксизма. Будучи поначалу сугубо критическим демаршем, направленным на подрыв идеологии, стремящейся скрыть исторический характер капитализма и представить его естественным состоянием общественного производства, историзм впоследствии сам утвердился в качестве идеологической доктрины, призванной утвердить в человеческом сознании мысль о неотменимости хода истории в направлении финальной точки.

Однако, сам будучи изначально орудием критики и со временем превращаясь в основание для новой парадигмы мышления, историзм в свою очередь становится объектом критической атаки. Критика историзма развивается по разным направлениям, на первый взгляд не имеющим непосредственной направленности на его теоретические основания. Тем не менее, критическая атака на историзм всегда ставит под удар его философские основания, либо непосредственно, либо опосредованно.

Прежде всего, поскольку историзм при благоприятных условиях становится платформой для идеологических конструкций, чему ярчайшим, но не единственным примером служит марксизм, критика историзма развивается в политическом регистре. Отказ от марксизма в качестве общепринятой официальной доктрины на излете существования СССР показывает, каким образом теоретическая платформа может быть дискредитирована в глазах интеллектуалов без лобовой критики и какой бы то ни было попытки демонстративного опровержения. Теоретические основания истмата считаются делегитимированными в силу делегитимации политической

доктрины, основанной на этой теории. Тем не менее, новый диспозитив не допускает возможности сворачивания политической практики, имеющей своим основанием историзм, при сохранении историзма в качестве теоретического основания, на котором могли бы разворачиваться процессы, ведущие к обновлению интеллектуального пространства.

С другой стороны, критика историзма и его оснований развивается в пространстве исторической науки, на союз с которой рассчитывали философы, сделавшие историзм основанием своей рефлексии. Мишель Фуко, к примеру, после знаменитого спора с Ж.-П. Сартром гордо заявлял, что гордится тем, что ему удалось ниспровергнуть такую историю, в которую верят философы – историю телеологическую, подчиняющуюся умопостигаемым законам на протяжении всей своей длительности и имеющей своим горизонтом некий оптимистический финал. Заменяв, как выразился тот же Сартр, кино волшебным фонарем, другими словами, предложив трансверсальное исследование отдельных исторических моментов и отказавшись от претензии обозревать человеческую историю в целом, Фуко рассчитывал найти себе союзников среди историков школы Анналов. Несмотря на общий для левых интеллектуалов 1960-1970-х гг. пафос, историки, по-видимому, не оценили его усилий, сочтя их, с одной стороны, дилетантскими, а с другой, отдающими метафизикой, интереса к которой они не испытывали. Жан Бодрийяр выразил сходную мысль в своей провокативной работе «Забыть Фуко», заявив, что этот последний имплицитно возрождает те самые дискурсивные стратегии, которые эксплицитно берется ниспровергать.

Историзм оказывается своего рода навязчивой идеей гуманитарных наук, которые никак не могут забыть о нем, ибо он как раз и задает их основания. Вместе с тем, историзм полагает внутренний предел гуманитарным наукам, который они никак не могут преодолеть. Заявление Фуко о том, что в области философии на смену метафизическому сну пришел сон антропологический, можно понимать в том смысле, что навязчивое воспроизведение одних и тех же схем мышления сместилось в новый регистр, имеющий иные основания по сравнению с метафизикой классического века, то есть, как мы уже говорили, с механицизмом. Это смещение вызвало то, что Б. Латур более или менее удачно назвал «переводом» - перевод прежних проблем на новый понятийный язык, перевод сугубо теоретических вопросов в пространство социально-политической жизни человека, а главное, этот перевод потребовал нового типа проблематизации вопросов, связанные с бытием человека. Другими словами, речь идет не просто о пересадке старого вопроса о человеке на новую почву, с тем, чтобы по мере надобности можно было его вернуть обратно, но о том, чтобы укоренить его на новой территории, сделав эндемиком истористской почвы. Продолжая агрономическую метафору, можно сказать, что теперь этот вопрос можно лишь выколоть и попытаться культивировать в новых условиях, что потребует невероятных затрат труда и времени, но не пересадить.

Конъюнктура нашего времени, очевидно, требует новых метафизических оснований, некоего синтеза во что бы то ни стало, который позволил бы избыть ту

бездомность и неприкаянность, в которых оказалась западная мысль после трех столетий анализа и критики. И поскольку историзм, как уже говорилось, стал мощнейшим орудием этой критики, избавление от него оказывается желанным для многих интеллектуалов. Раз уж историзм настолько прочно связан с гуманитарными науками и вообще с вопросом о человеке, призывают даже отодвинуть в сторону этого последнего ради создания новой онтологии, ориентированной на объект и оставляющей субъекта на вторых, если не на третьих ролях. Однако эти потенциально радикальные устремления сталкиваются с тем обстоятельством, что историзм изначально не являлся, а теперь не является и подавно сугубо теоретической конструкцией, но рождается из определенного мироощущения, формирующего всю современную западную цивилизацию. Поэтому всякая попытка устранения историзма сталкивается с колоссальным корпусом идеологических и политических программ, конституирующих либеральное общество и определяющих современный политический расклад.

На данный момент историзм является основанием идеологических и политических конструкций, которые если изначально имели что-то общее с философскими доктринами, а то и прямо порождались ими, то теперь все больше от них отрываются, превращаясь в комплекс маркетинговых стратегий или, быть может, новую политическую экономию, в философии мало нуждающуюся. Философские же доктрины, выросшие на той же почве и имеющие тот же базис, оказываются тесно сопряжены с этой политической конъюнктурой, но оттеснены на второй план и несвободны в своих попытках уйти от нее. В этой ситуации радикальная критика истористских оснований приходит со стороны самой философии, которой в определенном смысле приходится пилить сук, на котором она сидит, с тем, чтобы обрести возможность для нового философского синтеза. В гипотетически возможной новой дискурсивной формации как самой философии, так и гуманитарным наукам, очевидно, придется искать новую нишу, в которой стало бы возможно их дальнейшее развитие.

Критика историзма в трудах Мишеля Фуко*
Criticism of historicism in the works of Michel Foucault

Санкт-Петербургский государственный университет
St. Petersburg State University

В работе анализируется критика историзма в трудах Мишеля Фуко. Рассматривается подход прерывности к истории и историзму, предложенный Фуко в противовес классической эволюционистской модели истории. Рассматриваются отношения между Фуко и французскими историками. Кроме того, автор доказывает, что критика историзма Фуко основывалась на концепциях Альтюссера, Кангийема и Ницше.

Ключевые слова: Мишель Фуко, историзм, прерывность, дискурс.

The paper analyzes the criticism of historicism in the works of Michel Foucault. The paper considers the discontinuity approach to history and historicism proposed by Foucault in contrast to the classical evolutionist model of history. The relations between Foucault and French historians are considered. In addition, the author proves that the criticism of Foucault's historicism was based on the concepts of Althusser, Kangiyem and Nietzsche.

Keywords: Michel Foucault, historicism, discontinuity, discourse.

Мишеля Фуко в исторической науке обычно рассматривают как критика классической позитивистской модели истории; точно так же, когда речь заходит о психиатрии, Фуко рассматривают как анти-психиатра, не вдаваясь в подробности его работ и интервью, опровергающие данные высказывания. Друг и коллега Мишеля Фуко, Поль Вен, утверждал: «Фуко - это и есть совершенный историк... Он первый законченный позитивист-историограф» [1, с. 11]. Высказывание Вена контрастирует с общим представлением о Фуко, как о постмодернисте, критикующим гуманитарные науки и, в частности, историю. Отношения между Фуко и французскими историками были весьма напряженными. 20 мая 1978 года состоялся коллоквиум на тему «Пенитенциарные системы в XIX веке», на котором Фуко выступал с идеями из «Надзирать и наказывать». На этом коллоквиуме, по словам Поля Вена, присутствовали Карло Гинзбург, Жак Леонар, Жак Ревелль - светила исторической науки. Коллоквиум закончился скандалом между Фуко и классическими историками, причиной скандала стал не исторический материал, а методологический подход Фуко к истории и историзму. Фуко выступил с позиции радикального отказа от причинного объяснения исторических событий, и в диалоге с Полем Веном Фуко скажет: «Нужно избавиться от предубеждения, согласно которому история без причинности перестает быть историей» [2, с. 31]. Данное утверждение шло вразрез с классическим

---

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук»).

представлением об истории как о череде сменяющих друг друга эпох, хорошо имевшем место в академической историографии, идущей от Леопольда фон Ранке. Метод историзма предполагал рассмотрение истории в ее динамическом, диалектическом развитии, а также изучение исторических событий в контексте происходившего. Фуко критиковал французских историков, последователей «школы Анналов», за то, что те так и не вышли за рамки изучения общества, не продвинулись в своем историческом познании дальше методологии Маркса, Дюркгейма и позитивизма [2, с. 32]. Историческая наука во Франции к 70-м годам все ещё находилась под сильным влиянием «школы Анналов», которая расширила диапазон исторического исследования с макроистории, истории победителей, до микроистории, истории побежденных, истории быта. Французская историческая наука на тот момент времени все ещё обходила стороной и вытесняла тему сексуальности, тюрьмы, безумия, тела, считая их маргинализированными и выводя их за рамки исторического дискурса. В статье «Ницше, генеалогия, история» Фуко дает определение истории, как смены технологий власти и изменения отношения к телу [5, с. 76]. Тем самым Фуко на протяжении всей своей жизни будет не соглашаться с общепринятыми подходами и концепциями по отношению к истории и историзму. То, что считалось маргинализированным и вытесненным классической наукой, в философии Фуко будет иметь особое звучание.

Истоки исторического скепсиса Мишеля Фуко основываются, во-первых, на концепциях Луи Альтюссера, который считал, что существуют специфические временные модальности у различных общественных «инстанций» [3, с. 472]. Во-вторых, на концепциях Жоржа Кангийема, который отказывался от понимания исторического движения как кумулятивного прогресса. Именно у Кангийема Фуко находит понимание истории как «прерывности» в противовес линейности. Именно Кангийем одним из первых во Франции заострил внимание на том, что историю не надо рассматривать как движение к некоей истине, по направлению к которой движется всемирно-исторический процесс. Именно Кангийем подсказал Фуко, что задача эпистемолога состоит в том, чтобы в историческом анализе показывать оппозиции «ложного» и «истинного», присущего каждому историческому дискурсу. В-третьих, он основывался на концепции истории Ницше, который отрицал «историческую объективность» и рассматривал историю не как нечто неприкосновенное, а как то, с чем нужно и должно работать. Для Ницше и для Фуко история не является сакральной, более того, оба философа критиковали презентизм.

Отталкиваясь от трех фигур мысли, Фуко выстраивает критику историзма по двум направлениям: 1) критика непрерывности в изучении исторических эпох и событий, 2) критика метафизического подхода.

Анализируя историю со стороны философии, Фуко видел, что на протяжении веков историю изучали только как «всеобщую», протяженную во времени и имеющую смысл, не беря во внимание специфические разрывы и вырезы, которые выходили за рамки «большой истории» из-за своей «незначительности». В «Археологии знания» Фуко приводит примеры таких «незначительных» мест в

истории, как история производства зерна, история добычи золота, история севооборота [4, с. 36]. Данные события в истории были теми камнями преткновения, которые усложняли выстраивание связей и линий в истории, т.к. классическая модель историзма основывалась на выяснении причин и нахождении целей в истории. Но Фуко идет дальше: для него первоочередной задачей было понимание того, как и каким образом конституируется механизм разделения на большую и малую историю, почему именно причинная модель исторического анализа возобладала в науке, и как объединить в истории то, что не подчиняется линейной схеме [4, с. 44]. В эссе о Ницше Фуко противопоставляет традиционный принцип поиска причин в исторической науке свою генеалогию, в которой Фуко отказывается от метафизического развертывания телеологических бесконечностей в истории [5, с. 78].

Поиск причины для Фуко – это метафизический вопрос о происхождении, вопрос об истине, который всегда уводит от конкретики происходившего и происходящего. Вопрос о происхождении стоит в одном ряду с вопросом о начале и является телеологическим. В качестве примера Фуко приводит язвительную цитату: «Показывая его божественное рождение, в человеке пытались пробудить чувство суверенности: теперь это — запрещенный путь, потому что при входе сидит обезьяна» [5, с. 80]. Вопрос о причине в классической модели исторической науки соприкасается с вопросом о прогрессе, с вопросом об эволюции: если есть причина события, значит есть и непрерывное развитие данного события, что является историей.

Фуко предлагает свою модель истории в противовес историзму: если прерывность тех или иных событий мешала общей картине мира, то эти события попросту вытеснялись из области рассмотрения, однако для Фуко подобная ситуация становится главным инструментом и объектом исследования. Под прерывностью Фуко понимал намеренное действие историка: при изучении каждой эпохи историк должен пользоваться инструментарием, методами, характерными для каждой эпохи. В отличие от классической модели историзма, ярко выраженной в марксистской методологии, где «общественно-экономическая формация» распространялась на мировую историю, Фуко настаивал на том, что прерывность – это понятие, которое постоянно будет уточняться в зависимости от того материала, с которым работает историк [4, с. 45]. Тем самым на смену непрерывности приходит прерывность, которая позволяет историку включать все события в дискурс. Поль Вен, анализируя дискурс Фуко, дал изящное определение: «Дискурсы у Фуко – это очки, через которые люди каждой эпохи видят все, что могут, думают и действуют» [2, с. 37]. Таким образом, фукианский дискурс включает в себя то вытесненное, то бессознательное, которое всегда считалось незначительным. Заслуга Фуко как раз и состоит в том, что он настаивал на рассмотрении истории исходя из совокупности дискурсов.

В заключение можно сказать, что Мишель Фуко, критикуя историзм за усматривание в истории причинно-следственных связей, прогрессизм, эволюционизм и поиск внеисторической истины, видит во всем этом «метафизику». Он предлагает

свой оригинальный подход, основанный на рассмотрении различий и прерывностей в истории, которые, по мнению Фуко, образуют исторический дискурс во всем его многообразии и уникальности по отношению к другим историческим срезам.

Литература:

1. Вейн П. Фуко: революция в историографии // Новое литературное обозрение. 2001. № 3. С. 3-39.
2. Вен П. Фуко. Его мысль и личность / Пер. с фр. А. В. Шестакова. СПб.: Владимир Даль, 2013.
3. Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя, 2010.
4. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.
5. Фуко М. Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. Мн.: Изд. ООО «Красико-принт», 1996. С. 74-97.

УДК 316.77

ББК 60.0

И.А. Колпаков, И.Г. Шестакова
Ilya Kolpakov, Irina G. Shestakova
kolpa4.vhla@mail.ru

Маяк нравственных ценностей в условиях информационной бури Beacon of moral values in the information storm

*Санкт-Петербургский Горный университет
Saint-Petersburg Mining University*

Нравственные ценности – один из самых чувствительных элементов, подвергающийся трансформации в эпохи великих перемен. В данной работе сделана попытка проанализировать влияние сверхбыстрых социотехнологических трансформаций цифровой эры на данный феномен.

Ключевые слова: четвертая информационная революция, нравственные ценности, культурная идентичность.

Moral values are one of the most sensitive elements that undergo transformation in times of great change. In this paper, an attempt is made to analyze the impact of ultra-fast socio-technological transformations of the digital era on this phenomenon.

Key words: fourth information revolution, moral values, cultural identity.

В какой-то мере, личность каждого разумного можно назвать совокупностью информации, полученной им за жизнь. Память, ассоциативные связи, рефлексy, язык, которым говорим и мыслим. Всё это есть мы. А процесс формирования и преобразования сознания не прекращается ни на мгновение. Процесс, который невозможно контролировать до конца. Со временем личность собирает свою мировоззренческую парадигму и начинает обрабатывать дальнейший поток поступающей информации, основываясь уже на ней. И с этого момента сбить её с курса крайне тяжело. Тысячи лет люди на крепких прибрежных скалах ставят маяки, чей свет должен быть виден за многие километры. Они служат ориентиром, чтобы

корабли могли вернуться в родную гавань, не теряясь среди бурь. Чем-то виртуальное пространство напоминает океан, там можно заниматься «сёрфингом», отправиться в кругосветное путешествие, и по пути пропасть. А значит, в нём должно найти свои маяки.

Традиционно, первичным и главным источником влияния на процесс формирования начальных ценностей является семья, далее ближайшее окружение, друзья, учителя, книги. Однако в условиях цифрового мира, традиционные авторитеты всё больше сдают позиции на фронте борьбы за влияние на умы. Четвёртая Информационная Революция [1], идущая вместе с распространением Интернета, разбила для информации узлы расстояния, объединив весь мир в глобальную Сеть, и продав каждому индивидууму свободу производить и потреблять любую желаемую информацию. Однако, эта свобода и ориентированность на индивидуализм, породила информационный хаос [3], скверно влияющий на прививание единых культурных ценностей, направленных на преобразование окружающего мира, особенно у молодого поколения, чьи личности лишь проходят этап формирования. Настолько скверно, что некоторые утверждают, что это приведёт к деградации общества [2]. С каждым годом всё больше и больше Сеть перетягивает на себя одеяло влияния, но винить в этом особо некого, за этим процессом не стоит какой-либо осознанной воли, то, что я получу, впервые зайдя Интернет, определяет случай. Подобная дезорганизация массового сознания в будущем грозит социальными проблемами [4].

Что же, мы, представители нашей культуры, можем и должны сделать на цифровом поле для её сохранения и развития? Можно попытаться оградить её от влияния извне. Путём ужесточения контроля за Интернет-ресурсами, цензурой, или угрозой штрафов. Однако сама природа Интернета делает запрет чего-либо делом крайне трудноосуществимым, а переход части воспитательного и образовательного процессов в виртуальное пространство видится неизбежным. Другой метод предполагает предварительную выработку, того самого, необходимого базиса восприятия внешней информации—метафорическая, цифровая вакцина. Подобная мера позволит заранее нивелировать хаотичное влияние Сети, но не ограничит приток информации.

Критическое мышление, здравое понимание и принятие гуманистических ценностей, культурная идентичность, вкус. Вот что должно служить указующим маяком во время путешествия сквозь бури информации, и учить этим вещам, как и умению плавать, нужно до выхода в море.

Литература:

1. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Kindle Edition, 2016.
2. Кутырёв В. А. Человеческое и иное: борьба миров. СПб.: Алетейя, 2009.
3. Shipunova O.D., Kuznetsov D.I. Communication and the natural social order // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. No. 6 (3 S3). P. 265.
4. Шестакова И.Г. Прогрессофобия в новой темпоральности цифрового мира // Вопросы философии. 2021. Т. № 7. С. 61–71.

УДК 316.77

ББК 60.0

М.Р. Круподеров, И.Г. Шестакова
Maxim Krupoderov, Irina G. Shestakova
irina_shestakova@inbox.ru

Социальная утопия: вчера сегодня завтра Social utopia: yesterday today tomorrow

*Санкт-Петербургский горный университет
Saint-Petersburg Mining University*

Данная статья обращена к проблеме построения Утопии. Анализируются попытки ее создания в разные годы, и вызовы времени в отношении ее в разные периоды жизни человечества. Показано предположение строя идеальной утопии в будущем, к каким жертвам это приведет, и как много мы сможем с ее помощью получить.

Ключевые слова: Социальная философия, утопия, СССР, футурология, цифровая цивилизация.

This article addresses the problem of building a Utopia. The attempts to create it in different years, and the challenges of the time in relation to it in different periods of the life of mankind are analyzed. It is shown the assumption of building an ideal utopia in the future, what sacrifices this will lead to, and how much we can get with it.

Key words: social philosophy, utopia, USSR, futurology, digital civilization.

Введение. Утопия - изображение идеального общественного строя, лишенное научного обоснования. Произведение, рисуящее картины идеального общественного строя в полном отрыве от реальности, от закономерностей в развитии общества. Именно так ее описывают философы.

Существует множество идей социальных утопий, и все они полностью противоречат нашим устоям жизни. Те мысли, о которых пишут в книгах, покажутся нам в некоторой степени безумными и абсолютно дикими. Уничтожение частной собственности - является одним из таких странных примеров, именно на нем строится большинство идей. Имея общее имущество, каждый человек будет уважаем и защищен от других. У каждого будет своя занятость, которая будет вносить необходимый вклад в общее дело. Отсутствие денежных средств также характеризует множество утопий, люди получают продукты по своей потребности и в определенном количестве, что приводит нас к высказыванию «от каждого по способностям - каждому по потребностям». Управление страной возлагается на монарха, который является главным мыслителем, философом.

В наше время идея социальной утопии становится с каждым днем все актуальнее. Одна из проблем невозможности создания утопии постепенно исчезает [1]. Человеческий фактор— многозначный термин, описывающий возможность принятия человеком ошибочных или алогичных решений в конкретных ситуациях. Имея способность заменить людей на автоматизированные системы, появляется

возможность увеличить производительность труда. Но оборудование требуется в обслуживании, именно поэтому без человека не обойтись.

Человек является одним из главных факторов, который не позволяет создать утопию. Каждый из нас индивидуальность, имеющая свои пороки. Люди склонны к зависти алчности, исключая материальные ценности люди не перестанут проявлять негатив друг к другу, они найдут иной вариант ненависти. Например, внешние признаки, каждый человек отличается от других внешностью- цветом кожи, чертами лиц и тела. В погони за идеальной внешностью, не имея других ценностей личности люди будут готовы на те же преступления что и в нашем мире ради денег. Без внимания не останутся и черты характера. У каждого человека есть свои точки зрения на разные вопросы, именно они и послужат новыми причинами конфликтов между жителями утопии. В мировой истории существуют попытки создать утопию, и я бы хотел рассмотреть их, изучить их проблемы.

Пальманова. Цитадель для никого. Цитадель в форме девятиконечной звезды построили в октябре 1593 года для защиты жителей Венецианской Республики от нападения оттоманов. Планировалось, что это будет процветающее поселение, живущее в гармонии под защитой величественных стен. Одна проблема: никто не захотел там жить. Людям не понравилась идея жить в замкнутом пространстве и пришлось заселить Пальманову амнистированными заключенными. Вскоре структура города начала рушиться за счет сильно ограниченных земель и населения низкого качества [2]. Что вновь ведет нас к проблемам строительства утопии.

СССР. СССР также является одной из попыток построения идеального государства. Имея схожие с утопией идеи Советы пытаются исключить частную собственность и наличие денежных средств, но все это ведет к печальному результату. Людям не хватает продуктов и прочих нужд для того чтобы они ни в чем не нуждались. Снова образуются богатые и бедные люди. Например- имея больше связей человек мог не стоять в очереди за машиной несколько лет, а получить ее сразу, да и по цене потянуть машину мог не каждый советский гражданин. Так же тут встает проблема о нежелании людей жить в идеальном обществе, так как некоторые страны насильно заставили вступить в советский союз, их лидеры грезил желанием о независимости. Так же нашлись недовольные люди и в странах которые вступили по обоюдному согласию [3]. В итоге СССР развалился под натиском недовольных людей которые хотели перемен, и не желали жить жизнью рядового пролетария.

Заключение. Мы живем во время цифровых инноваций и никто не знает как скоро мы сможем решить основные проблемы создания утопии. Но сравнивая с СССР мы сделали большой шаг в этом направлении. Заменив часть физических усилий которые делали люди машинами мы не только ускорили но сделали дешевле производство. В настоящее время люди уже смогли клонировать животное, не далекий тот час когда начнут искусственно создавать людей, а после и прочие вещества и продукты которые необходимы для проживания человека. И тогда, когда будет создан идеальный строй где значимость человеческого труда опущена до минимума, когда машины будут не только автоматически исполнять любую нашу прихоть и

контролировать любое наше действие. Захотим ли мы жить в таком мире?! В мире где не ценится человек как личность [4], где исчезнут виды искусства, способы самовыражения. Где каждый человек будет схож с другим и не будет иметь своего мнения на вопросы морали. При клонировании людей есть вероятность использования одного (идеального) шаблона. Тогда, можно предположить, что человек как вид исчезнет, останется лишь «животное» которое будет способно только на развлечения и нечего более. Остановиться технологический процесс из-за ненужности развития в данном направлении. Один из основных смыслов жизни человека – это созидание именно его люди начинают лишаться в настоящее время и могут полностью лишиться в будущем.

Литература:

1. Шестакова, И. Г. Страна гуингнмов как утопическая цель социального прогресса, или О том, во что может превратиться человечество / И. Г. Шестакова // Гуманитарные практики в современном социуме: модернизация и глобализация: сборник научных трудов. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2011. С. 367–369.
2. Пальманова — симметричный город-крепость в Италии // https://pikabu.ru/story/palmanova__simmetrichnyiy_gorodkrepost_v_italii_7534319
3. Оруэлл Дж. 1984 / Пер. В. П. Голышева. М.: Прогресс, 1989.
4. Шестакова И.Г. Прогрессофобия в новой темпоральности цифрового мира // Вопросы философии. 2021. Т. № 7. С. 61–71.

УДК 316.77

ББК 60.0

С.Е. Теплинский, И.Г. Шестакова
Stepan Teplinsky, Irina G. Shestakova
Stepan.teplinskiy@mail.ru

Развитие этнокультурных конфликтов в обществе постмодерна и период глобализации

The development of ethno-cultural conflicts in a post-modern and globalised society

*Санкт-Петербургский Горный Университет
Saint-Petersburg Mining University*

Развитие этнокультурных конфликтов в обществе постмодерна и период глобализации. Цель статьи заключается в анализе воздействия глобализации на зарождение и развитие конфликтов между различными культурами. В ходе исследования данной проблемы, были использованы работы мыслителей антиглобалистской направленности. Результаты и выводы: глобализация в обществе постмодерна и её последствия привели к деструктивным последствиям для определенных социальных групп, которые, противясь воздействию процесса глобализации, создают этнокультурные конфликты с целью протеста современному миру.

Ключевые слова: пре-модерн, модерн, постмодерн, глобализация, конфликт.

The development of ethno-cultural conflicts in a post-modern and globalised society. The aim of the article is to analyse the impact of globalisation on the emergence and development of conflicts between

different cultures. In the course of the research of this problem, the works of anti-globalisation thinkers were used. Results and conclusions: Globalization in a postmodern society and its consequences have led to destructive consequences for certain social groups, which, resisting the effects of globalization, create ethno-cultural conflicts to protest the modern world.

Keywords: premodern, modern, postmodern, globalization, conflict.

Современный мир, несмотря на развитие идеологии терпимости и толерантности к различным социальным группам, сталкивается с проблемами непримиримых этнокультурных конфликтов. Зарождение данной проблемы произошло при переходе общества от эпохи модерна к постмодерну. Развитие этнокультурных разногласий вызвано в первую очередь возможностью смешения культур и традиций, противоречащих друг другу, если в эпоху преמודерна и раннего модерна традиции были сохранены из-за сегрегации этносов, то с переходом к позднему модерну и постмодерну, с появлением доступных способов миграции и ассимиляции индивида в несвойственной ему культурной парадигме тенденции к сохранению традиций и территориальной принадлежности индивида той или иной социальной группе сильно уменьшились.

В эпоху преמודерна человек был неразрывно связан с территорией, на которой он проживает, а также государством. В эпоху модерна данная связь также сохранялась, но с некоторой тенденцией к спаду [1]. При начале перехода от модерна к постмодерну многие страны отказывались принимать концепции деконструкции ценностей, формировавшихся на основе традиций, данные страны не подвергали традиции деконструкции - они в свою очередь видоизменили концепции наличествующие в западной культуре превратив их в основном различные друг от друга, но схожие одной основной и самой главной идеей - идеей создания утопичного государства, мировой глобализации. Подобные идеи видны на примере проповедования социал-дарвинизма в нацистской Германии подобная "проповедь" привела лишь к обострению конфликтов, а как итог к войне. После понимания неспособности развития данных идей далее подобные глубоко модернистские государства вставали на путь перехода к постмодерну.

Главное отличие эпохи постмодерна от остальных - это общая деконструкция понятий существующих до этого, начиная с эпохи постмодерна базис ценностей был размыт и разрушен деконструкцией [2]. Подобное же "разрушение" приводит постмодернистские государства к невозможности сохранения тех или иных культурных традиций, присущих проживающим на территории государства людям. Также стоит уточнить, что все постмодернистские государства являются по своей сути капиталистическими, сугубо капиталистическая идеология ведет к уничтожению традиционных социальных институтов, так как на их место приходят новые, основанные только в эпоху постмодерна ценности потребления.

Культура потребления критично меняет мышление индивида, он перестает ассоциировать себя с той или иной социальной группой, отныне он руководствуется исключительно постмодернистско-капиталистическими ценностями, самоцелью индивида становится лишь потребление, принадлежность к социальной группе

становится лишь одним из опциональных инструментов достижения возможности удовлетворения амбиций потребления [3]. На фоне данных глобальных преобразований возникают антиглобалистские и антикапиталистические движения различной направленности (БЛМ, радикальные фундаменталисты и традиционалисты, эко-террористы, религиозные фундаменталисты, радикальные исламисты, неонацисты) возможность их существования обусловлена лишь средой, в которой они существуют. Эти движения и их акты являются лишь порождением общества потребления, общества пребывающего в постмодерне, так как они носят характер противодействия. Обострение напряжения между этническими группами также является продуктом постмодерна. Та или иная социальная группа все еще пребывающая под сильным влиянием этнокультурных традиций стремится активно навязать постмодернистским социальным группам свои ценности.

Другие же социальные группы руководствуются философией интегрального традиционализма (Рене Генон, Эвола Юлиус, Евразисты по типу А.Г. Дугина и Л.Н. Гумилева), зародившегося еще в модерне и частично предсказавшего развитие общества в эпоху модерна и постмодерна, данные социальные группы отрицают идеи потребления, всеобщей глобализации и капитализма. В свою очередь "зеленые" или радикальные эко-активисты руководствуются влиянием постмодерна на экологию, отношением индивида общества потребления к природе, в которой он прибывает [5]. Все эти движения так или иначе желают сепарироваться, отделить себя от общества постмодерна, что несомненно порождает межкультуральные конфликты. Этнокультурные традиции, которые хотят вернуть эти группы начинаются с уничтожения всякого проявления глобализма, в первую очередь смешению культур [4], которое, как было объяснено ранее, приводит к переходу в эпоху постмодерна.

Таким образом общество постмодерна и глобализации является катализатором развития этнокультурных конфликтов. Теодор Качинский утверждал, что социальные и психологические проблемы современного общества обусловлены фактом, что оно принуждает жить людей в условиях, совершенно отличных от тех при которых человеческая раса развивалась [5]. Современный социум, каким мы его знаем, продолжить всё больше порождать межкультуральные конфликты, если не вернет традиционные социальные институты и не вернется к традиционным ценностям.

Литература:

1. Дугин, А. Г., Социология воображения/Мск.: Трикста 2010
2. Дугин, А. Г., Геополитика постмодерна/СПб.: Амфора, 2007
3. Бодрийар, Жан, Общество потребления/Пер. с Е. А. Самарская. - Мск.: Республика, 2006.
4. Shestakova, I. Polanski S. Digital Civilization and Problems of Cultural Diversity: Political Actors or Infocommunication Technologies / I. Shestakova, S. Polanski // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2018. Vol. 289. P. 412–417.
5. Качинский, Теодор Джон, Индустриальное общество и его будущее/Пер. с англ. Д. Попова. – СПб.: РЕВОЛВА, 2006

Ценностная проблематика киберантропологии в контексте противодействия техногенным и социокультурным угрозам в условиях цифровой медиасреды
Cyberanthropology in the context of countering man-made and sociocultural threats

УДК 316.77

ББК 60.0

И.П. Березовская, С.В. Шапиро
Irina P. Berezovskaya, Svetlana V. Shapiro
ipberezovskaya@mail.ru
shapirosv@pgups.com

Коммуникативные процессы в мире смешанной реальности
Communication processes in the mixed reality world

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ)
Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I (ПГУПС)
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University (SPbPU)
Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University

В статье характеризуется специфика современного информационного пространства и соответствующие социальные и поведенческие эффекты у аудитории информационных потоков. Проблема механизмов создания и способов бытования информации, вопрос, как информация формирует так называемый реальный мир – одна из ключевых тем современного обществоведения. В условиях информационной перегруженности возрастает роль субъектности и селективности в работе с контентом. Технические возможности позволяют широкой аудитории перестать быть только «объектом воздействия», но стать полноправным автором новостей. До сих пор не сформулировано общепринятое, удовлетворяющее исследователей определение информации. Развитые информационные взаимодействия позволяют говорить о знании одним объектом другого. Применительно к обществу – это социальные субъекты. Информационное взаимодействие – процесс обмена сведениями (информацией), приводящий к изменению знания хотя бы одного из получателей этих сведений (получение нового знания или исправление ошибок в запасе знаний). Информация может быть определена как упорядоченное изменение, используемое в целях управления.

Ключевые слова: Информация, коммуникация, смешанная реальность, субъектность, селективность.

The article characterizes the specifics of the modern information space and the corresponding social and behavioral effects of the audience of information flows. The problem of the mechanisms of creation and methods of existence of information, the question of how information forms the so-called real world - one of the key topics of modern social science. In conditions of information overload, the role of subjectivity and selectivity in working with content increases. Technical capabilities allow a wide audience to cease to be only an “object of influence”, but to become a full-fledged news author. Until now, a generally accepted definition of information that satisfies researchers has not been formulated. Developed information interactions make it possible to talk about knowledge by one object of another. In relation to society, these are social subjects. Information interaction is the process of exchanging information (information), leading to a change in the knowledge of at least one of the recipients of this information (gaining new knowledge or

correcting errors in the stock of knowledge). Information can be defined as an orderly change used for management purposes.

Key words: Information, communication, mixed reality, subjectivity, selectivity.

Проблема механизмов создания и способов бытования информации, вопрос, как информация формирует так называемый реальный мир – одна из ключевых тем современного обществоведения. Коммуникативно-информационные процессы активно осмысливаются со второй половины 20-го века [1; 2], но до сих пор не сформулировано общепринятое, удовлетворяющее исследователей определение информации.

Развитые информационные взаимодействия позволяют говорить о знании одним объектом другого. Применительно к обществу – это социальные субъекты. Циркулирующая информация – не только сведения, но сам процесс осведомления. Информационное взаимодействие – процесс обмена сведениями (информацией), приводящий к изменению знания хотя бы одного из получателей этих сведений (получение нового знания или исправление ошибок в запасе знаний). С этой точки зрения информация может быть определена как упорядоченное изменение, используемое в целях управления.

У. Эко утверждает, что человеческая культура как таковая и есть по преимуществу коммуникация [2]. Н. Винер, рассматривая специфику функционирования общественной информации, отмечает, что «группа необщественных животных, временно соединенных, имеет очень мало информации» [3, с. 239], поскольку ее члены не делятся ею. В случае же эффективной организации сообщества общее количество циркулирующей в нем информации больше, чем содержит каждый из ее отдельных членов, и взаимодействие индивидуумов порождает чувство единства, которое, в свою очередь, вызывает новую волну активности и усиливает их взаимодействие. Круг замыкается, и по закону обратной связи социальная система сама создает и укрепляет себя. Всякое коммуникативное взаимодействие – это «обобщение целого множества разных психологических и социальных моментов» [4, с. 63].

Актуальность данной проблематики на общетеоретическом уровне обусловлена важностью осмысления механизмов функционирования информации в современную эпоху. На прикладном уровне для социальных субъектов квалифицированная работа с информацией способна оптимизировать взаимодействия практически во всех сферах и увеличить интерес аудитории, включая повышение продаж товаров и услуг. Целью работы является рассмотрение специфики современного информационного пространства и характеристика соответствующих этим изменениям социальных и поведенческих эффектов у аудитории информационных потоков. Методическая база работы – аналитико-описательный метод обзорного исследования.

Налаживание коммуникации как социально-технологического действия не было рефлексивной на уровне теории необходимостью для промышленного общества, в котором главную роль играли технические схемы. Организация информационного

взаимодействия была скорее технической проблемой. В условиях развитого промышленного капитализма произошло становление рекламной индустрии, а после оформилась такая сфера деятельности как глубокое и направленное изучение рыночного спроса. Произошло формирование среднего класса, слоя потребителей, который составлял значительную часть общества и был восприимчив к рекламному воздействию. При этом большой процент населения в развитых капиталистических государствах оставался по-прежнему пролетарским, с ограниченными потребительскими возможностями, что в условиях массового производства и циклических кризисов рождало конкуренцию, борьбу за потребителя.

Еще относительно недавно промышленное общество представляло собой систему, осуществлявшую рост, по большей мере, количественными параметрами. Это выразилось в увеличении производства и, соответственно, потребления. Индустриальное общество само рассматривалось как техническая система. Это сравнение приводило к метафоре человека как ее «винтика». Постиндустриальное общество имеет значительные отличия от модели индустриально-технической, описанной выше. Приоритетом в нем является информационно-коммуникативная сфера при сохранении значения финансово-экономических, политико-правовых, социокультурных связей.

В информационном обществе грань между «реальностью» и «виртуальностью» достаточно условна, практически стерта. Конечно, сохраняются обособленные сегменты физического и цифрового пространства, но в целом «реальное» и «виртуальное» - только измерения единого мира. Нынешняя информационная среда «текуча», в ней практически утрачены границы между «физическим» и «виртуальным» содержанием, которые взаимно детерминируют друг друга, взаимно «перетекают» друг в друга.

Образ жизни современного человека характеризуется фундаментальным противоречием между информационной перегруженностью и стремлением различных групп общественности донести до адресата специальную информацию. Найти баланс между этими тенденциями и разработать форматы донесения контента, его дизайн – актуальная задача для заинтересованных субъектов самых разнообразных социальных процессов. Этот поиск направлен на активное использование мультимодального контента, включающего традиционные и цифровые материалы. Исследуется, как информация по теме может быть «предоставлена», чтобы дать возможность аудитории отреагировать продуктивно. Учитывается, что существует множество потенциальных пользователей с различными потребностями, взглядами, интересами, желаниями и условиями использования данных.

Напряженность этой конкуренции стимулирует поиск инновационных подходов и технологий заинтересованными субъектами. Исследованию нового мира смешанной реальности посвящено множество работ [5; 6]. Интеллектуальные технологии с использованием Big Data нацелены на создание безопасной, дружелюбной, комфортной среды обитания, на предотвращение несчастных случаев, одновременно

они же «перегружают» и отвлекают пользователя, которому требуется больше времени для принятия решения [7].

Информационное общество требует свободного и ответственного индивида, способного к принятию решений на основе объективной информации, независимо от сферы его деятельности. Представители младших поколений уже полноправные резиденты информационного общества, не знающие другого устройства и организации социальных взаимодействий. В их реальности отсутствует то, что не представлено в Интернет-пространстве. Компьютер и Интернет становятся агентами первичной социализации наряду с ближайшим окружением ребенка. Соответственно, самоидентификация и социальная идентичность молодого человека во многом формируются через контент Интернет-ресурсов, что учитывается при организации событий, выборе форм взаимодействия с аудиторией для грамотного управления и планирования коммуникационных потоков. При этом для эффективной работы нужен комплексный подход, включение в работу различных видов информационных каналов.

Под воздействием Интернета значительно изменяется содержание социальных ролей участников массово-коммуникационных процессов. С появлением и распространением Интернета связано появление нового и важнейшего типа социальной стратификации – информационного. Доступ к информационным ресурсам открывает дополнительные возможности для более интенсивной социальной мобильности, что благоприятно влияет на становление и развитие открытого общества.

Интернет-аудитория характеризуется высоким «качеством», причем по самым разным параметрам. Молодые, образованные и обеспеченные пользователи сети – крайне привлекательный объект для социальных кампаний. Совокупное политическое, экономическое и культурное влияние Интернет-пользователей, видимо, превышает их статистическую долю в населении. Динамичность Интернет-аудитории позволяет успешно продвигать в сети идеи и убеждения, которые могли бы не найти поддержки у большинства обывателей. Иными словами, есть основания говорить о том, что состав аудитории и технические возможности превращают Интернет в уникальную среду с совершенно новым уровнем свободы, скорости и плюрализма массовой коммуникации.

Каждый участник культурного взаимодействия выступает не только как потребитель, но и как создатель, носитель и творец культурного пространства тех сообществ, к которым он принадлежит. В числе наиболее распространённых трендов, оказывающих большое влияние на экономику, – бурный рост технологий сектора «новые медиа». Пользователи Интернета являются наиболее активной и избирательной частью потребителей массовой информации.

Более того, как правило, пользователи Интернета одновременно являются наиболее активными и избирательными потребителями информации, предоставляемой другими видами и формами средств массовой коммуникации, таким образом, это сложная аудитория. Являясь средством массовой коммуникации,

Интернет играет особую роль в становлении новейших диалоговых форм общения с аудиторией. Для Интернета характерна мощная вторичная коммуникация, что многократно усиливает его действие как средства массовой коммуникации. Участники информационного взаимодействия в процессе диалога могут выступать не только как получатели информации, но и как ее создатели.

Тексты массовой культуры пишутся одновременно как автором, так и читателем [2]. Это демократическая тенденция в плане статуса участников информационного взаимодействия, разрушившая длительное господство однонаправленной структуры информационного потока в СМИ от обладающего большими ресурсами социального субъекта к широкой аудитории. Диалоговые формы коммуникации, реализуемые посредством Интернета, в большой степени способствуют развитию активности, избирательности и укреплению ценностей информационного плюрализма у аудитории. В Интернет-пространстве присутствует диалог со средствами массовой коммуникации со стороны пользователей, особенно выражена избирательность аудитории в отношении медийных каналов.

Субкультура современного Интернет-сообщества как социальной группы является основой для формирования новой информационной культуры всего социума и включает в себя соответствующие нормы и ценности. К ним можно отнести: признание высокой значимости ценностей свободы слова и плюрализма мнений; наличие устойчивого собственного мнения, сформированного на базе информации из множества разнообразных источников; высокая скорость массовых коммуникаций; высокая избирательность и активность участников массово-коммуникационного процесса; диалоговые формы массовой коммуникации, рациональность, независимость, оптимизм. Избыточное количество и «давление» поступающей информации стимулирует развитие селективности в работе с ней. Конечно, у этого процесса есть и обратная сторона, в Интернете легко потеряться, «стать его придатком».

И все же, Интернет - это данность нашей жизни, эта технология не вытесняет традиционные виды средств массовой коммуникации, а содействует видоизменению информационного медийного пространства. Именно Интернет предоставляет своей аудитории возможность быть активной и избирательной благодаря многочисленности источников информации и диалоговым формам массовой коммуникации.

Не менее важны для молодежной аудитории такие параметры как привлекательность сообщения, являющаяся стимулом для освоения содержания сообщения. Привлечению внимания к различной проблематике зачастую способствует именно форма сообщения (и в меньшей степени его содержание). Работа с информацией становится своего рода постмодернистской игрой, развлечением. В обществе потребления информация также становится объектом именно потребления как самоцели и удовлетворения неспецифических для информации потребностей (развлечения, самоидентификации и самооценки пользователей и др.)

Таким образом, цифровизация жизни многолика, некоторые ее аспекты ведут к серьезным качественным преобразованиям образа жизни человечества (например, потенциал цифровой экономики еще недостаточно раскрыт и осмыслен), а некоторые – скорее новая форма традиционных явлений.

Литература:

1. Кузнецов Н. А., Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Информационное взаимодействие как объект научного исследования // Вопросы философии. 1999. № 1. С. 77-87.
2. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации / пер. О. Поповой-Пле. М.: Академический проект, 2016. 559 с. ISBN 978-5-8291-1716-0.
3. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Пер. с англ. И.В. Соловьева и Г.Н. Поварова; под ред. Г.Н. Поварова. 2-е издание. М.: Наука. Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. 344 с.
4. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / Под ред. Н.М. Гугляр. 2-е издание. М.: Русский мир; 2014. 736 с. ISBN: 978-5-89577-117-4.
5. Elvezio, C., Ling, F., Liu, J., et al. (2018). Collaborative exploration of urban data in virtual and augmented reality. SIGGRAPH 2018 Virtual, Augmented, and Mixed Reality. 2018. Article No.: 10. <https://doi.org/10.1145/3226552.3226570>.
6. Feng, T., & Bednarz, T. (2018). Automatic site selection of cultural venues. SIGGRAPH Asia 2018 Technical Briefs, Tokyo, Japan, 2018. ACM. <https://doi:10.1145/3283254.3283257>.
7. Lian, Y., Zhang, G., Lee, J. (2020). Review on big data applications in safety research of intelligent transportation systems and connected/automated vehicles / Helai Huang Article 105711 Accident Analysis & Prevention Volume 146, October 2020, 105711 <https://doi.org/10.1016/j.aap.2020.105711>

УДК 303.01

ББК 60.0

Е.М. Гашкова
Elena Gashkova
elgashkova@yandex.ru

Проблема этической верификации: от фейка к дипфейку **The problem of ethical verification: from fake to deepfake**

Санкт-Петербургский государственный университет
St. Petersburg State University

Развитие цифровых технологий в области нейросетей и искусственного интеллекта позволяет создавать медиапродукты, подлинность происхождения которых трудно определить без специальных средств кибербезопасности. Возникает необходимость морального и правового регулирования, поскольку создание дипфейков может стать инструментом обмана, подделки и мошенничества.

Ключевые слова: дипфейк, медиа, искусственный интеллект (ИИ), GAN-технологии, этика, мораль.

The development of digital technologies in the field of neural networks and artificial intelligence makes it possible to create media products whose authenticity of origin is difficult to determine without special cybersecurity tools. There is a need for moral and legal regulation, since the creation of deepfakes can become an instrument of deception, fakes and fraud.

Keywords: deepfake, media, artificial intelligence (AI), GAN technologies, ethics, morality.

Возможности искусственного интеллекта возрастают, ускоряются темпы усвоения и обучения новым технологиям, однако, морально-правовая регуляция возникающих инноваций безнадежно отстаёт. Стали обычным явлением обманы, мошенничество, фейки (подделки) разных уровней с использованием цифровых технологий. Новый вызов киберпреступности и очередная сфера для мошенничества – технология создания дипфейков (английский вариант: deepfake). Дипфейк – это видео/изображение/аудиозапись, которые были обработаны с помощью комплекса сложных алгоритмов, основанных на GANs (генеративно-состязательные нейросети). Получается некая «синтетическая» форма медиапродукта, когда существующее изображение или видео соединяется (накладывается) с контентом, созданным искусственным интеллектом. Дипфейки имитируют реальных людей, лица, движения, голоса так точно, что их невозможно отличить от оригинала.

Первоначально дипфейки создавались для служебного пользования в среде программистов, потом для «прикола», игры, розыгрыша и шуток над «звёздами» кино и шоубизнеса, затем в героев дипфейков превратились политики. Наверняка каждый из вас использовал программы в своём смартфоне для «улучшения» образа или, наоборот, наложения возраста, чтобы увидеть себя или друзей в старости. Получается, что при технологической продвинутости для создания дипфейка необходим лишь доступ к видео или аудиозаписи того человека, которого вы хотите подделать. Неудивительно, что корпорации и государства озаботились проблемой кражи персональных данных и онлайн-личности(аватара). В 2020 году в США был принят первый закон о дипфейках, правда, пока лишь в одном штате. Закон криминализирует дипфейки не помеченные специальным кодом, указывающим его источник, а также декларирует разработку средств обнаружения дипфейков и разработку плана дальнейших исследований. Отдельные штаты принимают законы об оказании поддержки жертвам дипфейков.

Соблюдение этических принципов и моральных норм могло бы спасти человечество от всех проблем, но это утопическая констатация, к сожалению. Создание дипфейков само по себе не есть какая-то особая опасность, но варианты их использования могут вести как к нравственным, так и к безнравственным целям. Технологическое упрощение процесса, его автоматизация ведёт к скорости создания и доступности для круга лиц с низкими компетенциями, снижается порог входа в этот вид деятельности.

Конечно, искусственный интеллект не обладает этическими характеристиками, компьютер не наделён свободой воли, потому не несёт ответственности за свои действия. Однако методы социальной инженерии используются преступниками разных уровней для своих афер: от банального обмана по телефону до распространения дезинформации в СМИ. Использование дипфейков в политике способно не только разрушить карьеру и репутацию, но даже изменить политический курс отдельной страны.

Не устаревает такой вид мошенничества, как использование «мёртвых душ» для доступа к различным базам данных, подачи заявок на кредиты и банковские карты.

Дипфейк может не просто «оживить» поддельную личность, но и создать/синтезировать новую личность из данных и сведений о нескольких людях. В медиаиндустрии и рекламе такие синтетические личности уже существуют: модели, артисты, исполнители. Дипфейки умерших «звёзд» выступают в концертах (М.Джексон) или становятся комментаторами своего творчества на проходящей выставке (С.Дали). Ещё живущие, но постаревшие артисты, создают дипфейки самих себя в молодости для записи новых выступлений (АВВА); крупные корпорации создают рекламные продукты с известными мем-героями мультфильмов и кинофильмов, как, например, Сбербанк использовал образ Жоржа Милославского из фильма Леонида Гайдая.

Мы понимаем, что компании будут повышать кибербезопасность, обучать сотрудников распознавать потенциальные подделки, создавать корпоративные правила реагирования и внутренней проверки. Но настоящей защитой может быть только изменение смысла, целей и мотивов деятельности самого человека, его переориентация на моральные императивы и всеобщее благо.

УДК 316.7(476)

ББК 60.523+60.59(4Беи)

С16

И.П. Салтанович

Irina Saltanovich

saltan@tut.by

«Гиперсвязанный» мир как фактор формирования нового типа социума "Hyperconnected" world as a factor in the formation of a new type of society

*Минский государственный лингвистический университет
Minsk State Linguistic University*

Статья раскрывает некоторые процессы изменения алгоритмов человеческого поведения, проявляющиеся в новой социальной среде, сочетающей реальность и виртуальность, опирающуюся на перестройку условий существования, где сеть превратилась в «антропространство». В ней рассматривается новое понятие «гиперсвязанный» мир и его характеристики, ведущие к «прозрачности» человеческих взаимодействий и гипероткрытости общества. Дано описание возросшей культурной значимости социальных сетей как универсального коммуникационного поля. Поднимаются вопросы, связанные с процессом преобразования среды для обмена информацией и общения в сетевые коммуникационные платформы, которые легко использовать в различных целях, что предполагает определенную степень их непредсказуемости.

Ключевые слова: культура, «гиперсвязанный» мир, цифровая культура, социальные сети, «цифра», коммуникационная платформа, цифровая среда.

The article dwells upon of the human behaviour changing algorithms, which are revealed in a new social environment that combines both real and virtual life; the algorithms are based on existence conditions restructuring, when the network turns into an "anthropological space". It examines the new concept of "hyperconnected" world and its characteristics. They lead to "transparency" of human interactions and hyperopenness of society. The description of the increased cultural significance of social networks is given. The issues of transforming the environment for information exchange and communication into networked

communication platforms are raised. They are easy to use for a variety of purposes, which means they are unpredictable.

Keywords: culture, "hyperconnected" world, digital culture, social networks, «digital», communication platform, digital environment.

Модернизация и технологические усовершенствования вносят изменения в общественную и частную жизнь в любом обществе. Эти изменения могут быть резкими или незаметными в зависимости от скорости, с которой приходят технологические новшества. В XXI веке мы переживаем резкий переход от массовой культуры к цифровой, где возрастные и экономические факторы играют определяющую роль в фазе адаптации. Изменения в формах общения в рамках цифровой культуры и формируют новый тип социума.

В человеческом обществе культура выстроила принципиально новую и удивительно разнообразную по своим возможностям модель информационного процесса, отсутствующую у животных, в которой кодировка знаний происходит не генами, а знаковыми системами. Идеи и образы, выраженные в этих системах, отделены от индивидуума, приобретая независимое, неличностное существование. Они становятся социальной информацией, носителем которой является не отдельный человек, а социум, бытующая в нем культура. В отличие от биологической, социальная знаковая информация не исчезает со смертью человека, образуя внутри культуры специфический внегенетический «механизм» своей наследственности - социальную наследственность [1].

Изменение алгоритмов человеческого поведения, по большей части вытекающих из модификации социума, опирается на перестройку условий существования, где мировоззрение формируется как в непосредственном (физическом), так и в виртуальном пространстве. У И. Левина и Д. Мамлока появляется понятие «гиперсвязанный» мир и его влияние на человеческий опыт. Это мир, в котором активно проявляется феномен цифровой культуры, усиленный «гибридизацией» онлайн и оффлайн полей, где сеть превратилась в пространство человеческой коммуникации, повседневной деятельности и развлечения, в «антропопространство». К. Бэссет, говоря о необходимости построения социальной теории, учитывающей эти изменения, описывает новый этап развития цифровых технологий и их влияние на социум как этап «посткиберпространства» [2, с. 9].

Также самые важные метаморфозы в социуме связаны с заменой традиционной концепции человека как отдельной сущности новым онтологическим самовосприятием человека как информационного организма, взаимосвязанного со всем миром.

Рассматривая культуру как некую информационную оболочку, являющуюся творением человека, стоит, опираясь на ее информационную сущность, выявить выстроенные и еще зарождающиеся культурные особенности цифрового общества. Культура неотделима от информации, являясь информационной основой человеческого общества, жизненно важным условием его существования. Судя по всему, в цифровом обществе социальное бытие культуры представляет особый

интерес. В киберпространстве у нее появляются две новых характеристики. С одной стороны происходит сжатие пространства-времени, с другой - мир разрастается до параметров глобальной деревни, но при этом возникает нехватка реальных ощущений.

Одно из устоявшихся представлений о человеческой культуре - это форма «трехмерного пространства культуры», показанная на Рисунке 1.

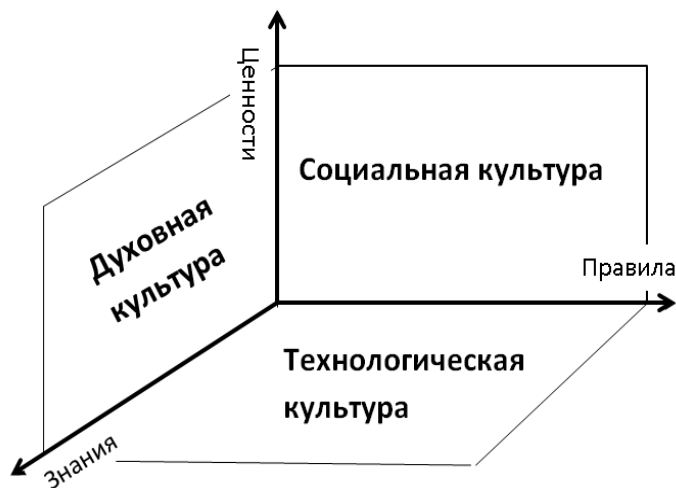

Рисунок 1. Культурное пространство.

Культурное пространство (рис. 1) образовано тремя осями - знаниями, ценностями и правилами. Каждая пара осей образует плоскость, соответствующую одной из граней человеческой культуры. Духовная образована плоскостным соответствием осей «знаний и ценностей»; оси «ценностей и правил» образуют поле соответствия социальной культуре; технологическая представлена между осями «норм и знаний».

В 2013 году вышеупомянутая трехмерная модель была впервые применена для представления цифровой культуры [3, р. 17]. Духовная составляющая цифрового общества - явление уникальное. Прежде всего, этому способствует его внутренняя связь с виртуальным миром. Очевидно, что по мере того, как Интернет стал неотъемлемым компонентом жизни, присутствие в сети влияет на духовную культуру людей. Появление виртуальной сетевой жизни как существенной части реальной имеет большое значение для формирования личности. Самое интимное, что может быть, - собственная личность, собственное «я» - в значительной степени подвержено влиянию цифровых технологий [4].

Если традиционная среда строилась по законам природы, то и в технологическом смысле природа была источником энергии как основы жизни. Нынешний развивающийся континуум определяется технологиями машинного обучения, основанными на анализе Big Data, заменяя энергию информацией как «основным источником» жизни человека. Познаваемая среда «оцифровывает» человеческие взаимодействия, естественным путем встраиваясь в них. Таким образом, все составляющие современной культуры, тесным образом взаимодействуя, образуют целостный ландшафт цифровой эпохи.

Информационная революция не ограничивается более совершенным технологическим решением для получения знаний или выполнения различных повседневных задач. Скорее, она сигнализирует о сдвиге в способах, которыми мы, как люди - члены социума, понимаем саму суть того, кем «должно быть».

Иллюстрацией могут служить данным опроса, проведенного по заказу БИСИ в феврале 2020 года Академией управления при Президенте Республики Беларусь, молодежи до 30 лет. Основным источником информации по всем вопросам, формообразующим элементом понимания и отражения жизни у молодежи Интернет стал еще в 2011 году (его предпочитают более 90%), у категории 30 — 50 лет — в 2016-м (рисунок 2).

Рисунок 2 [5].

«Коллективизм» и специфика социальной культуры наиболее ярко выражается в цифровом обществе в новой динамике формирования «сетевого» общественного сознания. Поскольку цифровая передача культурных ценностей характеризуется такими особенностями как скорость, возможность комбинировать письменный и аудиовизуальный компоненты и многим другим, возникает серьезный вопрос, как взаимодействие этих новых функций будет влиять на то, какой содержательный контент будет распространяться в социуме с большей вероятностью и какого будет его влияние [6].

Информации становится все больше. Наше ощущение безграничности мира сместилось с природных ресурсов на нее. Это существенное изменение является прямым следствием цифрового поворота. Одним из примеров таких изменений является возросшая культурная значимость социальных сетей. В новой цифровой реальности важнейшим условием существования являются не знания, а наша

способность захватить внимание, зафиксировать его, продемонстрировать себя, удивить любым способом, чтобы не быть незамеченным.

В материале «Молодежь в современном белорусском обществе: настроения и перспективы» четко просматривается почти абсолютная погруженность молодого поколения в мир социальных сетей (рисунок 3).

Рисунок 3 [5].

Ясно одно - социальные сети принципиально отличаются от традиционных СМИ. Они быстрые, динамичные и, что самое главное, персонализированные. Это связано с тем, что каждый член сети связан со «своим» сообществом, которое соответствует ему и которому он доверяет.

Важной особенностью сетевого общества является его «деятельностный» характер и способность людей быть как потребителями, так и производителями контента. Эффективное общение между людьми требует быстрой реакции на любое сетевое событие. Жизнь в гиперинтенсивном обществе делает запоздалые ответы или реакции на контент неуместными. Рациональность сетевого общества выражает идею о том, что результативное общение не может быть достигнуто без постоянной активности по всей сети. В этом отношении процесс социализации кардинально изменился и приобрел новые характеристики. Социальный характер сети противоречит иерархическим моделям коммуникации, в которых доминируют принципы вертикального статуса и подавления. Сеть превращает взаимодействие между пользователями в обычное социальное общение и выводит его на более высокий уровень развития цифрового общества.

Данные исследования, проведенного в Институте социологии АН Республики Беларусь, подтверждают, что по целям использования Интернет лидируют общение с

друзьями и родственниками, поиск развлекательного и научно-популярного контента, отслеживание новостей (рисунок 4). Стоит обратить внимание, что Интернет почти в полтора раза реже используется для работы или учебы, чем для общения.

Рисунок 4. Цели использования интернета женщинами в зависимости от возраста, % [7].

Новые интерактивные области представляют собой очень удобное поле для формирования изменений в социуме. Диалоговый характер новых медиа, в частности, подготавливает среду для реализации стратегий, которые облегчают работу массового производства. Люди могут легко создавать в цифровом формате те типы социальных отношений, которые не могут создать в реальной жизни. Именно так индивид вступает в процесс реконструкции цифровой идентичности, трансформируя реальную, добавляя новые качества. Однако в случае платформ социальных сетей человек воссоздает не только свое поведение, а и визуальные коды. У современного человека достаточно времени и свободы в социальных сетях, чтобы создавать цифровое «Я», которое он не может создать в реальном мире.

Люди хотят продемонстрировать свое присутствие в цифровом мире, поделиться своим реальным опытом, размещая сообщения в социальных сетях. «Гиперсвязанный» мир поддерживает у публики, в том числе, и экзистенциальную потребность в одобрении. Пока человек продолжает присутствовать в социальных сетях, делясь и получая «лайки», его действия записываются и сохраняются, создается новая цифровая идентичность.

При этом генерируются и иные модели поведения в рамках цифровой культуры. Появляется мировоззрение, которое представляет собой новую кодировку и привычки как фрагментированные, отредактированные, связанные и подключенные к Интернету, к «гиперсреде». Сопричастность и создание анонимной идентичности

значительно проще в «цифре», а разница в статусах полностью исчезает или уменьшается до минимума, что позволяет говорить о новом формате аккультурации. Так с помощью новых технологий в цифровой среде реконструируется социальная, культурная и повседневная жизнь.

Интеллектуальная, творческая деятельность человека требует исключительного авторского права на контент в традиционном обществе, где люди привыкли делиться с другими главным образом результатами своей работы. В современной «цифре» люди начали делиться практически всем, не только результатами, а и процессами творчества. Этот принцип становится все более универсальным, регулярным и желательным, выступая в качестве рутинной практики. Частные лица уже сейчас могут влиять на основных производителей в сети, прилагая совместные усилия по формированию социальных норм и структур. Прогнозируется, что в будущем все большее число профессионалов будет устанавливать тесные связи с любителями, то есть «мешапы» профессионально составленных сообщений средств массовой информации и сообщений граждан, вероятно, будут расти.

В своей работе Дж. Херинг называет общую тенденцию постоянно делиться всем «транспаризацией», определяя ее как процесс перехода к «прозрачности» человеческих взаимодействий и гипероткрытости общества. Изучение взаимодействия и совместной динамики индивидуализации и транспаризации тесно связано с такими существенными понятиями, как «я в отношениях», [9] и аспектами самооценки человека. Не следует забывать, что цифровая культура может освободить нас как личностей, но она также может и «заключить» нас в тюрьму.

У. Митчелл предполагает, что всеобъемлющие виртуальные сети практически сливаются с человеком на биологическом уровне, приводя к осознанию - я как киборг, рассеянный в пространстве, то есть разделение между человеком и машиной больше не действует. Гиперподключение в сочетании с эффективными технологиями привело к ускорению множества действий, что предполагает определенную степень непредсказуемости [9].

Возникает серьезный вопрос. Что означает для общества то, что сетевые коммуникационные платформы могут сделать кого угодно массовым коммуникатором? Один из ответов состоит в том, что именно так сейчас и рождается невероятный потенциал социальных изменений. Потому что общество, как сказал М. Доуз, не просто строится посредством коммуникации, оно существует в нем [10, 70]. Это означает, что любой человек с компьютером или смартфоном может распространять какие угодно сообщения, которые могут серьезно повлиять на общество в целом. Теперь отдельные лица и небольшие группы имеют возможность координировать свои действия и взаимодействовать, возглавив социальные движения, используя сетевые коммуникационные технологии.

Цифровые технологии Б. Стиглер определил как «фармакон» - *φάρμακον* (греч.) - термин [11], который в философии и критической теории представляет собой смесь двух: лекарство и яд, а то и трех значений [12]. Здесь речь идет о внутреннем напряжении цифрового мира и технологий, которые с одной стороны обещают

предоставить больше возможностей для человеческой культуры, а с другой обладают и разрушительной силой. С его точки зрения такой посыл ставит под угрозу герменевтические знания, лишает человека способности размышлять о переживаниях и разрушает социальную солидарность. Распространение дезинформации и рост разногласий в политических сферах являются воплощением предупреждения Б. Стиглера о возможностях и умении или неумении жить в эпоху разрушения.

Гражданская идентичность имеет тенденцию переходить от пассивного к активному гражданству. Б. Веллман рассматривая отношения в XX веке, вводит понятие «глокализация», «сочетание глобальной и локальной взаимосвязанности» [13], взаимодействия на рабочих местах и в группах сообществ. Интернет и его социально-сетевая структура работает на участие максимально большего числа отдельных людей, объединенных в глобальную коммуникацию. Это изменение с середины XX века до начала XXI проявило понятие гражданина, который становится все активнее стремящимся озвучивать свои опасения и требовать своего места в обществе.

Постоянная связь друг с другом с помощью цифровых сетей создает возможность для относительно быстрых массовых социальных действий. Люди начинают использовать эту силу, чтобы тянуть общество в разные стороны. «Гиперсвязанный» мир, в котором виртуальная толпа, порой небольшими усилиями превращается в реальную, демонстрирует, что социальные сдвиги и разногласия развиваются, ускоряются значительно быстрее, благодаря интернет-платформам.

Факторы, символизирующие перемены, такие как диверсификация средств массовой информации и «обретение» ими власти над обществом и правительством, технический прогресс, социальная свобода или новые тенденции в мыслях о правах человека и социальных движениях, постепенно формируют новый тип социума. Данные, полученные в результате опроса «Молодежь в современном белорусском обществе: настроения и перспективы», подтверждают безусловное лидерство Интернета как источника информации (Рис. 5).

События, происходящие в публичной медиа сфере, интересны для большинства граждан, а мобильные устройства превратились в вещательные СМИ, интегрируясь в социальные сети. В этом смысле социальные сети функционируют практически как посредническая виртуальная публичная сфера. Трансляции обычных людей в социальных сетях, особенно прямые, по количеству просмотров иногда успешнее, чем у знаменитостей. В настоящее время существует множество учетных записей в социальных сетях, со временем значительно увеличивающих число своих подписчиков. А в остроактуальные моменты эта тенденция разрастается в геометрической прогрессии. Примером может служить август 2020 года в Беларуси, где «телеграмм-революция» разворачивалась, благодаря неустанному вбросу информации с экстремистскими призывами на канале Nexta, число подписчиков которого в считанные дни выросло почти в семь раз, с 317,4 тыс. до 2,165 млн. (Рис. 6).

7. Главные источники информации для белорусской молодежи

Что для Вас служит главным источником информации о событиях в стране и мире?
(в % от числа опрошенных)

Рис. 5 [5].

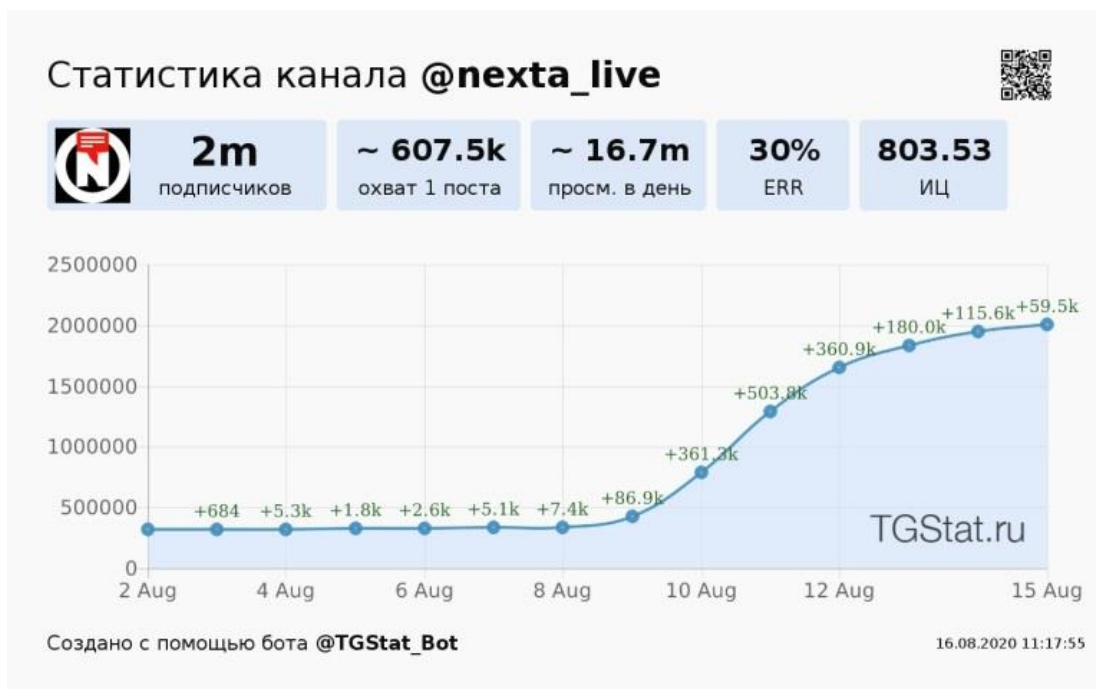

Рис. 6 [14].

Социальные сети создали универсальное коммуникационное поле, которое традиционные средства массовой коммуникации не могут предоставить своим пользователям, в виде среды для обмена информацией и общения, которую так же легко использовать в различных целях, что становится серьезной проблемой и для изучения, в том числе.

Параллельно с аудиторией, сформированной средствами массовой информации, социальные сети «порождают» свою публику, где каждый человек может поделиться собственным, особым, личным мнением. На этом этапе важно понимать, что общественные социальные сети, значительно более успешны, чем традиционные СМИ, в плане участия граждан и с точки зрения привлекательности, в чем проявляется один из принципов демократизации.

В то время как традиционные средства массовой информации состоят из институционализированных вещательных групп и институционализированной информации, новые медиа - это поле, которое допускает независимое участие граждан. Социальные сети работают как структура, которая имеет характеристики газет, радио и телевидения. С развитием интернет-технологий со времен Web 2.0 и социальных сетей, которые позволяли пользователям общаться в чате, идея публичного пространства вступила в новую фазу.

В XXI веке, в отличие от одностороннего и искусственного потока информации, редактируемой и цензурируемой, распространяемой традиционными СМИ, информация, циркулирующая в «гиперсвязанном» мире, позволяет пользователю чувствовать себя свободнее. Интернет с его демократическими условиями и структурой превращается в дискуссионную площадку / витрину. Современное телевидение также уходит в «цифру», пытаясь не потеряться на фоне различных интегрированных приложений в сети. Спрос на Интернет и его безграничность «повредили» структуру традиционной повествовательной структуры телевидения, учитывая что на протяжении многих лет оно использовалось как инструмент формирования пассивного зрителя, не имеющего возможности вмешаться в процесс.

Наши представления об информации и знаниях меняются. Люди стремятся выжить в море информации. Однако мы должны помнить, что это море не «чистое» - в частности, оно включает в себя различные типы манипулируемых данных, информации и знаний из ненадежных источников, предлагаемых с разными целями.

Концепция цифровой культуры - сложная конструкция, которая включает глобализационные процессы, популяризацию культуры, сетевые сообщества, новые медиа, игровые практики, цифровую рекламу, потребление, надзор и еще многие составляющие. Она многослойна и отличается от любого предыдущего типа культуры в плане структуры и распространения. В частности, давление, создаваемое новыми медиа в форме аккумуляции, важно с точки зрения быстрого и эффективного влияния, невероятно скоростного выхода на большие массы. Цифра «требует», чтобы у человека было с технической точки зрения недорогое и совместимое устройство (телефон или компьютер), предлагая пользователям возможность построить новый мир, включающий в себя реальность внутри общественного виртуального социума, охватывая все конкретные социальные практики, начиная с политики и заканчивая любыми самыми экзотическими интересами.

Поскольку жизнь в «гиперсвязанном» мире - относительно новое явление, история нашей новой киберсреды обитания лаконична. Теоретические исследования цифровой революции как культурного феномена отражают известные цифровые

преобразования общества и открывают путь к будущему изучению социума путем анализа ожидаемых возникающих антропологических, социальных и технологических явлений.

Новая цифровая среда, сочетающая реальность и виртуальность, сильно отличается от нашей обычной естественной реальности. Переосмысливая то, как люди рассматривают свой переход в цифровой мир, мы понимаем, что в определенном смысле культура, которую можно охарактеризовать как вторую природу человека, вышла на другой уровень и образует новый пласт в виде интерактивного виртуального пространства. В цифровом обществе человек не только создает новый объективный мир, как это происходит во «второй» природе (культуре), но также создает объекты другой природы (например, сетевые, коммуникативные и мультимедийные). По этой причине некоторые ученые склонны рассматривать культуру цифрового общества как «третью» сущность [15, 292–293]. Человек оказывается в своеобразном личностном культурном микромире, сформированном в соответствии с его склонностями и приоритетами. Создание микромиров сопровождается, усиливается и активно поддерживается цифровой средой, посредством взаимопроникновения онлайн и оффлайн полей через «антропопространство» выстраивается новая вселенная, «гиперсвязанный» мир. Как будет дальше меняться «оцифрованный» социум, какова будет культурная трансмиссия – темы весьма актуальные для любого общества и подходят для теоретического и методологического осмысления.

Литература:

1. Кармин, А. С. Культурология: учеб. пособие. – 2-е изд. – СПб.: Издательство «Лань», 2003. – 290 с.
2. Соколова, Н. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху // Международный журнал исследований культуры. – Изд. «Эйдос». – 2012. – 3(8). – С. 6–10.
3. Levin, I. Cultural Trends in a Digital Society // Proceedings of the 10th International Symposium on Tools and Methods of Competitive Engineering TMCE, Hungary, 19–23 May 2014. – Budapest. – Edited by I. Horváth, Z. Rusák. – 2014. – p. 13–21.
4. Levin, I., Kojukhov A., Patrut M., Patrut B. Personalization of Learning Environments in a Post-industrial Class. In Social Media in Higher Education: Teaching in Web 2.0. – PA, USA. – Eds.; IGI Global: Hershey. – 2013; p. 105–123.
5. «Молодежь в современном белорусском обществе: настроения и перспективы» . – <https://www.sb.by/articles/optimizm-s-pristavkoy-kiber.html>
6. Acerbi, A. A Cultural Evolution Approach to Digital Media // *Frontiers in Human Neuroscience*. – 2016. – 10. – p. 1-12.
7. Гендерные различия вовлеченности в цифровую среду. – <https://socio.bas-net.by/gendernye-razlichiya-vovlechenosti-v-tsifrovuyu-sredu/>
8. Herring, J. Law and the Relational Self. – Cambridge. – Cambridge University Press. – 2019. – 270 p.
9. Mitchell, W.J. E-topia: Urban Life, Jim—But Not as We Know It. – MIT Press: Cambridge, MA. – 1999. [Google Scholar]
10. Deuze, M. Participation, Remediation, Bricolage: Considering Principal Components of a Digital Culture // *The Information Society* 22(2), 2006. – p. 63-75
11. Stiegler, B. The Age of Disruption: Technology and Madness in Computational Capitalism. – Cambridge. – Polity Press. – 2019. – 418 P.
12. Wiki. – [https://ru.qaz.wiki/wiki/Pharmakon_\(philosophy\)/](https://ru.qaz.wiki/wiki/Pharmakon_(philosophy)).
13. Wellman, B. Physical place and cyberplace: The rise of personalized networkin // *Int. J. Urban Reg.* – 2001. – 25 . – p. 227–252
14. Социальная политика. <https://news.myseldon.com/ru/news/index/235901216>
15. Kelly, K. The Inevitable. – NY. – Penguin Group. – 2016. – 336 p.

**Интерференция и дисперсия поведения человека как результат интерпретации
техно-социо-культурной ситуации**
**Interference and dispersion of human behavior as a result of interpretation of techno-
socio-cultural situation**

*ЯВВУ ПВО «Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны»
AWWW PVO "Yaroslavl higher military school of air defence"*

Современные технологии связи, видеонаблюдения, контроля за социальными сетями, характерные для высоко организованного, «тотального» общества, создали новую ситуацию несвободы человека. Следствием её становится дифференциация общества и распад личности. Тогда как цельная личность востребована в ситуации социального хаоса. Человек вынужден «искать себя» в отсутствии оптимальной социальной структуры.

Ключевые слова: интерференция, дисперсия, интерпретация, адаптация, поведение человека, тоталитаризм.

Modern technologies of communication, video surveillance, control over social networks, characteristic of a highly organized, "total" society, have created a new situation of human un-freedom. Its consequence is the differentiation of society and the disintegration of personality. Whereas a whole personality is in demand in a situation of social chaos. A person is forced to "look for himself" in the absence of an optimal social structure.

Keywords: interference, variance, interpretation, adaptation, human behavior, totalitarianism.

Современная техно-социо-культурная ситуация ставит под вопрос базовые понятия человеческого существования: свободы, ответственности, рациональности. Интерпретируя её, человек строит «теорию» и, неизбежно попадает в противоречие между аксиологическими требованиями, общими для всех людей и необходимостью применять свои уникальные способности и таланты в конкретных условиях. В результате поведение индивида приобретает производный (компромиссный) характер, от взаимодействия чувственно-интеллектуальной природы человека как такового и общества как системы социальных правил.

Понятие «интерференция» поясняет наложение и взаимовлияние ряда независимых факторов (причин), вызывающих «дисперсию» расслоение многообразия следствий этих причин, подобно тому, как наличие нескольких источников света, направленных с разных точек на один предмет, вызывает множество теней данного предмета. Примерами, на которых мы можем наблюдать социальные интерференцию и дисперсию, являются: тоталитарное общество, жёстко организованные социальные институты и бурный экономический рост.

В тоталитарном обществе [1], жизнь человека строго регламентирована во всех сферах и ограничения в одной сфере усиливают ограничения в других. Это приводит

к дисперсии восприятия реальности: власть, СМИ, работа, еда, отдых, социальные связи и личные отношения мало связаны друг с другом, представляют независимые «круги жизни». В каждом из этих «кругов» вместо свободного выбора есть верные и неверные действия, определяющие получение желаемого (и стандартизованного) результата. Следствием такого расслоения реальности становится вторичная дисперсия – канализация активности человека в определённой и достаточно узкой сфере: чтение книг, садоводство, различные увлечения, привычки. Причём в каждой из этих сфер человек не соревнуется с другими, а «живёт» сам по себе, в своём внутреннем мире и не может достигать высоких результатов. Увлечение становится его «образом жизни», способом самореализации. Но в случае кризиса в обществе, смены его парадигмы, вся дисперсная реальность начинает «схлопываться» и требовать многообразной активности от человека по отношению к миру как целому.

Аналогичные процессы происходят в военизированных социальных институтах, где люди, достигшие социального признания, выйдя на пенсию, не знают, как применить себя. В период бурного экономического роста человек, вынужден прилагать всё больше усилий, чтобы увеличить свой доход, угнаться за ростом цен и т.д., что приводит к большей специализации, адаптации, зависимости от кредитов. Интерференция разнообразных факторов, усиливающих друг друга, приводит к кумулятивному эффекту. А экономический кризис, потеря доходов становятся для человека катастрофой.

При этом источником дисперсии реальности является вполне целостный и интегрированный социальный механизм. Тогда как его разрушение вызывает ощущение мира как целого. Хаос требует от человека внутреннего единства, творчества и свободы, это ощущение экстраполируется вовне и воспринимается как внешнее. Эти две стороны определяют проблему оптимальной социальной структуры.

Литература:

1. Джордж Оруэлл. 1984 = George Orwell. Nineteen Eighty-Four / пер. с англ. Леонид Бершидский. — М.: Альпина Паблишер, 2021. — ISBN 978-5-9614-2525-3.

**Депроблематизация социальной проблемы восприятия качества жизни в
цифровизированной среде существования человека**
**Deproblematization of the social problem of perception of the quality of life in the
digitalized environment of human existence**

Шахтинский институт (филиал) ЮРГПУ(НПИ) им. М.И. Платова
Shakhty Institute (branch) SRSPU (NPI) named after M.I. Platov

На основе анализа социальных проблем и исследования дискурса их восприятия и представления, меняющегося со временем, при цифровой трансформации среды существования человека, рассматриваются пути депроблематизации восприятия качества жизни в условиях цифровизации, т.е. превращения проблемной ситуации в задачу, уточнение обстановки и разработки конкретного проекта действий в ней.

Ключевые слова: восприятие, качество жизни, цифровизация, социально-экономические отношения, цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, жизнедеятельность человека, цифровая трансформация, социальная проблема, депроблематизация, социологические исследования, психосемантический подход.

Based on the analysis of social problems and the study of the discourse of their perception and representation, changing over time, with the digital transformation of the human environment, the ways of deproblematization of the perception of the quality of life in the conditions of digitalization, i.e. the transformation of a problematic situation into a problem situation, clarification of the situation and the development of a specific project of actions in it are considered.

Keywords: perception, quality of life, digitalization, socio-economic relations, digital economy, information and communication technologies, human activity, digital transformation, social problem, deproblematization, sociological research, psychosemantic approach

Согласно оценкам экспертов в разных странах, тренд на новые цифровые форматы в России и во всем мире продолжает усиливаться. На период с 2019 по 2024 годы в Российской Федерации принят национальный проект - Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», предусматривает в ближайшие годы реализовать комплекс мероприятий, нацеленных на достижение национальных целей во всех сферах экономики.

В настоящее время Россия находится на 45-ом месте в перечне самых конкурентоспособных стран и вошла в топ-10 стран с развитой цифровой экономикой [1].

Цифровые технологии в современном мире становятся неотъемлемой частью среды существования человека, принося существенную пользу бизнесу и обществу, удовлетворяя возросшие потребности человека и бизнеса, обеспечивая повышение доступности широкого спектра товаров и услуг для человека и максимизацию доходов бизнеса.

Однако развитие цифровизированной среды происходит стихийно, без четко обозначенной стратегии, что приводит к возникновению несоответствия между целью цифровизации и ее результатом – это и есть важнейшая социальная проблема, заключающаяся в том, что восприятие цифровой трансформации основных сфер жизнедеятельности человека как тренда на снижение важнейших показателей, характеризующих качество жизни, что снижает психологическое самочувствие людей, уровень удовлетворенности жизнью, появлению чувства подавленности и безнадежности [2].

Необходимо превратить возникшую проблемную ситуацию в задачу (депроблемизация).

Для превращения возникшей проблемной ситуации восприятия качества жизни в цифровизированной среде в задачу, необходимо:

- определить и обосновать перечень цифровых услуг, составляющих качество жизни [3, 4];

- проанализировать данные социологических исследований, проведенных российскими и зарубежными учеными, исследователями и специалистами в области восприятия, а также использовать психосемантический подход, состоящий в построении и анализе пространства восприятия, и на этой основе выявить тренды восприятия современным обществом цифровых услуг: как тренд на снижение качества жизни (качества потребления) или как тренд на его повышение;

- разработать алгоритм депроблематизации (трансформации проблемной ситуации в задачу) социальной проблемы восприятия качества жизни, и на основе анализа проблемной ситуации, преобразования ее в задачу;

- разработать мероприятия, в том числе технологии SMART, включающие формулирование основных принципов системы анализа социальной проблемы восприятия качества жизни; сформулировать предложения по системе сертификатов на важнейшие цифровые услуги и предложения по базовым социальным стандартам цифровых услуг, одинаковых для всей территории России;

- создать организацию, которая координировала бы деятельность цифровизации среды существования человека, учитывала показатели удовлетворения качеством жизни населением страны в условиях цифровизации.

Литература:

1. Россия вошла в топ-10 стран по уровню развития цифровой экономики. URL: <http://www.mskit.ru/news/n207534/> (дата обращения 18.09.2021 г.).
2. Чистяков А.В., Третьяков М.А. Восприятие цифровизации экономики как тренда на снижение качества потребления // Коммуникативные стратегии информационного общества: труды XI Международн. науч.-теор. конф., 25-26 октября 2019 г. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. – С. 239-242.
3. Цифровизация здравоохранения: современный контур. URL: <https://digitalcc.ru/doc/reports/13032020.pdf/> (дата обращения 01.10.2020 г.).
4. Формирование цифровой образовательной среды образовательной организации в условиях реализации ФГОС. URL: <https://it-school.pw/formirovanie-cifrovoj-sredy-fgos/> (дата обращения 10.10.2020 г.).

Социальная коммуникация в парадигме современной науки **Social communication in the paradigm of modern science**

Южный федеральный университет
Southern Federal University

В статье рассмотрены основные направления теории социальной коммуникации, в частности современные концепции и подходы, как западные, так и отечественные. Цель данной работы – раскрытие критериев, благодаря которым возможна систематизация моделей диалогической коммуникации и эффективное их применение в процессе выстраивания общественных отношений. Обоснован тезис о том, что современное научное знание, имеющее своей целью изучение функций, моделей и типологии коммуникации, остается остро актуальным в силу трансформации и развития социальных коммуникативных процессов.

Ключевые слова: социальная коммуникация, политика, государство, социальная система, общество, межличностные отношения, социальные взаимодействия.

The article discusses the main directions of the theory of social communication, in particular, modern concepts and approaches, both Western and domestic. The purpose of this work is to reveal the criteria, thanks to which it is possible to systematize models of dialogical communication and their effective application in the process of building social relations. The thesis is substantiated that modern scientific knowledge, aimed at studying the functions, models and typology of communication, remains acutely relevant due to the transformation and development of social communication processes.

Keywords: social communication, politics, state, social system, society, interpersonal relations, social interactions.

Данная статья содержит попытку приведения к единообразной системе многочисленных подходов и доктрин, касающихся рассмотрения процесса взаимодействия людей и социальных институтов в ходе совместной деятельности.

Говоря об унифицированности и типологии исследовательских направлений в области дефиниций коммуникации, на сегодняшний день можно выделить три подхода, основанных на трех ипостасях этого явления. Первый, рассматривая коммуникацию как средство связи многочисленных объектов, пристальное внимание уделяет разнообразным технологиям и средствам, которые используются в ходе социального взаимодействия. В центре рассмотрения второй концепции - область субъект-объектного взаимодействия при передаче информации. Третий подход, широко представленный в теориях массовой коммуникации, изучает проблему влияния и воздействия на объект в результате обмена информацией.

Все три упомянутых типа играют огромную роль в современном исследовании феномена социальной коммуникации. При этом появление новых технологий, неуклонный технический прогресс, социально-культурные изменения являются причиной возникновения новых методологических подходов к исследованию межличностных отношений и социального взаимодействия.

Среди технократических подходов к изучению коммуникативной сферы – теория информационного общества, которое «вносит изменения в само ядро

существовавшей до сих пор социальной структуры и инициирует новый способ производства. Труд и капитал, характерные для промышленного общества, заменяются информацией и знанием как главными ценностями» [1, с.34]. Об интеракциях в условиях современного социума писал и канадский теоретик М. Маклюэн, который видел прямую зависимость общественного устройства от коммуникации, преобладающей в данном обществе. Кроме того, по мнению ученого, скорость передачи информации, распространение СМИ обуславливает тип восприятия индивидом окружающего мира [2].

Разновидностью технократического подхода является математическая модель коммуникации К. Шеннона и У. Уивера, сформулированная в 1949 году. Данная модель, возникшая под влиянием бихевиоризма, считается самой простой и общей, т.к. коммуникация здесь представлена как линейный и однонаправленный процесс. Схема коммуникации по Шеннону выглядит следующим образом: с помощью кодирования источник информации направляет сообщение получателю по определенному каналу, а реципиент принимает и декодирует информацию. Процесс передачи послания неизменно связан с различного рода специфическими нагрузками, помехами: «шумами», избыточностью, которые затрагивают процесс передачи послания, но не влияют на ее смысловое ядро. Данные барьеры могут быть различного характера: технического, исторического, экономического, социокультурного, языкового, культурно-национального [3].

Главенство технологических аспектов данных научных направлений пытался преодолеть еще один подход к изучению коммуникации - интеракционизм. Его представители (Т. Ньюкомб) настаивали на активной позиции реципиента во время получения информации, следовательно, все субъекты социального взаимодействия являются активными и равноправными. Поэтому эффективность и успешность коммуникации напрямую связана с обоюдным стремлением субъектов к единой цели общения и наличием схожего отношения к предмету диалога [4].

Интеракционистские подходы к исследованию коммуникации «подчеркивают ее не просто интерактивный, но трансактный (transactional) характер, заключающийся в том, что любой субъект коммуникации является отправителем и получателем сообщения не последовательно, а одновременно» [5]. Мы непрерывно становимся участниками социокоммуникационных взаимодействий, четкие границы которых проследить не представляется возможным. Ряд ученых и само общество при этом рассматривает как коммуникационную систему, а социальную интеракцию - в качестве сложного мероприятия, имеющего своей целью создание, восприятие и переработку смыслов. Представитель символического интеракционизма Д.Мид под коммуникацией понимает бесконечный диалог индивидуумов, в ходе которого происходит восприятие, анализ и оценка собеседников. Все эти действия невозможны без символической составляющей – успешное взаимодействие в обществе осуществляется по определенным негласным сценариям, с принятием разнообразных социальных ролей [6].

Влияние культурной среды, к которой принадлежат индивидуумы, на процесс социального взаимодействия рассматривали представители теории межкультурного содержания коммуникации. Э. Холл в ходе многочисленных исследований установил, что любое социальное взаимодействие определяется не столько очевидными факторами и кодами (например, способом передачи информации), сколько скрытыми смыслами, правилами и нормами, то есть контекстом. Субъект коммуникации, не владеющий данным культурным контекстом, не сможет в полной мере понять своего собеседника [7].

Коммуникацию как интерсубъективный акт рассматривают П. Бергер и Т. Лукман в совместной работе «Социальное конструирование реальности». Авторы отмечают, что социальное взаимодействие – это диалог, в ходе которого всеми участниками общения создаются смыслы. Входя в межличностную интеракцию, все субъекты заранее вырабатывают свои уникальные смыслы, но единый смысл, который генерируется в ходе коммуникационного взаимодействия, будет совершенно новым, отличным от первоначальных индивидуальных смыслов [8]. Таким образом, формируя в процессе взаимодействия с другими индивидами определенную социореальность, претерпевает изменения и сам субъект, переживающий эту реальность. Все члены общества, являясь участниками социальной коммуникации, создают и конструкцию данного социума. Такой взгляд ученых входит в противоречие с пониманием социальной реальности как объективной данности, над которой индивид не властен, а также оспаривает понимание коммуникации как элементарного однонаправленного способа передачи информации.

Подводя итог рассмотрению генезиса современных концепций социокommunikации, отметим, что поиски единого магистрального направления развития данной области знаний продолжают стремительное развитие ввиду трансформации подходов к изучению данного феномена, методов и технологии процесса коммуникации, самого характера общественных отношений. И, следовательно, научные разработки в данном направлении будут актуальны и востребованы, поскольку современное научное знание неизменно склоняется к признанию коммуникативной природы феномена социальности.

Литература:

1. Г. Бехманн. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Готтхард Бехманн; пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М.: Логос, 2010. – 248 с.
2. М. Маклюэн. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. 2-е изд. – М., 2013. 496 с.
3. К. Шеннон. Работы по теории информации и кибернетике. – М., 1963. 830 с.
4. T. Newcomb. The study of consensus // *Sociology today* / eds.: R.K. Merton, L. Broom, S. Cottrell. N. Y., 1959. P. 35-43.
5. О.И. Матяш. Что такое коммуникация и нужно ли нам коммуникативное образование [Электронный ресурс] // Российская коммуникативная ассоциация: сайт. – URL: http://www.russecomm.ru/rca_biblio/m/matyash01.shtml (Дата обращения 01.10.2021).
6. Д. Мид. От жеста к символу // *Американская социологическая мысль. Тексты.* – М., 1994. С. 216.
7. E.T. Hall. *The silent language.* Garden City, N. Y., 1959. 242 p.
8. П. Бергер, Т. Лукман. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания.* – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

УДК 316.77

ББК 60.0

О.Ю. Яценко, Н.Б. Абгарян
Oksana Iatsenko, Abgaryan Natalia
yatsenkoox@mail.ru
natali.abgaryan@mail.ru

**Профессиональный язык как детерминанта коммуникации в условиях
глобального вызова**
**Professional language as a determinant of communication in the context of a global
challenge**

*Государственный университет управления
Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова, Институт
лингвистики и межкультурной коммуникации
Moscow State University of Management
I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Institute of Linguistics and Intercultural
Communication*

Статья рассматривает информационное пространство как потенциальное поле роста значимости профессиональной лексики в процессах коммуникации и увеличения возможностей коммуникативных и информативных векторов развития в современном глобальном мире. Рассматриваются основные цели применения профессиональной лексики в информационной среде, ее проекция на межнациональное и кросс-культурное общение. Анализируются источники, дающие объективную картину состояния коммуникационной среды посредством профессионального и научного языка.

Ключевые слова: информационное пространство, глобальные проблемы, цифровые коммуникации, профессиональный язык, образовательные технологии.

The article considers the information space as a potential field for increasing the importance of professional vocabulary in communication processes and increasing the possibilities of communicative and informative vectors of development in the modern global world. The main objectives of the use of professional vocabulary in the information environment, its projection on interethnic and cross-cultural communication are considered. The sources that give an objective picture of the state of the communication environment through professional and scientific language are analyzed.

Keywords: information space, global problems, digital communications, professional language, educational technologies.

Диктуемые современными условиями глобального кризиса, вызванного продолжающейся пандемией жесткие, иногда репрессивные действия большинства государств и политиков, позволяют сделать некоторые предположения относительно тех условий, которые продолжают оставаться сообщества. Ситуация, при которой на постоянной или временной основе закрываются границы государств и вводятся длительные карантинные меры, серьезно сократили пространство реальной коммуникации, в той же степени, в какой произошло сокращение мировой и национальных экономик. Последствия пандемии затронули рестрикциями практически все активное население планеты, а их последствия еще долго будут

отражаться в привычных коммуникациях либо серьезно преобразуя их, либо меняя их количественно и качественно.

В сложившихся условиях, когда большинство миграционных потоков сократилось или прекратилось, значительно возросло использование виртуальных коммуникаций и цифровых алгоритмов как в экономических, так и в коммуникативных процессах. И одним из значимых сегментов вербального взаимодействия становятся профессиональные языки. Профессиональный язык как средство международного общения формировался на протяжении нескольких столетий и в настоящее время является устойчивым элементом как специализированного так и междисциплинарного общения для ученых, преподавателей и студентов, для специалистов широкого спектра профессий

Преобладающая в настоящее время виртуальная коммуникация ставит вопросы о популяризации профессиональной терминологии (особенно в медицине) и заставляет пристально следить за изменяющейся семантикой профессионального языка. С одной стороны, на содержание и смыслы профессиональной лексики оказывают традиционное давление национальные языки, адаптирующие терминологию под запросы сложившихся в культурной традиции способы восприятия сложной информации. С другой стороны, сам принцип популяризации знания о состоянии мирового сообщества в любой из социальных систем, вынуждает информационные источники упрощать научный и профессиональный язык, для сохранения интереса аудитории к новостным сообщениям. И, в-третьих, существует значительное, но недостаточно исследованное, влияние самой цифровой среды на лексику профессионального общения. Эти процессы имеют несколько определяющих факторов, каждый из которых способен как ухудшить качество общения в виртуальном пространстве, так и сохранить его без потери смысловых доминант общения.

Информационное пространство постепенно перестает быть территорией вне законов и правил, но этот процесс идет медленнее, чем необходимо, поэтому, пока в национальных законодательствах формируются кодексы регулирующие цифровое пространство, роль регулятора приняла на себя профессиональная и образовательная среда.

Научно-техническая революция и ее роль в развитии информационного общества в СССР во второй половине XX века
The scientific and technological revolution and its role in the development of the information society in the USSR in the second half of the XX century

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

В работе предпринята попытка продемонстрировать объективные примеры преобразований, которые начались в период научно-технического прогресса с оценкой их вклада на появление информационного общества в советском государстве. Исследователь, используя системно-структурный подход оценить каким образом, научно-техническая революция в СССР участвующая в обеспечении трудового процесса и поддержании постоянно растущих темпов производительности труда, во время происходивших научно-технических преобразований в стране.

Ключевые слова: СССР, инженер, рабочие кадры, научно-технический прогресс, информационное общество, научно-техническая революция, промышленность, наука и техника.

The paper attempts to demonstrate objective examples of transformations that began during the period of scientific and technological progress with an assessment of their contribution to the emergence of an information society in the Soviet state. The researcher uses a system-structural approach to assess how the scientific and technical revolution in the USSR is involved in ensuring the labor process and maintaining the constantly growing rates of labor productivity, during the scientific and technical transformations taking place in the country.

Keywords: USSR, engineer, workers, scientific and technological progress, information society, scientific and technical revolution, industry, science and technology.

Во второй половине XX в. в стране начал накапливаться положительный опыт по нормализации трудовых отношений и появлению первых успехов, связанных с модернизацией оборудования и обновлением технологических процессов.

Руководство государства в 1950-1960-е гг. ответственно подходило к синтетическим процессам, связанным с объединением последних достижений науки и техники и внедрению результатов НТР в народное хозяйство. В этом и заключался глубокий социальный, политический и экономический смысл преобразований, происходивших в выбранный период. Отметим, что одновременно с этим процессом менялся и характер трудовой активности промышленно-производственного персонала. При этом отдельное влияние на постоянно растущий информационный процесс по обмену знаниями, умениями и достижениями среди членов производственных объединений [1].

Ускоряя движение общества к социальной однородности, происходило сближение по выполнению производственных обязанностей между инженерно-техническими кадрами и рабочими. При этом постепенно грани между ними стирались, трудовые обязанности стремились к сближению, не только за счет притока новых работников, но и за счет преодоления естественных барьеров в период активной фазы НТР в стране. Кардинальные качественные изменения могли быть преодолены только после преодоления социальных различий внутри трудового коллектива того или иного промышленного предприятия. Естественно, если говорить

об управлении обществом, то за изменениями в общественных и социальных процессах в стране отвечали так называемые общественные организации [2]. Примером являются профсоюзные объединения и различные Союзы инженеров, научных кадров, Союз журналистов и т. д.

Таким образом НТП оказывал влияние не только на саму функциональную среду общества, но и на социальную и научную сферу жизнедеятельности человека, через культурно-просветительский и информационный аппарат. Благодаря быстрому и постоянно растущему числу научных и технических специалистов в стране, увеличивалось число реальных разработок в выработанных индустриальной структуре государства. Данная процедура обмена приводила к стимулированию действий не только с точки зрения передачи необходимой информации, но и к внедрению последних наработок как в производственный, так и в учебный процесс направленный на подготовку кадров.

В связи с общими быстрорастущими темпами научно-технических преобразований автоматизация представляла собой наивысшую ступень развития машинной техники и оборудования. Первый этап связан был с моделированием тех или иных циклов работ, происходивших внутри агрегата (деление ядер урана – А.П.), а второй этап использовался для выдачи готовой, конвейерной продукции по заданным стандартам и шаблонам (литейное производство – А.П.).

Например, уже в 1975 г. в стране автономно работало свыше 1200 автоматизированных систем управления предприятия и около 400 систем автоматизированного управления особо сложными производственными процессами [3].

В СССР прямо не принято было говорить о появлении или формировании информационного общества, наиболее часто это заменялось словами «кибернетизация производства», «кибернетика». Впервые об этом высказался в 1970 г. академик, математик М.В. Келдыш. Он сказал, что в период НТР вычислительные машины и вместе с ними связанные механизмы и элементы будут оказывать все большее влияние на промышленные и социальные преобразования. Данную теорию подробно осветили в публикации Одинцов С.А. и Ващенко А.В. «Развитие теорий информационного общества и понятия киберпространство» [4]. Авторы статьи сделали упор на появление и развитие новых информационных технологий, которые являлись полезными для советского общества и народного хозяйства в этот период.

В 1970 - е гг. в обществе было принято считать, что тесный союз рабочего и представителя ИТР – это залог творческого процесса по созданию наукоемкого предприятия, направленный на формирование производительных сил с новой формой общества, а именно информационного.

В первую очередь это создание передовой техники с прогрессивными, технологическими формами приема работы, а во вторую образование прочного научного-производственного комплекса за счет собственных специалистов. При этом результаты их совместной деятельности являлись весьма значимыми для формирования нового типа общества.

В СССР чаще всего результаты индустриальной деятельности сводились к тому, что производственный процесс между рабочими и технической интеллигенцией, должен был быть диалектически связаны, продуктивная сторона которых зависела друг от друга [5].

В обществе положительные итоги НТП всегда воспринимались как некое общее дело по интеграции и порождению нового информационного процесса. Базировалось все это на основе постоянно действующей закономерности прогрессивного развития научно-технического сотрудничества, в основе которого лежал квалифицированный труд. Плоды этого творческого начала проявлялись через экспериментальные и теоретические начала промышленно-производственных объединений. Умственный труд становился более высокопроизводительным и наиболее практичным с точки зрения новой формы общественного мышления в стране. Согласно Д. Беллу в период информационного общества социальное развитие всегда базировалось на научных и технических новациях, наука должна была достичь «зрелого состояния» [6]. Весь промышленно-производственный комплекс, не взирая на отрасль должен был опираться на университеты и институты знаний, с лидирующим положением высшего образования, а исследования и разработки должны были изменить производственный цикл [7]. Это все было продемонстрировано на научно-производственных объединениях НПО «РИТМ» и ОНПО «Пластполимер» [8].

В заключении хотелось бы отметить что, углубляя производственную специализацию, развивая формы и условия по расширению выпуска продукции в СССР предпринимались попытки по переходу к информационному обществу в классической форме. Для этого были все условия от создания научно-производственных форм организации и сотрудничества (научно-производственные объединения – А.П.) от индивидуального и производственно-хозяйственного комплекса с собственной экономической обособленностью до организации управления производства с подробным анализом действий. Это подтверждается тем, что во второй половине XX в. профессиональная принадлежность выступала гегемон в социальной структуре дифференциации промышленно-профессиональной группы специалистов [9]. При этом без преувеличения можно сказать, что появившийся социальный принцип организации научного и промышленного управления в период НТР имел прямое отношение к появлению так называемого информационного общества в Советском Союзе.

Литература:

1. Демидова Н.Г. Научно-техническая революция и интеллигенция // Тезисы докладов к научно-технической конференции. Л.: ЛОНТО Машпром, 1970. С. 23-25.
2. Правдин Д.И. Научно-техническая революция и управление социалистическим производством. М.: Знание, 1977. 64 с.
3. Суворов И.Ф. рука об руку с рабочими. М.: «Сов. Россия», 1976. С. 45.
4. Одинцов С.А., Ващенко А.В. Развитие теорий информационного общества и понятия «киберпространство» // Научный журнал КубГАУ. № 121 (07). 2016. С. 1 - 13. [Электронный Ресурс]. Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2016/07/pdf/116.pdf> . Дата обращения 26.07.2021.

5. Булкин А.К. Инженерно-техническая интеллигенция в условиях развитого социализма. Л.: Лениздат, 1978. С. 7-8.
6. Белл Д. Грядущее индустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.) 1999. 783 с.
7. Дука С.И. Информационное общество: социогуманитарные аспекты. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2004. С. 25-26.
8. Прищепа А.С. Производственно - трудовой коллектив - участник тиражирования научно-технических знаний в 1980-е гг. в Ленинграде // Исторический путь России: из прошлого в будущее: матер. междунар. науч. конф.: в 3 т. Санкт-Петербург, 2 апреля 2021 года / под ред. С. И. Бугашева, А. С. Минина. Т. 1. СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2021. С. 415 – 418.
9. Прищепа А.С. Подготовка инженерных кадров в начальный период трансформации информационного общества СССР в 1980-е гг. // Коммуникативные стратегии информационного общества: труды XII Междунар. науч.-теор. конф., 23–24 октября 2020 г. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 200 – 203.ч

УДК 316.77

ББК 60.0

Н.А. Сушков, И.Г. Шестакова
Nikolay Sushkov, Irina G. Shestakova

nick722fyt15@gmail.com

Религиозная этика в условиях вызовов современного мира **Religious Ethics in the Challenges of the Modern World**

Санкт-Петербургский Горный Университет
Saint-Petersburg Mining University

В данной работе проанализированы мораль и ее границы, проведен сравнительный анализ высказываний мыслителей разных времен, показать влияние религии на этику, сравнить моральные границы нашего поколения и прошлого, попытаться ответить на вопрос, почему у смежных поколений разные жизненные ценности, предложить варианты для укрепления моральных устоев для комфортной жизни.

Ключевые слова: жизненные ценности, мораль, религии, добродетель, герой.

In this work, morality and its boundaries are analyzed, a comparative analysis of the statements of thinkers of different times is carried out, to show the influence of religion on ethics, to compare the moral boundaries of our generation and the past, to try to answer the question why adjacent generations have different life values, to offer options for strengthening moral foundations for a comfortable life.

Keywords: life values, morality, religion, virtue, hero.

Размышляя над границами морали в наше время, да и вообще над значением этого слова, нельзя дать четкого ответа на вопрос, а что это вообще такое? Мораль - по сути своей правила нравственности, духовный план развития поведения в той или иной ситуации, подразумевающий под собой добродетель. Советский и российский учёный-философ, специалист по этике – А.А. Гусейнов говорил, что мораль зависит от религии, с другой стороны Лев Николаевич Толстой считал себя христианином, даже создал свою религиозную философию [2], однако церковь объявила его действия «противохристианскими», Аристотель в своём учении говорил, что мораль является способом достижения счастья. Британский философ Джон Стюарт Милль писал, что именно философия должна совершенствовать мораль.

Так кто же ставит границы морали? В основном это общество. Именно оно выстраивает рамки, опираясь на своё духовное развитие. По пирамиде Маслоу духовная ячейка самая высокая и самая неудовлетворенная. Духовные потребности человек принимает из книг, картин, музыки и так далее. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения в 2020 году число читающих россиян растёт. Если пять лет назад этот показатель составлял 45%, то сейчас он достиг 53%, но при этом по мнению половины россиян (53%), писатели движимы стремлением заработать денег, каждый пятый (22%) считает, что писатели стремятся создать великие произведения и войти в историю. Считают современных писателей успешными и богатыми только 33% наших соотечественников, каждый пятый (21%) полагает, что это не так [3]. Про музыку вообще не стоит говорить, ведь если привести в пример тексты песен самых известных исполнителей России, данный реферат не пройдёт цензуру из-за содержащейся в текстах современных песен пропаганды наркотических средств, алкоголя, всего, что как раз-таки разрушает общество. Это говорит о том, что общество плохо справляется с установкой этики в современном мире. По моему мнению, с этим лучше всего справляются религии.

Религиям нужен герой. Обращаясь к книге учёного Джозефа Кэмпбелла по сравнительной мифологии «Тысячеликий герой» [4], можно понять для себя кто такой герой. Во всех религиях, мифах и легендах есть человек, который вдруг начинает слышать душевный зов, он выходит из своей «крепости» и начинает путь, полный зла, испытаний и сложностей, а в итоге и главный злодей, но он продолжает идти, не потому что он воин, физически подготовлен, а потому что так велит совесть, именно на таких людях строятся религии, мифы, комиксы. Если провести параллель между Библией и каким-нибудь фильмом студии Marvel, вы не найдёте явных отличий, есть зло, есть добро. Но Иисус Христос бился за правду, мораль, за идеологию, Тони Старк из фильма «Железный человек» бился за мир. Мы видим, что ценности меняются, рассматривая все того же персонажа: миллионера, playboy, человека, имеющего проблемы с алкоголем, и которым молодёжь восхищается, ведь ему сходит все с рук. И теперь вместо того, чтобы драться за идеологию справедливости, правды, добра, герои дерутся за спасение мира в прямом смысле. Вместо морали, мы получаем экшен. (боевик, в котором делается упор на эксплуатацию физических возможностей игрока, в том числе координации глаз и рук и скорости реакции.)

Отсутствия возможности соблюдения заповедей в условиях мира. К сожалению, в наше время трудно следовать заповедям, это обусловлено сменой ценностей [7]. В наше время не работает золотое правило православной церкви «если ударили по правой щеке, подставь левую» - забьют до смерти. Лев Николаевич Толстой - один из наиболее известных русских писателей и мыслителей, размышлял над смыслом этой заповеди, из евангелия от Матфея. Известный мыслитель пишет, что самое страшное - это не так понять смысл сказанного. Иисус говорит «не противься злему», но какое именно зло имеется в виду четко не сказано, размышляя

над этим, Толстой пишет, что зло есть незнание, это высказывание опирается на просветительский рационализм сократовской морали.

Почему же в наше время философия является неактуальной, новое поколение не задумывается над темой морали? Мысли на этот повод писал Рональд Инглхарт в своей книге «Тихая революция» [5]. Все дело в том, что у наших родителей были другие ценности - ценности материализма, они включали в себя физическую, психологическую безопасность и благополучие. На сегодняшний день у нашего поколения постматериалистические ценности, нам нужно принадлежать к группе, самовыражаться, нам важно качество жизни. Все это упирается в эгоизм ради своего счастья, ведь если раньше люди старались ради общего благополучия, работали на заводе, то сейчас поколение готово идти по головам ради собственного качества жизни. Следовательно, если следовать заповедям сегодня, можно превратиться в человека, который лишь терпит давление общества.

Заключение. Анализируя данную проблему, приходим к выводу, что смешение религий является её решением, это позволит искоренить непонятные моменты, по типу тех, которые пытался объяснить Лев Николаевич Толстой, чтобы простые люди могли понять смысл и уже не философствовать, потому что самое страшное, не так понять смысл учение Христа. Такие мысли высказывал президент Израиля - Шимон Перес [6]. Он предлагал создать «альянс религий», который возглавит папа Римский, ранее такое же предложение делал премьер Испании Хосе Луис. Синкретизм религий уже происходил, среди них относят манихейство, гностицизм, эллинистической культуры – Сераписа, Исиды, Митры, религии друзов, берегватов, сикхизм. Самый яркий пример - религия вуду, смесь христианства и западного африканского анимизма [8]. Данное решение не поможет масштабно, так как, к сожалению, только религиозные люди будут жить по четкой морали. Как же быть с другими людьми? На ум приходит невозможное решение - прописать мораль на законодательном уровне, сделать добродетель обязанностью каждого гражданина страны. В этом плане можно вспомнить про страны, в которых законодательно закреплено соблюдение правил религии, где священные книги являются нормативно-правовыми актами.

Литература:

1. Гусейнов А. А. Возможна ли мораль (нравственность), независимая от религии? // <https://iphras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/f/1.html>
2. Пылаев М. А. Моральная религия в религиозной философии Л. Н. Толстого и либеральной теологии В. Германа. Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. Вып. 82. С. 53–62. DOI: 10.15382/stur1201982.53-62
3. Читательская активность россиян 2000vs2020 // <https://polit.ru/article/2021/01/03/reading/>
4. Сарычева М. Рецензия на книгу «Тысячеликий герой» <https://www.piter.com/blog/retsenziya-na-knigu-dzhozefa-kempbella-tysyachelikiy-geroy>
5. Шестаков Д. Рональд Инглхарт: Как мотивации и ценности людей меняют мир // <https://econs.online/articles/opinions/ronald-inglkhart-kak-motivatsii-i-tsennosti-menyayut-mir/>
6. Гашков И. «Святой Престол обсуждает вопрос о создании Организации объединенных вер» https://www.ng.ru/ng_religii/2014-09-17/7_pope.html
7. Шестакова И.Г. Новая темпоральность цифровой цивилизации: будущее уже наступило // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 2. С. 20–29. DOI: 10.18721/JHSS.10202
8. Михельсон О. К. Синкретические религии // https://bigenc.ru/religious_studies/text/3664464

Коммуникативные стратегии в государственном управлении и общественном самоуправлении
Communicative strategies in state administration and public self-government

УДК 351.007
ББК 6.60.84

Т.В. Шаулова
Tatyana Shaulova
Shaulova63@yandex.ru

Большие данные и информационно-аналитическое обеспечение государственного управления
Big data and information and analytical support of public administration

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация
North-West Institute of Management of RANEPA, St. Petersburg, Russian Federation

Предпринята попытка раскрыть преимущества Больших данных перед традиционными аналитическими технологиями и обоснована необходимость перехода к предикативной аналитике, позволяющей не только прогнозировать с высокой степенью вероятности и детализации развитие ситуации, но и заранее спланировать распределение ресурсов в случае ее возникновения.

Ключевые слова: большие данные, аналитика, бизнес - аналитика, аналитика больших данных, информационно-аналитическое обеспечение государственного управления, предикативная аналитика.

An attempt is made to reveal the advantage of Big Data as a technology over traditional analytical technologies. The necessity of switching to predicative analytics is justified, which allows not only to predict with a high degree of probability and detail the development of the situation, but also to plan in advance the allocation of resources in case of its occurrence.

Keywords: big data, analytics, business analytics, big data analytics, information and analytical support of public administration, predicative analytics.

Третья технологическая революция «способствовала» массовому распространению информационно-коммуникационных технологий и принципиально новых моделей использования различного рода устройств и интернет-сервисов,

результатом же четвертой, ассоциируемой с цифровыми технологиями, глобальной информатизацией, цифровой трансформацией, стало изменение «общественного уклада» государства, бизнеса и повседневной жизни каждого из нас. Одно из проявлений этого - фиксация в цифровом формате практически всех процессов реальной жизни: транзакционные операции, данные телефонных сетей, спутников, камер наблюдения, датчиков, GPS навигаторов, регистрирующих устройств, носимых гаджетов, интернета вещей; социальные сети, поисковые запросы и пр., которые выступают источниками данных. Но речь идет уже не просто о большом объеме данных, которые избирательно могут быть использованы государственными ведомствами или маркетинговыми службами бизнес - организаций при принятии решений [1], а о Больших данных (Big Data).

Однозначного подхода к определению Big Data нет. В качестве рабочего определения используем подход Gartner, в соответствии с которым Big Data - это «объемные, высокоскоростные и/или разнообразные информационные ресурсы, требующие экономически эффективных, инновационных форм обработки информации, которые позволяют улучшить понимание, принятие решений и автоматизацию процессов» [2].

Big Data - не только информационный ресурс, но и технология (аналитика), т.е. совокупность подходов, инструментов и методов сбора, обработки, управления и анализа больших объемов данных, характеризующихся не структурированностью, неоднородностью, разнообразием форматов, высокой скоростью генерации и обновления, с целью получения воспринимаемой информации для принятия решений;

- технология глубокого осмысления процессов, происходящих в реальных системах; возможности нахождения решений многих проблем и прикладных задач, а также выявления у данных новых свойств, которые формируясь на больших объемах, визуализируют тренды.

Последнее отражено и в определении понятия консалтинговой компанией Forrester: «Big Data объединяют техники и технологии, которые извлекают смысл из данных на экстремальном пределе практичности».

В отличие от других технологий, Big Data обладает особенностями: во-первых, ее использование оправдано либо высокой сложностью задачи, либо сверхвысокими объемами обрабатываемых данных; во-вторых, Big Data объединяют техники и технологии, «извлекающие» новый смысл из данных, явно в них не содержащийся.

Преимущество Big Data в том, что чем объемней и разнородней массив подвергается анализу, тем более точные и релевантные данные удается получить. Для этого применяются разнообразные методики, как традиционные, так и продвинутые.

Для систем государственного управления это - благо или «дополнительная возможность» сохранить управляемость и повысить эффективность управления.

Необходимость использования потенциала Big Data обусловлено тем, что процессы усложнения управляемого объекта в конце XX века и как результат - увеличение энтропии - неопределенности, предопределили смену управленческих парадигм. Если для модели управления «обществом риска» альтернативы были

известны, известно полное множество исходов и возможность просчитать вероятность каждого, то в управлении «обществом неопределенности» альтернативы и исходы известны, но вероятность исходов неизвестна или даже лишена смысла. Поскольку продуктом управления выступают управленческие решения, направленные на развитие управляемого объекта, то в этом случае не только технологии управления, но и технологии в управлении (в нашем случае технологии Big Data) будут предопределять его эффективность. В сложившейся ситуации «лицам, принимающим государственные управленческие решения», располагающим огромным массивом данных в разных форматах, объем которых увеличивается в геометрической прогрессии при высокой частоте обновления, для их обработки уже не целесообразно использовать «традиционные» статистические методы анализа и представления данных: во-первых, из-за их чувствительности к качеству данных; во-вторых, из-за того, что они «ориентированы» на объяснение «прошлой динамики» (того, «что было») в отличие от технологий Big Data, менее чувствительных к качеству данных, более ориентированных на будущее и «отвечающих» на вопрос «что будет?». Кроме того, технологии Big Data позволяют анализировать больше типов данных (более значительных объемов, более быстро получаемых и меняющихся сведений, неструктурированных данных) по сравнению с инструментами бизнес-аналитики, что дает возможность фокусироваться не только на структурированных хранилищах.

В тоже время сложность решаемых проблем и цифровизация государственного сектора «требуют» перехода от работы с данными к работе, ориентированной на данные и аналитику. Поэтому не случайно за Big Data в цифровом государственном управлении закреплена ключевая роль [3].

Прежде всего, ситуация «предопределяет» необходимость смены приоритетов в информационно-аналитическом обеспечении государственного управления в «сторону» аналитики Big Data. Иначе: использования методов и инструментов Big Data, их интеграцию на основе технологий искусственного интеллекта и машинного обучения в BI-инструменты (сбор, объединение, «очистку», агрегацию и гармонизацию данных из разных информационных систем; уточнение и дополнение их в асинхронном режиме, сохранения «историчности» и пр., с целью «превращения» их в информацию, необходимую при проведении мониторингов, диагностики, построения прогнозов и сценариев, обнаружения корреляционных зависимостей с различными факторами влияния в контексте социально-экономических, демографических, производственных, отраслевых, региональных и прочих характеристик «окружения» в процессе принятия управленческих решений; моделирования и отслеживания самих процессов принятия решений).

Преимущество аналитики Big Data в отличие от бизнес-аналитики, являющейся описательным процессом анализа результатов, достигнутых в определенный период времени, в том, что:

- для Big Data характерен иной подход к информации при работе с «большими данными»: результат получается в процессе их «очистки» путем последовательного

моделирования, состоящего из этапов: выдвижение гипотезы - построение модели (статистической, визуальной или семантической) - проверка на основании модели верности выдвинутой гипотезы - выдвижение новой. Этот процесс требует от аналитика либо интерпретации визуальных значений или составления интерактивных запросов на основе знаний, либо разработки адаптивных алгоритмов «машинного обучения», способных получить искомый результат. Т.е. налицо интеллектуализация все этапов процесса разработки и принятия управленческих решений;

- позволяет сделать анализ предсказательным, способным предлагать рекомендации на будущее;

- выводы / результаты анализа менее субъективны и более прагматичны.

В этом случае неизбежен «переход» и к предикативной деятельности (предиктивная аналитика), позволяющей не только прогнозировать с высокой степенью вероятности и детализации развитие ситуации, но и заранее спланировать распределение ресурсов в случае ее возникновения. И если несколько лет назад это казалось фантастикой, то сегодня созданы условия, чтобы это стало стандартной функциональностью.

Литература:

1. Распоряжение Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 1189-р Об утверждении Концепции создания и функционирования национальной системы управления данными и плана мероприятий («дорожной карты») по созданию национальной системы управления данными на 2019 - 2021 г.г // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72162090/> (дата обращения 14 октября 2021 г.);

Постановление Правительства РФ от 14 мая 2021 г. № 733 «Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе "Единая информационная платформа национальной системы управления данными" и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105180005> (дата обращения 16 октября 2021 года).

2. Большие данные. Глоссарий Gartner // <https://www.gartner.com/en/information-technology/glossary/big-data>

3. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Национальная программа «Цифровая экономика 2024» // <https://digital.ac.gov.ru/about/> (дата обращения 13 октября 2021 г.);

Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (дата обращения 13 октября 2021 г.);

Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2021 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Федеральный проект «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (дата обращения 13 октября 2021 г.)

УДК 622.276.003(07)

ББК 65.291.8

Т.Ю. Семёнова, Али Саид Аль Дирави

Tatyana Semenova, Ali Al-Dirawi

tknow@mail.ru

**Взаимодействие государства и предприятий в развитии нефтегазовой отрасли:
опыт стран Ближнего Востока**

**Interaction between the state and enterprises in the development of the oil and gas
industry: the experience of the Middle East countries**

*Санкт-Петербургский горный университет
Saint Petersburg Mining University*

В статье рассматривается проблема взаимодействия стран по вопросу добычи газа и продуктов нефтегазовой отрасли, формирования новых рынков сбыта, проведен анализ статистических данных стран Ближнего Востока, сделаны выводы о необходимости национализации иностранной собственности и ограничения деятельности частного капитала внутри страны, поскольку государственный сектор стал ключевым в нефтегазовой отрасли.

Ключевые слова: нефтегазовая отрасль, национализация иностранной собственности, страны Ближнего Востока, государственный сектор.

The article deals with the problem of interaction between countries on the issue of gas production and oil and gas industry products, the formation of new sales markets, the analysis of statistical data from the Middle East countries, conclusions about the need for nationalization of foreign ownership and restrictions on the activities of private capital within the country, since the public sector has become key in the oil and gas industry.

Keywords: oil and gas industry, nationalization of foreign property, Middle East countries, public sector.

Поскольку климатическая и энергетическая политика все более взаимосвязаны, природный газ стал играть важную роль в качестве относительно экологически чистого топлива. В результате крупных технологических разработок и инноваций, особенно связанных с разработкой сланцевой нефти, также растет уверенность в том, что природный газ доступен в больших количествах.

Наиболее крупными газодобывающими странами на Ближнем Востоке являются Иран (239,5 млрд. м³), Катар (175,5 млрд. м³) и Саудовская Аравия (112,1 млрд. м³).

Наблюдается прирост добычи природного газа за последнее десятилетие в среднем на 45% в регионе. Наибольший прирост в добыче у Катара. В 2009 году эта страна добыла 92,4 млрд м³ газа, а в 2018 году - 175,5 млрд м³ газа. Добыча газа в Ираке за этот промежуток времени увеличилась почти в 2 раза с 17,52 млрд м³ в 2009 году до 31,24 млрд м³ в 2018 году. Уровень объемов добычи в ОАЭ увеличивался с 2009 до 2015 года, однако потом к 2018 году был уменьшен до объемов 2009 года.

Суммарно страны Ближнего Востока в 2018 году добыли 764,24 млрд м³ природного газа. Это значение составляет около 20% от всей мировой добычи за указанный год. Практически во всех странах наблюдается ежегодный прирост по

данному показателю. Как правило, снижение объемов добычи газа в какой-либо стране региона может происходить из-за политических факторов (санкции, военные конфликты и др.).

Анализируя данные об объемах добычи газа в странах Ближнего Востока в период с 2009 по 2018 год, данные о росте потребления газа на душу населения в регионе и мире, мы можем прогнозировать, что тенденция к ежегодному увеличению объемов добычи природного газа сохранится. К 2030 данный показатель в Ираке увеличится до 41,13 млрд м³ в год с 31,24 млрд м³ в 2018 году. Также, по нашим прогнозам, общий объем добычи газа странами Ближнего Востока увеличится примерно на 15-20% к 2030 году и составит около 900 млрд м³. в год.

Показатель отношения запасов к добыче на конец 2018 г. в странах ближнего Востока оценивается следующим образом: Иран - 136, Катар - 131, Саудовская Аравия - 77, Объединенные Арабские Эмираты - 129, Ирак - 339, Египет - 35, Кувейт - 104, другие страны Ближнего Востока - 36.

Из вышеизложенного видно, что при достаточно больших запасах в Ираке недостаточно развита добыча газа. Как уже говорилось ранее, это связано с тем, что газовая отрасль слабо развивалась в последние десятилетия.

Себестоимость добытого газа в странах Ближнего Востока одна из самых низких в мире. Основными причинами этого, является то, что запасы данного природного ресурса расположены вблизи запасов нефти, поэтому отпадает необходимость в дополнительных затратах на инфраструктуру, разведку и извлечение ресурса. Для сравнения: по информации из разных источников, затраты на добычу 1000 м³ природного газа в среднем в Иране составляют 15-30 долларов, в Катаре — 22-30 долларов, в США.

В результате национализации иностранной собственности и ограничения деятельности частного капитала внутри страны, государственный сектор стал ключевым в нефтегазовой отрасли. Хозяйственная собственность находилась в руках государства в важнейшем секторе экономики - нефтегазовой отрасли. В 2017-2018 гг., были приняты постановления Совета министров о регулировании рынка природного, попутного и сжиженного газа, а также преобразования газа в электроэнергию. Постановлениями предусматривается создание газопроводной компании, проведение тендеров на реализацию контрактов по добыче и обработке газа, создание инфраструктуры по переработке газа и т.д. Инвесторы имеют право покупать газ у Министерства нефти по согласованным ценам и продавать его компаниям, перерабатывающим газ в электроэнергию, экспортировать газ.

Фандрайзинг в условиях постпандемии: новые возможности и вызовы **Fundrising in post-pandemic conditions: new opportunities and challenges**

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

На основании анализа кейсов в некоммерческом секторе в условиях пандемии и постпандемии автором были выделены ключевые тренды в фандрайзинге: консолидация усилий бизнес-сообщества и усиление программ корпоративной социальной ответственности, диджитализация фандрайзинга и развитие инфраструктурных онлайн платформ, рост количества частных и повышение средней суммы пожертвований, появление новых категорий фандрайзеров, а также растущий запрос доноров на «фандрайзинг отношений».

Ключевые слова: фандрайзинг, благотворительность, пандемия, цифровые коммуникации, интернет.

Based on an analysis of cases in the non-profit sector in the context of a pandemic and post-pandemic, the author identified key trends in fundraising: the consolidation of the efforts of the business community and the strengthening of corporate social responsibility programs, the digitalization of fundraising and the development of online infrastructure platforms, an increase in the number of private donors with a decrease in the average amount donations, the emergence of new categories of fundraisers, and a growing demand from donors for «fundraising relationships».

Key words: fundrising, charity, pandemia, digital communications, internet.

Эпидемия COVID-19 поставила многие некоммерческие организации (НКО) на грань выживания. Основная проблема – это отсутствие финансирования и трудности с привлечением как материальных, так и нематериальных ресурсов. В условиях кризиса НКО сталкиваются с новыми вызовами, создающими риски для их функционирования и развития, поэтому на первый план выходит необходимость постоянного мониторинга рынка фандрайзинга, а также изучение новых возможностей получения финансирования.

В 2020-2021 годах некоммерческие организации пересмотрели и актуализировали инструменты и механизмы коммуникации с аудиториями, адаптируясь под вызовы времени и текущее положение рынка. При этом новые инструменты поиска ресурсов опираются в большей степени на результаты случившейся цифровой трансформации государства, бизнеса и общества, которые явились следствием пандемии и продолжают нарастать.

Отметим ряд тенденций, которые обнаруживаются в поле фандрайзинговой деятельности.

Консолидация усилий бизнес-сообщества и усиление программ корпоративной социальной ответственности (КСО)

Корпоративные доноры продолжили вовлекаться в социальные проекты, поддерживать НКО и заниматься благотворительностью. Однако кризис отразился на КСО-программах и стратегиях, которые стали более адресными, краткосрочными и ситуативными. В совместном исследовании агентства Young Group Social и PR-агентства FIELDS 4E «COVID-19: трансформация корпоративной социальной ответственности во время и после пандемии» сформулированы тренды на основе мнений представителей крупного бизнеса из разных отраслей. По данным исследования, 50% компаний – участников опроса выделили финансовые средства, 32,5% выделили собственные товары и услуги, 27,5% запустили новые продукты и услуги для борьбы с пандемией и ее последствиями. Так, например, бренд «Purina» пожертвовали 2 млн порций корма некоммерческим организациям по защите животных в 15 странах Европы (включая Россию), Ближнего Востока и Северной Африки, а компания «МегаФон» пожертвовала 20 тыс. смартфонов для школьников из малоимущих семей в 21 регионе России [1].

Кризис, вызванный пандемией, раскрыл потенциал и активизировал усилия бизнеса, связанные с фандрайзинговыми проектами, стал катализатором процессов, направленных на развитие программ корпоративной социальной ответственности как ключевой ценности для бизнеса в эпоху турбулентности.

Диджитализация и развитие инфраструктурных онлайн платформ

Для выстраивания эффективных отношений с донорами в интернете необходимо создание условий для их самоорганизации в коммуникативном digital-пространстве. НКО осознали необходимость смены форматов и инициирование фандрайзинговых событий в онлайн среде. Все чаще появляются новые онлайн мероприятия и акции с творческим, интерактивным и вовлекающим контентом. Безусловным преимуществом цифровизации фандрайзинга является широта охвата, возможность обратной связи и сбора данных о донорах, рентабельность, дешевизна и мультиканальность.

Так, например, благотворительный фонд «Дети Наши» совместно с компанией «ProTreneg» и брендом «New Balance» организовали домашний спортивный благотворительный онлайн марафон «**Sport&help**», что позволило привлечь в пользу фонда десятки тысяч рублей, а благотворительный фонд «Мархамат» из Уфы в партнерстве с другими НКО и бизнес-сообществом провел фандрайзинговый онлайн гастрономический праздник «Добрый плов». Одним из наиболее эффективных и длительных проектов волонтерского фандрайзинга стала акция #менякасается, которую запустил фонд «Нужна помощь». В рамках данного проекта на платформе фонда было собрано более 5 млн рублей для некоммерческих организаций, оказывающих адресную помощь в разных регионах России.

Важно отметить, что тенденция к росту онлайн фандрайзинга проявилась еще до пандемии и продолжает нарастать. Исследование фонда «КАФ» про российскую благотворительность показало, что в 2019 году в России впервые онлайн-

пожертвования превысили офлайн-пожертвования: 43% доноров делали пожертвования онлайн, а 39% – наличными [2].

Наиболее эффективными инструментами, используемыми для привлечения средств в интернете являются web-сайты, социальные медиа, электронные рассылки для сбора пожертвований, а также мобильные приложения (официальный сайт организации, сайты-агрегаторы и краудфандинговые сайты). В рамках исследования «Онлайн-фандрайзинг в российских НКО: масштабы и влияющие факторы» респондентам было предложено оценить, какие методы онлайн-фандрайзинга наиболее эффективны в плане привлечения средств для их организации и для сектора в целом. В оба списка вошли самые применяемые в НКО инструменты – социальные сети НКО, массовая email-рассылка писем с просьбой сделать пожертвование, журналистский фандрайзинг и сайт НКО (кнопка «сделать пожертвование»). При этом для некоторых малоиспользуемых инструментов фандрайзинга (мобильные приложения, краудфандинг-платформы, интернет-аукционы) доля НКО, которые их применяют, выше или на уровне доли НКО, которые говорят об их эффективности для себя или для сектора [3, с.73].

В сети развиваются и инфраструктурные участники фандрайзинг-рынка – площадки, где фандрайзеры получают информацию, общаются, учатся и обмениваются опытом, а также площадки для привлечения и перечисления средств, такие как «Нужна помощь», «Благо.ру», «Dobro.mail.ru», «Такие дела» и др. Следствием пандемии стало то, что данные фандрайзинг-платформы постепенно снижают барьеры как для самих НКО, так и для других инициаторов благотворительных сборов, упрощая процедуру верификации, а также снижая комиссионные сборы.

Важной тенденцией постковидного времени стало появление платформ для привлечения пожертвований на базе коммерческих компаний. Например, банк «Точка» разработал платформу, которая привлекает и раздает пожертвования для клиентов банка – как НКО, так и пострадавших от пандемии коммерческих компаний.

Увеличение количества частных доноров при одновременном увеличении средней суммы пожертвований

Следствием пандемии стало то, что часть населения на фоне локдауна и всеобщей цифровой мобилизации не только сделали первые онлайн покупки и провели первые онлайн платежи, но и впервые приняли участие в благотворительности, сделали пожертвование или стали волонтером. Соответственно, у некоммерческого сектора появилась необходимость вовлечь и удержать новую аудиторию частных благотворителей, сделать их постоянными и рекуррентными донорами, вовлечь в программы системной благотворительности.

По данным исследования проекта «Если быть точным», проведенного в мае 2020 года на выборке шестисот НКО, массовый фандрайзинг стал наиболее распространенным источником финансирования некоммерческого сектора – пожертвования частных лиц отметили 87% опрошенных, также выросла поддержка

социально-уязвимых групп, а онлайн-пожертвований стало в 2 раза больше и средний чек увеличился с 964 до 1021 рублей [4].

Высокая активность частных доноров идет на спад по мере привыкания людей к условиям пандемии, поэтому важно выстраивать системные коммуникации, поддерживать постоянный диалог с донорами, использовать релевантные форматы и технологии работы. Несмотря на постепенное падение среднего чека и снижение количества пожертвований в 2021 году, частная благотворительность остается важнейшим и наиболее надежным источником оперативных сборов. Однако по-прежнему детерминантой невысокой активности российских граждан в данной области служат такие факторы как: низкие доходы населения, бюрократические трудности на пути к помощи нуждающимся, недоверие к благотворительным организациям, а также частые случаи мошенничества, что в целом затрудняет становление частной благотворительности как сильного института [5].

Появление новых категорий фандрайзеров

Фандрайзинг определяется как деятельность, направленная на привлечение материальных, технических, финансовых ресурсов, как правило, в пользу некоммерческого сектора.

Однако «коронакризис» расширил понимание термина: фандрайзинг постепенно выходит за пределы некоммерческого сектора и на рынке активно появляются новые категории фандрайзеров – субъекты, которые активно и успешно привлекают ресурсы. К ним относятся учреждения здравоохранения, оказавшиеся в сложной ситуации малый и средний бизнес, а также частные лица. Таким образом, само понятие «фандрайзинг» приобретает более широкий смысл и трансформируется через эффективные практики поиска и привлечения пожертвований разными секторами экономики.

Широкую известность приобрела кампания «Бизнес терпит бедствие», где предприниматели рассказывают о проблемах, с которыми столкнулись и призывают партнеров поддержать их. Частные лица стали не только жертвовать сами, но и просить на личные нужды – повседневные расходы, лечение и проч. Появляются акторы, которые выходят на рынок как частные фандрайзеры для других, призывая людей жертвовать на важные цели. Например, петербурженке Зинаиде Корневой удалось привлечь порядка 4 млн рублей на помощь российским врачам.

Таким образом, с одной стороны наблюдается развитие механизмов, технологий и инструментов фандрайзинга, а с другой – рост количества игроков, что в свою очередь, ведет к росту и ужесточению конкуренции за ресурсы.

Запрос доноров на «фандрайзинг отношений»

Новые форматы и инструменты коммуникаций обуславливают рост требований к компетенциям профессиональных фандрайзеров. Это касается как их коммуникативных практик, так и организационных навыков, умению органично интегрировать донора в проект, эффективно представить благополучателей,

используя технологии сторителлинга, эдьютеймента и др. Даже при наличии ответной благодарности на пожертвование доноры склонны воспринимать такую форму коммуникации как одностороннюю, поэтому на первый план выходят не транзакции, а чувства, эмоции и впечатления, формирование ощущения сопричастности – то, что называется «фандрайзинг отношений».

Концепция фандрайзинга отношений апеллирует к смене качества взаимоотношений между фандрайзером и донором в сторону партнерства, разноформатного участия, построения долгосрочных отношений с учетом индивидуального подхода к ценностям и мотивам донора, его филантропическим интересам. Стратегическая задача фандрайзинга заключается не только в том, чтобы выявить особенности филантропической идентичности донора, но и в том, чтобы помочь ему выразить их, предложив разнообразные возможности для поддержания этих ценностей через активную вовлеченность донора в реализацию благотворительных проектов и формирование долгосрочных партнерских взаимоотношений [6].

В этой ситуации НКО нужно инициативно и проактивно строить коммуникации с донорами, проявлять к ним внимание и эмпатию. Например, некоторые российские фонды рекомендуют фандрайзерам звонить частным донорам и благодарить их лично.

Таким образом, на основании анализа кейсов и мониторинга текущей новостной повестки в качестве ключевых трендов рынка фандрайзинга в 2021 году можно выделить: увеличение форматов межсекторного партнерства и взаимодействия, что создает синергетический эффект и позволяет эффективно привлекать ресурсы; необходимость анализа новых практик для вовлечения частных рекуррентных доноров; расширение границ фандрайзинга, и как следствие, рост конкуренции за ресурсы; запрос доноров на симметричную, персонифицированную коммуникацию, а также цифровую трансформацию и внедрение digital-инструментов.

Литература:

1. «Бизнес и сообщество» (Электронный ресурс). – Режим доступа: <https://www.b-soc.ru/io/top-5-trendovkso-posle-pandemii/> (дата обращения: 21.10.2021).
2. «КАФ»: впервые число людей, совершающих пожертвования онлайн, превысило число жертвующих наличные (Электронный ресурс) // Агентство социальной информации. – Режим доступа: <https://www.asi.org.ru/news/2020/04/16/moskva-kaf-issledovanie-pozhertvovaniya-onlaj-nalichnye-issledovanie/> (дата обращения 14.10.2021).
3. Корнеева И. Е., Брюшно А. С. Онлайн-фандрайзинг в российских НКО: масштабы и влияющие факторы //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – №. 5 (153). С 58-81.
4. Фандрайзинг в России: кто и как привлекает средства? (2021) (Электронный ресурс) // Официальный сайт проекта «Если быть точным» – Режим доступа: <https://tochno.st/materials/fandrayzing-v-rossii-kto-i-kak-privlekaet-sredstva-2021> (дата обращения: 20.10.2021).
5. Недосекова Е. С. Динамика вовлеченности граждан современной России в благотворительную деятельность//Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2020. – Т. 1. – №. 12. – С. 141-145.
6. Мерсиянова И. В., Иванова Н. В., Корнеева И. Е. Фандрайзинг как фактор устойчивого функционирования некоммерческого сектора //Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2015. – №. 1. – С. 151-180.

Социальные сети как инструмент повышения имиджа государственных гражданских служащих

Social networks as a tool to enhance the image of public civil employees

*Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация
North-West Institute of Management of RANEPA, St. Petersburg, Russian Federation*

В статье рассмотрено влияние информационно-коммуникационных технологий на формирование имиджа органов государственной власти и государственных гражданских служащих, повышение уровня их легитимности и эффективности. На примере Санкт - Петербурга показано, что социальные сети стали реальным инструментом быстро отвечать на поступающие вопросы граждан, реагировать на непредвиденные ситуации, налаживать диалог с горожанами в режиме реального времени и, как следствие, повышая имидж конкретного органа власти и гражданского служащего в целом.

Ключевые слова: социальные сети, обращения граждан, коммуникация, органы государственной власти, государственные гражданские служащие, доверие, компетентность, имидж

The article examines the influence of information and communication technologies on the formation of the image of state authorities and civil servants, increasing the level of their legitimacy and effectiveness. Using the example of St. Petersburg, it is shown that social networks have become a real tool to quickly answer incoming questions from citizens, respond to unforeseen situations, establish a dialogue with citizens in real time and, as a result, improve the image of a particular government body and civil servant in general.

Keywords: social networks, citizens' appeals, communication, public authorities, civil servants, trust, competence, image.

Сегодня интернет является неотъемлемой частью жизни практически каждого человека. Социальные сети с каждым годом становятся все популярнее [7], становясь не только «площадкой» для ведения личной страницы для родственников и друзей, но и быстрым и удобным каналом коммуникации государственных гражданских служащих с гражданами, обеспечивая тем самым открытость государственных органов и повышая имидж государственных гражданских служащих. В целом интернет-коммуникации обеспечивают процесс формирования эффективного диалога между органами власти и общественным сектором, позволяя осуществлять взаимодействие чиновников непосредственно с целевой аудиторией и тем самым, быстро получить обратную связь [4].

Имидж государственного служащего складывается из таких параметров как его личный профессионализм, результативность, открытость для общества, умение себя преподнести, внешний вид и поведение. Увеличение открытости органов государственной власти, их способность вовлекать все слои общества в процесс формирования государственной политики, умение регулярно диагностировать общественное мнение, умение взаимодействовать со СМИ – все это также оказывает

влияние на формирование имиджа государственного гражданского служащего [3]. Помимо этого государственного служащего оценивают через призму оценки государственного органа власти, к которому он относится.

Таким образом, имидж госслужащего целесообразно рассматривать не только как представление отдельного человека, а как общий имидж государственного органа власти, так как они неразрывно связаны. «Имидж власти характеризуется представлениями, идеями и впечатлениями населения, что в значительной степени определяет их установки и действия. В зависимости от того, насколько высок и полноценен имидж органов власти, настолько и будут поддержаны населением принимаемые властью решения, что в конечном счете позволяет сопоставлять между собой имидж и социальную эффективность власти» - отмечено в статье «Имидж органов исполнительной власти в зеркале общественного мнения» [5].

Один из факторов формирования негативного имиджа государственного служащего у общества заключается в сложности преподнесения информации до всего населения о деятельности органов власти, а также получение обратной связи о существующих проблемах, и оперативного принятия решений, направленных на урегулирование ситуации. Безусловно, у граждан есть право обратиться в орган власти посредством подачи обращения или записи на личный прием. Однако очередь на прием может быть расписана на месяц вперед, а срок ответа на обращения граждан составляет 30 календарных дней согласно Федеральному закону от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [1]. Следуя норме закона, получить быструю реакцию или ответ «власти» на проблему гражданина весьма проблематично, что создает негативное восприятие системы органов власти и негативно влияет на имидж государственного гражданского служащего, который, по мнению общества, «перекладывает бумаги с места на место, а не работает».

В данной ситуации социальные сети являются тем самым механизмом, которые позволяют органам власти оперативно осуществлять коммуникации с обществом с целью решения проблем, тем самым повышая свою открытость и легитимность, что улучшает имидж государственного служащего.

Формирование положительного имиджа государственного органа власти и государственных служащих в основном относится к полномочиям пресс-службы. Ранее основными инструментами для выполнения данной задачи были постоянный мониторинг средств массовой информации, публикация пресс-релизов, организация интервью с государственными служащими, информационное партнерство, то есть всестороннее освещение деятельности государственных служащих. С развитием социальных сетей появились дополнительные платформы, которые могут влиять на укрепление имиджа гражданского служащего, рост его популярности среди граждан с помощью регулярных публикаций о его деятельности и формирования прямого диалога с горожанами.

Положительным примером активного использования возможностей информационно-коммуникационных технологий - социальных сетей, служит Москва. В частности, Департаментом информационных технологий Москвы создана организация АНО «Диалог», которая изначально занималась мониторингом и анализом эффективной обратной связи муниципальных властей с горожанами, а позднее стала отвечать за развитие «платформ обратной связи» по всей стране. По поручению Президента России В.В. Путина АНО «Диалог» сформировал во всех субъектах страны сеть Центров управления регионом (далее – ЦУР), призванных координировать работу с обращениями населения в социальных сетях. В ЦУРы ежедневно оперативно поступают и отрабатываются проблемные вопросы жителей по всем направлениям, связанным с жизнью региона, формируются аналитические материалы, характеризующие социально-экономическую ситуацию в области, и вырабатываются предложения по дальнейшему развитию.

Также создана система мониторинга, обработки и реагирования на сообщения граждан в социальных сетях по различным вопросам «Инцидент Менеджмент». Ключевая задача данной системы — найти информацию о волнующих жителей проблемах и вопросах, отправить обращение гражданина ответственному сотруднику в органе власти для подготовки ответа и решения проблемы, а также разместить ответ жителю в социальной сети от имени официального аккаунта органа власти. Важно, что публикуемые ответы написаны понятно и просто каждому человеку, без сложных бюрократических терминологий. Таким образом, благодаря данной системе у органов власти есть реальный инструмент быстро отвечать на поступающие вопросы и запросы граждан, реагировать на непредвиденные ситуации, тем самым показывая свою компетентность, налаживая диалог с горожанами в режиме реального времени и, как следствие, повышая имидж конкретного органа власти и гражданского служащего в целом.

Подобная коммуникация в социальных сетях и открытый диалог власти с гражданами позволяет повысить информированность населения о внутренней работе государственных служащих и поспособствовать открытости органов власти, что положительно влияет на имидж. Стоит отметить работу Дмитриевой Н.Е., которая основываясь на теоретическом выводе И. Мергель о том, что правительства в форме социальных сетей имеют новые каналы взаимодействия с обществом как с целью повышения информированности своих граждан, так и для получения дополнительных знаний от заинтересованных стейкхолдеров, провела исследование и подтвердила данную гипотезу о повышении информированности граждан [2].

Пресс-службы государственных органов власти составляют план коммуникаций? и используют социальные сети для создания и поддержания положительного имиджа государственных служащих и создания доверительных отношений с целевой аудиторией.

Для полноценного использования потенциала социальных сетей органы власти создают официальные аккаунты в социальных сетях. Так в Санкт-Петербурге издано распоряжение Правительства Санкт-Петербурга «Об утверждении Порядка создания

и ведения официальных аккаунтов Правительства Санкт-Петербурга, руководителей исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга и иных аккаунтов исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга в социальных сетях». Данный документ отсутствует в открытом доступе, однако мы можем использовать материалы, размещенные Комитетом по взаимодействию со средствами массовой информации Правительства Санкт-Петербурга на антикоррупционную экспертизу в августе 2020 года [6].

Данным распоряжением в целях совершенствования взаимодействия исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга (далее – ИОГВ) с населением, организации работы ИОГВ в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и обеспечения открытости государственного управления утверждается «Порядок создания и ведения официальных аккаунтов Санкт-Петербурга, руководителей государственной власти Санкт-Петербурга и иных аккаунтов исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга в социальных сетях» и всем органам власти Санкт-Петербурга поручается обеспечить создание и ведение официальных аккаунтов руководителей ИОГВ и иных аккаунтов ИОГВ в социальных сетях. Порядок определяет правила создания и ведения официальных аккаунтов Правительства Санкт-Петербурга, руководителей ИОГВ и иных аккаунтов ИОГВ в социальных сетях, в том числе «ВКонтакте», «Instagram», «Facebook», «Одноклассники», «Twitter» и «YouTube».

Таким образом, Правительство Санкт-Петербурга стандартизирует и приводит к общему знаменателю все социальные сети города для формирования единого образа органов власти. Также АНО «Диалог» проводит обучения для пресс-служб органов власти, где подробно разбираются основы ведения социальных сетей, единый стандарт работы ИОГВ в интернете, контентная политика и другое, что поможет органам власти и гражданским служащим создать правильный образ в социальных сетях и повышать тем самым свой имидж.

Подводя итоги можно сказать, что развитие социальных сетей и проникновение цифровых технологий в жизнь общества требует обязательного присутствия органов власти и гражданских служащих в интернет-пространстве. Повышая уровень компетенции государственных служащих в работе с социальными сетями, открыто общаясь и отвечая на обратную связь граждан и грамотно выстраивая позиционирование органов власти в социальных сетях, имидж государственных служащих будет неизбежно повышаться, так как у граждан будет четко сформировано понимание о работе, которая делается на благо и развитие общества.

Литература:

1. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901978846> (дата обращения: 02.10.2021).
2. Дмитриева, Н.Е. Для связи в сети: результаты мониторинга открытости федеральных органов исполнительной власти в социальных сетях // Вопросы государственного и муниципального управления.

2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dlya-svyazi-v-seti-rezultaty-monitoringa-otkrytosti-federalnyh-organov-ispolnitelnoy-vlasti-v-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 03.10.2021).
3. Кирина, О.В. Современные тенденции формирования имиджа государственного служащего // Политика, экономика и инновации. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-formirovaniya-imidzha-gosudarstvennogo-sluzhaschego> (дата обращения: 25.10.2021).
4. Киселева, А. М., Шпак, Е. А. Социальные сети в процессе коммуникации между властью и обществом // Вопросы управления. 2015. №6 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-v-protseesse-kommunikatsii-mezhdu-vlastyu-i-obschestvom> (дата обращения: 02.10.2021).
5. Маслов, И.В., Бакшеева, Л.М. Имидж органов исполнительной власти в зеркале общественного мнения // Russian Journal of Education and Psychology. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-organov-ispolnitelnoy-vlasti-v-zerkale-obschestvennogo-mneniya> (дата обращения: 26.10.2021).
6. Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов Комитета по взаимодействию со средствами массовой информации. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/press/documents/antikorrupcionnaya-ekspertiza-proektov-normativnyh-pravovyh-aktov/?is_archive=True&page=3 (дата обращения: 04.10.2021).
7. Ежегодное исследование активной аудитории социальных сетей в России за 2020 год. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2020/> (дата обращения 02.10.2021)

УДК 35.089.7

ББК 6.60.84

И.С. Смирнова
Irina Smirnova
rpms2012@yandex.ru

**Современная система критериев и подходы к оценке эффективности
деятельности муниципальных служащих в Санкт-Петербурге и Ленинградской
области**

**A modern system of criteria and approaches to evaluating the effectiveness of
municipal employees in St. Petersburg and the Leningrad Region**

*Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация
North-West Institute of Management of RANEPA, St. Petersburg, Russian Federation*

В статье рассмотрено современное состояние процесса стимулирования муниципальных служащих, особенности формирования их денежного содержания. Выявлен потенциал использования структуры денежного содержания в организации материального стимулирования муниципальных служащих. Представлены рекомендации по совершенствованию системы оценки эффективности оплаты труда муниципальных служащих по результатам работы.

Ключевые слова: муниципальное управление, муниципальная служба, эффективность, критерии оценки, материальное стимулирование.

The article considers the current state of the process of stimulating municipal employees, the peculiarities of the formation of their monetary content. The potential of using the structure of monetary content in the organization of material incentives for municipal employees has been identified. Recommendations are presented on improving the system for assessing the effectiveness of remuneration of municipal employees based on the results of work.

Keywords: municipal administration, municipal service, efficiency, evaluation criteria, financial incentives.

Эффективность реализации муниципальными служащими профессиональной служебной деятельности напрямую влияет на управление подведомственной территорией, качество оказания муниципальных услуг и, следовательно, на реализацию целого ряда прав граждан.

В системе выплат денежного содержания муниципальных служащих достаточно низкая доля окладной части при высокой доли премий и стимулирующих выплат, что позволяет достаточно гибко подходить к системе оплаты их труда.

При этом, зачастую, данный потенциал в рамках работы органов муниципального управления остается недоиспользованным, что не позволяет в полной мере стимулировать служащих к исполнению профессиональных служебных обязанностей на максимально высоком уровне.

Согласно статистическим данным доля должностного оклада муниципальных служащих на протяжении последних нескольких лет возрастает [1]. Так, динамику объемов выплат должностного оклада от общего объема фонда оплаты труда и средств фонда стимулирования можно представить следующим образом (таблица 1).

Таблица 1. Динамика доли оклада муниципальных служащих от фонда оплаты труда и средств фонда стимулирования [5]

период	Доля оклада муниципального служащего от фонда оплаты труда	Доля оклада от фонда оплаты труда и средств фонда стимулирования
2016 год	10,40%	8,50%
2017 год	13,60%	8,60%
2018 год	13,70%	8,70%
2019 год	14,10%	8,90%

Важно отметить, что в окладной части выплат муниципальным служащим постепенно возрастает роль средств из фонда стимулирования, что позволяет делать вывод о все более проявляющейся зависимости оплата труда муниципальных служащих от результативности их служебной деятельности.

После выплат окладной части денежного содержания муниципальных служащих, оставшийся фонд оплаты труда распределяется в рамках осуществления дополнительных выплат и надбавок. В частности, 41% денежных средств в системе фонда оплаты труда отводится на премирование по результатам работы [1].

В практике деятельности органов муниципального управления премирование муниципальных служащих охватывает большинство из сотрудников. Так из общего количества человек, замещающих должности муниципальной службы в Санкт-Петербурге и Ленинградской области ежегодно премируют порядка 88% [5].

Размер средств оплаты труда (без учета размера премий по результатам работы и иных стимулирующих выплат, материальной помощи, единовременной выплаты в начале отпуска) показывает положительную динамику.

В процессе предоставления дополнительных гарантий муниципальным служащим (в том числе и материальных) используются следующие механизмы:

1. В рамках кадрового направления это: кадровый отбор с учетом индивидуальных особенностей.

2. В рамках личностного направления используются такие механизмы, как взаимная открытость с руководством в отношении его ответственности и работы; помощь в решении личных, семейных трудностей; трудностей, которые возникают в сфере взаимоотношений среди работников и руководства. Используются совместные мероприятия, которые помогают укреплять коллектив.

3. В рамках экономического направления применяются надбавки к должностным окладам, а также, распределение премиального фонда исходя из объема произведенной работы (как было рассмотрено выше).

В то же время около 40-45% средств ежегодно от общего фонда стимулирования направляется на премирование рядовых служащих, обеспечивающих реализацию госпрограмм и мероприятий [5].

Достаточно высокий процент вышеуказанных стимулирующих выплат в структуре содержания муниципальных служащих носит, по преимуществу, компенсационный характер и направлен на снижение разницы оплаты труда на муниципальной службе и в частном секторе экономики для аналогичных должностей. Таким образом, премирование, как инструмент кадровой политики, в большей степени используется не столько для поощрения служащих, сколько для нивелирования разницы в заработной плате с частным сектором, то есть создание конкурентных преимуществ муниципальной службы как вида деятельности [1].

Анализ применяемых параметров и критериев в системах оценки результативности и эффективности деятельности муниципальных служащих в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, позволяет выделить общие параметры (таблица 2).

Таблица 2. Общие параметры оценки результативности и эффективности деятельности при премировании муниципальных служащих в Санкт-Петербурге и Ленинградской области [2]

Параметр	% органов муниципального управления, в которых учитывается параметр при премировании муниципальных служащих
Оценка деятельности руководителем	86,30%
Исполнительская дисциплина (выполнение поручений)	79,50%
реализация ведомственных планов	65,80%
результативность деятельности органов МСУ	51%
оценка достижения показателей результативности профессиональной служебной деятельности	63%

Следует отметить, что только в 51% органов муниципального управления (администраций муниципальных образований) на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области при премировании служащих учтена результативность работы органа. Столь низкое влияние данного параметра не обеспечивает достаточно условий для мотивации и стимулирования муниципальных служащих для повышения результативности и эффективности служебной деятельности.

Показатели результативности служебной деятельности служащих установлены в 97,4 % должностных регламентах муниципальных служащих, однако, как видно из данных таблицы 2, данный параметр при распределении премий учитывается только в 63% органов муниципального управления, что также недостаточно для высокого уровня мотивации служащих на повышение эффективности и результативности служебной деятельности [3].

В качестве «стимулирующих» показателей результативности служебной деятельности муниципальных служащих используются следующие [4]:

1. Выполнение ведомственных планов.
2. Реализация мероприятий.
3. Выполнение программных мероприятий.
4. Реализация государственных программ.
5. Личная инициатива при реализации программ.

Тем не менее, несмотря на развитие подхода - оплаты труда муниципальных служащих по результатам деятельности - целесообразно обратить внимание на ограничения данного института:

- как видно из перечня оцениваемых параметров, большинство из них являются качественными, и достаточно сложно поддаются количественной оценке, что затрудняет возможность их использования в качестве критериев оценки при распределении премиальных надбавок;

- системы оценки, применяемые в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, не учитывают то, что органы муниципального управления в целом, имеют достаточно разнообразные подведомственные территории, а служащие – различные должностные регламенты; разнообразен и объем реализуемых каждым органом муниципальных программ. Эти условия не позволяют создать единую для всех муниципальных образований субъектов федерации систему оценки при распределении премиальных выплат. Но в то же время, на уровне конкретного органа муниципального управления вполне возможно учитывать данный показатель при премировании, исходя из конкретных должностных регламентов служащих, объема работы и возложенных обязанностей [4].

- Анализ данных о системах материального стимулирования говорит о непрозрачности системы оценки результативности деятельности муниципальных служащих и высокой степени зависимости уровня стимулирования от решений и оценок руководства.

Основным методом стимулирования работы муниципальных служащих на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области выступает премирование по

результатам работы. Как результат, относительный уровень оплаты труда муниципальных служащих за последние несколько лет значительно возрос. В то же время, несмотря на формально относительно высокий процент стимулирующих выплат в структуре заработной платы, большая их часть носит скорее компенсационный, а не поощрительный характер. Кроме того, в системе органов муниципального управления наблюдается также высокая степень корреляции оплаты труда служащих субъектов Федерации и средней заработной платы в этих субъектах.

Анализируя имеющуюся информацию можно сделать вывод, что чаще всего, для сотрудников муниципальная служба является средством достижения своих собственных целей, которые мало связаны с заботой об интересах государства в целом. Поэтому представляется необходимым уделить особое внимание следующим моментам:

1. Повышение престижности службы,
2. Повышение степени заинтересованности служащих в получении дополнительного образования и повышения квалификации,
3. Воспитание и прививание служащим таких качеств как альтруизм, стремление быть полезным, что достижимо средствами формирования организационной культуры, объединения коллективов.

В этой связи, представляется важным предложить рекомендации по оптимизации материального стимулирования муниципальных служащих.

В рамках оценки работы муниципальных служащих на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области оценивается также и уровень развития территории муниципального образования. Однако данная практика в большей степени характерна для Санкт-Петербурга.

В большинстве муниципальных образований на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области наблюдается рост экономических показателей оценки деятельности органов МСУ, таких как привлечение инвестиций, размещение новых предприятий, при снижении социальных показателей, в частности, повышение численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. При этом в Ленинградской области возрастает отклонение данного показателя от общероссийского, что свидетельствует об отставании в экономическом развитии от страны в целом.

По показателю безработицы территория Ленинградской области характеризуется достаточно неблагоприятным уровнем, в сравнении с Санкт-Петербургом.

Высокий уровень безработицы (выше, чем по России в несколько раз) объясним также низким уровнем урбанизации, недостаточностью средств производства на территории области и не вполне зависит от деятельности муниципальных служащих.

В этой связи необходимо отметить, что проблемой является оценка развития территории муниципального района, преимущественно, по экономическим показателям, социальные показатели, хотя и присутствуют в системе критериев оценки муниципальных служащих, не вполне учитываются в оценке.

В качестве основных рекомендаций в области материальной мотивации муниципальных служащих можно предложить следующее:

1. Учет качества и итогов работы.
2. Составление рейтинга органов муниципального управления в рамках субъекта и на федеральном уровне, для того, чтобы соответственно распределять финансы, предназначенные для материальной мотивации.
3. Включение в должностные регламенты служащих, занимающих руководящие должности, полномочий и обязанности по распределению материальных поощрений на основе выработанной системы критериев, а не исходя из субъективной оценки работы того или иного служащего.
4. Ускорение перехода на электронный документооборот и технологию блокчейн, что позволит более детально отслеживать деятельность конкретного служащего.

Представляется, что внедрение перечисленных предложений позволит оптимизировать систему материальной мотивации муниципальных служащих, что благоприятно отразится на эффективности их служебной деятельности.

Литература:

1. Корсунов Д.А., Буров А.В. КPI как система управления и оценки эффективности деятельности органов власти и местного самоуправления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kpi-kak-sistema-upravleniya-i-otsenki-effektivnosti-deyatelnosti-organov-vlasti-i-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 10.10.2021).
2. Корсунов Д.А. Анализ эффективности осуществления муниципальных закупок органами местного самоуправления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-effektivnosti-osuschestvleniya-munitsipalnyh-zakupok-organami-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 10.10.2021).
3. Матвеева Н.С. Оценка эффективности и результативности государственных (муниципальных) закупок // Финансы и кредит. 2018. №3 (771). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-i-rezultativnosti-gosudarstvennyh-munitsipalnyh-zakupok> (дата обращения: 10.10.2021).
4. Ручкин А.В. Ключевые показатели эффективности (КPI) деятельности муниципальных служащих: особенности, правовые основы и примеры построения // Муниципалитет: экономика и управление. 2016. №2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyucheve-pokazateli-effektivnosti-kpi-deyatelnosti-munitsipalnyh-sluzhaschih-osobennosti-pravovye-osnovy-i-primery-postroeniya> (дата обращения: 10.10.2021).
5. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации (раздел – кадровая работа). URL: <https://www.minfin.ru/ru/om/kr/> (дата обращения: 10.10.2021).

УДК 338.48

ББК 66.2

Е.А. Рачина, А.С. Матвеевская
Evgeniya Rachina, Anna Matveevskaya
rachinazhenya@gmail.com
AnnaMatveevskaya@mail.ru

Коммуникативные стратегии развития российского туризма в повышении роли страны на мировом рынке
Communicative strategies for development of Russian tourism in increasing the country's role in the world market

Санкт-Петербургский государственный университет
Saint-Petersburg State University

Туризм является одной из самых быстро растущих отраслей мировой экономики. Помимо экономических преимуществ туризма существуют и нематериальные выгоды в данной сфере. Открытость и взаимозависимость туризма предполагает большие возможности для коммуникации и диалога культур. Россия имеет огромный потенциал для доминирования в различных видах туризма. В последние годы проводятся крупные события (например, Зимние Олимпийские игры, Чемпионат мира по футболу, Чемпионат Европы по футболу), разрабатываются проекты брендовых маршрутов, направленных на привлечение туристов. Это объясняется как экономической выгодой от развития туризма, так и его важности для увеличения «мягкой силы» государства.

Ключевые слова: туризм, Россия, Russia.travel «мягкая сила», туристский кешбэк, импортозамещение

Tourism is one of the fastest growing industries in the world economy. In addition to the economic benefits of tourism, there are non-material benefits in this area. The openness and interdependence of tourism offers great opportunities for communication and dialogue between cultures. Russia has enormous potential to dominate various types of tourism. In recent years, major events have been held (for example, the Winter Olympic Games, the FIFA World Cup, the European Football Championship), branded routes are being developed. They are aimed at attracting tourists. This can be explained both by the economic benefits from the development of tourism and by its importance for increasing the “soft power” of the state.

Keywords: tourism, Russia, Russia.travel, “soft power”, tourist cashback, import substitution

The Travel and Tourism Competitiveness Report ВЭФ оценивает конкурентоспособность 140 стран в сфере туризма. В 2019 г. Россия заняла 39 место в данном рейтинге. [1] По сравнению с 2017 и 2015 гг., это – наилучшая позиция (2017 г. – 43 место, [2] 2015 г. – 45 место [3]). Так, прослеживается позитивная тенденция повышения конкурентоспособности российского туризма. При этом в России достаточно высокие показатели выездного туризма, государство входит в десятку стран с самыми высокими расходами на туризм, занимая седьмое место. Отмечается, что в 2019 г. Россия наряду с Австрией и Францией показала самый высокий рост расходов на международный туризм [4].

Разработанная и утвержденная распоряжением Правительства РФ в 2018 г. Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и выездного туризма в Российской Федерации (2019-2025 гг.)» представляет главной целью

комплексное развитие внутреннего и въездного туризма с учетом обеспечения экономического и социокультурного прогресса в регионах России [5]. Также Концепция уделяет внимание увеличению вклада отрасли в валовой внутренний продукт РФ более чем на 70 процентов к концу 2025 г. Смещение приоритета в сторону развития туризма, сосредоточение на этой отрасли внимания и ресурсов объясняются существенным вкладом от туризма в обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны, значимости отрасли для развития малых форм бизнеса и стимулирования смежных отраслей в регионах.

Для достижения главной цели в Программе ставится ряд ключевых задач, одна из которых связана с продвижением туристского продукта Российской Федерации и повышением информированности о нем на мировом и внутреннем туристских рынках. Программа прописывает поддержку деятельности и развитие сети туристско-информационных центров на территории России, которая осуществлялась при помощи национального маркетингового центра по туризму - "Visit Russia" [6]. Обговорены мониторинг и оценка конъюнктуры российского и зарубежного туристских рынков, организация и проведение информационно-пропагандистских и социальных рекламных кампаний по продвижению туристского продукта РФ, а также деловых и событийных международных, общероссийских, межрегиональных мероприятий, форумов и акций. Проведение таких мероприятий предусмотрено Программой в целях продвижения российского туризма.

В Программе развития делается акцент на использовании программно-целевого метода и большой роли государства в решении проблемы. Предполагается использование средств федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и внебюджетных источников. Также важно отметить, что именно внутреннему туризму уделяется основное внимание. Эта сфера считается одной из задач импортозамещения [7]. В то время как въездной туризм рассматривается лишь как перспективный путь решения задачи по увеличению несырьевого экспорта. На первый взгляд такая расстановка приоритетов может показаться неверной, ведь известна роль международного туризма в формировании имиджа страны и развития мягкой силы [8]. С другой стороны, такая очерёдность задач является логичной. Развитие туристских инфраструктур в регионах РФ, привлечение инвесторов, подготовка специалистов в данной сфере помогут в становлении внутреннего туризма. А привлечение иностранных туристов останется лишь вопросом времени при грамотной маркетинговой стратегии [9].

Главной рекламной кампанией отечественного туризма долгое время являлась кампания «Время отдыхать в России», английский вариант - «Visit Russia», запущенная в 2015 г. Ростуризмом. Основа этой кампании – размещение наружной рекламы на фасадах зданий, общественном транспорте, задействование светодиодных экранов, digital-конструкций в спортивно-оздоровительных сооружениях и на автозаправочных станциях. Также предполагалось использование ресурсов средств массовой информации, Интернета. Информационная кампания проходила в 15 регионах России, но постепенно её география расширилась до 30 субъектов РФ.

Акцент рекламной кампании ставится на продвижении брендовых маршрутов России, которые также упоминаются и в Концепции развития туризма. Среди них «Русская Арктика», «Серебряное ожерелье», «Реки России», «Великий Шелковый Путь», «Русские Усадьбы» и другие. Также в рамках данного проекта был создан интернет-портал, объединяющий информацию о классифицированных гостиницах и обновленный сайт проекта «Национальный календарь туристских событий», на котором можно ознакомиться с предстоящими событиями в различных регионах РФ.

Помимо продвижения отечественного туризма внутри страны важной частью кампании стала и реклама за рубежом. Так, постепенно открывались национальные туристские офисы в разных странах, перспективных с точки зрения развития туризма. С 2015 по 2017 год такие офисы были открыты в Финляндии, Иране, Кувейте, Вьетнаме, Испании, Великобритании, Германии, Латвии, Литве, Эстонии, Турции и Чехии. Планировалось продолжение открытия таких офисов в дальнейшем. Открытие офисов происходило на базе государственно-частного партнерства: подведомственное Ростуризму федеральное государственное унитарное предприятие «Национальный маркетинговый центр по туризму» заключало соглашения с партнерами, заинтересованными в продвижении российских предложений на национальных рынках [10].

Однако в 2017 г. Ростуризм подготовил отчет о неудовлетворительной работе Национального маркетингового центра по туризму. Вопросы к унитарному предприятию заключались в том, что все закупки предприятие делало у единственного поставщика с административными нарушениями и завышенными ценами. Также эффективность деятельности «Национального маркетингового центра по туризму» в целом вызывала сомнения. Большая часть выделенных средств была израсходована на мероприятия за рубежом, которые оказались бесполезными: состав участников не отвечал целям и задачам, целевая аудитория не была охвачена, и деятельность ФГУПа не оказывала реального влияния на въездной турпоток. Утверждается, что проект столкнулся со сложностями из-за отсутствия финансирования. По этой причине маркетинговые центры решено перезапустить уже на базе автономной некоммерческой организации [11].

В ноябре 2020 г. Правительство РФ распорядилось учредить автономную некоммерческую организацию «Развитие туризма» под управлением Ростуризма. Основная цель организации: маркетинговое продвижение внутреннего и въездного туризма. Основные направления деятельности: повышение узнаваемости туристского бренда России, анализ спроса, создание и продвижение сайтов, мобильных приложений, проведение выставок и реализация других рекламных и PR проектов, внедрение интернет-технологий [12]. Планируется выделение организации 1,3 миллиарда рублей субсидий в 2021 году [13].

Примечательно, что Ростуризм в рамках проведения маркетинговой линии развития туризма пользуется не только традиционными средствами продвижения, но и предпринимает попытки идти в ногу со временем. Так, летом 2020 г. на платформе одной из наиболее динамично развивающихся социальных сетей TikTok, Ростуризм и

национальный туристский портал Russia.Travel запустили трехнедельную кампанию #RussiaTravel, целью которой стала поддержка внутреннего туризма. Основная деятельность прошла в официальных аккаунтах агентств по туризму десятков регионов, что должно было «вдохновить российских пользователей TikTok на исследование нашей страны и создание интересных роликов, которые наберут много просмотров». Возможно, кампания и не принесла каких-либо значительных результатов, но сама попытка использования действительно современных ресурсов для продвижения туризма может расцениваться с положительной точки зрения [14].

Ещё одним инструментом маркетингового продвижения является национальный туристский портал Russia.travel. Работа над проектом велась Ростуризмом с 2013 г. Презентация сайта состоялась на III Санкт-Петербургском международном туристском форуме в 2015 г. Основная цель проекта направлена на создание единого информационного ресурса в сфере туризма, предоставление точной и актуальной информации о возможностях отечественного туризма [15].

Контент, публикуемый на портале, включает в себя популярные туристские маршруты, новости, статьи познавательного толка, анонсы мероприятий. А также подробную информацию о достопримечательностях и регионах России. Содержимое сайта доступно на двенадцати языках, что свидетельствует об его ориентации не только на внутренний, но и на международный рынок. Russia.travel имеет официальные аккаунты во всех актуальных социальных сетях: Instagram, TikTok, Яндекс.Дзен. Однако трудно оценить эффективность сайта в вопросе пользы для потенциальных иностранных туристов, так как в открытом доступе нет данных о посещаемости сайта пользователями из разных стран.

Туристский кэшбэк - ещё одна программа, которую важно отметить в вопросе продвижения отечественного туризма. Это программа государственного субсидирования поездок по России, разработанная Федеральным агентством по туризму. Суть программы состоит в том, что туристы могут оплатить путешествие и получить кэшбэк в 20% от его стоимости при соблюдении ряда условий: поездка должна длиться минимум 3 дня, возврат составит 20 % от стоимости тура, но до 20 тысяч рублей за одну операцию, необходимо использовать карту платёжной системы «Мир», туроператор, отель, санаторий, круизная компания или агрегатор путешествий должны быть участниками данной программы. Достаточно подробную инструкцию по получению кэшбэка можно легко найти на сайте Федерального агентства по туризму, так что пошаговый план действий вряд ли может вызвать трудности у пользователей [16]. На прошедшем в сентябре 2021 г. во Владивостоке VI Восточном экономическом форуме поступило предложение по увеличению туристского кэшбэка для Дальнего Востока до 40 тысяч рублей. Президент России поддержал данную инициативу. В целом, Туристский кэшбэк является хорошей инициативой, направленной на развитие внутреннего туризма, поощрения путешествий внутри страны среди туристов.

Немаловажную роль играют инструменты так называемой «мягкой силы», способствующие культурному диалогу между государствами, а именно:

информационное воздействие, миграционная политика, популярность государственного языка в мире, образование, публичная дипломатия и туризм [17]. При этом туризм является не последним фактором в формировании привлекательного имиджа страны на мировой арене. Так, ежегодное исследование Anholt-Ipsos Nation Brands Index, целью которого является количественное измерение уровня развития «мягкой силы» среди критериев, влияющих на рейтинг страны, содержит «экспорт», «культура», «управление», «люди», «иммиграция и инвестиции» и «туризм». При этом в 2020 г. пятерку лучших национальных брендов в категории «туризм» составили Италия Франция, Великобритания, Испания и Греция [18].

Туризм способствует культурному обмену, ознакомлению с ценностями и бытом населения других стран, а поэтому является перспективным направлением применения концепции «мягкой силы». Причина интереса к использованию «мягкой силы» в туристской индустрии очевидна, ведь глобальное развитие рынка туризма способствует формированию привлекательного имиджа государства среди туристов. Потенциал применения концепции «мягкой силы» для развития отечественной индустрии туризма объясняется рядом факторов, среди которых богатое культурное и историческое наследие, самобытность народов, населяющих страну, а также многообразные ресурсы, представляющие огромный потенциал для дальнейшего успешного развития многих видов туризма [19].

Подводя итог анализу роли туризма в России, можно констатировать, что позиции российского туризма в мире достаточно слабы. Несмотря на наличие некоторых позитивных тенденций (например, движению вверх в рейтинге The Travel and Tourism Competitiveness Report ВЭФ в последние годы), глобально положение российского туризма в мире не улучшается. Более того, роль этой сферы в нашей стране, можно называть незначительной. Развитие различных видов туризма наталкивается почти на одни и те же проблемы, для решения которых требуется комплексная работа. На сегодняшний день в государстве на высшем уровне объявлен приоритет развития внутреннего туризма над въездным. Внутренний туризм рассматривается как одна из задач импортозамещения, а въездной – как перспективное направление на будущее. Маркетинговая стратегия, в целом, подчинена этой логике, ведь все основные рекламные кампании направлены на внутренний рынок. При этом, развитие международного туризма имеет как материальные, так и нематериальные мотивы. Нематериальные (увеличение «мягкой силы» и привлекательного образа страны в целом) имеют особо важное значение для страны и открывают новые перспективы. Также российский туризм обладает рядом конкурентных преимуществ, при должной работе с которыми, страна имеет шанс на повышение своей роли на мировом рынке туризма.

Литература:

1. World Economic Forum. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.weforum.org (дата обращения: 01.10.2021)
2. World Economic Forum. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2017. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.weforum.org (дата обращения: 01.10.2021)

3. World Economic Forum. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2015. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.weforum.org (дата обращения: 01.10.2021)
4. Официальный сайт UNWTO. International Tourism Highlights 2019 Edition, «Top destinations», «Outbound tourism» [Электронный ресурс] Режим доступа: www.unwto.org (дата обращения: 12.09.2021)
5. Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019-2025 годы)» [Электронный ресурс] Режим доступа: www.consultant.ru (дата обращения: 03.10.2021)
6. Vasileva O., Tarakanova T. Communication in the formation of the institutional environment in the tourism industry // ACM International Conference Proceedings Series. Proceedings Papers – 3rd International Scientific and Practical Conference, DEFIN 2020
7. Matveevskaya A.S., Pogodina V.L., Tarakanova T.S., Evseev V.V., Nesterova I.E. Technologies of tourism in the modern urban environment // International Journal of Civil Engineering (IJCIET) 9(10), 2018. pp. 1566–1574.
8. Матвеевская А.С. Международный туризм и его роль в развитии межкультурных коммуникаций России // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. 2014. С. 543-556
9. Tarakanova T.S., Vasileva O.O., Pogodina V.L., Evseev V.V. Technology of sightseeing and educational activities organization for students // THE EUROPEAN PROCEEDINGS OF SOCIAL & BEHAVIOURAL SCIENCES EPSBS. 2019. p. 917-925. DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.96
10. Официальный сайт Федерального агентства по туризму [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://tourism.gov.ru/news/> (дата обращения: 12.09.2021)
11. Официальный сайт РБК [Электронный ресурс] Режим доступа: www.rbc.ru (дата обращения: 10.10.2021)
12. Шипунова О.Д., Евсева Л.И. Тренды политического участия в сетевом обществе // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X Юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения. Сборник материалов Международной научной конференции. 2018. С. 488-491.
13. Официальный сайт Интерфакс [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://Interfax.ru> (дата обращения: 17.09.2021)
14. Официальный сайт ТАСС [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://tass.ru> (дата обращения: 11.09.2021)
15. Официальный сайт национального туристского портала Russia.Travel [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://russia.travel>. (дата обращения: 10.10.2021)
16. Информация о получении кэшбэка на официальном сайте Федерального агентства по туризму. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://tourism.gov.ru/news/> (дата обращения: 02.10.2021)
17. Bunakov O. A., Zaitseva N.A., Larionova A.A., Zhukov V.A., Morozova M.A., Dmitrieva N.V. The use of the “Soft power” concept in the modern Russian tourism industry // Espacios. 2018. Т. 39. № 22. С.2.
18. Nation brand index. Press release 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: www.brandirectory.com (дата обращения: 12.10.2021)
19. Тараканова Т.С., Погодина В.Л. Содержание и основные характеристики технологической проектно-туристской компетенции // Географическая наука, туризм и образование: современные проблемы и перспективы развития. Материалы IV Всероссийской научно-практической интернет-конференции. 2015. С. 223-226

Межкультурная коммуникация в сетевом обществе
Intercultural communication in a networked society

УДК 130.2
ББК 71.045

Н.П. Безуглова
Nadezhda Bezuglova
besuglowa@mail.ru

Межкультурная коммуникация и её проблемы в сетевом обществе
Intercultural communication and its problems in a networked society

Всероссийская академия внешней торговли
Russian Foreign Trade Academy

Анализируются разногласия в понимании культуры и развитие межкультурной коммуникации в сетевом обществе. Цель анализа культуры - исследование трансформации теоретических методов в связи с ростом межкультурных контактов в сети. Объясняются два подхода к изучению межкультурной коммуникации в сетевом пространстве.

Ключевые слова: культурное пространство, идентичность, культура, культурные различия, межкультурное взаимодействие, сетевое общество

The article is aimed to analyze disagreements in understanding of culture and development of intercultural communication in the network space. The purpose of analyze of culture is the study of the transformation of theoretical methods in connection with the growth of intercultural contacts in the network. The article provides the clear and accessible account of two approaches to the study of intercultural communication in the network space.

Keywords: cultural differences, cultural identity, culture, global cultural space, globalization, identity, network society.

В течение последних десятилетий написано много трудов о неповторимости современной эпохи, радикальных политических и технологических изменениях, позволяющих свободно путешествовать не только людям, но и обмениваться идеями в сетевом обществе. Однако, декларация важности культуры зачастую не сопровождается серьёзным обсуждением последствий всемирного объединения в информационную сеть, а также проблем, возникающих у людей при неудачных межкультурных контактах. Освещение всемирного слияния национальных ареалов происходит, как правило, в позитивном ключе, как путь инновационной гибридизации и осознания универсальной культурной идентичности. В то же время

реалистично настроенные ученые указывают на возникновение противоречий между появившимися границами глобализации и ее интеграцией в будни людей. Исследователи справедливо отмечают, что хотя в мире давно построены информационные сети и транспортные рокады, однако, в головах людей границы и стены продолжают существовать. Социальная психология давно отметила, что личные и сетевые контакты не способствуют лучшему пониманию людей. Наоборот, близость провоцирует и усиливает конфликты [5].

Межкультурная коммуникация превратилась в предмет научных исследований в 1990-х годах, когда стало понятно, что взаимодействия представителей различных культур зачастую сопровождаются недоразумениями и конфликтами. Общественный интерес к проблемам межкультурной коммуникации не мог не вылиться в возникновении целого спектра научных разработок, сформировавших подходы к данной проблематике на основе собственных теоретических установок. Можно задаться вопросом о том, как происходит развитие межкультурной коммуникации, как постоянные внутренние споры трансформируются в теоретическое понимание ее методов и целевых установок как в западном академическом сообществе, так и в среде российских исследователей в связи с ростом межкультурных контактов в сети.

Понятие «межкультурная коммуникация» является ведущей категорией, демонстрирующей качество родового феномена для самого широкого спектра исследований межкультурной коммуникации. Оно выступает точкой кристаллизации разнообразных научных поисков. Более полувека западные и российские ученые ставят в визир анализа сложный предмет межкультурной коммуникации, повергшийся неоднократной трансформации. В результате сформировались многочисленные специализированные дисциплины с присущими им методами анализа, целевыми установками, а также предметами исследования. Развитие исследований межкультурной коммуникации – непростой процесс, предполагающий ведение активной дискуссии о теоретической состоятельности ее методологического багажа и выверенности целеполагания.

Если не обращать внимание на наличие широкого спектра теоретических и практических установок, связанных с отраслью знания, то следует зафиксировать тот факт, что во всех исследованиях речь идет о конкретных межличностных контактах в межкультурных контекстах, т.е. о коммуникативных взаимодействиях людей разного культурного происхождения. Отличается также контекстная составляющая межкультурной коммуникации, поскольку контекст отражает и представляет разные ситуации – студенческие обмены, профессиональную деятельность на производстве, офис и, наконец, *межкультурные контакты в сетевом обществе*.

Параллельно с формированием общественного интереса к межкультурным взаимодействиям несколько дисциплин проявили к ним исследовательский и учебный интерес. Существенную роль при этом сыграло проникновение специальных понятий в общественный дискурс, а также их все более широкое использование в информационной сфере. Следствием развития этих процессов было то, что межкультурная проблематика стала неотъемлемой частью многих гуманитарных

дисциплин, каждая из которых вырабатывала собственный подход к межкультурной коммуникации, предоставив ей свои теоретические основы. Особенной популярностью стали пользоваться модули по отдельным аспектам межкультурных взаимодействий, которые охотно приобщались к программам подготовок специалистов к зарубежным командировкам и межкультурным сетевым контактам, различные семинары по формированию межкультурной компетентности. В то же время началось проведение межкультурных тренингов, ставших одним из видов консультационных услуг, связанных с интересом представителей интернет-сообщества к межкультурным взаимодействиям. Проблема разделения межкультурной области на теоретические и прикладные исследования была подробно проанализирована Т. Даленом [6], который в своей статье отметил тот факт, что первоначальные попытки преодоления противоположностей, от которых ждали взаимную стимуляцию развития обеих областей, принесли небольшой успех, так что полярные подходы обеих исследовательских направлений остались [6, с.5].

Как любая дисциплина межкультурная коммуникация сталкивается с несколькими предсказуемыми последствиями, относящимися к выбору теоретических и методологических основ, тематических фокусировок, выработке и преобразованию обучающих программ, а также определению критериев эффективности их применения. Можно попытаться выявить узкие места предмета, проблемные зоны, требующие особого внимания исследователей межкультурной проблематики в сетевом обществе.

Во-первых, способно привести в замешательство имеющееся различие между двумя аспектами культуры, которая может иметь вид как объективно существующего материального феномена (артефакты, поведение, учреждения), так и субъективного психологического явления (ценности, образ мыслей). Поэтому все её проявления не охватываются одинаковым научным инструментарием. Если изучение объективной культуры (экономические системы, социальные обычаи, политические системы, искусство и т.д.) происходит преимущественно познавательно и может опираться на дидактические традиции гуманитарных дисциплин, то субъективная культура, которая относится к опыту и переживаниям, сформированными социальными институтами, стремится апеллировать к эмоциям людей, участвующих в межкультурных контактах в сети. Исследования субъективной культуры берут истоки в этнографии, понимающей культуру как специфический контекст, наполненный смыслами и чувственными образами. Такая трактовка культуры имеет интерпретативный характер. С методологической точки зрения такой подход демонстрируют качественные исследования межкультурной коммуникации в сетевом пространстве. Оба аспекта диалектически связаны между собой социализационной интернализацией объективной культуры и поведенческой экстернализацией субъективной культуры и поэтому должны быть равным образом учтены при подготовке к межкультурным контактам в сети.

Во-вторых, существует конкуренция общественных дискурсов. Межкультурная коммуникация сталкивается сегодня с тем, что ее проблематика активно

дискутируется в обществе, информационном сетевом пространстве и бизнесе. Развитие исследований межкультурных взаимодействий прошло несколько этапов. Тесная связь между теорией и межкультурной практикой повлияла на то, что исследования очень быстро впитывали изменения реальной жизни, со всеми вытекающими из этого последствиями. Если политические, экономические и общественные дискурсы менялись, то почти так же быстро должны были меняться основные словари и содержание дисциплины. Ключевая роль в такой трансформации принадлежит распространяемому через сеть, СМИ политической, экономической и общественной дискуссии о культуре, культурных различиях, а также идентичности. Данный дискурс существенно эволюционировал с 1990-х годов, что отчетливо повлияло на развитие и образ межкультурной коммуникации. Её основные словари - культура, культурное разнообразие, сетевое пространство - стали не дифференцируемыми словами общественного обсуждения, в следствие чего они превратились в дезориентирующие понятия, поскольку любой субъект формирует свое представление о культуре. Предмету межкультурной коммуникации пришлось не только позиционировать себя в данном дискурсе, но и доказывать право на существование, что само по себе нелегкое занятие.

В-третьих, гораздо больший вызов, чем общественные дискуссии представляет научный спор о предмете межкультурной коммуникации и её теоретической концепции. Причиной более сложного по сравнению с политическими баталиями протекания академических дискуссий является уже упомянутое обстоятельство. Оно заключающееся в отсутствии у дисциплины собственной теории и понятийного аппарата, что побудило ученых коммуникативистов с самого начала обратиться к различным научным дисциплинам - этнологическим и антропологическим наукам - за теоретическими концепциями и научными дефинициями. В центре дискуссий находится понятие культуры.

Если в начале дискуссии и была надежда на то, что междисциплинарный характер исследований может привести к плодотворному обмену идеями, то дальнейшее развитие научных поисков показало, что «совместное использование» понятия культуры скорее ориентированной на теорию культурной антропологии в исследованиях межкультурных взаимодействий, ориентированных на практику (которые подразумевалась сначала как прикладная антропология), привело к глубокой трещине между обеими областями, которая углубилась в течение времени. Неравенство в дискуссии между признанным культурной антропологией понятием культуры и подходом к нему в исследованиях межкультурной коммуникации породило неуверенность в теоретической основе дисциплины.

Причины таких разногласий не сложно установить. Начало занятий исследованиями межкультурной коммуникации в западной культуралистике, а также появление первых программ по дисциплине «Межкультурная коммуникация» пришлось на поворотный момент развития культурологии и социологии. Классическое понятие культуры, используемое антропологами стало вызывать критические высказывания и вследствие этого оказалось в кризисе [4]. Основные

аргументы академического спора прозвучали в работах тех авторов, которые сомневались в правомерности применения понятия культуры, усматривая в нем инструмент политической дискриминации и настаивали на его пересмотре. Понятие межкультурной коммуникации попало вследствие этого в парадоксальную ситуацию, о чем убедительно пишет А.А. Никишенков в своей работе «История британской социальной антропологии» [4, с.379]. С одной стороны, теоретическое обоснование исследований межкультурных взаимодействий было связано с культурологией, так как, всё, что связано с культурой, её домен. С другой стороны, этнологи и антропологи отказывались предоставлять адаптированную к практике культурную теорию, и упорно настаивали на деконструктивистской точке зрения на культуру и культурные различия. Вопрос, которым задаются исследователи межкультурной коммуникации, связан с выяснением пригодности новых теоретических исследований для фактического отражения практики межкультурных контактов как в современных мультикультурных сообществах, так и в межкультурных контактах в сети.

В центре исследований межкультурной коммуникации - социальная практика, столь явно демонстрирующая проблематичность достижения согласия и наличие трений вдоль разграничительных линий культур, что их невозможно игнорировать, как порой происходит в межкультурных исследованиях. В конфликтные ситуации попадают не только местные жители и мигранты, работники и их иностранные конкуренты, но также люди разного культурного происхождения, выходящие в информационное сетевое пространство. В наши дни данные разграничительные линии обладают другими качествами, чем в то время, когда культурная антропология формулировала классическое понятие культуры, предназначенное, прежде всего, для анализа «примитивных» обществ. Актуальные разграничения - непостоянные, динамичные, зачастую невидимые и всепроникающие - усиливаются в эпоху глобализации и развития информационных сетей. Бесспорным, однако, является наличие путаницы в этнологических науках, веривших в партикуляризм отношений между индивидами разного культурного происхождения и столкнувшихся с их «внезапной» реактивацией. Хочется поддержать в этой связи мнение Кристиана Джордано, который критикует идеологизацию культуры [7]: «Без сомнения, устроенная постмодернистскими критиками деконструкция классического понятия культуры была частично правомочна и иногда действовала освежающе. Но в то же время, постмодернистская критика проводилась с такой иконоборческой яростью и радикальностью, что зачастую теряла правдоподобие. Факт состоит в том, что высказывание сомнений о понятии культуры означало начало кризиса антропологических представлений и вдохновлялось, так называемым, постмодернистским поворотом» [7, с.7].

Антропологическая критика понятия культуры анализируется также В.А. Емелиным, который утверждает: «То, что делает текущий либеральный критический анализ культуры неправильным, это не критика культуры, а то, что неправильные действия совершаются тогда, когда науку полностью превращают в политику» [2, с.11]. Данное высказывание - дополнительное подтверждение напряженных

отношений между теорией и практикой весьма, что характерно для современной этнологии. Постмодернистский поворот усилил это напряжение, поскольку постмодернисты стремятся преобразовать антропологию из дисциплины, основанной на объективной модели мира в направлении научных исследований, основанное на моральной модели мира, причем моральные ценности общества формируется не эволюцией консенсуса. Их навязывает самое нетерпимое меньшинство – именно благодаря своей нетерпимости [3, с.14].

У знания о том, что сегодняшние западные этнологи не решаются восполнить пробел между теорией и социальной практикой на основании их внутренней дисциплинарной этики, есть далеко идущие последствия для определения идентичности исследований межкультурной коммуникации в сетевом пространстве. Каждый из рассмотренных проблемных пунктов касается определенного уровня задач, требующих решения. Проблемы консолидации и академическая легитимизация занятия субъективной культурой касаются организационного уровня. Конкуренция медиального и политического тематизирования культуры касается общественного уровня. А запрос на построение собственных теоретических основ и дисциплинарной идентичности - часть научного обсуждения. Указанные три уровня задач отличаются друг от друга. Однако общим для них является необходимость достижения поставленных целей, что окажет положительное влияние на исследования межкультурной коммуникации в сетевом пространстве.

Было бы неправильным полагать, что на основе предпринятого анализа можно легко ответить на вопросы, касающиеся исследований межкультурной проблематики в сетевом обществе. Начало межкультурной коммуникации как реакции на политическое и экономическое развитие 1990-ых годов и первоначальная общность целеполаганий ученых и практиков способствовали тому, что академические исследования по данной проблематике были недостаточно четко отделены от широкого спектра социальных и политических реалий. Общественное восприятие превращало межкультурную коммуникацию в диффузный феномен, обладающий, скорее, отрицательной коннотацией «занятия культурными недоразумениями».

Профессиональное профилирование межкультурной коммуникации в форме научной подопласти (в научных институтах) и ориентированного на деловые отношения направления (руководители тренингов и консультанты сайтов по межкультурной подготовке) произошло не сразу. В определённый момент интерес СМИ к культуре и межкультурному потерял свою первоначальную интенсивность, что вызвало снижение публичной поддержки данной специализации. В то же время не было попыток пересмотреть центральные понятия межкультурной коммуникации, используемые общественным дискурсом. Культура и близкие по общности происхождения понятия - интеграция, идентичность, сетевая идентичность и т.д., по-прежнему, являются ключевыми понятиями для политиков и журналистов, которые не стремятся к понятийной точности при использовании данного словаря в печати или общественном обсуждении. Оба варианта понятия - популярный и специальный - исходят из сходных социальных и политических факторов, но оперируют разным

уровнем знаний и отличающимся целеполаганием.

Решающими для дисциплины стали радикальные общественные изменения, превратившие исследования межкультурной коммуникации в важную политическую тему, обсуждение которой редуцировало комплексное научное содержание феномена межкультурности к броским популистским фразам. Ввиду этого факта шанс профилирования исследований межкультурной коммуникации как теоретически обоснованного и в то же время, ориентированного на практику занятия межкультурными контактами в сети, состоит, по-видимому, в усилении интереса к темам, не являвшимся до сих пор частью популярного дискурса. Кроме того, необходима профилизация практически ориентированных исследований межкультурной коммуникации, проведение тренингов, консультаций, расширение области подготовки специалистов, создающих сетевой контент. Специфическое качество межкультурной коммуникации как научной дисциплины заключается в отражении понятий и методов, индуктивного исследования межкультурных недоразумений, этнографического вхождения в реальные жизненные ситуации, а также в локализации различий, которые нужно анализировать с точки зрения их последствий для коммуникативного взаимодействия в глобальной сети.

Академические исследования интеркультуралистов нацелены на познание контактов между людьми конкретных культур в сетевом пространстве, происходящих в определённом контексте. Проводимая ими идентификация культурных различий отличается осторожностью. Понятие культуры должно заново подвергнуться обсуждению для более адаптированного применения в исследованиях межкультурной коммуникации, чтобы соответствовать этой задаче. Хотя отношение между этнологической теорией и межкультурной практикой характеризуется напряженностью, но для межкультурной коммуникации было бы целесообразным проверить этнологические теории на эффективность их анализа конкретных человеческих контактов. На переднем плане дисциплины находятся ориентированные на практику задачи, такие как, например, успешная межкультурная контекстуализация контактов в сетевом пространстве, которые должны анализироваться с помощью теоретических концепций.

Успех межкультурного анализа измеряется тем, насколько эффективно теоретические модели способствуют достижению конкретной практической цели. Разногласие об основных понятиях культуры и различий между этнологами и ориентированным на практику интеркультуралистами определяет отношения между обеими сторонами по вопросу поиска подходящего понятия культуры для исследований межкультурных взаимодействий. С одной стороны, близость к этнологическим наукам обязывает учитывать теоретический багаж, выработанный этнологами в процессе академического обсуждения вопросов межкультурной проблематики. Однако, с другой стороны, исследования межкультурной коммуникации фокусируются на реальных межкультурных контактах, происходящих в актуальных политических и общественных контекстах, которые невозможно игнорировать. Поэтому данные исследования охотно обращаются к концепции

«культурных различий», которая помогает решать проблемы в сфере межкультурной коммуникации в общественной и профессиональной жизни.

Отказ этнологов от поворота к межкультурной реальности, также как повторяемость их атак на межкультурную коммуникацию, неумолимо ведет к необходимости размежевания предметов. Этот процесс начался, подтверждением чему является статья немецкого лингвиста и этнолога Алоиза Мосмюллера [8], где предлагается использовать два подхода к понятию культуры в межкультурной коммуникации. Также следует указать на статью Н.П. Безугловой [1, с.159], раскрывающую двойственную природу феномена культуры и указывающую на возможность эффективного применения понятия культуры, представляющее комбинацию эссенциалистского и универсалистского подходов. Такое понимание культуры может стать достаточно продуктивным, поскольку позволяет охватывать сегодняшнее разнообразие культурных контактов в ситуациях, переживаемых туристами и экспатами в международном контексте, а также специалистами разного этнического происхождения в мультикультурных коллективах. Интересен тот факт, что работы, исследующие миграцию, также демонстрируют отказ от резко очерченной альтернативы и предпочитают применять гибкие научные модели, более пригодные для анализа сложности реальной жизни и обращаются к конструктивистскому понятию культуры.

В современной культурологии сформировались два подхода к изучению межкультурной коммуникации. Есть исследования, адекватно охватываемые «классическим» понятием культуры. Именно его можно использовать для анализа межкультурных контактов в сетевом пространстве. Для изучения деятельности менеджеров, работающих в мультикультурной обстановке, а также миграции больше подходит модель культуры как открытой системы, устраняющая необходимость в статичных культурных портретах и предоставляющая свободу интерпретации межкультурных встреч [1, с.190]. Отход межкультурной коммуникации от «материнской дисциплины» неминуем. Фундамент дисциплины формируется на основе анализа, направленного на реальные межкультурные контакты в сетевом обществе. Хотя этнология до сих пор нацелена на изучение систем культуры, их теоретическое оформление, а также формирование понятий, всё ещё сторонится области межкультурного. Однако отделение не исключает нового сближения позиций. Российские и западные культурологи желают активно участвовать в межкультурном дискурсе и обещают позитивную реакцию своей дисциплины, полагают, что этнология должна выполнять важную миссию в межкультурной коммуникации, не только согласно знанию о других культурных формах и отношениях, но и в отражении культурных различий, а также их следствий.

Литература:

1. Безуглова Н.П. Изменение понятия «культура» в зависимости от контекста межкультурной коммуникации. // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды IX Междунар. Науч.-теор. конф. 26-27 октября 2017г. _ СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2017, - с.156-162.

2. Емелин В.А. Кризис постмодернизма и потеря устойчивой идентичности. // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 2(26). – С. 5-15.
3. Малюга Е.Н. Функциональная прагматика межкультурной деловой коммуникации. М., Либроком, 2008.
4. Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. - 496 с.
5. Почебут Л.Г. Взаимопонимание культур: Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межкультурной толерантности. СПб, 2005.
6. Dahlen, Tommy: Among the Interculturalists. An Emergent Profession and its Packaging of Knowledge. Stockholm: Stockholm Universitet 1997. P. 177.
7. Giordano, Christian 2005: Von der Krise der Repräsentationen zum Triumph der Präfixe. In: Bälgerska etnologija 2001, 1: 5-19.
8. Moosmüller, Alois. Das Kulturkonzept in der Interkulturellen Kommunikation aus ethnologischer Sicht / Alois Moosmüller // Konzepte der Interkulturelle Kommunikation - Theorieansätze und Praxisbezüge in interdisziplinäre Perspektive. - St. Ingbert, 2004. - S. 45-67.

УДК 316.77

ББК 60.0

В.А. Серкова
V.A. Serkova
henrypooshel@rambler.ru

Инкультурация, аккультурация и трансккультурация как коммуникативные стратегии

Inculturation, Acculturation and Transculturation as Communication Strategies

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*

В процессе формирования культурной идентичности на разных его этапах имеют значение различные механизмы культурного взаимодействия и влияния. Процессы инкультурации выполняют роль проводников определенных культурных содержаний, аккультурация проявляется как форма личных предпочтений, а трансккультурация позволяет сочетать разнонаправленные векторы культурного влияния.

Ключевые слова: инкультурация, аккультурация, трансккультурация, культурная идентичность

In the process of forming cultural identity at its various stages, various mechanisms of cultural interaction and influence are important. The processes of inculturation act as conduits of certain cultural contents, acculturation manifests itself as a form of personal preferences, and transculturation allows combining multidirectional vectors of cultural influence.

Keywords: inculturation, acculturation, inculturation, cultural identity

В «Культурной антропологии» Мелвилл Херсковиц выявляет форму культурного существования, которая характеризуется «отсутствием права выбора или оценки» [1, 344], когда индивид «больше инструмент, чем игрок» [1, 345]. Активная форма культурной осуществленности начинается со стремления утвердить собственный контроль за производством культурного контента, и отторжения отложенного в культурном наследии содержания. В определенном возрасте

проявляется энергия перестраивания культурных кодов. Эти периоды конфронтации с устоявшейся и идеологически одобренной (традиционной, или официальной, классической, народной) культурой могут сглаживаться, но часто приобретают характер жесткого противостояния (в 60-70-е гг. XX века в Европе произошло молодежное контркультурное движение, выраженное в политических формах движения хиппи, рок-культуры, студенческих волнений). Эти молодежные настроения заметно отразились на формировании нового искусства. В этот период процессы аккультурации (собственной ориентации в культуре), основанные на жестком противостоянии традиции и новых форм, преобладали, а процесс инкультурации как приобщение к устоявшимся культурным ценностям расценивался как нетворческое участие в отмирающих и не имеющих значения культурных стереотипах. «Папино» кино, одежда, литература, культура в целом, отвергаются и объявляются исчерпавшими свой ресурс. И не «родовые корни» определяют культурное лицо целого поколения, но возникшее как бы на пустом месте маргинальное пространство культуры со своим языком, средствами общения, кино-образами, новой музыкой, новым образом жизни. Собственно аккультурация является процессом регуляции потоков содержаний культуры из центра «Я». «Я» аккумулирует определенные культурные коды управления, иерархизации культурных процессов и производства смыслов [2]. Аккультурация это по преимуществу форма самопознания, самопонимания, самоидентификации и самопрезентации.

По мере того, как индивид выходит из критического периода тотального отрицания «старой» культуры, который переживается с разной степенью интенсивности, наступает время постепенного включения в индивидуальный культурный ландшафт разного рода культурных событий, формирующихся в коммуникативной практике сопряжения разных культурных кодов от классической культуры до массовой. Во многом этот процесс осуществляется, благодаря качеству культурного материала, воспринятого на этапах инкультурации и зависимо от коррелирующих это качество агентов влияния (воспитателей, родителей, учителей, а также случайных факторов). Отчасти происходит возврат к «большим событиям мировой культуры». Но этот процесс уже не возможен по форме инкультурационного подключения при посредстве культурных поводырей. Инкультурация и аккультурация трансформируются в процесс транскультурации, в форму пересечения индивидуальных и коллективных факторов влияния. Личное «Я» повышает степени собственной значимости в процессах производства культурных содержаний. Тем не менее, еще раз отметим, что огромное значение при этом имеют результаты инкультурации (по качеству принятого «в личную собственность» материала, по его количеству, связности, осмысленности, внутреннему порядку, иерархии ценностей, которые управляют этими порядками и т.д.). Инкультурация еще не завершена, но оттеснена на периферию конструирования «собственной культурной реальности» [3]. Качество материала может быть самым различным: это могут быть преимущественно каналы с массовой продукцией (стандартными голливудскими предпочтениями: детективы, боевики, фэнтези, мелодрамы, комедии, хоррор и проч.).

Все эти жанры созданы определенными идентификационными матрицами комфорта, обновления, фонового существования или духовного диалога). Но если уже на этапе инкультурационного «сбора материала» планка культурного отбора была установлена на высоком уровне, стадия аккультурации так или иначе, будет определяться этим материалом.

Литература:

1. Herskovits M. J. Cultural Anthropology. Knopf, New York, 1955. - 569 p.
2. Verkuyten M, Yogeewaran K. Cultural diversity and its implications for intergroup relations. Curr Opin Psychol. 2020 Apr; 32:1-5. doi: 10.1016/j.copsyc.2019.06.010. Epub 2019 Jun 28. PMID: 31340192.
3. Vorauer JD, Sasaki SJ. In the worst rather than the best of times: effects of salient intergroup ideology in threatening intergroup interactions. J Pers Soc Psychol. 2011 Aug;101(2):307-20. doi: 10.1037/a0023152. Erratum in: J Pers Soc Psychol. 2014 Dec;107(6):1012. PMID: 21381853.

УДК 316.774

ББК 87.6

Н.А. Ореховская¹, А.Ю. Оборский², А.Н. Амерсланова³
Natalia A. Orekhovskaya, Aleksey Yu. Oborsky, Aynara N. Amerslanova
orehovskaya@yandex.ru
oborski@mail.ru
aynarana@gmail.com

Космополитизм молодежи – объективная реальность цифрового мира? Cosmopolitanism of young people – an objective reality of the digital world?

¹*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Financial University under the Government of the Russian Federation*

²*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Financial University under the Government of the Russian Federation*

³*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Financial University under the Government of the Russian Federation*

Актуальность темы продиктована необходимостью анализа процессов трансформации массового сознания российской молодежи, вызванных всплеском цифровизации. Геймификация, онлайн образование, глобальные социальные сети выступают сегодня основными источниками получения информации молодыми людьми. Основной вывод работы заключается в том, что космополитизации необходимо противопоставлять идеи национальной идентификации, используя инструменты мягкой силы.

Ключевые слова: молодежь, космополитизм, образование, воспитание, национальная идентификация

The relevance of the topic is dictated by the need to analyze the processes of transformation of the mass consciousness of Russian youth caused by the surge of digitalization. Gamification, online education, and global social networks are the main sources of information for young people today. The main conclusion of the work is that it is necessary to oppose the ideas of national identification to cosmopolitanism, using the tools of soft power.

Key words: youth, cosmopolitanism, education, upbringing, national identification

Реальность современного мира характеризуют формирующаяся новая система ценностей, складывающаяся под влиянием массовой и цифровой культуры, новые тренды в образовании, проявившиеся, на фоне пандемии, в всплеске интереса к онлайн формам обучения, глобальная геймификация.

Все глубже и глубже погружаясь в «цифру» современный мир ставит молодого человека перед сложным выбором самоопределения: кто я? Человек мира или носитель национальной культуры? Этот выбор приходится делать под воздействием мягкой силы, направленной на трансформацию сознания.

Перед анализом заявленного вопроса необходимо определить, что именно мы понимаем под «космополитизмом». Философская энциклопедия трактует данное понятие как «идеологию мирового гражданства, отрицающую государственный и национальный суверенитет» [1], а также как «систему взглядов, основанную на отказе от признания приоритетности национальных традиций и культуры перед традициями и культурой других стран и народов...» [1] Разделяя данный подход к определению понятия можно говорить о риске когнитивного поражения суверенитета.

Обратим внимание лишь на некоторые, наиболее мощные факторы воздействия на массовое сознание молодежи. Так, за последние двадцать лет ни один крупный язык на Земле не терял свои позиции так стремительно, как русский. С одной стороны, сферы функционирования языка как средства межкультурного общения в среде российской молодежи катастрофически снижается, с другой, литературный язык искажается: неграмотное владения, насыщение англицизмами и жаргонизмами [2].

Еще одним фактором мягкой силы насаждения космополитизма выступает дистанционное образование. В словосочетании «дистанционное образование» понятие «образование» размывается. Отечественной педагогической школой оно всегда осознавалось как особая философско-антропологическая категория, фиксирующая фундаментальные основы бытия человека. Мировоззренческое значение антропологических идей в образовании состоит в понимании человека как творческой, самосозидающей личности, в признании ее самоценности, в рассмотрении образования как атрибута человеческого бытия [3]. На наш взгляд, дистанционное образование может выступать только как дополнение к образованию традиционному. Увлечение дистанционными образовательными формами приведет к падению качества знаний и, в конечном итоге, к разрушению системы российского образования.

Третьим фактором, на который нам хотелось бы обратить внимание, является геймификация. Как показывает масштабное исследование MAIL.RU GRUP, проведенное в 2015 году, геймером является каждый второй пользователь интернета [4]. Опасность бесконтрольного увлечения компьютерными играми кроется в формировании зависимости, ухода от трудностей реального мира в мир виртуальной игры, культивировании эгоизма, формировании линейности мышления. Поэтому мы должны научить молодого человека уметь контролировать мир игры, использовать

компьютерные игры как элемент обучения, закладывая в них такие условия, которые бы формировали истинные ценности.

Подводя итог, можно сказать, что процесс цифровизации является объективной реальностью, цифровое пространство стало полем битвы за молодое поколение, а значит, чтобы не потерять наше завтра и сохранить национальную идентичность необходимо уже сегодня решать проблему на двух уровнях: методологическом – модернизации российского образования с опорой на социокультурные факторы и методическом – работа по формированию общекультурных компетенций через расширение гуманитарных дисциплин в учебных планах всех уровней образования.

Литература:

1. Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики. Под ред. А.А. Ивина. 2004. [Электронный ресурс] https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/560/КОСМОПОЛИТИЗМ (дата обращения: 19.09.2020).
2. Orekhovskaya N.A., Zamaraeva E.I., Shikh E.V., Galushkin A.A., Platonova R.I., Ishmuradova A.M. Russian Language as a Factor of Soft Power in Cross-Cultural Communication: Overcoming the Crisis//XLinguae. 2019. Т. 12. № 4. С. 155-164.
3. Баженов С.В., Баженова Е.Ю. Массовое онлайн-образование и национальная безопасность России. [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/massovoe-onlayn-obrazovanie-i-natsionalnaya-bezopasnost-rossii> (дата обращения: 19.09.2020).
4. Как видеоигры формируют собственную реальность. [Электронный ресурс] <https://zakadry.tpu.ru/newspaper/article/view?id=9768> (дата обращения 22.09.2021)

УДК 81'272 ББК 60.0

Р.Т. Садуов
Ruslan Saduov
Ruslan.Saduov@gmail.com

Культурно-языковой ландшафт как инструмент эффективной коммуникации с целью улучшения языковой политики региона
Linguistic and Cultural Landscape as a Tool for Effective Communication in Order to Improve the Region's Language Policy

*Университет Иннополис
Innopolis University*

Настоящие тезисы доклада раскрывают роль культурно-языкового ландшафта в разработке и коррекции языковой политики полилингвального региона. Исследование ландшафта может помочь спрогнозировать возможное возникновение социальной нестабильности. В перспективе корректная работа с ландшафтом может помочь избежать социальных потрясений.

Ключевые слова: культурно-языковой ландшафт, языковая политика, полилингвальный регион, прогностическая функция, социальная нестабильность

This is to reveal the role of the linguistic and cultural landscape in the development and adjustment of linguistic policy in a multilingual region. The study of the landscape may help to predict the possible social instability. In the long run, the adequate landscape shaping may help to avoid the social disturbances.

Keywords: linguistic and cultural landscape, language policy, multilingual region, prediction, social instability

Полилингвальный регион отличается от более однородных в языковом плане регионов тем, что может предложить более богатое разнообразие культур и

идентичностей. Данный факт может иметь положительные социальные, культурные, научные, экономические и прочие преимущества.

Тем не менее, полилингвальная среда может нести и свои опасности. Известно, что менее однородные единства более склонны распадаться на составные части. Такая участь может постигнуть и полилингвальное общество. В определенные моменты истории регионы, где проживали разные этнические группы, погружались в пучину раздора в виду выдуманных различий между представителями разных групп. Безусловно, такой сценарий более сложно представить в настоящее время. Однако не менее очевидно, что определенные социальные трения все-таки могут возникать в случае, если хотя бы одна этническая группа (или даже ее отдельные представители) не довольна положением дел.

Одной из возможных причин недовольства может стать недостаточная представленность того или иного языка в регионе, особенно при наличии большого количества носителей данного языка. В такой ситуации может возникнуть отрицательное и деструктивное чувство ущемленного достоинства, что, в свою очередь, может привести к дестабилизации личности и даже определенного сегмента общества, если данное чувство возникает у достаточного количества членов социокультурного сообщества.

В этой связи возникает необходимость поиска объективного инструмента, который мог бы помочь проанализировать функции языков, представленных в регионе на предмет выявления случаев недостаточного использования тех или иных языков.

Представляется, что таким инструментом мог бы стать культурно-языковой ландшафт. Языковой ландшафт понимается как визуально доминирующие в общественных местах и на коммерческих вывесках проявления языка на заданной территории или в данном регионе [1]. Тем не менее, мы считаем, что любой языковой ландшафт включает в себе культурные смыслы, поэтому более точным видится термин «культурно-языковой ландшафт».

Культурно-языковой ландшафт объективно отражает функцию тех языков, которые представлены в регионе. Он позволяет понять, насколько тот или иной язык способен быть использован в качестве средства коммуникации на том или ином пространстве. Если анализ показывает, что язык слабо представлен на ландшафте несмотря на наличие значительного количества носителей данного языка, то можно с большой долей вероятности предсказать недовольство определенной части общества в связи со сложившейся языковой ситуацией.

Таким образом, культурно-языковой ландшафт полилингвального региона может служить полноценным инструментом отслеживания языковой ситуации и прогноза социального недовольства среди членов культурно-языкового сообщества.

Литература:

1. Landry R., Bourhis R.Y. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality. An Empirical Study // Journal of Language and Social Psychology. 1997. No. 16. P. 23–49.

Формирование культурной коммуникации с иностранными абитуриентами в процессе вступительных творческих испытаний
Formation of cultural communication with foreign applicants in the process of entrance creative tests

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
Herzen State Pedagogical University

В российских творческих вузах обучение ведется в подавляющем большинстве на русском языке, что обуславливает ряд препятствий для адекватной оценки иностранных абитуриентов. Поступающие из КНР абитуриенты зачастую имеют очень разную подготовку как в творческом, музыкально-теоретическом, музыкально-исполнительском плане, так и с точки зрения подготовки по русскому языку. В связи с этим, для достижения цели профессионального экзамена профессиональной направленности (здесь подразумевается комплексный экзамен, включающий проверку уровня знаний по музыкально-теоретическим дисциплинам) необходимо исключить языковой барьер для адекватности оценки.

Ключевые слова: абитуриенты, языковой барьер, экзамен.

In Russian creative universities, education is conducted overwhelmingly in Russian, which causes a number of obstacles to an adequate assessment of foreign applicants. Applicants from China often have very different training both in creative, musical-theoretical, musical-performing terms, and in terms of training in the Russian language. In this regard, in order to achieve the goal of a professional examination of a professional orientation (here we mean a comprehensive exam that includes checking the level of knowledge in musical and theoretical disciplines), it is necessary to eliminate the language barrier for the adequacy of the assessment.

Keywords: applicants, language barrier, exam.

В российских творческих вузах обучение ведется в подавляющем большинстве на русском языке, что обуславливает ряд препятствий для адекватной оценки иностранных абитуриентов. Поступающие из КНР абитуриенты зачастую имеют очень разную подготовку как в творческом, музыкально-теоретическом, музыкально-исполнительском плане, так и с точки зрения подготовки по русскому языку. В связи с этим, для достижения цели профессионального экзамена профессиональной направленности (здесь подразумевается комплексный экзамен, включающий проверку уровня знаний по музыкально-теоретическим дисциплинам) необходимо исключить языковой барьер для адекватности оценки.

Чаще всего экзамен включает в себя следующие виды заданий: написание диктанта; чтение с листа, интонирование и определение на слух в тональности и от звука, выполнение письменной работы по гармонизации мелодии, построение гармонических оборотов или определение и разрешение данных экзаменатором аккордов в тональности; выполнение с листа устного гармонического анализа

фрагмента предложенного произведения русской и западноевропейской классической или романтической музыки.

При проверке музыкально-теоретических знаний иностранных абитуриентов, важно понять его подготовку в этой области, исключая языковой барьер. Ведь зачастую поступающий может не понять задание и не выполнить только по причине незнания языка - этот вопрос должен оцениваться на вступительном испытании по русскому языку. На профессиональном же испытании важно понять уровень музыкально-теоретической подготовки. В связи с этим назрела проблема составления заданий с пояснениями (синхронным переводом) на языке, родном для поступающего. Материал задания на русском языке должен быть изложен максимально просто и удобно для понимания и произношения обучающихся (с точки зрения языка, а не сложности музыкально-теоретического материала), должны быть заменены или исключены сложно произносимые слова и обороты речи.

Таким образом, формирование культурной коммуникации должно начинаться с первого знакомства с иностранным абитуриентом из Китая на профессиональном испытании по музыкальным направлениям подготовки творческих вузов. Частично этот вопрос рассматривался нами в работах [1; 2]. Также необходимо осознавать, что некоторые студенты имеют ограниченные возможности здоровья. Поэтому важно использовать весь спектр образовательных возможностей и технологий, включая самые современные (см., например, в работе [3]). Синхронный перевод на китайский язык, позволяет легко адаптироваться студентам к материалам заданий вступительных испытаний, что в дальнейшем повышает скорость усвоения материала и качество образования в целом. Опыт показывает, что подобный подход позволяет глубже и адекватнее оценить подготовку будущего студента, грамотно наладить контакт с представителем другого государства, менталитета и музыкального образования.

Литература:

1. Горбунова И.Б., Мезенцева С.В. Музыкально-теоретические дисциплины в свете диалогических контактов в вузе (региональный аспект) // *Bulletin of the International Centre of Art and Education*. 2021. № 2. С. 223-237.
2. Горбунова И.Б., Мезенцева С.В. Влияние цифровых технологий на образовательный процесс в творческих вузах (на примере России и Китая) // *Антропологическая дидактика и воспитание*. 2021. Т. 4. № 2. С. 52-61.
3. Gorbunova I., Govorova A. Music Computer Technologies in Informatics and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairments: From the Experience // *Lecture Notes in Computer Science. Proceedings*. 2018. Pp. 381-389.

УДК [792.09 :: 782Чайковский,Пиковая_дама](470-25)«2018»
ББК 85.335.41(2-2Москва) : 85.313(2)

Юй Ян
Yu Yang, 鱼洋

ORCID: 0000-0002-7390-9560
376727126@qq.com

О «променадной» постановке «Пиковой дамы» режиссера А. Легчакова
About the “Promenade” Production of “The Queen of Spades” Directed
by A. Legchakov

Город субпровинциального значения Сиань, Провинция Шэньси, Китайская Народная Республика
The Sub-provincial City of Xi'an, the Shaanxi Province, Northwest China, People's Republic of China

In the proposed theses, the features of the premiere performance of the opera-promenade “The Queen of Spades” (director/producer Alexander Legchakov, Moscow, “ТРОЙКА Multispace”, 2018) are reviewed.

Keywords: “The Queen of Spades”, Pushkin A. S., Tchaikovsky P. I., theatrical performance.

В предлагаемых тезисах разбираются особенности премьерной постановки оперы-променада «Пиковая дама» (реж. / продюсер А. Легчаков, Москва, “ТРОЙКА Multispace”, 2018 год).

Ключевые слова: «Пиковая дама», Пушкин А. С., Чайковский П. И., постановка.

We have to agree with the criticism that was made: “this has not happened yet”: the first classical opera-promenade “The Queen of Spades” will open new facets of the immersive performance, the Moscow experiment with the Queen of Spades in an immersive format. Good voices, an unusual format while preserving Alexander Sergeyevich Pushkin’s style and Pyotr Ilyich Tchaikovsky’s music, the Russian spirit, an excellent orchestra. Here are the cast members: Liza – M. Gevorgyan, G. Voynichenko, Ks. Muslanova; Hermann – G. Golitsyn, D. Boos, P. Nalich, V. Gafner; Countess – E. Morozova, S. Efimova; Chekalinsky – V. Gafner, M. Kopalkin; Tomsky – M. Atamanovich; Surin – R. Kasimov, D. Shatilov, D. Pochapsky; Polina – N. Mishina, K. Lukash, A. Matveeva; Narumov – D. Pochapsky, M. Peradze, D. Shatilov; Pushkin – R. Dolgirev, N. Mulakov, V. Morozov; Saint-Germain – Ilya Barabanov, Alexey Yudnikov [1].

The scene is the ancient estate of the Goncharov-Filippovs, which the grandfather of Pushkin’s wife, Natalia Nikolaevna, lost at cards. The mansion will be filled with live music performed by soloists of leading Moscow theaters, a choir and an orchestra of 30 musicians. The audience is accompanied by ballet dancers during a mysterious journey, and Alexander Pushkin appears as a guide to the world of excitement, passion and inexorable fate. The structure of the opera is preserved: 3 acts, 7 scenes, and one a “Queen of Spades”. Each performance can be attended by only 54 people, according to the number of cards in the classic deck (*ibid.*). P. Pospelov’s report: “A performance based on Pushkin and Tchaikovsky in the genre of «immersive theater» appeared in the Moscow mansion. / The

mansion on the Yauzsky Boulevard belonged to Goncharov, the grandfather of Pushkin's wife, and was sold to them in payment of a card loss. Now it has been converted into something like a bar or a club, and now a Pushkin card plot is being played in it. / «The Queen of Spades» by Pushkin and Tchaikovsky – the standard of St. Petersburg's myth – has been transplanted to Moscow soil, and Masonic secrets have been added to it. / A ticket to the box of the Count of Saint-Germain costs a lot of money, but you can stay incognito in it. The rest are blindfolded and carefully led to the hall, where you will need to listen for a long time to the thoughtful music of Nikola Melnikov, which is interspersed with Tchaikovsky's motifs, and then you will be presented in the semi-darkness with the ritual of initiation into freemasons. / But the introduction ends, and the story begins, which is a well-stitched digest of Tchaikovsky's opera, listening to which 54 viewers (according to the number of cards in the deck) go from room to room, go up and down the stairs, simultaneously contemplating the glass model of the mansion with the figures of characters in it, as well as canvases that partially turn out to be electronic (for example, the winking countess). / A guide with sideburns controls the flow of the crowd of people, an invisible voice from the speaker reads fragments of Pushkin's story, simpering the name Hermann in the French manner" [2]. It is not designed for connoisseurs of contemp. theater: "director Alexey Legchakov, artists Polina Bakhtina a. Asya Solovyova have created something like a strong student costume performance".

"In the beginning there was darkness. At first, you won't see anything. Before fully immersing themselves in the dramatic action (...), the audience must undergo a Masonic rite – with a velvet blindfold over their eyes and without unnecessary words. / This scene with the Masons is not in the libretto of Tchaikovsky's opera. (...) there will be much more Pushkin in the performance than Pyotr Ilyich. And not only in the text, but also in life: after the dedication, the poet will become your guide through the performance, moving from one hall to another to the accompaniment of a choir and an orchestra of three dozen musicians, as well as in the company of actors and ballet dancers (...)" [3]. *"At arm's length.* (...) But the form is more than innovative: the audience becomes part of the production" (*ibidem*). *"The spectator is a ghost.* The task for the actors isn't easy, because there is no question of any text improvisation (after all, this is an opera). As Pyotr Nalich (who plays the main role in one of the cast), neither the actors nor the audience should be shy and awkward. So, perhaps, the most important advice is: relax and allow yourself to become guided. / (...) to be inside one of the most mystical works" [3].

Let's list the names of the creators of the play: Dir./Producer Alexandr Legchakov, Producers Alexey Lysov, Andrey Ispovednikov, & Vlad Davydov. Choreographer Oleg Glushkov. Production Designer P. Bakhtina. Costume Designer A. Solovyova. Lighting Designer A. Astakhov. Prop Designer A. Kucherova. Musical Director and Conductor is A. Rein. Artistic Director of the Orchestra L. Sivelkin. Conductor N. Tsinman [3]. Ballet – Yu. Ovsyannikov, P. Kuprienko, A. Osintsev, N. Slugin, E. Alexandrova, V. Shvorak, Valeria Filippenkova, Olesya Stuchenko. Choir and orchestra: "New Classic Band".

1. Пиковая дама : опера-променад : III сезон 2019—2020 <...> // <Интернет-страница постановки>. URL: <https://pushkinopera.ru/ru/> (дата обращения к электрон. документу 14.03.2020).
2. Поспелов П. Оперу «Пиковая дама» играют в доме картежника. URL: <https://www.classicalmusicnews.ru/re-ports/opera-pikovaya-dama-igrayut-v-dome-kartezhnika/> (дата обращ. 14.03.2020).
3. Лучкина Н. Масоны, живые портреты и Петр Налич: что нужно знать о променад-опере «Пиковая дама» : <...> первая в мире опера-променад «Пиковая дама». <...> // Москва 24 : <сетевое изд.>. URL: <https://www.m24.ru/articles/kultura/07062018/153042> (дата обращения 13.03.2020).

УДК [792.09 :: 782Чайковский,Пиковая_дама](430-21Дюссельдорф)<2019>
ББК 85.335.41в6(4Гем-2Дюссельдорф) : 85.313(2)

Юй Ян

Yu Yang, 鱼洋

ORCID: 0000-0002-7390-9560

376727126@qq.com

О «Пиковой даме» в постановке Лидии Штайер (Немецкая опера на Рейне в Дюссельдорфе / Дуйсбурге) – с позиций «учения о порядке обыденных вещей»

About “The Queen of Spades” Directed by Lydia Steier (the German Opera on the Rhine in Düsseldorf / Duisburg) – from the Perspective of a “Doctrine about the Everyday Things Order”

*The Conservatory of Music of the Northwest Normal University (the Prefecture-Level City of Lanzhou, the Gansu Province); the Sub-provincial City of Xi'an, Shaanxi Province, People's Republic of China
Музыкальная консерватория Северо-Западного пед. университета (гор. округ Ланьчжоу, Провинция Ганьсу); субпровинц. г. Сиань, Провинция Шэньси, Китайская Народная Республика*

В тезисах разбираются особенности оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама» в постановке режиссера Лидии Штайер (дирижер Азиз Шохакимов, Рейнская опера в Дюссельдорфе / Дуйсбурге, 2019 г.) – в том числе с позиций «учения о порядке обыденных вещей» И. В. Кочубей.

Ключевые слова: «Пиковая дама» (опера), постановка, (ре)интерпретация, Волкова П. С. (искусствовед), «учение о порядке обыденных вещей», Кочубей И. В. (философ), детали.

The theses review the features of P. I. Tchaikovsky's opera “The Queen of Spades” staging, directed by Lydia Steier (conductor Aziz Shokhakov, the Rhine Opera in Düsseldorf / Duisburg, 2019) – including from the perspective of the “doctrine about the everyday things order” by I. V. Kochubey.

Keywords: “The Queen of Spades” (opera), theatrical performance, (re) interpretation, Volkova P. S. (art historian), “doctrine about the everyday things order”, Kochubey I. V. (philosopher), details.

The author of this production undertaken by the *Rheinoper in Düsseldorf/ Duisburg*, the highly demanded director Lydia Steier, “leaning” on any opera, often demonstrates the power of her imagination – she has perfectly mastered the ability to maximize the potential of *alienation*. However, it turns out that in the “environment” of Hollywood, “The Queen of Spades” absolutely does not want to go...

The production goes beyond the framework of the presentation of the events of the

opera, we see a rather colorful performance of the actors, accompanied by improvisation. The characters are dressed in completely unexpected costumes...

...In this gloomy, oppressive sound picture, the viewer opens... a California swimming pool, around which a crowd of actors acts, *some* of whom are dressed quite appropriately for the pool situation (that is in bathing suits, moreover, made of such fabrics, the colors of which would be envied by gypsy ladies). A flock of very frivolous minor characters are joking and frolicking around the pool, other actors are wearing swaying colorful skirts and flashy costumes from the 1950s, reminiscent of old Hollywood cinematic consumer goods... and then a perspective opens with the recognizable, famous mountain landscape of Hollywood. These paintings are very far from the imperial St. Petersburg of the XVIII—XIX c. [1].

The choral extras were simply stupid party-goers (speaking in modern slang), maybe it was from them that Lydia Steier picked up the tabloid? A choir of children marches in the costumes of Indians and sheriffs, but a truly “unreal” mirage ghostly scene—where children are trained in victorious tempering patriotic marches—with faces as guileless as dancers in the moving flow of a carnival [1].

The unhappy couple of the main characters is a rather strange group: despite the fact that they are obsessed with the idea of unconditional love, both are emotional extremists, and even individualists! Here, however, Hermann (Sergey Polyakov – with an incredibly powerful, but at the same time confidently-beautifully sounding tenor at the level) is “fumbling” around, and Lisa (Eliz. Strid) is at a great disadvantage (Urs. Kudrna) with striped hair and terrible, infuriating glasses, which she demonstrates (in the most original sense of the word) and constantly scratching her hand so that the viewer has the idea of at least such a dermatosis as itching.

If the authors of the production under consideration pursued the goal of finding an antidote to Tchaikovsky’s elegiac melancholy, then it is difficult to object to the irony that permeated the entire opera. But Lydia Steier brings even the great role of Prince Yeletsky to a state of complete unrecognizability which is sung by Dmitry Lavrov – the owner of a strong, but perhaps somewhat one-dimensional (non-volume) baritone. Submitting to the director’s arbitrariness, Yeletsky had to sing the only real love aria in the entire opera – an aria in the form of some party hit... sing into a pink microphone (*ibid.*). The performers – contrary to the original work – do not show a shadow of a gloomy depressed mood: Maria Kataeva as Polina and Alexander Krasnov as Count Tomsky.

Even in a brief newspaper theater review [1], its anonymous author mentioned “alienation” as director Lydia Steier’s method. In the “doctrine about the everyday things order”, developed by Prof. I. V. Kochubey (the correlation of details in his conception – is illustrated by ill. 3 in [2, p. 2 of color inserts]), it is a question about the presence of “talking details” in the structure of a system object and “significant connections” formed by such details (e. g. [3, p. 103—106; 4, p. 49—54]). Works such as the Dusseldorf production of “The Queen of Spades” described above are moving in the direction of eliminating precisely the “talking details” that were systematically characteristic of the original text (text in the broad sense) of Pushkin/ Tchaikovsky. These talking details are replaced by the

unrestrained arbitrariness of the director with completely different – extraneous – details [5]; the latter can also be “talking details”, but for a completely different object, that is they mark (refer to) a completely different cultural environment – which, to put it mildly, has very little in common with the interiors, *etc.*, embodied in the original work. Behind the irresistible desire for originality and extravagance, there is nothing more that helps to treat extravagance as an excusable or even justified “fluctuation” [6].

Литература:

1. Von St. Petersburg zur Poolparty <...> // RP ONLINE. URL: https://rp-online.de/kultur/rheinoper-duesseldorf-zeigt-premiere-von-pique-dame_aid-39044599 (дата обращения 11.03.2020).
2. Искусство как социокультурный проект. <...> : коллектив. <науч.> монография / <ред.-сост. П. С. Волкова>. Саратов ; М. : Саратовская гос. консерватория, 2021. С. 2 цвет. вклеек (в печати).
3. Коммуникативные стратегии информационного общества : Труды IV Междунар. науч.-теорет. конф. <...> / отв. за выпуск О. Д. Шипунова. СПб. : Изд-во СПбГПУ, 2011. С. 103—106.
4. Кочубей И. В. Исправить Гадамера // ACA International Scientific Conferences Ser. / American Concert Alliance, Inc., S.-R. Cultur. Soc., &c. Volume XIII. Нью-Йорк и др., 2012. С. 49—54.
5. Волкова П. С. Реинтерпретация в художествен. творчестве <...>. Краснодар, 2008. 200 с.
6. Юй Ян. «Пиковая дама» А. С. Пушкина – П. И. Чайковского: к вопросу о культурной и псевдокультурной реинтерпретации // Художеств. образование и наука. 2020. № 4. С. 103—110.
7. Biblioteka / archiwum pana Profesora Igoria W. Koczubeja.

УДК [[37 : 004.928] + 372.878 + 811.161.1«363»](082.2 + 087.2)(470 + 510)«312»
ББК 74.268.53я43

У Луинь

Wu Luyin, 吴路音

2824858823@qq.com

**Новое, ценнейшее издание с текстами Профессора И в России...
Containing Professor Yt's Texts, New, Valuable Edition in Russia...**

*Чунцинский Колледж Гуманитаристики, Естественных Наук и Технологии (重庆人文科技学院),
город центрального подчинения 重庆 (Чунцин), Китайская Народная Республика
Chongqing College of Humanities, Science and Technology, the Direct-administered Municipality
of Chongqing, the statistical region of Southwest China, People's Republic of China*

В России получает свое завершение новейший совместный с Китаем проект – создание современной коллективной монографии по проблемам развития детей средствами Муз. Искусства.

Ключевые слова: развитие детей, музыкальное искусство, Россия и Китай, монография.

In Rus. Federation, there's being completed the newest joint project with China – the creation of a state-of-the-art collective monograph on the problems of children's development through Musical Art.

Keywords: children's development, musical art, Russia and China, monograph.

所說的東方學西方、或西方學東方，這種說法太狹窄了，其實質是「異方」。藝術上此方學彼方，有什麼好說的呢？中西藝術本屬一體，無有彼此，非手眼之工，而是至善之德，才有心靈的徹悟。

«Восток учится у Запада, Запад учится у Востока, – эти высказывания слишком узки, и их содержания относятся к “разным сторонам” (одного и того же). В искусстве – да что же одна сторона может сказать другой? Китайское и западное искусства принадлежат к одному организму – (такому, что у него) нет частей; это не работа руками и глазами, а добродетель совершенства, которая одна только обеспечивает глубокое постижение душою» – авантитолом с оригинальной цитатой (приводившейся в изд. [1]) из г-на У Даю (1903—1984), основоположника современного китайского абстракционизма в живописи – русский редактор решила открывать 300-страничное богато иллюстрированное «в цвете» издание [2]. По мнению одного из наших учителей – Профессора И (教授伊), переведшего с китайского языка эти возвышенные строки, – два названных искусства, разумеется, не являются ни одним целым, ни даже близкими, – но он обращал внимание на это высказывание как на *акцентирующее диалектическое единство в рассмотрении двух великих культур!*..

В новом издании, – уже запущенном в полиграфическое производство, – рассматриваются особенности различных «секторов» искусства самих по себе и взаимовлияние западного + русского / советского / российского с одной стороны и китайского с другой стороны искусства. Это – рос.-китайская научная коллективная монография [2], подготовленная усилиями большого и дружного коллектива из 23 культурологов, искусствоведов, музыковедов, педагогов и организаторов детского художественного образования, психологов...

«Духами доброй суеты» для этого проекта являлись на протяжении долгих «пандемийных» месяцев два человека. Во-первых – крупный действующий ученый России П. С. Волкова – канд. филол. наук, д-р филос. наук, д-р искусствоведения, проф. 6-й кафедры рус. языка Краснодарского высшего военного орденов Жукова и Октябрьской Революции Краснознаменного училища имени генерала армии С. М. Штеменко и Санкт-Петербургского государств. педагогического университета имени А. И. Герцена (гг. Краснодар и С.-Петербург), исследователь широкой международной известности, одна из сотворцов теории интерпретации / реинтерпретации текстов культуры (в современном состоянии указанной теории).

Во-вторых – д-р искусствоведения, профессор А. И. Демченко – главный научный сотрудник и руководитель Международного Центра комплексных художественных исследований Саратовской государств. консерватории имени Л. В. Собинова (г. Саратов). Книга выходит под эгидой названного выше МЦКХИ СГК, редакции Международного междисциплинарного научно-теоретического и методического журнала “TOPICAL PROBLEMS OF THE HUMANITIES KNOWLEDGE” и

экспериментальной площадки на базе детского сада ОАО «РЖД» (г. Москва, Рублево; зав. – канд. культурологии О. В. Горбатова)...

Уже начиная с обложки создатели книги печатают уникальные архивные фотографии из истории семьи Профессора И; в издании есть старое цветное официальное фото профессора из “I. V. & M. T. K. World Science Photographs Series”; впервые публикуется его акварельная (по-видимому) работа, – представляющая соотнесенность деталей различного вида в его доктрине. На 4-й странице обложки – “very nice photo” творчески развивающихся детей сегодняшней России. Именно *дети* России и Китая – «конечный бенефициар» проекта: через посредников – педагогов-практиков – наши поколения делают этот «долгоиграющий» подарок *нынешним* и *будущим* поколениям детей!..

Китайскую Народную Республику в издании представляют такие специалисты, как Го Шаоин, У Лиян, У Луинь, У Чжофэнь, У Чэньянь, У Юйкан, Фань Вэньцзюнь, Фань Итун, Хуан Цзэхуань, Чэн Цзыжань и Юй Ян... Из известных российских деятелей – соавторов монографии – назовем П. С. Волкову, О. В. Горбатову, А. И. Демченко, М. В. Казанцева, Ю. С. Полеваева. В приложениях – интервью, данное китайскому собеседнику д-ром искусствоведения, проф. ИИиК ТомГУ Е. А. Приходовой – известным композитором, создателем знаменитых детских опер «Винни Пух» и «Гуси-лебеди»... Другое приложение это клавишная новелла на стихи Полины Волковой.

Основной текст книги разделен на большие главы, названные на латинском: “Homo qui cogitat” («Человек, который мыслит»), “Homo qui canit” («Ч., который играет») и “Homo qui verbo agit” («Ч., который действует словом»)... Творчество Профессора И представлено несколькими работами, в т.ч. его писавшимися с очевидной болью в сердце размышлениями о последствиях разрушения русского языка, – и редактор считает их главным текстом издания...

Китайская певица У Луинь,

Литература:

1. 朱琳、桓生. 中国现代抽象艺术学派的奠基人—吴大羽 艺术市场研究 // China Guardian Newsletter. – Shanghai (People's Rep. of China), 2015. – Issue 380.
2. Искусство как социокультурный проект. 艺术以社会文化 项目的身份 : коллектив. (науч.) монография / (ред.-сост. д-р искусствоведения, проф. П. С. Волкова). – Саратов ; М. : Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, 2021. – 300 с. + цв. вклейки : ил. (в печати).
3. Волкова П. С. Реинтерпретация в художеств. творчестве (...). – Краснодар : КГУКИ, 2008. – 200 с.
4. Демченко А. И. Статьи о музыке : (сборник статей). – М. : Композитор, 2008. – 367 с.

УДК [37.01 : 78]-051(439)«19»

ББК 74.268.53г(4Вен)

У Чжофэнь, И.В. Смирнов

Wu Zhuofen, 吴卓芬, Igor' Smirnov

936367313@qq.com

ELOQUENDA HISTORICI VOCE...

IV. О роли Золтана Кодая в развитии музыкального воспитания в Венгрии

ELOQUENDA HISTORICI VOCE...

IV. About Zoltán Kodály's Role in the Development of Musical Education in Hungary

*Город субпровинциального значения Чэнду, Провинция Сычуань, Юго-Западный Китай, КНР
The Sub-provincial City of Chengdu, the Sichuan Province, the statistical region of Southwest China,
People's Republic of China*

В тезисах рассказывается о методе З. Кодая – методе массового музыкального воспитания.
Ключевые слова: воспитание массовое, воспитание музыкальное, Кодая метод, Кодай З.

These theses discuss Zoltán Kodály's role in the development of musical education in Hungary.
Keywords: mass education, musical education, the Kodály method, Kodály Zoltán Vilmos.

«Отцом» системы музыкального образования в Венгрии (XX в.) по праву считается Золтан В. Кодай (Zoltán Vilmos Kodály, 1882—1967) – выдающийся венгерский педагог, музыкант, композитор и теоретик музыки. Система эта и известна в мире как «метод Кодая» [1]! С 1912 г. З. Кодай занимал пост профессора Музыкальной академии в Будапеште; начиная с этого времени он интенсивно занимался теорией музыки, готовил публикации по музыкальной педагогике, разработал *метод Кодая – метод массового музыкального воспитания*, оказавшийся особенно успешным при обучении музыкантов-непрофессионалов и хоровых групп (этот метод он разработал совместно со своим учеником Ене Адамом). Перу Кодая принадлежит ок. 200 книг, статей, методических пособий и др.; особенно можно выделить написанную им монографию «Венгерская народная музыка» (Будапешт, 1937; позднейшее издание – [2]). Хотя Кодай никогда не работал с детьми и не занимался специально разработкой методики музыкального воспитания – этот

венгерский новатор, действительно, *создал концепцию* музыкального воспитания венгерского народа и внедрил ее в государственную систему образования Венгрии.

Актуальной задачей занятий по музыкальной теории – Золтан Кодай называл тренировку (см. его рецензию на книгу Матиаша Золтаи «Теория музыки и учение о гармонии»); самым важным он считал умение петь с листа и на слух записывать мелодию. В 1929 г. в ст. «Детские хоры» З. Кодай начинает искать путь улучшения музыкального воспитания (Вопрос: учитель пения в деревне или же доктор оперного театра в столице – кто важнее? И делает вывод: «Культура более высокого порядка, способная охватить широкие слои, достижима только через школу»).

В 1943 г. Кодай совместно с его учеником Д. Керени издал 2-томное «Школьное собрание песен», контентом которого является репертуар для уроков пения. Большая ценность этого издания состоит еще и в том, что в предисловии к нему – З. В. Кодаем формулируются некие *принципы*, на которых должна базироваться будущая *методика*. Как к идеалу – взор З. Кодая был обращен ко Др. Греции, где музыка выступала главным средством воспитания. «Обучение должно строиться вокруг художественно-полноценного музыкального материала (преимущественно фольклора), а песни направлены на решение технических задач и освоение характерных интонационных формул, поэтому педагог должен относиться к репертуару как к объективной данности. Однако в выборе методов и приемов обучения преподаватель пользуется определенной свободой. Такой принцип позволяет познакомить учеников с лучшими образцами музыкальной культуры и ввести их в мир музыки, что ведет к главной цели концепции Кодая – к воспитанию целостной личности [4, р. 26—28]» (цит. из [1]). Основные положения метода Кодая таковы.

1. Инструмент – с его темперированным строем – *не помогает* достигать чистоты хорового пения и *не годится* для подачи тона хору и для «настройки» хора. Инструмент *не годится* и для *сопровождения* хорового пения! 2. Знакомить обучающегося с мелодиями – не путем проигрывания этих мелодий на фортепиано, но путем *пропевания*! 3. *Разучивая* пьесу, хор *не должен* опираться на фортепианное сопровождение. Куда полезнее, если хористы овладеют *чтением нот* (см. [3]).

Движение обучающегося от состояния музыкальной неграмотности к муз. грамотности – предполагает овладение *чтением* и овладение *записью* музыки.

Ряд важных методических соображений – содержится в четырех тетрадах составленного З. В. Кодаем в период 1937—1942 гг. сборника “*Vicinia Hungarica*” (“*Vicinium*” – означает песню, состоящую из двух частей. Данное произведение З. В. Кодая состоит из 180 песен, распределенных на четыре книги). В сборнике этом, задуманном как введение в двухчастное пение, автор касается: 1) введения и использования релятивной сольмизации; 2) пентатоники как важнейшей основы и исходного пункта музыкального языка, *родного* для венгерского ребенка (см. [3]).

Без сомнения, Золтан Виямош Кодай опирался на опыт британских педагогов-музыкантов, солидаризуясь с ними в том, что достижение полноценной массовой музыкальной образованности – возможно только с помощью релятивной

сольмизации. Тональность, выраженная с помощью сольмизации, сообщает нотной записи *наглядный смысл* и делает музыкальную структуру более понятной...

Золтан Кодай обращал внимание на важность *многоголосного пения* [3].

Проблемы обучения музыкантов-профессионалов – предмет его выступления в Будапештской высшей школе (1946), где он отмечал, что: 1) исполнитель обязан *глубоко понимать* играемое; 2) виртуозность «игры пальцев» – отнюдь не должна заслонять собою *духовную* сторону музыкального Дела; 3) слух должен первенствовать перед всем остальным; 4) надо уметь читать ноты и *без инструмента* [3].

Литература:

1. Уткин А. С. Музыкальное образование в современной Венгрии: развитие идей З. Кодая в методике Й. Адама. URL: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/muzykalnoe-obrazovanie-v-sovremennoy-vengrii-razvitiye-idey-z-kodaya-v-metodike-y> (дата обращения к докум.: 20.12.2020 г.).
2. Kodály Z. [V.]. A magyar népzene. Budapest : Ed. Musica Budapest Zeneműkiadó Kft., 1997.
3. Лекция 4. Зарубежные системы музыкального воспитания. URL: https://studopedia.ru/11_141109_lektsiya--zarubezhnie-sistemi-muzikalnogo-vospitaniya.html (дата обращения: 20.12.2020 г.).
4. Székely M. Ádám Jenő élete és munkássága. Budapest : Kiadó “Püski, 2000. 160 oldal.

УДК [37.01 : 78](315 + 32 + 34)

ББК 85.31р : 63.3(0)31

И.В. Смирнов, У Чжофэнь

Igor' Smirnov, Wu Zhuofen, 吴卓芬

936367313@qq.com

ELOQUENDA HISTORICI VOCE...

V. Великие цивилизации Древнего Востока: обучение музыкальному искусству как важный фактор воспитания

ELOQUENDA HISTORICI VOCE...

V. The Ancient East's Great Civilizations: Learning Musical Art as an Important Factor in Education

Город субпровинциального значения Чэнду, Провинция Сычуань, Юго-Западный Китай, КНР
The Sub-provincial City of Chengdu, the Sichuan Province, the statistical region of Southwest China,
People's Republic of China

В тезисах рассказывается об обучении музыке как важном факторе воспитания на Древнем Востоке.

Ключевые слова: воспитание массовое, воспитание музыкальное, Древний Восток.

The proposed theses talk about learning musical art as an important factor in education in the Ancient East.

Keywords: mass education, artistic culture, musical education, the Ancient East.

Приобщение людей к сокровищницам мировой и национальной культуры в ходе реализации образования (в частности – *музыкального* образования) является необходимым условием для достижения главной цели эстетического воспитания – формирования целостной личности, творчески развитой индивидуальности, действующей в мире сообразно законам красоты... При этом культура – отнюдь не сводится к простой сумме сочиненных книг и симфоний, «живописно» записанных холстов, поставленных спектаклей и фильмов.

Культура есть, прежде всего, *общение*, она как бы *символ коллективного общечеловеческого самосознания*... Поэтому в наши дни – все более и более активно изучается зарубежный опыт, накопленный в самых различных сферах человеческой деятельности. Художественная культура (и, в частности, музыкальная культура) в особой мере обладает способностью сближать представителей самых разных этнических групп даже при значительном отличии, обнаруживающем себя в их традициях... При этом основная цель обращения индивида к художественной культуре, искусству – есть не столько приобретение знаний, сколько духовно-творческое становление личности, формирование ценностного сознания человека... Говоря другими словами, в процессе музыкального воспитания человеку необходимо достигнуть того, чтобы возвышенное содержание музыки превратилось в достояние его духовного мира.

Как *задачи*, так и *собственно содержание* музыкального искусства, выполняющего общепедагогическую (образующую единое целое с организацией музыкального образования), этическую и эстетическую функции, – определились еще в эпоху древности. Музыкально-просветительская деятельность и музыкантов профессиональных, и музыкантов-любителей – имеет длительную и довольно непростую историю становления. Истоки этой деятельности теряются в глубинах веков.

Уже для Др. Востока (например, III в. до н.э.) характерна *обязательность* музыкального образования! «Считалось, что юноша, овладевший искусством пения и игрой на музыкальном инструменте, освобождался от дурных чувств и желаний. Музыка – действенному средству воспитания таких добродетелей, как справедливость, человечность, предусмотрительность, искренность, – придавалось большое значение» [1, с. 3]. Огромное число изображений музыкантов и певцов на рельефах, фресках древнеегипетских гробниц и храмов – красноречивое свидетельство любви тогдашних египтян к музыкальному искусству. Далее, на фрагменте рельефа в индийском храме VIII века – можно видеть Кришну, играющего на флейте...

«Благоуханный цветок добродетели» – так называли музыку мыслители Др. Китая и полагали ее важнейшим средством воспитания молодежи... Музыка в Китае всегда была тесно связана с философией и социальным устройством. Великий Конфуций утверждал: «Для изменения нравов и обычаев нет ничего прекраснее музыки, это микрокосмос, отражающий строение Вселенной, обладающий строго определенной структурой, которую нельзя нарушать» (цит. по [1, с. 3]). Развитие этих

взглядов Конфуция обнаруживается в сборнике сочинений его последователя – философа Сюнь-Цзы (глава 20-я «О музыке»): «Звуки музыки глубоко проникают в сознание человека, быстро изменяют его (...). Когда музыка гармонична и спокойна, в народе царит согласие и благопристойность. Когда музыка сдержанна и мужественна, в народе царит единство и порядок. Когда народ пребывает в согласии и единстве, армия сильна, стены крепки и враг не смеет подступить к Поднебесной. И весь народ тогда живет спокойно, доволен своими правителями (...). Когда музыка пуста и порочна, народ распущен и ленив, дик и достоин презрения. Когда народ распущен и ленив, возникают беспорядки. Когда народ дик и достоин презрения, возникают споры. Если же возникают беспорядки и споры, слабеет армия, становятся хрупкими стены, и враг угрожает Поднебесной. В этом случае народ лишается покоя и недоволен своими правителями. Поэтому, если отбросить этикет и хорошую музыку, возникнут порочные звуки, а вслед за этим и возможность быть покоренными и опозоренными» [2, с. 96]. Итак, нам уже не приходится удивляться тому, что в Др. Китае запрещалось использование «безнравственной музыки»... Что имелось в виду? В противопоставлении «этикету и хорошей музыке ванов-предков» конфуцианец Сюнь-Цзы рассматривает «безнравственную музыку» (прежде всего варваров) – «вульгарную и порочную», «вносящую беспорядок в хорошую музыку» и потому подлежащую «усовершенствованию» (там же).

Обозревая музыкальное искусство в древнем мире, Л. Л. Мельникова указывает, что «корни музыкального просветительства – в осознании благотворного воздействия музыки на души и нравы людей и, следовательно, значительной ее роли в воспитательном процессе. Кроме того, музыка призвана удовлетворять эстетические потребности общества, доставлять удовольствие слушателям» [1, с. 6].

Литература:

1. Мельникова Л. Л. Музыкальное просветительство. История и современность : монография. – 94 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://docplayer.ru/26058038-Melnikova-l-l-muzykalnoe-prosvetitelstvo-istoriya-i-sovremennost-monografiya.html> (дата обращения к электронному документу: 20.12.2020 г.).
2. Восточный альманах : сб. ст. – Вып. 3. – М. : Гос. изд-во художеств. лит., 1960. – 290 с.

Наталия Г. Ценкова (Диловска),
Димитрина Ж. Гиздова
Nataliya G. Tsenkova (Dilovska),
Dimitrina Zh. Gizdova
nata90@abv.bg

Опит на херменевтичен анализ на стихотворение на Игор В. Кочубей “Amoenitas Desolationis”

Experience of Analyzing Igor’ V. Kochubey’s Piece of Poetry “Amoenitas Desolationis” Hermeneutically

Гр. Брюксел, Столичен регион Брюксел, Кралство Белгия; гр. София, област София (област София-град), Република България

The City of Brussels, the Brussels-Capital Region, The Kingdom of Belgium; the City of Sofia, Sofia City Province, Western Bulgaria, The Republic of Bulgaria

Отмечается сложность перевода на иностранный язык поэтических произведений автора российского происхождения И. В. Кочубея (Igoria Koczubeja) – глубокомысленных и оригинальных. Стихотворение И. К. “Amoenitas Desolationis” впервые было опубликовано в России в 2015 г. Неавторизованный перевод его на болгарский язык был опубликован ранее в сборнике [1, с. 168–170]; в сообщении представлен опыт герменевтического разбора этого стихотворения.

Ключевые слова: Кочубей Игорь (Koczubej Igor), экспериментальная поэзия, объективация, поэтика, герменевтика, поэтический перевод на иностранный язык.

The proposed theses point out the difficulty of translating the poetic works – both thoughtful and ingenious – of the author of Russian origin Igor’ V. Kochubey (Igor W. Koczubej) into a foreign language. I. Kochubey’s poem “Amoenitas Desolationis” was first published in Russia in 2015. An unauthorized translation of that work into the Bulgarian language was earlier published in the collection [1, p. 168—170], and this report will present the experience of the hermeneutic analysis of the said poem.

Keywords: Kochubey Igor’ (Koczubej Igor), experimental poetry, objectification, poetics, hermeneutics, poetic translation into a foreign language.

Поетическите произведения на Игор В. Кочубей хем са дълбокомислени [2, с. 141], хем са оригинални – трудно е да се каже кое е в по-голяма степен. Поради тези две причини преводачът на неговите стихове се натъква на големи трудности, което вече е отбелязвано преди и от други автори и ние дори подозираме, че да превеждаш И. Х. Фридрих Хьолдерлин е по-лесно отколкото И. Кочубей! ...Нека да се опитаме да представим *реконструкцията на смисъла* на това – трудно както за разбиране, така и за превод – стихотворение... (за проблематика в герменевтика – виж, например, издания [3; 4, с. 49—54; 7] и много други; виж също кратка „поетично-метологична” статия на И. В. К. в „Aspectus” [5, с. 1 от корицата, 8]).

„И девятъ уже”: вече е 6 вечерта, обаче морето все още е обхванато от сън заради жегата (първо – сънливостта на обитателите на морето и на брега; второ – спокоен, напълно спокойното море, водата е почти неподвижна). „В зелени бурой”: в гъсталака на кафеникавата зеленина на водораслите, малките рибки отварят уста (изпомпват

вода през хрилете) – все едно се прозяват. От кея (където се разтоварва от лодки уловената в морето риба) си тръгнаха рибарите [може да се използва това латинско (римско) слово с руски букви „писка́тори” или „писка́торес” (с латинско окончание, в множествено число)]. Злият (злобен, ругаещ, притесняващ рибарите) разпоредител (администратор, „конди́тор”) на пристана е изчезнал (махнал се е)... И сега над гладката водна (морска) повърхност не звучи празен глъч („гомон”) *на почти с нищо не заети* търговки (продавачки) на риба (които са купували на кея от рибари, за да препродават прясна риба) и *с нищо не заети* безделници, зяпачи. Самият кей също е изчезнал – разрушен е от времето... От него са останали само „огризки от колони”; и тези остатъци от колони „тихо” (беззвучно и постепенно, бавно) „корумпира” (разрушава, от „соггумро, -ере”) „зла” (химически агресивна) „саламура” – разтвор на солите (морска вода). Заради „разпадане” (присъствие на голямо количество органична материя във водата, която се е образувала там при разлагане на най-различни организми) и под въздействие на яркото слънце – интензивно, но беззвучно се размножават ярки, наситено пъстри водорасли; ръждата също изглежда доста многоцветна под лъчите на яркото слънце... (също сравнете [6, с. 372—376]). На места по повърхността на водата претичват много дребни вълни (заради лек ветреца?), водата съвсем тихо шумоли покрай стърчащи остатъци от колони – „шепот на водата”. Много ярки, но беззвучни бои (цветове) на разложението, мудно движение на почти беззвучната вода – ще ни помогне да съхраним (да запазим за спомен за себе си и за други хора, зрители) „картината от светлина” рисуване със светлина = фотография, или на гръцки – „фотографіа”.

— ...Н. Г., мисля, че тук си показала доста добра герменевтика!.. / — А на мен вече ми се струва, че аз фактически съм приложила твоя собствен метод. / — Може би, доста вероятно. Гьодел, Ешер, Бах – завършвам със себе си... (IV.2021)

Литература:

1. *Ценкова Н. Г.* Опыт перевода стихотворения Игоря Кочубея “*Amoenitas desolationis*” // Донецкие чтения 2019: Образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции. Донецк, 31 окт. 2019 г. / Донецкий нац. ун-т; Под общей ред. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – Т. 4. – Ч. 1. – С. 168—170.
2. Кубань: Лит.-художеств. и обществ.-публицист. независимый журнал <...> / Гл. ред. В. <А.> Канашкин. – Краснодар: <Изд-во Кубан. соц.-экон. ин-та>, 2012. – № 1—2 (376/70). – С. 141.
3. *Григорьев Б. В.* Герменевтика и теория интерпретации. – Владивосток: Издательство Дальневосточного государственного университета, 2002. – 146 с.
4. *Кочубей И. В.* Исправить Гадамера // Настоящее – это ставшее настоящим прошлое...: Симпозиум (Краснодар – Амстердам – Джакарта, 4 июня—5 авг. 2012 г.): XVIII в. в становлении планетар. человечества: (Междунар. науч. конф.). Дух левизны в соц. становлении человечества: XVIII—XXI ст.: (Междунар. науч. конф.) / American Concert Alliance, Inc., Юж.-Рос. культурол. о-во и др.; Под общей ред. Б. П. Борисова и др. – Нью-Йорк; Краснодар: Б. и., 2012. – С. 49—54.
5. *Кочубей И. <В.>* Что значит быть поэтом // Aspectus: The International Scientific Journal = Международный научный журнал / Главный редактор П. С. Волкова. – Краснодар: ООО «Изд-во “Светочъ”, 2015. – № 2 <7>. – С. 1 обложки, 8. – Параллельный подзаголовок изд. – на русском.
6. *Кочубей И. В., Боброва В. В.* История с гниющим яблоком и прочим...: <Интервью на английском яз.> / Unauthorized translation by Е. Е. Dizhechka // VI Твердовские чтения: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. <...>: г. Краснодар, 26—27 февраля 2014 г. / Кубан. соц.-экон. ин-т и др.; Редактор-сост. А. А. Самойленко. – Краснодар: <Изд-во КСЭИ>, 2014. – С. 372—376.
7. *Couzen-Hoy David.* The Critical Circle. – U. S. P., 1981.

Глобализация как причина возникновения межкультурных проблем в сетевом обществе**Globalisation as a cause of intercultural problems in the network society**

*Санкт-Петербургский горный университет
Saint-Petersburg Mining University*

Цифровая цивилизация усилила широкое распространение идеи глобализации как процесса унификации экономической, политической и социальной сфер жизни общества. Несомненным плюсом глобализации является развитие планетарной экономики и стандартизация отношений между государствами, а также уменьшение роли государства в жизни мирового общества. Однако глобализация, поскольку она является детищем капитализма, не является панацеей и имеет очень серьёзный недостаток - в её основе лежит капиталистическая экономическая модель, следовательно, основной целью глобализации является получение прибыли и её преумножение, что приводит к культурной трансформации, падению традиционных общественных норм и утрате личностной идентификации посредством внедрения культуры потребления.

Ключевые слова: глобализация, мультикультурализм, Social Justice Warriors (SJW), традиционные общественные нормы, общество потребления.

Digital civilization has strengthened the widespread dissemination of the idea of globalization as a process of unification of the economic, political and social spheres of society. The undoubted advantage of globalization is the development of the global economy and standardization of relations between states, and reducing the role of the state in world society. However, globalization, because it is the brainchild of capitalism, is not a panacea, and has a very serious flaw - it is based on the capitalist economic model, hence the main goal of globalization is to make profit and multiply it, which leads to a cultural transformation, the fall of traditional social norms and the loss of personal identity through the introduction of a consumer culture.

Keywords: globalization, multiculturalism, Social Justice Warriors (SJW), traditional social norms, consumer society.

В современном мире большую поддержку получили идеи глобализации. Глобализацией называется преобразование мировой экономической, социальной и политической сфер жизни общества в единое целое. Глобализация, призванная помочь всему миру, выгодна только уже развитым государствам, поскольку те имеют необходимую производственную базу для закрытия первостепенных потребностей граждан [1]. Однако в государствах, остающихся на доиндустриальном или начальном индустриальном уровне, глобализация не работает должным образом. Поскольку глобализация подчинена капиталистическим отношениям, то и бедное население неразвитых стран рассматривается только с точки зрения дешёвой рабочей силы, ведь транснациональным компаниям не выгодно платить квалифицированным рабочим, поскольку это приведёт к увеличению конечной стоимости продукта и уменьшению прибыли. Так например в ЮАР жители страны вынуждены работать с 8

лет на кобальтовых шахтах [2] из-за отсутствия альтернативы. Глобализация, призванная избавить мир от нищеты, эту самую нищету и порождает, что приводит к расслоению мирового общества (пока жители Европы стоят в километровых очередях за новеньким Iphone'ом, жители ЮАР умирают в кобальтовых шахтах, добывая сырье для гаджетов)

Глобализация удобна капиталистам ещё и тем, что она открывает возможность для создания «плавильного котла» - мультикультурализма. Мультикультурализм очень выгоден с точки зрения получения прибыли, поскольку позволяет расширить рынок сбыта и увеличить количество потребителей товаров. Однако Мультикультурализм ведёт к поглощению мелких культур большими, а также слиянию крупных культур и, как следствие, утрате культурной идентификации [3]. Подобное слияние приводит к негативным общественным последствиям. Так если поглощение мелкой культуры (например культуры малочисленного этноса) зачастую остаётся незамеченным, то слияние\поглощение крупных культур может обернуться катастрофой для человечества. Так, например, в XXI веке происходит угасание западной культуры, ввиду её слияния с ближневосточной и африканской. Поскольку представители европейской культуры толерантны и либеральны, а представители восточных культур консервативны и зачастую радикальны, то европейские ценности постепенно уходят с ведущих ролей на задний план, уступая место новым - восточным.

Также глобализация потворствует переходу человечества к модели общества потребления. Расширения рынка сбыта не достаточно для того, чтобы удовлетворить желание капиталистов в получении прибыли, вследствие чего ими проводится активная программа насаждения «культы ненужных вещей» - перепотребления. Это возможно благодаря широкому распространению медиасреды, а также медиатехнологий в сетевом обществе. Эта программа, в первую очередь, нацелена на уничтожение традиционных морально-этических норм, поскольку те сильно сдерживают объем потребления индивида и общества в целом. А отказ от традиционных норм же ведёт к моральному разложению общества и его деградации (получение sjw (social justice warriors) сообществом большого влияния в современном обществе).

Подобные общественные девиации одобряются капиталистами, поскольку позволяют увеличить прибыль и распространить своё влияние. Однако подобная политика приводит к усилению социальной напряжённости. Широкое распространение медиатехнологий позволяет обширному кругу лиц узнавать интересующую его информацию в кратчайшие сроки, вследствие чего, наиболее радикально-настроенные индивиды получают карт-бланш на возмущение, которое зачастую перерастает в митинги, стачки, бунты. Примером могут служить события в США в 2020 году, когда из-за смерти преступника-рецидивиста, сторонники BLM-движения учинили массовые беспорядки, грабежи и вооружённые столкновения с полицией.

Ещё одним недостатком глобализации является утрата индивидуальности, вследствие погони за трендами общества. Капиталисты доказывают индивидам, что те являются неповторимыми личностями с большой буквы. Поскольку человек, в большинстве своём, падок на лесть, то с большой охотой верит подобным заявлениям и тем самым клюёт на удочку капиталиста. Компании создают тренды, благодаря которым «потребитель сможет выделиться из серой массы и доказать свою индивидуальность». Следуя подобным трендам в погоне за индивидуальностью, индивид оную утрачивает и становится идеальным потребителем для капиталиста. То есть человеком, чьё желание можно легко предугадать или создать искусственно; человеком, потребляющим больше, чем это необходимо; человеком, считающим себя отличным от основной массы и, как следствие, постоянно подчёркивающего это отличие. Субкоманданте Маркос [4] писал по этому поводу «Свобода рынка претерпела одну удивительную метаморфозу: человек теперь свободен выбирать в какой торговый центр ему идти, но в любом из них магазины и марки продуктов всегда будут одними и теми же. Старая сказка о свободе, проистекающей из тирании торговли, «свободы спроса и предложения», стала неактуальной».

Литература:

1. World Bank. 2021. Global Economic Prospects, January 2021. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1612-3. License: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IGO.
2. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики январь 2018 28. ЮАР: успехи и проблемы развития. Выпуск №28, январь 2018.
3. Shestakova, I. Digital Civilization and Problems of Cultural Diversity: Political Actors or Infocommunication Technologies / I. Shestakova, S. Polanski // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2018. Vol. 289. P. 412–417.
4. Субкоманданте Маркос «4 мировая война». Ультра. Культура. 2005.

Личность в информационном и сетевом обществе: Технологии манипуляций поведением и сознанием
Personality in the information and network society: Technologies of manipulation of behavior and consciousness

УДК 165.62
ББК 87.22

В.А. Лобастова
Vera Lobastova
beshent@bk.ru

Созидание личности в информационном обществе
Formation of personality in the information society

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

Стремительно распространяющаяся цифровая реальность информационного общества стремится взять под контроль важнейшие сферы жизни человека. Сохранить самобытность и независимость развития личности под натиском атак многочисленных готовых решений и стереотипов – задача, стоящая перед современным человеком. Выбор себя как личности остается острой проблемой динамично развивающейся современной жизни людей.

Ключевые слова: человек, личность, сознание, философская антропология, М.К. Мамардашвили.

The rapidly spreading digital reality of the information society seeks to take control of the most important spheres of human life. To preserve the identity and independence of personal development under the onslaught of numerous ready-made solutions and stereotypes is the task facing modern man. The choice of oneself as a person remains an acute problem of the dynamically developing modern life of people.

Keywords: man, personality, consciousness, philosophical anthropology, M.K. Mamardashvili.

По мнению М.К. Мамардашвили, «человек – это существо, которое есть в той мере, в какой оно самосозидается какими-то средствами, не данными в самой природе» [1, с. 15], но способными организовать и конституировать саму его жизнь в аспекте личности. Так отсутствующие природные основания для становления человеческого в человеке заменяются символическими по своей форме культурными механизмами – язык, миф, искусство, религия, наука, философия и др., которые способны производить человеческий эффект – созидание личности. Мамардашвили полагает, что «эти способы внесения порядка в мир и в биологические состояния суть одновременно способы конструирования и воспроизводства человеческого существа как такового, в его специфике» [1, с. 19]. Так как природные явления и процессы подвержены, говоря научным языком, закону энтропии и, следовательно, с неизбежностью обречены на распадение и хаотическое состояние, угрожающее уничтожению и исчезновению природных существ, человеческое проявляется при

установлении связи с чем-то вневременным или сверхъестественным, будь то священные предметы, которые содержат глубокий символический смысл, мерцающий в многообразии своих слоев, или метафизические идеи, которые могут быть либо усмотрены в интеллектуальном созерцании, либо даже выражены в произведениях искусства или в культурных артефактах.

Человек познает самого себя и одновременно обретает свой облик в совершаемом исключительно им самим акте трансцендирования, демонстрирующем возможность преодоления своих биологических границ, которые определяют естественные, следовательно, случайные и конечные свойства индивида. Трансцендирующий акт, который человек способен выполнить, изъясняя соответствующую внутреннюю готовность к принятию нового, неизвестного еще ему положения в мире, Мамардашвили описывает следующим образом: «Это выход человека за данную ему стихийно и натурально ситуацию, за его природные качества. Причем такой выход, чтобы, обретя эту трансцендирующую позицию, можно было бы овладеть чем-то в себе. То есть установить какой-то порядок» [1, с. 24], который формирует разнообразные связи и более или менее устойчивые отношения, соединяющие человека со сверхъестественной или сверхопытной реальностью.

Получается, что история человечества есть история самосозидания. Философская мысль Мамардашвили подчеркивает, что бытие человека, которое осуществляется в актах трансцендирования, опирающихся на внеприродные основания, есть существование существа, способного позаботиться о своем существовании. Открывающаяся в добровольном принятии личной ответственности забота, которая проявляется в осознании своих способностей и в поиске их приложения в ряду конкретных действий, может выражаться и в разного рода экспериментированиях со своей жизнью, когда культурные и духовные изобретения человека проходят испытание на универсальность в рамках различных этапов культурного развития человечества. Универсальное измерение культурных явлений и событий, приобретающих таким образом общечеловеческий смысл и вневременное значение, выстраивается за пределами различий локальных культур. О культурных комплексах и духовных образованиях человеческий разум способен высказывать общезначимые суждения, которые имеют значение для всех в любом месте и времени, и формируются в теоретически контролируемых и эмпирически проверяемых процедурах обоснования, доказательства или опровержения.

Личность присутствует в просвете самобытия, в котором кроме самого себя нет никаких иных оснований. Философский язык раскрывает смысл понятия самобытия через переживание состояний свободы, автономности, независимости от всего внешнего по отношению к субъекту. В основе человеческого сознания и существования в качестве человека лежит способность к актам свободного и самопроизвольного установления таких имманентных нормативных закономерностей, которые становятся внутренне необходимыми для осуществления самого себя в качестве личности.

Философия проясняет как условия, так и обстоятельства человеческой жизни в предельных формах бытия и мышления. Самобытие личности есть процесс собирания себя в целостности и полноте своего бытия, который складывается из отдельных и многократных усилий понимания и удержания человеческого облика в своем сознании. В каждый момент своей жизни человек осознает, что он всегда находится в конкретной ситуации, предполагающей обширный спектр возможных вариантов развития, разрешения, преодоления или выхода из нее, и это вместо него никто не может сделать.

Литература:

1. Мамардашвили М. К. Введение в философию. // Мамардашвили М. К. Необходимость себя. / Лекции, статьи, философские заметки. / Под общей редакцией Ю.П. Сенокосова. - М.: Лабиринт, 1996. С. 7-154.

УДК 316.42

ББК 76.002

В.А. Гапутина
Violetta Gaputina
wwwgaputina@gmail.com

Особенности контента блогов инфлюенсеров в социальной сети «Instagram» Features of the content of blogs of influencers in the social network "Instagram"

*Московский государственный лингвистический университет
Moscow State Linguistic University*

Статья посвящена исследованию контента блогов инфлюенсеров в русскоязычной социальной сети «Instagram». Рассматриваются такие разновидности блогов, как бьюти-блоги, фэшн-блоги, фитнес-блоги, pp-блоги, эко-блоги, O-блоги, тревел-блоги, фуд-блоги, фем-блоги, лайфстайл-блоги. Представляется перспективным изучение данных видов блогов с точки зрения инструментов, которыми пользуются блогеры для усиления воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: социальная сеть, «Instagram», блогер, инфлюенсер.

The article is devoted to the research of the content of influencer blogs in the Russian-language social network "Instagram". We consider such types of blogs as beauty blogs, fashion blogs, fitness blogs, pp-blogs, eco-blogs, O-blogs, travel blogs, food blogs, fem-blogs, lifestyle blogs. It seems promising to study these types of blogs from the point of view of the tools that bloggers use to increase their impact on the audience.

Keywords: social network, Instagram, blogger, influencer.

Появление профессии блогера коренным образом изменило ценностную картину мира пользователей интернет-сообществ. Видеохостинги и социальные сети стали не просто площадками для коммуникации и развлечения, а полноценными ресурсами заработка. С каждым днем все больше и больше людей стараются создать на просторах интернета такой контент, который обладает высоким воздействующим потенциалом и, как следствие, способствует наибольшей степени вовлеченности и возможности его монетизации. Блогеры, имеющие большое количество подписчиков

и оказывающие на них влияние посредством своих действий в сети, получили название лидеров мнений, или инфлюенсеров (от англ. *influence* — влияние).

На сегодняшний день можно выделить несколько нишевых (тематических) групп инфлюенсеров, работающих на площадках «YouTube» и «Instagram»: бьюти-блогеры; фэшн-блогеры; тревел-блогеры; фуд-блогеры; фитнес/спорт/зож/пп-блогеры; лайфстайл-блогеры и др. [1]. В научной литературе уже имеются отдельные исследования, посвященные изучению специфики некоторых блог-аккаунтов представителей перечисленных групп. Например, фэшн-блогов [2; 3], бьюти-блогов [4; 5], фуд-блогов [6], тревел-блогов [7], образовательных блогов [8]. Однако деятельность блогеров, объединения которых появились сравнительно недавно (например, эко-блогеров), оказывается практически неизученной, что предопределяет необходимость ее детального исследования, в частности в лингвистическом аспекте, а также составления полного представления о направлениях блогинга.

В настоящей статье основное внимание уделяется анализу контента блогов инфлюенсеров в русскоязычной социальной сети «Instagram». Далее представим краткий обзор 10 из них.

1. Бьюти-блоги

Интересы бьюти-блогеров фокусируются на положении дел в индустрии красоты. Они рассказывают подписчикам о самых последних трендах в макияже и татуаже, стрижке и укладке, маникюре и педикюре, представляют новинки декоративной косметики и средств по уходу, делятся видео-уроками и мастер-классами. Самый известный российский блогер в категории «бьюти» – Елена Крыгина, профессиональный визажист, основатель интернет-магазина косметики «Krygina Beauty Store», автор онлайн-курса по нанесению макияжа «Krygina Beauty Camp». В своем инста-блоге (@elenakrygina – 621 тыс. подписчиков) Елена показывает, как адаптировать модные тенденции в макияже к повседневной жизни, делится полезными советами и вдохновляет подписчиков на различные преображения с помощью косметических средств.

2. Фэшн-блоги

Фэшн-инфлюенсеры производят контент, связанный с модой и стилем. Они инструктируют подписчиков по вопросам выбора модных вещей и их комбинаторики, разбирают образы звезд шоу-бизнеса, представляют обзоры новых коллекций с модных показов, рассказывают об истории возникновения и распространения какой-либо вещи или тенденции, рекламируют модные товары и бренды. Например, в блоге дизайнера, стилиста и колумниста журнала «L'Officiel» Яны Фисти (@yanafisti – 518 тыс. подписчиков) находим фотографии модных луков, развернутые посты о трендах и новинках фэшн-индустрии. Демонстрируя интересные сочетания одежды, обуви и аксессуаров в своих образах, Яна задает модные тенденции и служит иконой стиля для своих фолловеров.

3. Фитнес-блоги

Основной задачей фитнес-блогеров является формирование у подписчиков мотивации для занятий спортом (дома или в фитнес-клубе) и поддержания здорового

образа жизни. Так, чемпионка по фитнес-бикини Екатерина Усманова в своем инста-аккаунте (@*usmanovakate* – 3,4 млн. подписчиков) делится фотографиями, демонстрирующими подтянутую фигуру и проработанные группы мышц, публикует видео спортивных тренировок, а также дает полезные советы, которые помогают девушкам добиться идеальной фигуры. Кроме того, Екатерина проводит регулярные марафоны стройности, предлагая подписчикам свои программы тренировок, в том числе и направленные на похудение после родов (блогер недавно стала мамой).

4.ПП-блоги

В отличие от фитнес-блогеров, пп-блогеры не настаивают на необходимости спортивных тренировок, утверждая, что можно похудеть и привести тело в форму, всего лишь придерживаясь правильного питания (ПП) или диеты. Например, «звездный» диетолог Мила Гриценко (@*milagricenko* – 319 тыс. подписчиков), которой удалось похудеть на 36 кг за 5 месяцев, что является примером для подражания, предлагает своим инста-подписчикам ограничивать себя в питании, готовить еду из низкокалорийных продуктов, вести подсчет КБЖУ (калорий, белков, жиров и углеводов), периодически проводить моно-разгрузочные дни или питьевой детокс и время от времени устраивать читмил (такую программу питания блогер называет «системой американских горок»). Посты Милы часто содержат фотографии «до/после», рецепты низкокалорийных блюд, варианты разгрузочных дней, списки самых эффективных салонных процедур по коррекции фигуры и быстродействующих антицеллюлитных косметических средств и т.п.

5. Эко-блоги

Главными задачами эко-блогеров являются воздействие на подписчиков, повышение их экологической грамотности, развитие осознанного отношения к проблемам экологии. Например, эко-блог @*varyavalovil* (143 тыс. подписчиков) посвящен «эко-привычкам без насилия и чувства вины» и «красоте без антинаучных страшилок». Лента Вари состоит из ее собственных фотографий, минималистичных натюрмортов, изображений косметики, растений. В текстах постов поднимаются такие важные темы, как сортировка отходов, подготовка и сдача сырья на переработку, утилизация старой техники и просроченных лекарств, присутствие микропластика в окружающей среде, увеличение площади мусорных свалок, использование экологичной косметики и мн. др.

6. О-блоги

О-блоги (образовательные блоги) – это разновидность блогов, служащих для изучения какой-либо области науки: химии, физики, астрономии, биологии, иностранных языков и т.д. Для нас интерес представляет лингвистический блог @*great_russian* (425 тыс. подписчиков), принадлежащий выпускнице факультета журналистики КубГУ Полине Масалыгиной, автору книг «Великий русский», «Могучий русский» и «Большая книга о любимом русском», написанных по мотивам блога. Аккаунт посвящен разбору слов и выражений с точки зрения определенного уровня изучения языковых единиц. Кроме того, блогер анализирует наиболее типичные ошибки употребления слов, связанных с незнанием различных

литературных норм, а также просвещает аудиторию об актуальных текущему времени реалиях. Самые сложные вопросы русского языка Полина преподносит в легкой доступной форме, часто снабжая мемами и уместной иронией, что стимулирует интерес читателей к русскому языку и творческому познанию, способствует повышению уровня грамотности.

7. Тревел-блоги

Тревел-блоги принадлежат людям, которые очень любят путешествовать и делиться своими мыслями и опытом с другими. Так, в блоге ведущего программы «Орел и решка» Антона Птушкина (@*ptuxerman* – 1,9 млн. подписчиков) содержатся фотографии и видео, сделанные в разных уголках мира: в последних публикациях – кадры из Норвегии, Намибии и Мексики. В текстах постов и на видео блогер рассказывает о своем опыте путешествий, часто транслируя их в режиме реального времени, архитектуре и природе, национальной кухне и менталитете населения, экономике, образовании и здравоохранении в разных городах и странах, а также делится советами о том, какую машину лучше арендовать путешественникам, в каком отеле остановиться, какие блюда попробовать и мн.др. Кроме инста-блога, у Антона есть собственный канал на «YouTube» с аудиторией почти 5 млн. подписчиков.

8. Фуд-блоги

Деятельность фуд-блогеров связана с приготовлением еды и съемки этого процесса или его результатов. На своих страницах в «Instagram» фуд-блогеры размещают качественные фото различных блюд с текстом их рецептов либо видео, иллюстрирующих приготовление пищи. Например, в блоге Раисы Алибековой (@*raisa_foodblogger* – 2,8 млн. подписчиков), повара по профессии, автора книги «Жизнь и еда», находим интересные восточные блюда, европейские салаты, супы, выпечку, десерты, коктейли и мн. др. Лента состоит в основном из красочных видео и веселых скетчей, вдохновляющих подписчиков освоить приготовление новых блюд. Также Лариса предлагает приобрести гайд «Завтрак с Раисой» с рецептами 30 завтраков из простых ингредиентов, предназначенный для тех, кто предпочитает разнообразные, вкусные, красивые и полезные блюда.

9. Фем-блоги

Рост популярности феминистской тематики обусловил появление нового движения среди блогеров. Фем-блогеры активно защищают права женщины, стараются донести до публики мысли о необходимости равноправия между мужчиной и женщиной, о неприемлемости домашнего насилия и издевательств над женским полом и т.п. Например, в блоге Алисы Сапожковой (@*alisa_sapozhkova* – 29 тыс. подписчиков) можно найти тексты постов, в которых она пишет про обязанности и права женщин в разные исторические периоды, внешнем виде представительниц женского пола, актуализацию феминистских тем в кинематографе, психологию взаимоотношений между мужчиной и женщиной, а также просвещает аудиторию в смежных с темой феминизма явлениях: мизогинии, сексизма, абьюза, бодипозитивизма, виктимблейминга, газлайтинга, лукизма, мизандрии и пр.

10. Лайфстайл-блоги

Лайфстайл-блогеры не пропагандируют какой-то определенной идеи, а демонстрируют собственный стиль жизни, который копируется подписчиками, желающими подражать своему инфлюенсеру. Например, блогер Лиза Шатилова, известная ранее по вайнам, снятым совместно с бывшим мужем Юрием Кузнецовским, на своей странице (@lizashatilova – 1,5 млн. подписчиков) выкладывает фото и видео, отражающие разные стороны ее жизни: обустройство квартиры, домашние животные (у Лизы две собаки), поход по магазинам, нанесение макияжа, косметологические процедуры, развлекательные мероприятия, путешествия по разным городам и странам и др. У Шатиловой есть свой канал на «YouTube», а также личный сайт, предлагающий фолловерам мастер-класс «Инстаграм как визитная карточка!», в котором блогер делится лайфхаками визуального оформления страницы в соцсети.

Приведенный нами список разновидностей тематических блогов «Instagram» нуждается в дополнении и уточнении в силу появления новых направлений в сфере блогинга, что предопределяет перспективность настоящего исследования. Кроме того, интерес представляет изучение блогов инфлюенсеров с точки зрения инструментов, которыми пользуются блогеры для усиления воздействия на аудиторию.

Литература:

1. Кто такие инфлюенсеры и на какие типы их делят: классификация Александры Барсенковой [Электронный ресурс] / URL: <https://netology.ru/blog/04-2020-kto-takie-influency> (дата обращения: 13.10.2021).
2. Н.А. Ахренова. Особенности дискурса fashion-блогов / Н. А. Ахренова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 4. – С. 14-23. – DOI 10.18384/2310-712X-2015-4-14-23.
3. В.А. Гапутина. Дискурс моды в социальной сети Instagram // Мир науки, культуры, образования. № 2 (69). 2018. С. 526-530.
4. В. А. Собянина. Лексические особенности немецких бьюти-блогов в интернет-дискурсе / В. А. Собянина // Культура в зеркале языка и литературы : материалы Восьмой Международной научной конференции, Тамбов, 13–14 ноября 2020 года. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020. – С. 294-304.
5. Н.А. Мартынова. Социологический анализ интернет-субкультуры: на примере бьюти-блогеров // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры, 2015. С. 328-332.
6. С.Т. Корякин Кулинарные и ресторанные блоги как новые СМИ: проблемы терминологии и критерии классификации / С. Т. Корякин, О. М. Морозова // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XVII Международной научно-практической конференции. В 2 частях, Пенза, 15 ноября 2018 года / Ответственный редактор Г.Ю. Гуляев. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 122-128.
7. И.В. Показаньева Теоретическое осмысление основ трэвел-блогинга. Функциональные отличия трэвел-блогера и трэвел-журналиста // Universum: филология и искусствоведение. 2015. №3-4 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-osmyslenie-osnov-trevel-bloginga-funktsionalnye-otlichiya-trevel-blogera-i-trevel-zhurnalista> (дата обращения: 13.10.2021).
8. V. A. Gaputina. Instagram as an educational resource: heuristic potential and technologies of linguistic blogs / V. A. Gaputina, E. A. Budnik, V. V. Boguslavskaya, E. V. Koltakova // 12th International Conference of Education, Research and Innovation ICERI 2019 Proceedings, Valencia, 11–13 ноября 2019 года. – Valencia: IATED Academy, 2019. – P. 9920-9926.

Портрет главного героя компьютерной игры в жанре action
Portrait of the protagonist of a computer game In the genre of action

Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого
Peter the Grete St. Petersburg State Polytechnic University

В статье рассматривается главный герой компьютерной игры как возможный пример для подражания для современных детей и молодёжи. Исследование проводилось на основании выборки из 100 игр в жанре «Action» с наивысшей оценкой на сайте-агрегаторе рецензий «Metacritic». В результате статьи автор приходит к выводу, что главные герои компьютерных игр не могут рассматриваться в качестве негативного примера, так как типичный главный герой компьютерной игры в жанре «Action» — это человек, который не занимается осуждаемой по умолчанию деятельностью. К действию его побуждают в основном благие, общественно одобряемые принципы и не прибегающий к чрезмерному насилию в качестве средства для решения стоящих перед ним задач. Также у него не наблюдается ярко выраженных зависимостей от алкоголя или наркотических веществ.

Ключевые слова: компьютерная игра, видеоигра, влияние, насилие, главный герой, жанр «Action».

The article considers the main character of a computer game as a possible role model for modern children and youth. The research was conducted on a sample of 100 Action games with the highest rating on the review aggregator site Metacritic. As a result of the article, the author concludes that the protagonists of computer games cannot be regarded as a negative example, since the typical protagonist of a computer game in the “Action” genre is a person who does not engage in activities condemned by default. He is motivated to act mainly by good, socially approved principles and not resorting to excessive violence to solve the problems facing him. Also, he does not have a pronounced alcohol or drug addiction.

Keywords: computer game, video game, influence, violence, the protagonist, the genre of action.

Игры составляют важную часть жизни современного общества, их нельзя назвать просто развлечением, они являются скорее носителем современной культуры [1]. Однако вопрос о том, какие именно смыслы они транслируют [2], остается открытым. Увлечение компьютерными играми с самого раннего возраста вызывает особенную настороженность исследователей [3]. По поводу влияния компьютерных игр на психику ребёнка ведутся профессиональные споры как среди специалистов, так и в обществе в целом. Точки зрения не совпадают, так как достаточно выступлений противников участия детей в компьютерных играх и повествующих об угрозе их психическому здоровью, и не меньше работ, отрицающих этот факт. [4; 5; 6].

Несмотря на эти противоречия остаётся очевидным то, что разум несовершеннолетнего человека уязвим для заразных радикальных идей, поскольку система образования ещё не успевает выполнить свою задачу по

формированию разносторонней, критически мыслящей личности. В силу этого дети и подростки склонны к идеализации образов и фанатизму [7]. Предметами обожания могут становиться не только реальные люди, но и вымышленные персонажи. Зачастую, при формировании подобной привязанности, игнорируются очевидные для стороннего наблюдателя недостатки идеализированного персонажа.

Наиболее частое обвинение, выдвигаемое в сторону компьютерных игр – открытая демонстрация насилия, и, зачастую, в качестве решения этой проблемы предлагают полный запрет видеоигр.

Целью статьи является составление портрет типичного главного героя компьютерной игры в жанре «Action», центром которого становится противостоянии героя некоторой агрессивной настроенной силе и, как следствие, сопутствующее насилие в различных формах.

В качестве базы исследования были выбраны сто игр в жанрах «Action» и сопряжённых ему, с наивысшим рейтингом на сайте-агрегаторе рецензий «Metacritic», выпускавшихся для персональных компьютеров и игровых консолей [8]. Анализ образов главных героев рассматриваемых игр производился по следующим категориям: видовая принадлежность, пол, род занятий, источник мотивации, наличие ярко выраженных зависимостей и склонность к чрезмерной жестокости.

В первую очередь определялась видовая принадлежность персонажа. В 77% случаев, например в сериях игр «Call of duty» и «Tom Clancy`s Splinter Cell», игровой персонаж оказывается человеком. Следом по величине доли в общем количестве идут разнообразные смертные мифический создания, от эльфа Линка из серии игр «The Legend of Zelda» до аморфных существ расы Гуу из «The World of Goo», с 17%. Далее с 7% от общей массы идут боги. Они представлены, в основном, Кратосом из серии «God of War». Замыкают список с долями по 2% процента животные, например антропоморфный медведь Банджо из «Banjo-Kazooie», и неопределённые существа, как путник из игры «Journey», видовую принадлежность которого нельзя опознать, так как он облачён в покрывающий его с головы до пят балахон. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев главный герой компьютерной игры – человек.

В контексте исследования пол персонажа имеет значение, так как одни и те же действия мужчины и женщины общество склонно оценивать по-разному. В 67% случаев главным героем будет мужчина, как в играх серии «Metal Gear». В 21% игр выбор пола игрового персонажа будет предоставлен игроку, например, такой выбор предоставляется в играх серии «Mass Effect», или же будет не определён, как в игре «LittleBigPlanet», в которой игрок управляет тряпичной куклой. В оставшихся 12% персонаж будет женского пола, один из ярких примеров – Элли из «The Last of Us: Part 2». Такое распределение связано главным образом с тем, что в рассмотренной выборке достаточно игр из серий старой формации, уходящих корнями в двадцатый век. Если раньше изначально в играх женщины чаще всего выступали чаще для создания мотивации для героя мужского пола, с каждым годом принцессы становились все более самостоятельными и стали перехватывать инициативу [9, с. 777]. Ярким примером игр, в которых женские персонажи занимают вторые роли и

задают мотивацию для главного героя, является классическая серия «Mario», где принцесса Пич, спасаемая непосредственно Марио, не предпринимает никаких активных действий для своего освобождения. В свою очередь, примером действующего женского персонажа является вышеупомянутая Элли. Она выживает в мире, в котором практически все человечество было поглощено контролирующим разум грибом кордицепсом, а остатки ведут постоянную борьбу за ресурсы. Элли вполне способна обеспечивать себя в таких сложных условиях, опираясь на свои боевые навыки, позволяющие ей противостоять врагам в открытом бою, либо атаковать скрытно, и умение создавать инструменты и оружие из подручных средств. Эти возможности были приобретены на личном опыте, что говорит о выдающейся силе воли и упрямом желании жить. Стоит также заметить, что Элли не нападает на настроенных нейтрально персонажей с целью извлечения выгоды. Очевидно, что подобный набор качеств присущ далеко не всем мужчинам, что в реальном мире часто воспринималось бы в штыки, так как женщин, несмотря на стремление к устранению гендерного неравенства, всё ещё принято считать женщин слабым полом.

Далее подобранные игры классифицировались по роду занятий главного героя. В 26% случаев главный герой оказывается профессиональным военным, спецгентом или полицейским, как в вышеупомянутых сериях «Call of Duty», «Tom Clancy`s Splinter Cell» и «Metal Gear». Возможность сыграть за мастера боевых искусств представится в 12% игр, таких как «Street Fighter» и «Tekken». Персонаж преступник будет играть главную роль в 11% игр, например, в известной серии игр «Grand Theft Auto». 10% героев будут представлять перед нами обывателями, которые проживают такую же жизнь, как и окружающие их персонажи, как Джо из «Viewtiful Joe». Главный герой, предыстория которого неизвестна, появится в 9% игр. Одним из таких является Стив, игровой персонаж «Minecraft». Водопроводчик Марио стал главным героем в 7% проанализированных проектов. Появляется он не только в одноименной серии игр, но и в файтинге «Super Smash Bros». Боги, исполняющие свои непосредственные обязанности, будут главными действующими лицами в 5% проектов, как, например, богиня солнца Аматаэрасу из игры «Okami». Далее с долями 3% от общего количества игр идут герои музыканты, например, из игры «Rock Band», охотники за сокровищами, главный из которых – Нейтан Дрейк из серии игр «Uncharted», а также охотник на чудовищ, такие, как ведьмак Геральт из одноименной игры. С вероятностью 2% главный герой будет колдуном, учёным, студентом или королевской особой, которые представлены в играх «Divinity Original Sin II», «Half-life», «Eternal Darkness. Sanity`s Requiem» и «Prince of Persia. Sands of Time», соответственно. Оставшиеся 3% поровну разделят между собой супергерой, в данном случае, Бэтмен из «Batman. Arkham City», партизан - Аликс Вэнс из «Half-life: Alyx», и подопытная Челл из игры «Portal 2». Из представленных занятий однозначно определяется как негативное только преступная деятельность. Персонажи с неизвестным родом занятий, а также представляющие Богов, охотников за сокровищами, колдунами, учёными или монархами, не могут быть охарактеризованы однозначно по этому признаку. Эта общность будет составлять 20% от общего

количества. Оставшиеся 69% героев на основании своего рода деятельности будут восприниматься скорее нейтрально или положительно.

Ещё большее значение для оценки действий главного героя имеет источник его мотивации, потому что, например, убийство, совершенное из соображений самообороны, расценивается иначе, чем умышленное. Наиболее распространённым источником мотивации главного героя будет служебный долг, он является таковым в 23%. Ярчайшей иллюстрацией этого случая является серия игр «Call of Duty». Источником мотивации для 18% героев станет любовь, как, например, в серии игр про водопроводчика Марио, в которой он раз за разом спасает принцессу Пич из лап дракона Боузера. В 10% случаев мотивацией главного героя будет желание жить. Оно движет персонажами серии «Resident Evil». С такой же вероятностью героя к действию побудит авантюризм. Так, заглавный персонаж игры «Diablo» решается исследовать древние катакомбы. Далее идут спортивный азарт, характерный для персонажей файтингов, например, «Virtua fighter», и месть, ставшая целью жизни, например, для Бога Войны Кратоса из серии «God of War». На них приходится по 7% от общего количества игр. Алчность - типичная мотивация преступника, например Клода из «Grand Theft Auto 3» станет мотивацией для 6% персонажей. С такой же вероятностью сподвигнет к действию главного героя чувство гражданского долга, как подтолкнуло к спасению мире Гордона Фримана из «Half-life». 2% главных героев будут действовать из соображений честолюбия, как Бит, художник граффити из игры «Jet Grind Radio», желающий господства своей группировки в городе. Столько же главных героев приведет в движение отверженность, которая, например, явилась причиной присоединения к бандитам Артура Моргана из «Red Dead Redemption 2». Ещё 2% героев будут руководствоваться дружбой, как дух Ори из игры «Ori and The Will of The Wisps», который предпринимает рискованное путешествие, чтобы найти своего друга. И ещё 2% персонажей поведёт вперёд призвание, это характерно для музыкантов из серии «Guitar Hero». Оставшиеся 2% персонажей будут действовать из-за бедности, как Франклин Клинтон из «Grand Theft Auto 5», или для освобождения от гнёта, как народ Гуу из «World of Goo». Очевидно, что в большем количестве случаев главный герой будет действовать по долгу службы или из общественно одобряемых соображений.

Дополнительным параметром для оценки поведения главного героя будет наличие или отсутствие у него выраженных наркотической или алкогольной зависимостей. Зависимость от наркотиков наблюдается только у 2% персонажей, например, Тревора Филлипса из «Grand Theft Auto 5». Алкогольная зависимости выражается уже у 6% героев, таких вышеупомянутый бандит Артур Морган. У 92% изученных персонажей зависимости не наблюдаются.

Также интерес представляет и склонность к чрезмерной жестокости. Такое расстройство поведения присутствует у 6% героев, главные из которых Бог Войны, Кратос, и наркоторговец Тревор Филлипс. Первый из них предстаёт перед игроком в процессе мщения за гибель его семьи, которую он сам убил по принуждению Ареса, бога войны в греческой мифологии, место которого главный герой занимает

впоследствии. Методы, которыми Кратос осуществляет соответствующими методам – его встречи с врагами редко обходятся без расчленения и надругательств над телами погибших, в соответствии с его мотивацией. Но стоит заметить, что главный герой полностью осознаёт ужас своих деяний и в конце основной сюжетной линии совершает самоубийство, так как сам не отличается от своих жертв. Второй из приведённых в пример персонажей является картинным социопатом, совершенно не придающим ценности человеческой жизни, рассматривая людей только как инструмент для достижения собственных целей, которые часто меняются на ходу. Для него не является событием убийство человека по средствам, например, сожжения или избиения. Источник подобных склонностей в рамках игры не раскрывается, но зато делается яркий акцент на преданности Филлипса друзьям и близким, защищать которых он готов ценой собственной жизни. В итоге можно сделать вывод, что у большинства главных героев не наблюдается отклонений от общепринятых норм поведения.

Таким образом, типичный главный герой компьютерной игры в жанре «Action» — это человек, который не занимается осуждаемой по умолчанию деятельностью. К действию его побуждают в основном благие, общественно одобряемые принципы и не прибегающий к чрезмерному насилию в качестве средства для решения стоящих перед ним задач. Также у него не наблюдается ярко выраженных зависимостей от алкоголя и наркотических веществ.

Помимо этого, поскольку игры являются коммерческим продуктом, к ним возможно применить принцип, сформулированный Джоном Мейнардом Кейнсом, согласно которому спрос порождает предложение. Тогда можно предположить, что в среде фанатов есть запрос на возможность ощутить себя в процессе игры личностью, попавшей в обстоятельства отличные от тех, в которых находится игрок. Если это истинно, то можно высказать предположение, что компьютерные игры скорее предоставляют шанс взглянуть на реальность под недоступным углом, чем возможность от неё убежать. Дальнейшее исследование проблемы воздействия компьютерных игр на людей можно продолжать уже в этом направлении.

В конце концов, в психологии компьютерных игр одним из ключевых моментов является вопрос о переносе игрового опыта в реальную жизнь [10]. И ответ на него остается всегда непосредственно за игроком, главное, чтобы он мог адекватно оценивать пользу и уместность игрового опыта в реальной жизни, вне зависимости от его возраста.

Литература:

1. Быльева Д.С., Лобатюк В.В. Игра в современном мире: социально-философский анализ // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 3. С. 16-27. DOI: 10.18721/JHSS.10302
2. Coeckelbergh M. When Machines Talk: A Brief Analysis of Some Relations between Technology and Language // Technology and Language. 2020. № 1(1). С. 28–33. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2020.01.05>

3. Быльева Д.С. Вторжение информационно-коммуникативных технологий в воспитание детей // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды IX Междунар. науч.-теор. конф. 26–27 октября 2017 г. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та. 2017. С.42-45.
4. Тазетдинова Ю. М. Теоретические предпосылки исследования особенностей агрессивного поведения у подростков-мальчиков с разным уровнем игровой компьютерной зависимости // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2018. № 3(19). С. 43-48.
5. Першина К. В. Анализ влияния компьютерных игр на агрессивное поведение подростков // Научный журнал. 2019. № 2(36). С. 43-47.
6. Батенова Ю.В. Компьютерная игра дошкольника и её психодиагностический потенциал // Вестник ЮУрГУ. №29. 2011. 12 с.
7. Ким В.В. Развитие критического мышления и профилактика фанатизма // Учёные записки Орловского государственного университета. №2(52). 2013. 77 с.
8. Best Action Games. Режим доступа: <https://www.metacritic.com/browse/games/genre/metacritic/action/all> (дата обращения 02.05.2021).
9. Роменская М.Г., Быльева Д.С., Изменение образа женского персонажа в видео играх// Четвертая промышленная революция: Реалии и современные вызовы. X Юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения: сборник материалов Международной научной конференции. 2018, 13-14 апреля 2018 г. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС. 2019. С. 777-780
10. Полутина Н.С. Психология компьютерной игры // Вестник Мордовского университета. №2. 2007. 85.

УДК 316.37

ББК 60.53

А.А. Попова, А.В. Ружейникова
 Anna Popova, Anna Ruzheynikova
 popovaaa@bmsu.ru
 ruzheynikovaav@student.bmsu.ru

Формирование идентичности в онлайн пространстве Formation of online identity

*Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
 Bauman Moscow State Technical University*

В статье рассматривается проблема сетевой идентичности в условиях цифровизации общества. Авторы исследуют механизмы её формирования в сети Интернет и факторы, влияющие на этот процесс. Анализируется развитие механизмов сетевого топос - структурирования и краудсорсинга, как способов проявления сетевой идентичности. Выдвигается гипотеза о появлении гибридной идентичности, которая включает не только реальный, видимый аспект пользователя, но и его представление в онлайн – пространстве.

Ключевые слова: идентичность, сетевая идентификация, сетевая коммуникация, медиатопос, проектирование идентичностей.

The article deals with the problem of network identity in the context of the digitalization of society. The authors investigate the mechanisms of its formation on the Internet and the factors influencing this process. The development of the mechanisms of network topos - structuring and crowdsourcing - as ways of manifesting network identity is analyzed. A hypothesis is put forward about the emergence of a hybrid identity, which includes not only the real, visible aspect of the user, but also his presentation in the online space.

Keywords: identity, network identification, network communication, mediatopos, identity design.

Уровень развития технологий современного общества сформировал новый тип взаимодействия - сетевую коммуникацию. По данным Левада-Центра и Mediascore [1], в онлайн пространстве пользователи находятся регулярно, так как объём разного вида мессенджеров, приложений, форумов, интернет-сообществ для общения растёт с геометрической прогрессией. Постоянное нахождение в онлайн пространстве приводит к тому, что пользователи приобретают онлайн-идентичность, которая отличается от обычной идентичности. Обычная идентичность – это некое свойство, исходящее из психики человека, представлять себе свою принадлежность к различным социальным группам, в то время как идентификация в онлайн пространстве начинается с заполнения некой анкеты. В своей работе по компьютерной терминологии А.Д. Дукенова [2] описала сетевую идентификацию, как набор способов, позволяющих приобрести данные о пользователе сети интернет из открытых источников. Человек заполняет информацию о себе, где указаны социально-демографические характеристики, его стиль жизни, предпочтения и так далее. Пользователь заполняет информацию, исходя из того, каким он хочет быть представлен для общества. Далее идентификация предполагает несколько ступеней. Во-первых, деятельность человека в сети: кого он добавляет в друзья, на кого подписывается, какие делает записи на странице и что он оценивает в сети. Вторым пунктом идет активность от других пользователей на странице этого человека.

Так в работах Славой Жижека [3] проблема становления идентичности в виртуальном пространстве анализируется с позиции того, идентичность заключена в генетике человека. В качестве аргумента он использует тот факт, что любая болезнь, за исключением случайных травм, содержит генетический компонент. Травма является универсальным условием, «с которого начинается процесс «становления человеком». Философ в качестве источника идентичности видит духовное превосходство, которое функционирует до тех пор, пока сохраняются гендерные различия.

Дж. Сулер [4] описывает феномен сетевой идентичности посредством «эффекта растормаживания». Характерный признак этой идентичности - размытость границ между «внутренним Я» и «Я-для других». Растормаживание не выявляет «истинное Я», а является сдвигом в сторону группы чувств и эмоций в пределах структуры, которая отличается от взаимосвязи факторов входящей личности. Согласно автору, концепция «истинного Я» носит условный характер, так как все грани являются одинаково подлинными.

Стоит отметить, что Д. Вайс [5] также занимается феноменом виртуальной идентичности. Опираясь на идеи Мида и Выготского, швейцарский философ трактует идентичность как результат деятельности с Другими. Киберпространство позволяет смоделировать две (и более) идентичности. Их создает один и тот же человек с особой системой ценностей и набором социальных конвенций. Но личности получаются разные. Автор приходит к выводу, что человек – тот, с кем себя ассоциирует. Согласно автору, спроектированные образы и полученные роли оставляют отпечаток на первичную идентичность.

Важно отметить, что Шерри Теркл, которая является профессором социальных исследований, также занимается вопросом виртуальной идентичности. По мнению психолога, пользователи создают сетевые идентичности, которые отличаются от их самих. Одной из особенностей виртуальной идентичности Теркл называет одновременность исполнения различных ролей. В реальной жизни человек играет множество ролей, однако в разное время, а виртуальная реальность предлагает возможность играть разные роли одновременно. Автор и пришла к выводу, что виртуальный образ оказывает влияние на реальную идентичность.

Обобщая проведенный анализ проблемы, можно сделать вывод, что концепт идентичность исследуется не в целом, а в частных проявлениях. При этом доминируют два взаимосвязанных направления в современных исследованиях: изучение постмодернистской идентичности вообще и сетевой (обусловленной компьютерными технологиями) – в частности. Исследователи идентичности, обусловленной влиянием компьютерных технологий, сходятся во мнении, что виртуальный образ оказывает влияние на реальную личность. Идеологи теории Постмодерна доказывают справедливость утверждения о множественности личности.

Важным фактором формирования сетевой идентичности является фактор «размытия» границ времени, места, традиций. Так И. Гофман [6] считает, что человек в сети может оценивать свое поведение со стороны зрителя, корректируя свои действия, чтобы угодить остальным пользователям, для получения большей отдачи. Таким образом, можно сказать, что личность намеренно репрезентует свое поведение, с целью создания определённого мнения о себе, формирования репутации, в то время как в реальной жизни это демонстрируется с помощью круга общения, посещаемых мест и пользование тех или иных вещей.

Для успешного создания виртуального образа, индивид пользуется социальной сетью. По сути, социальная сеть выступает в роли института, так как совпадает с признаками, выделенными М. Кастельсом [7]: структурность и организованность; возможность удовлетворения потребностей социума в различных вариантах коммуникации; возможность реализации различной социальной деятельности посредством сети Интернета; возможность образования социальных групп и организаций; обеспечение возможности управления социальными процессами. В качестве примера, иллюстрирующих данных феномен, рассмотрим разные социальные сети - *instagram/tiktok*. На первый взгляд, они похожи между собой: На этих платформах простая структура, они предназначены для обмена видеозаписями (а в *instagram* еще и фотографиями) с элементами социальной сети, позволяющее снимать фотографии/ видео, применять к ним фильтры, а также распространять их через свой сервис и ряд других социальных сетей, создавая ленту новостей. Люди, для удовлетворения своих потребностей, могут создавать посты (разговорные, развлекательные, обучающие), также просматривать чужие публикации, давая им оценку. Индивид в социальной сети, чаще всего, ищет то, что его интересует. Благодаря собственному контенту, творчеству других, он может найти единомышленников, с которыми в дальнейшем может общаться. Благодаря

собранным в месте по интересам людям, создаются маленькие социальные группы, которые в будущем могут перерасти в более крупные.

В социальных сетях есть возможность продвижения себя. Индивид может выкладывать публикации, в которых хочет развлечь аудиторию, разбавить ленту эстетическими постами или донести какую-то информацию. Если блогер обладает хорошей репутацией, имеет доверительные отношения с аудиторией, а за ними идет и хороший отклик, то он может распространять любую информацию в массы. Он может говорить о важных вещах, чтобы информация дошла до людей быстрее, призывать к действиям, что люди не сидели на месте и тому подобное. То есть он может управлять социальными процессами.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальная сеть сейчас – это глобальное социальное сообщество.

Виртуальные технологии изменили традиционное течение жизни и способы идентификации личности, например, появление селфи и технологии сторителлинга. В своей работе «Селфи: между демократизацией медиа и self-коммодификацией» [8] К. Мартынов определяет селфи как нарциссизм, но при этом же это является формой эмансипации потребности видеть звездные лица. Технология сторителлинга основана на передаче информации с помощью слов. Таким образом, эволюцию социальных сетей можно представить в виде оформления субъектом коммуникации своего права на открытость своих личных данных, то есть своей идентичности. Развитие социальных сетей, виртуальная идентичность, идентификация в социальных сетях стали двигателем для появления новых продуктов коммуникации. Таким образом, мы видим, что пространство сети Интернет оказывает влияние на формирование идентичности, то есть индивид приспосабливается к информационному окружающему миру. Киберпространство позволяет смоделировать две (и более) идентичности. Их создает один и тот же человек с особой системой ценностей и набором социальных норм. Но при этом личности получаются разные. Исследователи идентичности, обусловленной влиянием компьютерных технологий, сходятся во мнении, что виртуальный образ оказывает влияние на реальную личность. Пользователи создают сетевые идентичности, которые отличаются от их самих. Одна из особенностей виртуальной идентичности – это одновременность исполнения различных ролей. В реальной жизни человек играет множество ролей, но в разное время, а виртуальная реальность предлагает возможность играть разные роли одновременно.

Объединение онлайн-пространства в публичную сферу и его функциональность для воспроизводства традиционных и конструирования новых идентичностей обусловлены готовностью и открытостью к изменениям, и сетевым характером социальных коммуникаций (ориентация на интеграцию в сообщество разнообразных по своим ценностным ориентациям и статусам акторов, обеспечение сотрудничества между ними на основе выработки единого ценностно-нормативного комплекса).

Механизм сетевой коммуникации, основанный на технологических возможностях сети Интернет, является универсальным по результатам формирования

различных социальных групп в публичном пространстве. Они включают в себя конструирование посредством персональных онлайн аккаунтов для презентации авторов и продвижения на сетевых устройств; позиционирование в онлайн-пространстве посредством персональных аккаунтов на сетевых платформах традиционных идентичностей; создание сетевых «Мы-идентичностей» для их последующего продвижения в публичном онлайн-пространстве в виде новой формы групповых представлений и социального поведения; конструирование и позиционирование новых идентичностей в Интернете, носители которых ориентированы на активные социальные действия в публичной сфере.

Важно, что универсальный по своим характеристикам механизм сетевой коммуникации начинает работать на формирование конкретных идентичностей, исходя из целевых установок их носителей (в зависимости от того, на достижение какого результата они ориентированы, осуществляя сетевую коммуникацию) и их возможности использовать другие сетевые механизмы.

Механизмы сетевой коммуникации дают возможность личности через формирование себя в Интернет-пространстве как активного субъекта показывать свои идентичности и встраиваться на основе приоритетных идентификаций в позиционирование солидарных сообществ, тем самым осуществляя сетевую реконструкцию персональной идентичности. В этой связи сетевое развитие традиционных идентичностей связано с двумя обстоятельствами. С одной стороны, функционирование современных сетевых платформ стало основываться на жестком условии наполнения персональных аккаунтов достоверной идентифицирующей информацией, давая при этом технологические возможности для реализации сетевого общения, обмена информацией и одновременно ведения персональной страницы и блога. С другой стороны, успех индивидуальных и коллективных стратегий развития в современном обществе определен принципом: быть или не быть представленным в коммуникационной мультимедийной системе. То есть остаются и достигают успеха те, кто принимает сетевую логику.

Коммуникативная сетевая структура представляет различным социальным и политическим авторам возможность проектировать и демонстрировать новые идентичности, носители которых ориентированы на активные социальные действия в публичной сфере. Формирование такого рода идентичностей происходит благодаря сетевому топос-структурированию и публичному краудсорсингу, когда публичные пространства рождаются не только активными самоорганизующимися акторами, но и путем целенаправленного проектирования традиционными политическими институтами. Под топосом понимается «открытое множество практик и практических схем, связанное с некой социальной проблемой» или «местом коммуникации акторов». Сетевое топос-структурирование представляет собой публичное пространство, в котором практические схемы, практики, ресурсы акторов публичной политики и структур публичного управления внедряются в едином продуманном проекте решения конкретной локальной проблемы. В топосе идеи задают границы принимаемых решений. Зачастую топос объясняет возникновение сетей социальной

солидарности, которые показывают автономные гражданские действия, направленные на разрешение публичной проблемы. Например, сетевым топоструктурированием является движение «Блогер против мусора». Сформированное в блогерской среде сетевое сообщество, подняло вопрос на общественно значимую проблему уборки мусора и активизировало различные группы общественности на практическое решение проблемы в российских регионах. Только в 2013 г. в проекте приняло участие 80 субъектов РФ с общим числом участников более 50 тысяч человек. К решению данной проблемы присоединились губернаторы и представители местных властей. Информационными партнерами сетевого движения выступили «Йополис», «Москва24», «РИА Новости», «Росфото», «Livejournal», «Журдом», «Форсми», «Артмол», «Мир», а спонсорами стали такие крупные коммерческие компании, как «Эльдорадо», «Кока-Кола», «Билайн», «Связной».

Проектирование идентичностей всегда является процессом двух этапов, который включает в себя «заявку идентичности», которая конструируется индивидом/сообществом/институтом и «принятие конструируемой идентичности» окружающими группами. При совпадении «заявки» и «принятия» формы социальной идентичности становятся устойчивой. На ее основе формируются определенные гражданские действия в публичной сфере. Помимо механизма сетевого топоструктурирования проектирование и позиционирование такого рода идентичностей осуществляется в мировой практике с помощью публичного краудсорсинга. Краудсорсинг, в свою очередь, представляет собой целенаправленную деятельность социальных, экономических и политических акторов по использованию ресурсов граждан, организованных в онлайн-пространстве для коллективного создания и/или закрепления инноваций в различных сферах общественной. В этот момент источником инноваций становится коллективный разум индивидуальных акторов, которые осуществляют краудсорсинговую деятельность в организованных сетях.

Краудсорсинг уходит своими корнями в базовый эгалитарный принцип: каждый человек обладает знаниями и талантами, которые могут быть востребованы другими. В онлайн-пространстве краудсорсинговая деятельность предполагает формирование сетевых сообществ в виде общественных сетей, для использования «политику разнообразия» индивидуальных акторов сети для разработки и реализации коллективных идей или проектов.

В краудсорсинговых проектах на основе ситуативно-проблемной идентификации с другими гражданами в онлайн-пространстве формируются общественные сети для решения краудсорсинговых задач. Например, волна летних пожаров, охвативших большинство регионов России в 2010 г., показало, что в государстве не предусмотрена система менеджмента информации, которая позволила бы органам власти и гражданам своевременно принимать эффективные решения в условиях ЧС. Данную функцию взяли на себя социальные сети и блоггеры. Они не только предложили общественности свидетельства очевидцев, фотографии и видеоролики трагических событий и т.д., но и на их основе создали онлайн-проекты,

которое помогает координировать организацию гражданских инициатив по оказанию помощи пострадавшим. После обсуждения блоггерами возможности качественно и сразу оказывать помощь пострадавшим в августе 2010 г. была сформирована команда программистов, которые в кратчайшие сроки запустили сайт «Карта помощи». Данный ресурс позволяет информационно сопровождать и координировать деятельность волонтерских структур, организаций, которые не берут деньги за свою деятельность, и всех заинтересованных сторон в ликвидации пожаров и оказания помощи пострадавшим.

Механизмы сетевого топос-структурирования и публичного краудсорсинга, несмотря на формирование в большей степени ситуативно-проблемной идентичности, имеют высокий мобилизационный потенциал для актуализации деятельности сетевых сообществ как в виде гражданских инициатив и масштабных движений, где формируются новые устойчивые идентичности, так и приобрести протестный характер.

Получается, что осмысление научной проблематики трансформации традиционных социальных идентичностей и формирование новых идентичностей невозможно рассматривать вне социокультурного контекста развивающегося сетевого общества. Таким образом, осмысление научной проблематики трансформации традиционных социальных идентичностей и формирование новых невозможно рассматривать вне социокультурного контекста интенсивно развивающегося сетевого общества. Это позволяет говорить нам о том, что в сети Интернет можно двигать группами по средствам развития механизмов сетевого топос-структурирования и краудсорсинга. Они имеют высокий мобилизационный потенциал по привлечению людей к решению тех или иных проблем: актуализируют деятельности сетевых сообществ, где происходит использование творческих способностей, знаний и опыта на добровольных началах, протекают гражданские инициативы и масштабные движение, где формируются новые устойчивые идентичности и приобретает протестный характер с применением информационных технологий.

Суммируя вышесказанное можно говорить о том, что в информационном веке идентичности гораздо проще находиться в онлайн-обществе. Благодаря сети Интернет идентичность быстро ориентируется в пространстве и реагирует на появившуюся информацию. Во время движений в онлайн среде индивид понимает, что у него больше свободы действий. Тема идентичности в онлайн – пространстве остается актуальной и требует регулярного изучения, потому что само пространство находится в постоянном изменении. Идентичность в сети-Интернет отличается от идентичности в реальной жизни тем, что человек пытается показать ту версию другим индивидам, которой он хочет казаться, но и пространство оказывает влияние на формирование идентичности, то есть индивид приспосабливается к информационному окружающему миру. Важный момент заключается в том, что киберпространство позволяет смоделировать две (и более) идентичности. И в то же время в сети Интернет можно регулировать поведение групп по средствам развития

механизмов сетевого топос - структурирования и краудсорсинга. Они имеют высокий мобилизационный потенциал по привлечению людей к решению тех или иных проблем, благодаря ему люди могут находить себе единомышленников по интересам, собираться в небольшие группы, которые в дальнейшем могут перерасти в большие сообщества. Подобные сообщества служат не только для коммуникации, но и для помощи, разного рода предупреждений, созывов на общие сборы, то есть могут двигать индивидами.

Литература:

1. Медиаскоп: электронный научный Журнал: сайт – 2011 – URL: <http://www.mediascope.ru/node/838> (дата обращения: 11.07.2021)
2. Дукунова А.Д. (2014). Компьютерная терминология // Вестник Казахского Национального Педагогического Университета имени Абая. № 1. С. 53-58.
3. Zizek, S. No sex, please, we're post-human! / S. Zizek [Electronic resource] – 2012– Mode of access: <http://www.lacan.com/nosex.htm#top> (дата обращения 25.07.2021).
4. Suler, J. The Online Disinhibition Effect / J. Suler // CyberPsychology and Behavior. – Vol. 7 URL: – Mode of access : http://lacomunidad.elpais.com/blogfiles/apuntes-cientificos-desdeelmit/71994_Suler.pdf (дата обращения 11.07.2021).
5. Wise, Deborah L. Virtual Identity: How Virtual Worlds Affect Identity / Deborah L. Wise. // University of Colorado at Denver and Health Sciences Center [Electronic resource] – Mode of access : http://debwise.com/Matrix_2_files/wise_virtualidentity_presentation.pdf (дата обращения 13.07.2021).
6. Гофман И. (2000). Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле.
7. Кастельс М. «Информационная эпоха: экономика, общество, культура» М.: ГУ.ВШЭ.
8. Мартынов К.К. (2014). Селфи: между демократизацией медиа и self-коммодификацией // Логос. №4 (100). С. 73-87.

УДК 165.9

ББК 87.254.7

И.П. Березовская
Irina Berezovskaya
ipberezovskaya@mail.ru

Проблема развития критического мышления в информационном обществе
The problem of the development of critical thinking in the information society

Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого
Peter the Grete St. Petersburg State Polytechnic University

Статья посвящена проблеме рассмотрения истоков критического мышления. Выделены две традиции в исследовании критического мышления: метафизическая и формально-логическая. На периферии внимания современных междисциплинарных исследований в настоящий момент времени оказалась метафизическая традиция. Критическое мышление начинает рассматриваться как сумма навыков и умения мыслить рационально, однако развитие критического мышления не может осуществляться без развития содержательной деятельности мыслительного процесса.

Ключевые слова: критическое мышление, рефлексивное мышление, мыслительная активность, образовательные технологии.

The article is devoted to the problem of considering the origins of critical thinking. Two traditions in the study of critical thinking are highlighted: metaphysical and formal-logical. On the periphery of the attention of modern interdisciplinary research at the present time, there is a metaphysical tradition. Critical thinking begins to be viewed as the sum of skills and ability to think rationally, however, the development of critical thinking cannot be carried out without the development of meaningful activity of the thinking process.

Key words: critical thinking, reflective thinking, mental activity, educational technologies.

Внимание к критическому мышлению в настоящий момент вызвано самой информационной эпохой. В нем, в критическом мышлении предполагается сокрыт тот проводник, поможет современному человеку пробраться через зыбкие пески предрассудков, тернии непроверенных знаний и убеждений, а также справиться с потоком информации, обрушившейся на него в информационную эпоху. Наиболее полно проблемы развития критического мышления рассматриваются в современной американской критической дидактике. В работах Р. Энниса [1], Д. Мэмпэка [2], Р. Пола [3], Б. Файер-Бэкон, Д. Хэтчера отражены эволюция понятия «критическое мышление» в педагогике, его значимость для развития свободной, творческой личности, вопросы метода формирования качеств критического мышления. Начиная с 90-х годов прошлого века идея критического мышления начинает рассматриваться как одно из приоритетных направлений образовательных технологий XXI век. Каким образом и когда мышление перестало быть практикой философской мысли, а превратилось в мыслительную технологию?

«Категория, обозначающая процессуальность функционирования сознания (познавательную деятельность)» [4] - такое в современном философском словаре существует определение мышления. Представление о том, что мышление является особой познавательной активностью восходит еще к Анаксагору, который вводит понятие «нус» для обозначения начала, организующего порядок. Затем у Платона в Тимее нус определяется уже как демиургическое начало. Таким образом складывается традиция выделения мышления в особую субстанцию, получившая четкое субстанциальное определение у Декарта и модуса у Спинозы. В античной философской мысли на мышление не с метафизической, а с технической позиции обращает внимание Аристотель, осуществляющий формализацию мышления через нормировку и задание систем правил. Складывается традиция различения правильного и неправильного мышления, с определёнными нормами и правилами доказательств. В эту традицию вписываются идеи Г. Галилея, Ф. Бэкона, критика И. Канта, логики XIX-XX вв. Элементом мышления выступает мысль, которую Д. Дьюи, определил как «все, что приходит на ум, что «взбретет в голову» [5]. Дьюи высказывает идею рефлексивного мышления, указывая, что под рефлексией понимается «не простой ряд идей, но и их последовательность, такой последовательный порядок, чтобы каждая определяла последующую, как свое следствие и в то же время основывалась на предыдущей. Последовательные части рефлексивного мышления вырастают друг из друга; они приходят и уходят, не смешиваясь» [6]. В начале XX века у Д. Дьюи появляется идея «критического рационализма», который означает осознание собственной деятельности, а вслед за

ней и идея «критического мышления». С 80-х годов XX века развитие критического мышления становится одной из важных задач образовательных технологий и проблема критического мышления следуя традиции различения правильного и неправильного мышления получает свое развитие в междисциплинарных исследованиях. Так, у Р. Пола [7], различающего слабое и сильное критическое мышление, исследование мыслительной активности движется на пересечении этики и психологии образования. Рассуждая о критическом мышлении Пол указывает, что есть мышление, имеющее эгоистическую мотивацию и мышление, направленное на достижение истины. Рассматривая историю становления проблемы критического мышления Р.Пол указывает, что в исследованиях 70-80-х годов практически ставился знак равенства между критическим и рациональным мышлением, так, например, Х. Гарднер пишет, что критическое мышление - это мышление, основывающееся на тщательной оценке предположений и фактов. В 90-е годы критическое мышления становится предметом психолого-педагогических исследований. И тогда критическое мышление начинает рассматриваться как сумма навыков и умения мыслить рационально и начинают разрабатываться программы критического мышления. Так, педагог Э. Глассер разработал программу критического мышления, включающую тесты на проверку умений рассуждать. И в «Психология критического мышления» Д.Халперн [8] определяет критическое мышление в своей как логическое мышление, которое использует такие когнитивные навыки и стратегии, которые увеличивают вероятность получения желательного результата.

Таким образом, метафизическая традиция с ее акцентом на содержательную составляющую мыслительной деятельности оказалась на периферии внимания современных междисциплинарных исследований. Программы обучения критическому мышлению, оставляя традицию выделения мышления в особую субстанцию, и содержательную составляющую мыслительной деятельности, ориентированы на формально-логическую структуру мыслительной активности.

Литература:

1. Ennis R. H. Critical Thinking Assessment / Fasko D. Critical Thinking and Reasoning: Current Research, Theory, and Practice. Hampton Press, 2003. ISBN 978-1572734609
2. McPeck J. Critical Thinking and Education. New York: St. Martin,s Press, 1981,4.
3. Paul R. Critical Thinking: What Every Person Needs to Survive in a Rapidly Changing World. Rohnert Park, Calif.: Center for Critical Thinking and Moral Critique, 1990.
4. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. - Мн.: Книжный Дом. 2003.
5. Х. Арендт. О политической философии Канта: курс лекций <https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/8cd/ajpzxotaywvr.pdf>.
6. Дж. Дьюи. Психология и педагогика мышления. М. 1909. С.1.
7. Paul R. Critical Thinking: How to Prepare Students for a Rapidly Changing World. — 4th ed. — Foundation for Critical Thinking, 1995.— ISBN 0-944583-09-1.
8. Халперн Д. Психология критического мышления. — СПб.: Питер, 2000. — 512с.— с.22.— ISBN 5-314-00122-5, ISBN 0-8058-0295-9

Технологии определения лжи: новый этап **Lie Detection Technologies: A New Stage**

Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University

Разнообразные физиологические показатели, отражающие состояние человека, сегодня становятся данными для оценки. Как внешне считываемые данные (о размере зрачка, голосе, микровыражениях), так и нейро и биофидбек (кардиограмма, энцефалограмма, параметры дыхания, электрического сопротивления кожи и др.) могут использоваться для выявления лжи, а также для определения широкого круга психологических состояний. Особенностью современного этапа выявления лжи является использования искусственного интеллекта для сравнения данных и получения выводов, вокруг релевантности и законности которых ведутся споры.

Ключевые слова: детектор лжи, полиграф, искусственный интеллект, ложь, ИИ.

Various physiological indicators reflecting the human state are becoming data for an assessment today. Both externally readable data (about pupil size, voice, microexpressions), as well as neuro and biofeedback (cardiogram, encephalogram, respiration parameters, electrical resistance of the skin, etc.) can be used to detect lies, as well as to determine a wide range of psychological conditions. A feature of the modern stage of detecting lies is the use of artificial intelligence to compare data and draw conclusions. There is dispute around the relevance and legitimacy of this technology.

Keywords: lie detector, polygraph, artificial intelligence, lie, AI.

Сегодня растут возможности использования цифровых технологий во всех сферах [1]–[6]. Искусственный интеллект применяется для анализа данных любого типа, в том числе отражающих биологические реакции человека. Одним из применений подобных технологий является определение лжи.

Интерес к проблеме определения того, правду или ложь говорит человек, существовал с древних времён. И уже тогда вожди и старейшины подчас определяли обманывающего, так или иначе оценивая его физиологическое состояние (заставляя держать во рту рис, в руках легко разбивающиеся предметы, совершать размеренные движения т.д.)

Детектор лжи (полиграф) положил начало количественной оценке физиологических параметров (сердцебиения, параметров дыхания, электрического сопротивления кожи и др.) для выяснения ложь или правду говорит человек. В тоже время данная технология подвергалась критике, так как количественная оценка физиологических параметров позволяет сделать выводы о наличии каких-либо эмоциональных состояний и реакций, но не о самом факте лжи. Интерпретация данных как выявляющих ложь ложилась на плечи специально обученного специалиста, который делал выводы о лжи по реакции на предлагаемый стимул (вербальный, визуальный или другой), которая сравнивалась с обычным протеканием физиологических процессов. Данные выводы в ряде стран могут использоваться в

ходе раскрытия преступлений. Современный полиграф представляет собой компьютер, оснащенный регистрирующими датчиками и сенсорным блоком.

Новый этап выявления лжи связан с развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ), которая должна оценивать физиологические параметры и делать выводы о лжи. Сегодня научные разработки ведутся в разных направлениях, концентрируясь на конкретных областях, где нужно выявлять ложь. Это могут быть очки (наподобие очков виртуальной реальности), чьей целью является оценка честности окружающих в режиме реального времени. Для полиции разработаны ИИ, выявляющие ложь с помощью анализа зрачка, движения лицевых мышц и голоса и др. параметров. Для таможенной службы были адаптированы разработки Silent Talker (один из первых детекторов лжи на основе ИИ), претендующие на способность определения обмана на основе микровыражений лица. Последняя технология получила крупное финансирование в Европейском союзе и широко тестировалась на границах Венгрии, Латвии и Греции, что вызвало широкий общественный резонанс и дебаты как по поводу легитимности использования подобных технологий в отношении широкого круга лиц, так об отсутствии доказанной эффективности использования ИИ для выявления лжи. Хотя существуют данные о высоком уровне достоверности определения лжи, (так Д. Вот указывает на 87% точность классификации интервью как правдивых или ложных и более 70% точности классификации периодов обмана [7]), Л.П. Юп и Д.А. Китли утверждают, что ИИ не может раскрыть субъективный смысл и нюансы, касающиеся разных людей и ситуаций, эмоциональные выражения являются идиосинкразическими, оценка микровыражений может приводить только к неточным вводам, и ее использование в контексте безопасности имеет потенциально опасные последствия [8].

Способность ИИ анализировать большой объем информации и выявлять закономерности, наводит на мысль, что он способен вывить параметры свидетельствующие о лжи и в итоге отделить правду и ложь по набору вербальных и визуальных признаков. Но Н.Гиансиракуза пишет, что даже использование ИИ для анализа лжи на видео породит не меньше фейковой информации, чем раскроет [9].

Сегодня все в большей степени используются разнообразные технологии цифровой оценки физиологических реакций людей чаще всего с применением искусственного интеллекта. Наиболее широкое применение получают технологии распознавания эмоциональной реакции при использовании услуг, сервисов и т.п. Более сложные технологии, нейро и биофидбек девайсы в виде пояса, браслета или т.п. позволяют анализировать психофизиологическое состояние людей. Датчики собирают данные о положении тела и мимике, перемещении глаз, физической активности, электроэнцефалограмме мозга, проводимости кожи, кардиограмме, частоте пульса, электромиограмме, температуре, фотоплетизмограмме и другие. Совокупность данных о вариабельности сердечного ритма, гальваника. реакции кожи и электромиографические сигналы переводятся в показатели уровня психического напряжения и эмоциональной позитивности и связывает их с душевным состоянием [10, р. 208]. Интерфейс позволяет увидеть изменения в переменных психологического

состояния в виде графиков. Подобные сложные системы отслеживания физических реакций позволяют делать выводы о состоянии человека в гораздо более широком диапазоне, чем определение лжи и правды. Сегодня аналитические системы нейро и биофидбека уже используются, например, в образовании для отслеживания внимания [11, 12], улучшения обучения [13, 14].

Использование искусственного интеллекта для анализа физиологических показателей людей представляет собой новый этап развития технологий для определения лжи, так как интерпретация результатов уже также производится не человеком. Подобные технологии позволяют проводить массовую оценку, однако ее достоверность остается под вопросом, ибо не существует достоверно демонстрирующих только ложь физиологических реакций, характерных для всех людей. В тоже время использование нейро и биофидбека в качестве аналитических данных позволяет оценивать психологические состояния людей, что говорит о более широких возможностях, чем определение лжи.

Литература:

1. Евсеева Л.И., Тимофеева Е.П., Шипунова О.Д. Сетевая политическая коммуникация в модернизации публичной сферы // Технологии PR и рекламы в современном обществе. 2020. С. 151–156.
2. Москаленко Д.О., Башкарев А.А. Цифровое государство как агент PR-коммуникации // Технологии PR и рекламы в современном обществе. Инженеры смыслов: трансформация компетенций и мировые вызовы коммуникационной отрасли. СПб: Политех-пресс, 2021. С. 289–293.
3. Танова А.Г., Евсеева Л.И. Интернет-коммуникации как инструмент модернизации практики политического диалога // Технологии PR и рекламы в современном обществе. инженеры смыслов: Трансформация компетенций и мировые вызовы коммуникационной отрасли. СПб: Политех-пресс, 2021. С. 398–403.
4. Беляева И.Г., Самородова Е.А., Огородов М.К. Возможности применения электронных генераторов идей и учебных листов при обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2021. (6). С. 49–52.
5. Mokhorov D., Mokhorova A. Sign Systems and Technologies in Forensic Science // Technology and Language. 2021. № 2(2). P. 1–7. DOI:<https://doi.org/10.48417/technolang.2021.02.01>.
6. Pokrovskaja N.N., Tyulin A.T. Psychological Features of the Regulative Mechanisms Emerging in the Digital Space // Technology and Language. 2021. № 2(2). P. 106–125. DOI:<https://doi.org/10.48417/technolang.2021.02.11>.
7. Voth D. Face recognition technology // IEEE Intelligent Systems. 2003. № 3(18). С. 4–7. DOI:[10.1109/MIS.2003.1200719](https://doi.org/10.1109/MIS.2003.1200719).
8. Jupe L.M., Keatley D.A. Airport artificial intelligence can detect deception: or am i lying? // Security Journal. 2020. № 4(33). С. 622–635. DOI:[10.1057/s41284-019-00204-7](https://doi.org/10.1057/s41284-019-00204-7).
9. Giansiracusa N. Prevarication and the Polygraph // How Algorithms Create and Prevent Fake News. Berkeley, CA: Apress, 2021. С. 99–118.
10. Sánchez Barragán M., Solarte Moncayo L.A., Chanchí Golondrino G.E. Proposal of an Open Hardware-Software System for the Recognition of Emotions from Physiological Variables 2019. С. 199–213.
11. Wei C.C., Ma M.Y. Influences of visual attention and reading time on children and adults // Reading & Writing Quarterly. 2017. № 2(33). С. 97–108.
12. Chen C.-M., Lin Y.-J. Effects of different text display types on reading comprehension, sustained attention and cognitive load in mobile reading contexts // Interactive Learning Environments. 2016. № 3(24). С. 553–571. DOI:[10.1080/10494820.2014.891526](https://doi.org/10.1080/10494820.2014.891526).
13. Vitasari P., Wahab M.N.A., Othman A., Awang M.G. The effectiveness of biofeedback training among university students // 2009 IEEE Student Conference on Research and Development (SCORED). 2009. С. 551–554. DOI:[10.1109/SCORED.2009.5442939](https://doi.org/10.1109/SCORED.2009.5442939).
14. Piskun O.E., Ababkova M.Y., Leontyeva V.L. Biological feedback method to facilitate academic progress. // Теория и Практика Физической Культуры. 2018. (10). С. 44–47.

Смысловые фокусы текста. Коммуникативный смысл
Semantic focuses of a text. Communicative sense

Институт языкознания РАН
Institute of Linguistics RAS

В качестве коммуникативного субъекта текст всегда кому-либо адресован. Он не только воссоздает бытие, но и адресует другим. Отношения с читателем создают возможную фокусировку текстового смысла: языковой код, литературный стиль, указатели специализации и ролевые функции самого текста в отношении читателей. Адресованный смысл есть смысл коммуникативный, паралогический по языковым характеристикам и собирающий вокруг себя единомышленников, понимающих друг друга в культуре собеседников.

Ключевые слова: смысл; текст; адресат; понимание; паралогика; тактики речевого воздействия; диалог.

As a communicative subject, the text is always addressed to someone. It does not simply recreate being, but also addresses it to others. The relationship with the reader creates a possible focus of text sense: language code, literary style, signs of specialization, and the role functions of the text itself in relation to readers. The addressed sense is a communicative sense, paralogical in its linguistic characteristics, which gathers like-minded people around itself, who understand each other in the culture of interlocutors.

Keywords: sense; text; addressee; comprehension; paralogics; speech impact tactics; dialog.

Жизнь текста протекает в межсубъектном пространстве читателей. В диалоге «Читатель – Текст – Читатель» человек освобождается от представления, что только он есть мера понимания текста. По утверждению Ю. Лотмана, «текст, с одной стороны, уподобляясь культурному макрокосму, становится значительнее самого себя и приобретает черты модели культуры, а с другой, он имеет тенденцию осуществлять самостоятельное поведение, уподобляясь автономной личности» [1, с.161].

Вторая аксиома коммуникации гласит, что коммуникативный акт включает содержательный аспект и аспект отношений, причем последний систематизирует первый и, следовательно, является метакоммуникацией [2]. Описательный аспект передает информацию и выступает синонимом содержания сообщения. Побудительный – касается характеристики этой информация и того, как ее следует воспринимать. Поэтому относится к взаимоотношениям между коммуникантами. За эти отношения идет борьба, в которой содержательный аспект подчас отходит в тень.

Тактики речевого воздействия. Несмотря на многообразие конкретных речевых тактик, их можно соотнести с одним из двух типов: прямых или косвенных тактик речевого воздействия.

Прямая тактика воздействия предполагает вертикальную модель речевого взаимодействия. В условиях этой модели адресату предлагается усвоить содержание и действовать в соответствии с ним. Критическое отношение к сообщению исключается. Сформулированное «прямо» можно либо принять, либо отвергнуть. «Простые», стандартные формулировки обязывают к вассальному восприятию.

Напротив, косвенная тактика речевого взаимодействия предлагает читателю некоторую загадку, разгадав которую, он получит не только представление о содержании сообщения, но и поймет, по какой причине сообщение строится непрямо. «Косвенная тактика речевого воздействия есть тактика интригующая, тактика, «задействующая» личностные характеристики слушателя, тактика, включающая слушателя в сообщение. <...> Косвенная тактика отнюдь не обязательно ведет слушателя только и исключительно к одной единственной цели. Более того, цель эта, будучи «прочтенной», может вообще не поддаваться строгому формулированию» [3, с.159-160]. Зато предполагает понимание – смысловое раскрытие высказывания.

Смыслы текста. Коммуникативный смысл. В повседневной речи и в философии говорят о смысле жизни, о смысле поступка, о здравом смысле и др. Очевидно, что в этих выражениях слово «смысл» употребляется для обозначения различных понятий. Нами смысл определяется как речевое оформление функции содержания в контексте коммуникативной ситуации. Иначе, это целевая составляющая содержания текста, которая включает его в контекст взаимоотношений с иными компонентами коммуникативной ситуации. Смысл, в качестве функции – феномен не дискретный, а потому возможны его нюансы, оттенки, вариации понимания [4].

Текст, как знаковое образование, объединяет три пространства: коммуникативное, мыслительное и бытийное. В каждом из этих пространств может фокусироваться смысл текста. Отсюда появляется возможность трех способов понимания: предметного или буквального, понятийного или типологического и паралогического или коммуникативного.

Создатель текста, чтобы добиться адекватного понимания, выбирает не только жанр, относительно которого предлагает рассматривать произведение, но присягает на верность принятым в нем нормам речевого поведения, в том числе, учет получателя сообщения. Ориентация на «потребителя» текста снимает барьеры непонимания.

Смысловая модель текста, как стрелочный перевод, направляет понимающего на пути в сферы смысловой фокусировки текста. Если адресата занимает предмет, то понимающий попадает в сферу изобразительных знаний об образе мира. Если «логика» – то в сферу сюжетов, как логических, так и повествовательных. Если способ воздействия – то в сферу фигуративных практик паралогики.

Литература:

1. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста// Лотман, Юрий Михайлович. История и типология русской культуры / Ю.М. Лотман. - Искусство-СПб, 2002. – 768 с.
2. Pragmatics of Human Communication. A Study of Interactional Patterns, Pathologies and Paradoxes. By Paul Watzlawick, Janet Helmick Beavin and Don D. Jackson London: Faber and Faber. 1968. Pp. 296. Published online by Cambridge University Press: 29 January 2018.
3. Ключев, Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. – М.: «Издательство ПРИОР», 2001. – 272 с.
4. Никитина, Е. С. Смысловый анализ текста. Психосемиотический подход/Е.С.Никитина.– М.: ЛЕНАНД, 2016. –200 с.

Анализ либертарианских мемов Analysis of Libertarian memes

*Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого
Peter the Great St. Petersburg State Polytechnic University*

В данной статье был проведен анализ либертарианских мемов из интернета, в частности, из групп социальной сети ВКонтакте, чтобы установить, как либертарианцы развивают и распространяют свое движение в рамках интернета. Установлено, что для вовлечения людей, они используют разный стиль мемов и текста, делают мемы с оглядкой на современные события, тем самым показывая современность движения. Также, либертарианцы не игнорируют проблемы своей идеологии, более того, они их открыто выставляют, подвергают самокритике и рассуждают над способами их решения.

Ключевые слова: мемы, интернет, либертарианство, анархо-капитализм, капитализм, рынок, политика.

This article analyzes libertarian memes from the Internet, in particular, from groups of the social network VKontakte, in order to establish how libertarians develop and spread their movement within the Internet. It is established that to engage people, they use different styles of memes and text, make memes with an eye on modern events, thereby showing the modernity of the movement. Also, libertarians do not ignore the problems of their ideology, moreover, they openly expose them, subject them to self-criticism and discuss ways to solve them.

Keywords: memes, Internet, libertarianism, anarcho-capitalism, capitalism, market, politics.

Рыночный механизм функционирования экономики является доминирующим в современном мире, он всегда выступает в определенной социальной форме и конфигурации, он может принимать форму рынка «с человеческим лицом», а может, наоборот, продуцировать нечеловеческие отношения и социальные катаклизмы [1, p. 164]. К условиям самого капитализма приспосабливается и анархизм – наиболее радикальный, казалось бы, “противник” рыночных отношений. Среди анархистов в последние несколько десятков лет наиболее сильные дискуссии вызывает такая неортодоксальная концепция, как анархо-капитализм. Теория возникла в 1960-е гг. в рамках политэкономической философии либертарианства, представляющего собой своеобразный “ультралиберализм” [2-3]. Можно резюмировать, что неолиберализм трансформировался к сегодняшнему времени, сохраняя свои основные социальные признаки, но придавая особое значение вопросом интереса: личного, социального, корпоративного и т.п. Таким образом, это позиция жёсткого рационализма и эгоцентризма [4].

Информационно-коммуникативные технологии изменили не только привычные формы коммуникации, но форму политической агитации [5, 6] Социальные сети способы является прекрасным контекстом и почвой для формирования политических идентичностей, как стихийного – через получение информации и формирование

позиции, так и целенаправленного [7]. Таким образом, интернет стал площадкой для политического активизма, в частности, для либертарианцев. И это не удивительно, ведь интернет как нельзя кстати подходит для этого течения [8]. Данная статья посвящена анализу мемов последователей либертарианства. Ведь либертарианство все больше набирает популярность как в мире, так и в нашей стране. Всё большее количество молодежи интересуется политикой и, в частности рассматриваемой идеологией. И это не удивительно, потому как события в нашей стране этому способствуют [9].

Метод исследования: анализ и исследование Интернет-пространства, а именно 100 мемов о либертарианстве и вещами, связанных с ним, выборка проводилась с февраля по май в группах, связанных с либертарианством, социальной сети ВКонтакте. Были использованы лингвистический, семиотический и коммуникативный подходы в анализе мемов, а также нетнология как метод анализа коммуникации в интернете.

В ходе анализа того, о чем идет речь в меме, было выявлено, что 12% мемов посвящены рынку и конкуренции. При этом, большинство примеров подмечают, к чему такая конкуренция при анархо-капитализме может привести. Как в меме, в котором подмечается, что “при анкапе у корпорации будут лучше ассасины, которые прошли через жесточайшую конкуренцию рынка и могут без следов устранить неудобного”. Данная мысль персонажа мема сильно обескураживает. 23% мемов связаны с тем, что либертарианство приведет к фашизму и диктатуре. К примеру, это показывается в меме, сделанном в виде вырезки из мультфильма “Рик и Морти”. В этом меме Рик, в виде либертарианца, предлагает Морти, в виде коммуниста, зайти в портал, после чего из либертарианца Рик превращается в фашиста, а Морти наоборот в либертарианца (рис. 1).

15% мемов затрагивают непосредственно проблемы идей либертарианства. Чаще всего эта критика подается иронически, тем не менее заставляет задуматься над этими проблемами. Самая затрагиваемая тема – тема судов, ибо даже идеологи этого движения не уверены, как суды должны работать без государства. Так, в одном из мемов, “двуликий”, из фильмов про Бэтмена, не видит никакой проблемы в работе судов при анкапе, предлагая решать все суды своим методом – броском монеты. 14% мемов о случаях в жизни, связанных с идеями либертарианством. Чаще всего это забавные случаи, полностью соотносящиеся с мировоззрением либертарианцев. Например, случай – мужчина из Бразилии живет в песочном замке, чтобы не платить налоги. 6% мемов о том, что присуще либертарианству и анархо-капитализму. Чаще всего такие мемы - сравнение с другими идеологиями. Тем самым либертарианцы показывают отличия своей идеологии от других. Например, в одном из мемов приводится сравнение анархо-капитализма и анархо-коммунизма, и если у анархо-коммунистов для фашистов “приготовлена веревка”, то у анархо-капиталистов “приготовлена свобода слова”. 12% мемов посвящены противостоянию либертарианцев и государства.

Рис. 1 – Либертарианство и фашизм

Либертарианцы категорически не хотят мириться с государственностью и поэтому такие мемы чаще всего высмеивают государство и все его действия. Такое происходит, например, в меме, в котором человек искренне удивляется, что для его личной машины почему-то необходимо водительское удостоверение государственного образца. Продолжая свое возмущение он произносит: “Что дальше? Заставите меня оформлять гослицензию на пользование моим же собственным тостером?”. 4% мемов о том, что анархо-капитализм никогда не существовал и не будет осуществлен. Либертарианцы, конечно, не отрицают этого, более того, они подвергают это самоиронии. Как, к примеру, в меме, в котором приведена статистика жертв политических репрессий: при социализме “около 100 миллионов человек в СССР, Кубе, Китае, Камбодже и множестве других африканских стран”, при фашизме: “8 смертных приговоров, подписанных лично Бенито Муссолини”, а при анархо-капитализме: “0 человек за всю историю человечества”. 14% всех мемов о том, что анархо-капиталисты – полные эгоисты. При этом, нередко идет отсылка на личность Макса Штирнера и на то, что главное для либертарианца – выгода. Такое происходит в меме, где какой-то человек навесил замок на чужой почтовый ящик. На слова, что ящик не его, он отвечает: “Теперь мой”.

Дальше, в ходе анализа того, как построен юмор в меме, было выяснено, что юмор в большей части мемов (69%) построен на иронии, при этом, ирония часто направлена на собственную идеологию. 17% всех мемов построены на высмеивании.

Высмеиванию могут подвергаться как либертарианство и его идеи, так и другие политические движения и их идеи. 8% мемов построены на противопоставлении. Нередко, таким образом, автор мема хочет показать преимущество либертарианства и свободного рынка. Противопоставляется, конечно же, либертарианство и другая идеология, отличная от либертарианства, например, коммунистическая. И 6% построены по принципу ‘Ожидание и реальность’. Такой принцип используется в меме, в котором приятели решили “поиграть в анкап”. Было ожидание, что это приведет к честной конкуренции, однако, случилось так, что это привело к насилию и доминации самого сильного.

В ходе анализа текста мема, было выяснено, что текст в почти половине мемов (47%) используется для описания ситуации мема. По большому счету, использование текста в таких мемах этим и ограничивается. В 27% мемах текст используется в виде диалога двух персонажей. Такой диалог происходит в одном из мемов с идеологом либертарианства. На слова, что “Частью либертарианства является минархизм, а не монархизм” Ганс отвечает: “Боже, царя храни!” (рис. 2).

Рис. 2 – Использование текста в виде диалога

В 17% мемов текст – это мысли персонажа мема. Часто персонаж – это идеолог либертарианства, пытающийся решить проблемы этой идеологии. Например, проблему дорог. В одном из таких мемов, идеолог отмечает, что “Самые первые дороги были построены римлянами, чтобы быстро перебрасывать войска по всей стране для ведения войн. Так как анкап прямо запрещает агрессию, насилие и наступательные войны, он может легко обойтись без дорог”. И в 9% мемов не имеется текста. Чаще всего это просто забавная картинка из жизни, связанная косвенно с либертарианством. Как, например, замечание, что часть флага Российской Империи напоминает флаг либертарианства.

После анализа по тому, какой контекст времени мема, было выяснено, что 60% мемов не имеют временного контекста. Однако же, некоторые мемы (18%) связаны с недавними событиями в нашей стране. Например, с митингами. В одном из таких мемов, полицейский предлагает “Trade offer”: “Ты отдаешь часть своего дохода”, а ты

“получаешь 30 суток”. 16% мемов связано с событиями за рубежом. Яркий пример – выборы в США 2020-ого и попытка Трампа оспорить свое поражение на выборах. В одном из таких мемов Трамп приходит в “частный консервативный суд”, в котором “берет две апелляции к Мичигану, одну большую апелляцию к Неваде, апелляцию к Пенсильвании с сыром, один ордер на арест Джо Байден и большую содовую”. И 6% всех мемов связано какими-то с историческими событиями. Чаще всего – это события 20-ого века. Например, замечание, что “Все современные государства находятся в состоянии анархии, поскольку их не контролирует никакое всемирное правительство. Это значит, что Нюренбергский процесс на самом деле был судом при анкапе”.

В ходе анализа мемов по персонажу, было выявлено, что 24% мемов не имеют какого-то конкретного персонажа. Однако в 21% мемов персонаж – это Ржумен-анкап. Появился этот персонаж, как эволюция персонажа из таких комиксов, как “countryballs”, в котором также присутствовали страны и идеологии в виде шариков с флагами. Встречается этот персонаж почти всегда, когда необходимо показать либертарианца. К примеру, в меме, где на кроссворд “человек, бескорыстно заботящийся о благе других. Девять букв” коммунист отвечает “альтруист”, а либертарианец – “дегенерат” (рис. 3).

ЧЕЛОВЕК, БЕСКОРЫСТНО ЗАБОТЯЩИЙСЯ О БЛАГЕ ДРУГИХ. ДЕВЯТЬ БУКВ.

Рис. 3 – Ржумен-анкап

В 15% мемов персонажем является стандартный персонаж мемов, часто используемый в других мемах и не связанный с либертаринством. Например, лягушка Пепа, стилизованная под либертарианца и так и норовящая из либертарианца сделаться фашистским диктатором. И также в 15% мемов персонаж – это какой-то персонаж Wojak, которые стали популярны относительно недавно. Используются они также, как и в остальных мемах, только часто их переделывают под нужную стилистику, в данном случае, стилистику либертарианства. Например, для описания положения либертарианцев в США и в Британии: если в США разрешено ношение оружия, его продажа, а это право полностью защищено конституцией, то в Британии даже нож для масла нельзя свободно носить. Ситуация, конечно, гиперболизированная, однако дает понять о степени свобод в обеих странах.

Персонаж в 7% мемов – это герой сериала или фильма, при этом часто встречается главный герой сериала “Во все тяжкие”. Изображает он в меме разочарование, например, в свободном рынке и свободе слова, когда либертарианец, защищая все идеи своего движения, внезапно осознает, что рынок дает процветать всякого рода горе-рэперам. В 6% мемах персонажем выступает Михаил Светов, ставший лицом движения либертарианцев в России. Мемы с ним чаще всего – это попытка ответить на вопрос, как же все-таки будут работать суды. Ответы чаще всего – абсурдные. Также в 6% мемов персонаж – это какой-то идеолог Либертарианства. Например, Хоппе, либертарианский философ, желающий полной свободы рынка в отсутствии государства. Однако это приводит его к полной диктатуре и фашизму. Что интересно, в 3% мемах персонаж это – Макс Штирнер, идеолог анархо-индивидуализма. Мемы с ним – это яркие примеры эгоизма. Примером может послужить мем, в котором Штирнер отмечает: “Когда государство крадет и обманывает, все закрывают на это глаза. Но когда я сп*здил тележку в супермаркете, меня поймали и арестовали. Это многое говорит о нашем обществе”. И, наконец, в 3% мемов персонаж – это всеми известная собака Doge. Применяется она, чтобы показать смятение. Например, при в виде биографии польского либертарианца, который, как оказалось, всю свою жизнь был расистом, сексистом, антисемитом и этот список продолжается и продолжается...

После проведения анализа по тому, как мем сделан, было выявлено, что 33% мемов - креализованные. Например, таким образом сделан мем, когда нерадивый студент на экзамене по экономике на один из вопросов ответил “Рыночек порешает”. Такой ответ преподавателя не устроил, и студент был отправлен на пересдачу. Однако нередко (22%) мемы сделаны в виде авторской зарисовки. Как, например, этот мем, в котором описывается обычная ситуация на сегодняшний день: “Частная компания закупает автопарк машин, сделанных на частном заводе, чтобы организовать службу аренды автомобилей и зарабатывать на этом деньги”, и на это коммунист говорит: “Ого, каршеринг! Частная собственность отмирает! Коммунизм приближается!”. 8% мемов сделаны в виде комикса. Как, например, мем о “countryball” анкапе, который пытается найти себе семью. Либеральные демократии отказались его принимать, несмотря на то, что он капиталист, анархисты отказались его принимать, несмотря на то, что он анархист. Однако его приняли фашистские идеологии, после того, что он сказал “я тоже расист”. 12% мемов сделаны в виде новости. При этом, такая новость иронически связывается с либертарианством, как например новость о том, что школьники в США устроили работорговлю чернокожими. 10% мемов сделаны в виде цитат персонажа, чаще всего – идеологов либертарианства. Например, в меме, в котором идеологи течения рассуждают на тему демократии и фашизма. По их мнению, демократия себя изжила, а фашизм и близкие ему движения “преисполнены лучших намерений и что вмешательство в данный момент спасло европейскую цивилизацию. Эта заслуга фашизма останется в истории навечно”. 3% - это так называемые демотиваторы – картинка в центре, черный фон и белый текст снизу. Так, например, сделан мем о судах при анкапе. В центре –

картинка из мультфильма “Алёша Попович” и краткая надпись снизу - “Суды при анкапе” (рис. 4).

Рис. 4 – Демотиватор “Суды при анкапе”

И 2% мемов – это фото из жизни, также связываемые с тем, к чему может привести либертарианство. Как например в меме, в котором показана скамейка с шипами, которые убираются только после того, как человек за нее заплатит (рис. 5).

Рис. 5 – К чему может привести либертарианство

После анализа мемов по тому, как именно они связаны с либертарианством, было выявлено, что больше половины мемов (54%) связано с либертарианством косвенно, в виде отсылки на какие-то идеи, либо в виде присутствия символики. Например, как в новости о том, человек на Украине организовал ЧВК и занимался контрабандой. Ржумен-либертарианец в меме показывает, что это очень по-либертариански. 33% мемов – связано напрямую, то есть идет речь конкретно про какие-либо идеи либертарианства. Часто фигурирует тема конкуренции, дорог, взаимодействия людей и, конечно же, судов. Как, например, в меме, где персонаж предлагает решить проблему судов простой фразой: “Не суди и судим не будешь”. И 13% мемов связано с политическими и идеологическими деятелями либертарианства. Как в меме, где так называемые “хоппеанцы” пытаются представить себе демократию при монархии. Ситуация выходит комичная.

По итогу анализа 100 мемов, можно выделить то, что в мемах используется разная стилистика, как в виде креализованных мемов (33%), так и в виде комиксов (18%) и собственных зарисовок (22%). Такой креативный подход позволяет вовлекать всё больше людей в движение. Также, больше трети мемов (34% в сумме) связаны с современными событиями как в нашей стране, так и за рубежом, и показывают эти события с точки зрения либертарианской идеологии. Тем самым либертарианцы стараются “идти в ногу со временем”. Либертарианцы способны к самокритике, о чем говорит то, что 23% мемов о том, что либертарианство приведет к тоталитаризму, 15% о проблемах идей либертарианства, 4% о том, что анкап не существует и 14% о том, что либертарианцы на самом деле полные эгоисты. Все это показывает, что либертарианцы – это молодые и творческие люди, готовые к развитию своего движения.

Литература:

1. Чеботаренко Е. Институциональные предпосылки социальной рыночной экономики // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. (4). С. 164–169. DOI:10.21603/2500-3372-2018-4-164-169.
2. Гринь М. В. Динамика либеральных идеологий в эпоху постмодернизма // Научный журнал КубГАУ. – 2019. - №9. с. 4-10.
3. Поляков Д. Б. Анархо-капитализм. Безвластие и экономика свободного рынка // Учёные записки ЗабГУ. – 2015. - №4 с. 33-37
4. Ремизов В. А., Садовская В. С. Либертарианство и современная Россия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. - № 6. с. 15-24.
5. Быльева Д.С., Нам Т.А. Тенденции в государственном нормировании интернет-пространства // Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина: XIII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2019». Москва: МАКС Пресс, 2019. С. 1338–1341
6. Быльева Д.С., Лобатюк В.В. Образ цифрового будущего общества через призму пандемии // Философская мысль. 2021. (2). DOI:10.25136/2409-8728.2021.2.35169
7. Новикова С. А. Палитра политических идентичностей в современных социальных сетях и игровых средах // Вестник Пермского университета. Политология. – 2012. - № 1. с. 66-71.
8. Емелин В. А. Киберкультура и сетевое либертарианство // Национальный психологический журнал. – 2018. - №3. с 3-11.
9. Левада-Центр. ЦЕННОСТИ, ОРИЕНТАЦИИ И УЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ // Левада-Центр – 30.06.2020 – URL: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoy-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/> (дата обращения: 14.05.2020).

Исследование интернет-мемов, содержащих цитаты из советских фильмов Research of Internet memes containing quotes from Soviet films

*Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого
Peter the Grete St. Petersburg State Polytechnic University*

Советский кинематограф отличался тем, что был насыщен уникальными фразами, которые впоследствии стали крылатыми. С развитием интернета и появлением социальных сетей стали появляться мемы, содержащие цитаты из фильмов времён СССР. В статье произведён анализ подобных интернет-мемов. По результатам исследования было выявлено, что такие мемы содержат фразы, представляющие собой саркастические либо самостоятельные шутки и уникальные высказывания, преимущественно из комедийных картин. В своём большинстве рассмотренные в мемах фразы состоят из кратких (до десяти слов) выражений, а комический эффект в них достигается при помощи содержания цитат, а также интонации и акцента, с которыми они произносятся. Также было выявлено, что изученные мемы популярны в использовании по отношению как к конкретному человеку, так и к обществу в целом или к каким-либо определённым ситуациям.

Ключевые слова: мемы, интернет-мемы, Интернет, советское кино, цитаты, крылатые выражение, нетнография.

Soviet cinema was distinguished by the fact that it was saturated with unique phrases which later became proverbial. Due to the development of the Internet and emergence of social networks memes containing quotes from films of Soviet times began to appear. The article analyzes such Internet memes. According to the results of the research, it was revealed that such memes contain phrases that represent sarcastic or independent jokes and unique statements and are mainly from comedy movies. For the most part, the phrases considered in memes consist of short (up to ten words) statements and the comic effect in them is achieved by using the content of the quotes, as well as the intonation and accent with which they are pronounced. It was also revealed that the studied memes are popular in use in relation to both a certain person and society as a whole, or to any specific situations.

Keywords: memes, internet memes, Internet, Soviet cinema, quotes, proverbial phrases, netnography.

В наши дни почти невозможно представить жизнь человека без интернета. Он стал основной составляющей не только социальной жизни, но и почти всех других её сфер. Интернет выступает особым коммуникационным пространством с множеством различных площадок. В этой области социальные сети значительно преобладают над другими платформами. Помимо возможности для общения они подразумевают устройство собственного стандартного «дома» – страницы, которую каждый может украсить по собственному желанию текстами, изображениями, видеофайлами [1, с. 127]. Поэтому часто социальные сети используются как средство развлечения. Мемы являются одними из наиболее популярных и развлекательных способов коммуникации. Само по себе понятие «мем» можно определить как не требующий разъяснений символ, который может принимать форму слов, действий, звуков, рисунков, передающих определенную идею [2]. Сейчас мемами чаще всего называют именно интернет-мемы. Понятие «интернет-мем» можно определить как тип мема,

который распространяется через Интернет, часто через платформы социальных сетей и особенно в юмористических целях [3]. В наши дни в качестве мемов могут выступать разнообразные слова, изображения, видео, звукоряды и даже жесты.

Также не столько в Интернете, сколько просто в общественной жизни людей существуют крылатые фразы. Крылатыми выражениями называют выразительные, часто употребляемые, устойчивые фразы образного или афористического характера, вошедшие в лексику из исторических или литературных источников, и получившие широкое распространение [4, с. 401]. Одним из подобных источников выступают художественные фильмы. Многие цитаты героев, любимые большинством зрителей, уходят в народ. Превращению реплик из кинофильмов в крылатые выражения способствует несколько факторов, среди которых – зрелищность, занимательность сюжета, актуальность поставленной проблемы, высокий профессионализм создателей фильмов и талантливая игра актеров [5, с. 90]. Так, А.Ю. Кожевников в своей книге «Крылатые фразы и афоризмы кино» привёл более 1300 крылатых выражений из 30 отечественных картин [6]. Источниками крылатых фраз для данного исследования выступают советские фильмы, как одни из наиболее распространённых источников таких выражений для жителей стран бывшего СССР.

В данной статье объектами изучения являются интернет-мемы, содержащие одни из самых популярных цитат советского кинематографа.

Метод исследования строится на анализе интернет-пространства, а именно, отборе и изучении 100 мемов с использованием цитат из советских фильмов в «фотоформе» в ходе случайной выборки в поисковых системах Яндекс и Google. Были использованы лингвистический, семиотический и коммуникативный подходы к анализу мемов, а также нетнография как метод анализа коммуникации в интернете [7, с. 138]. Целью данной статьи является анализ использования цитат из советского кино в интернет-мемах. Для достижения поставленной цели, в ходе работы решаются следующие задачи:

1. Исследовать сервисы поиска изображений поисковых систем Яндекс и Google на наличие мемов, содержащих цитаты из советских фильмов.
2. Осуществить выборку соответствующих мемов.
3. Провести анализ подобранных интернет-мемов по следующим критериям: жанр фильма; режиссёр фильма; обращённость (направленность) мема; тип мема; длина выражения цитаты, используемой в меме; лицо, произносящее цитату; способ достижения комического эффекта в меме

По результатам исследования было выявлено, что крылатые фразы, использованные в мемах, преимущественно взяты из советских комедий. Они составляют 63% от всех отобранных мемов. Это свидетельствует о том, что советские комедии были наиболее популярны среди жанров и разбирались народом на цитаты, например, «Если человек идиот, то это надолго». Ещё 21% исследованных мемов содержат фразы из драм («Штирлиц, а вас я попрошу остаться!»), а оставшиеся 16% – из мультфильмов («Он улетел, но обещал вернуться»). Распределение фильмов по

жанрам в этом исследовании проводилось по первому жанру, указанному в Википедии.

В процессе исследования наиболее часто встречались мемы с цитатами из фильмов, режиссёром которых является Леонид Ионович Гайдай. Среди его картин были такие, как «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (1965 г.) («Учись студент!»), «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (1966 г.) («Шляпу сними»), «Бриллиантовая рука» (1968 г.) («Семён Семёныч!»), «12 стульев» (1971 г.) («Давно хотел вас спросить как художник художника: вы рисовать умеете?») и «Иван Васильевич меняет профессию» (1973 г.) («И тебя вылечат... и тебя тоже вылечат... и меня вылечат...»). Фразы из его фильмов составляют 42% от всех рассмотренных. Такая большая, по сравнению с другими режиссёрами, доля работ Гайдая объясняется тем, что все из встречавшихся его фильмов относятся к комедиям. Следующим по доле фраз идёт Александр Иванович Серый, они составляют 12%. Однако, в отличие от Гайдая, он выделился только одной, но очень культовой комедией «Джентльмены удачи» (1971 г.) («Пасть порву, моргалы выколю»). Фильмы Эльдара Александровича Рязанова составили 8%. Среди них были «Карнавальная ночь» (1956 г.) («Бабу Ягу со стороны брать не будем - воспитаем в своем коллективе»), «Дайте жалобную книгу» (1965 г.) («Каков нахал! Заказал на гривенник, а ведёт себя, как порядочный»), «Берегись автомобиля» (1966 г.) («Жениться надо на сироте...») и «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» (1976 г.) («Какая гадость эта ваша заливная рыба!»). Ещё стоит отметить Владимира Валентиновича Меньшова с комедийными драмами «Москва слезам не верит» (1979 г.) («Какие люди, и без охраны!») и «Любовь и голуби» (1984 г.) («Инфаркт миокарда. Вот такой рубец!»). Они встретились в 6% отобранных мемов. Во всех остальных рассмотренных картинах (32%) принимали участие либо сразу несколько режиссёров, либо они встретились в исследовании не более трёх раз.

Одними из причин быстрого и широкого распространения цитат из советских фильмов являлись их универсальность и многогранность. Подобные цитаты можно было часто применять в повседневной жизни. Это подтвердилось и в рамках исследования, которое показало, что доли фраз, уместных в различных случаях, почти равны. А именно: 36% из отобранных цитат подходят для использования в диалоге («Шоб ты жил на одну зарплату!»), 31% цитат носит общественный характер («Это хуже народа! Это лучшие люди города!») и ещё 33% уместны для употребления в какой-либо ситуации («Щас спою!» или «Птичку жалко...»).

По типу мемы разбивались на высказывания (40%), сарказм или упрёк (31%), самостоятельные шутки (14%) и так называемые мемы на случай важных переговоров (15%). Полученные результаты показывают, что чаще всего в мемах встречаются различные смешные или не очень фразы, которые позволяют вспомнить хороший фильм и тем самым поднимают настроение (рис.1). Их особенность заключалась в том, что они были ёмкими, легко запоминающиеся и лаконичными. Также выявлено, что заметное количество мемов содержат язвительные шутки с долей сарказма

(рис.2), что позволяет красиво высмеять недостатки и пороки как советского, так и современного общества. Чуть меньшее количество подобранных мемов применимы на случай важных переговоров. Под мемами на случай важных переговоров (ВП) в интернете понимают короткие крылатые или просто популярные фразы, которые можно отправлять в личной переписке или при общении в комментариях [8] (рис.3). Практически аналогичную долю выборки составили мемы, представляющие собой самостоятельные шутки («— Девушка, а, девушка, а как вас зовут? — Таня. — А меня Федя! — Ну и дура!«).

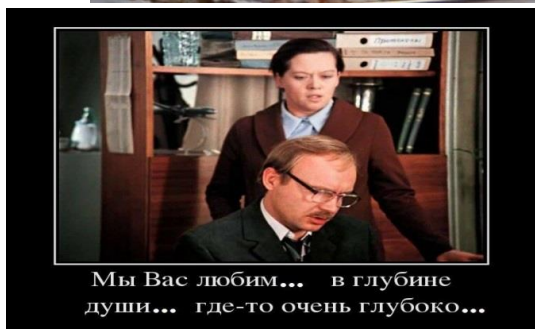

Рисунок 1 – пример высказывания

Рисунок 2 – пример сарказма

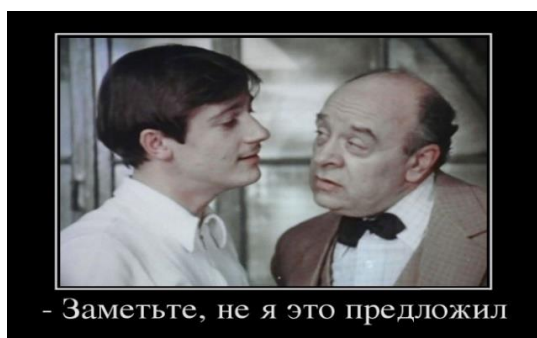

Рисунок 3 – пример мема на случай важных переговоров

Проанализировав фразы по количеству слов в них, было обнаружено, что наиболее популярными являются цитаты до 10 слов, а именно: 1-5 слов – 39% (например, «Руссо туристо, облик морале! Ферштейн!»), 6-10 слов – 39% («Тебя посадят, а ты не воруй!») и свыше 11 слов – 22% («А можно так: утром стулья, а вечером деньги? — Можно! Но деньги вперед!»).

Здесь можно отметить, что мемы, содержащие более 11 слов, представляют собой в основном диалоги, а сами выражения, на которые делается акцент в них, тоже содержат до 10 слов.

При этом большинство цитат из мемов произносят мужчины – 60% («Шеф! Всё пропало!»), а женщины лишь 8% («Наши люди в булочную на такси не ездят!>). Остальные мемы содержат диалоги – 16% («—Ну, будете у нас на Колыме — милости просим! — Нет, уж лучше вы к нам!») или цитаты персонажей мультфильмов – тоже 16% («Хороший мальчик!»). В исследовании чаще встречались такие мультфильмы, как «Малыш и Карлсон» (1968 г.) («Спокойствие, только спокойствие») и «Трое из Простоквашино» (1978 г.) («Средства у нас есть. У нас ума не хватает»).

Основным способом достижения комического эффекта в мемах служит содержание цитаты и контекст, в котором она используется, например, «Хочется то ли музыки и цветов, то ли зарезать кого-нибудь». Они составляют 47%. Контекст в меме чаще всего передаётся с помощью подкреплённого к нему изображения со сценой из фильма, в которой произносится фраза. Однако также часто применялись интонация (38% - рис.4) («Будьте добры помедленнее, я записываю!») и акцент, в том числе говор, (15% - рис.5) («Ларису Иванну хачу»). Это объясняется тем, что в советских картинах принимали участие множество эксцентричных актёров и дублёров разных национальностей из огромного числа народов СССР. Определённо для того, чтобы лучше понять и «прочувствовать» мем необходимо прежде посмотреть фильм, из которого взята данная цитата, так как иначе нельзя узнать, каким образом она используется и как её следует произносить («Бамбарбия! Киргуду!»), если, конечно, человек ранее не слышал её употребления в разговоре. Однако, многие из фраз в целом понятны и без этого, так как смешны даже без каких-либо пояснений («— Жить, как говорится, хорошо. — А хорошо жить ещё лучше!»).

Рисунок 4 – интонационный мем

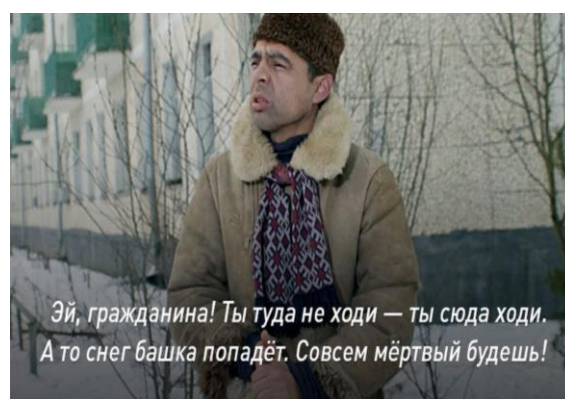

Рисунок 5 – мем с акцентом

Подводя итоги, можно сказать, что мемы с крылатыми выражениями из советских фильмов употребляются и имеют свою долю распространения среди пользователей социальных сетей стран бывшего СССР. В ходе исследования

выявлено, что подавляющее большинство мемов (63%) с данными цитатами содержат выражения из комедий. Основной акцент в этих мемах поставлен на смысловое содержание самих цитат, и соответственно комический эффект в них достигается с помощью тех же приёмов, что и в цитатах, а именно: содержания, интонации и акцента. В своём большинстве (78%) используемые фразы содержат до десяти слов, что только способствует их распространению в виде мемов. Мемы с цитатами из советских фильмов применимы в равной мере для выражения отношения к конкретному человеку, к обществу в целом и к каким-либо определённым ситуациям. Кроме того, более популярны те из них, которые содержат либо просто уникальные высказывания из фильмов, либо язвительную насмешку над чем-либо. Мемы, содержащие фразы из советского кинематографа, являются удивительным примером соединения современных способов коммуникации и культурных ценностей прошлого.

Литература:

1. Быльева Д.С. Сеть интернет как новый тип пространства// Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. — 2016. № 2 (244). С. 124-130. DOI: 10.5862/JHSS.244.15
2. Петров И. Мем –это «вирус ума» // Маркетинг в социальных медиа. –URL: <https://www.cossa.ru/234/2414/>. – (дата обращения: 07.05.2021).
3. Интернет-мем - Internet meme URL: https://wikichi.ru/wiki/Internet_meme (дата обращения: 08.05.2021).
4. Шаклеин В.М., Лан Нгуен Фьонг Информативный компонент крылатых выражений комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» с позиции вьетнамской языковой традиции // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 3. С. 388–405
5. Раренко М.Б. Шулежкова С. Г. *Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие.* - М., 2002. - 287 с. // Текст научной статьи по специальности «Языкознание и литературоведение» 2005. 01. 017. – С. 85-94.
6. Кожевников А.Ю. Крылатые фразы и афоризмы кино. Любимые отечественные комедии. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. – 304 с.
7. Быльева Д. С. Исследование жизни человека в сети: нетнография, виртуальная этнография и другие методы: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 21 сент. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. – С. 135-140.
8. Евгений Филипенко /Что такое ВП в ВК и как его правильно делать? / Блог Василия Блинова URL: <https://iklife.ru/socialnye-seti/vkontakte/chto-takoe-vp-v-vk.html>

Критический анализ социо-культурного феномена «Русская тоска» Critical analysis of the socio-cultural phenomenon "Russian toska"

*Санкт-Петербургский горный университет
Saint Petersburg Mining University*

В данной работе приведено исследование особенного национального чувства в аспекте восприятия действительности русского человека, через феномен «Русская тоска». Объектом исследования взято особое, уникальное, свойственное только русскому человеку явление духовного состояния, через которое проявляется ментальность и развивается культура нашего общества. Важно и то, что данный термин не имеет эквивалента и равнозначного синонима ни на одном языке мира. Разумеется, исследуется сама специфика и причинность, глубина состояния сознания и души. Необходимо выяснить, что в своей сущности представляет «тоска» в сознании русских людей. Через анализ культурных элементов: поэзии, музыки, изобразительного искусства, архитектуры, природы изучается смысл понятия. В завершении будет представлен краткий обзор метаморфозы «тоски» в условиях современной действительности века технологий, цифровизации.

Ключевые слова: тоска, изнурительная, боль, любовь, стремление, необъяснимое, трансцендентное, самобытность, бесконечные просторы, природа, Родина.

This paper presents a study of a special national feeling. Aspects of the perception of the reality of the Russian person - Russian toska"? The object of the study is a special, unique, peculiar only to the Russian person the phenomenon of the spiritual state through which the mentality manifests and the culture of our society develops. It is also important that this term has no equivalent and equivalent synonym in any language of the world. Of course, the very specificity and causality, the depth of the state of consciousness and soul are being investigated. It is necessary to find out what "toska" is in the minds of Russian people in its essence. Through the analysis of cultural elements: poetry, music, fine art, architecture, nature, the meaning of the concept is studied. In conclusion, a brief overview of the metamorphosis of "toska" in the conditions of modern reality of the age of technology, digitalization will be presented.

Keywords: toska, exhausting, pain, love, aspiration, inexplicable, transcendent, identity, endless expanses, nature, Homeland.

В последние годы в общих тенденциях прослеживается стремление современного русского человека, соответствуя современному обычаю западноевропейских стран, уделять исключительное внимание ментальному здоровью и психофизическому состоянию [1-4]. Многие активно изучают психологию и психоанализ и обращаются к различной литературе для самоопределения своего эмоционального спектра. Получили обширное распространение различные социальные группы, творческие течения в которых лейтмотивом деятельности является грусть, печаль, тоска. Однако, это явление отнюдь не ново для жителей постсоветского пространства.

Что же представляет собой это необъятное чувство тоски? Тоска – это особое состояние души, духовное томление в связке с грустью, через которое происходит мировосприятие человека. Особенно оно контрастирует с иными культурами,

преломляющимся через призму историософии. Владимир Даль давал особое описательное толкование этому термину, выделяя помимо «стеснение духа», «томление души», «мучительную грусть», «душевную тревогу», «беспокойство», «боязнь», «скуку», «горе», «печаль», «скорбь» исключительную тоску по Родине, часто сопровождаемой изнурительной лихорадкой и физической болью. Как не странно, сама эмоция не представляет собой общее психофизическое состояние, напротив она выражено в уникальной системе различных сильных осознанных чувств, преломляясь в системе взглядов и методов мироощущения. Скажем, некий особый элемент национального самопознания, специфического мировоззрения. Удивительно и то, что в процессе перевода романа в стихах С.А. Пушкина «Евгений Онегин» Набоков столкнулся с невозможностью перевода слова тоски, без потери окраски чувства и смысла. Этому посвящена глава Оксфордских исследователей в работе «Исследование компоненты значений эмоций». Как оказалось, не существует даже соответствующей коннотации и аналогов в других языках мира. Тоска имеет два важных направления происхождения. Личный (субъективный) и общенародный (общественный). В одном случае всё может проявляться в личных и глубоких переживаниях, заунывных помыслов и тягостным осмыслением о наболевших и волнующих вещах мироздания. При этом чувство сопровождается неясным, туманным влечением и тягой к чему-то несбыточному и фантастичному. В глобальном значении, тоска приобретает национальный характер. Особенная любовь к Родине, её достижениям, культуре, природе сопровождается сильным чувством меланхолии и страдания, тем более не удачаи и разруха вызывают усиленный эффект. Но это чувство бывает и теплого, даже нежного оттенка, как предвкушение и ожидание прекрасного. Встреча с любимой, завершение работы, труды, и окружение. По этому человек тоскует с особой привязанностью и чувственностью. Как в стихах С.А. Есенина:

*Чей-то мягкий лик за лесом,
Пахнет вишнями и мохом...
Друг, товарищ и ровесник,
Помолись коровьим вздохам.*

Или в не менее проникновенных словах:

*Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что — разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.*

Переполненной стеснённый необъяснимой и чаще всего монотонной, тянущейся тоской поэт избличает сущность русской души. Этот мотив также легко узнаваем в стихах в стихах Пушкина С.А.

*Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...*

Так что представляет собой это унылое и бесконечное чувство? Иногда причины вовсе не существует, она представляет собой гиперболизированное понятие дряхлости и тяжести судьбы, но тем не менее, перевозносимое с особым трепетом и любовью к Родине и жизни. Как когда писал Бродский: «Прекрасная и нищая страна» [6]. Навейное чувство тоски дополняется также факторами природы, климата и общего окружения и действительности текущего времени. Порой она необъяснима и безгранична, как гнетущие и мрачные просторы и дали русской бытности. Её дорога, как национальный концентрат внимания и источника мучительного чувства. Будто в ней сокрыт нескончаемый поток бессмысленного брожения, и уныния, и безвыходности.

*Измученный тоскою и недугом
И угасая в полном цвете лет,
Проститься я с тобой желал как с другом,
Но хладен был прощальный твой привет;*

Анализируя строки М.Ю. Лермонтова [7] вполне очевидно и о лично происхождении этого чувства, с непонятным надрывным стремлением к надмирному и трансцендентному. Размышляя об этом, неоднократно Бердяев ставил акцент на бесконечном стремлении к чему-то неявному и неоднозначному, к глубинным грёзам и мечтам, которые опечатаны несбыточностью [5].

В настоящие дни тоска преобразовалась в модную депрессию. В массовом сознании, начиная с 90-ых годов прошлого столетия она отражена в таких кинокартинах как «Брат», «Война», «Сёстры» Балабанова, «Дурак» Быкова и многих других. Целая страна ощутила после распада СССР забытость и увядание принятой идеи форм сознания бытия, основывающихся на стремлении к вечному благу и процветания единого народа. И дело даже вовсе не в государственном строе, а в удивительном принятии своей роли в рамках жизни каждого человека. Тем не менее, даже здесь тоска приобрела форму лёгкой ностальгии по умирающей мечте, сказочной страны. В такой популярной музыке как Soviet Wave, «Буерак», «Приключения Электроников». Вероятно, тяжёлое осмысление неудач реформ и перестройки на новые рельсы в жизни, а также влияние века всеобщей унификации, порождающий массу социальных проблем, заставляют граждан СНГ тосковать.

В конечном счёте, стоит понимать, что возбудителем этого механизма мироощущения, познания, непонятного чувства стали факторы истории нашего народа, особенности культуры. Тоска пробуждает и боль и некоторое неуловимое и

неясное тепло, которое мы называем «душевностью». Она заставляет нас рефлексировать именно таким методом.

Литература:

1. Бокова 2014 — Бокова О. А. Концепт «тоска» в идиостиле Ф. М. Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (31): В 2 ч. Ч. 2. С. 35–37.
2. Концепт «тоска» в русской лингвокультуре ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет». 2018.
3. Чеснокова 2012 — Чеснокова Л. В. Тоска как национальный концепт русской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9 (23): В 2 ч. Ч. 1. С. 95–100.
4. Шестакова И.Г. Прогрессофобия в новой темпоральности цифрового мира // Вопросы философии. 2021. Т. № 7. С. 61–71.
5. Бердяев 1989 — Бердяев Н. Собр. соч. Т. 1: Самопознание (опыт философской автобиографии). 3-е изд. Paris: YMCA-PRESS, 1989.
6. Бродский 1992 — Бродский И. Соч. Т. 1. СПб.: Пушкинский фонд, 1992.
7. Лермонтов 1976 — Лермонтов М. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2: Поэмы и повести в стихах. М.: Худ. лит., 1976
8. Пушкин 1949 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в одном томе. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1949.
9. Есенин 1977–1980 — Есенин С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.: Худ. лит., 1977–1980.

УДК 316.77

ББК 60.0

В.В. Титов, И.Г. Шестакова
V.V. Titov, Irina G. Shestakova
titovvladimir2002@gmail.com

Егор Летов – гений или безумец? Yegor Letov - a genius or a madman?

*Санкт-Петербургский горный университет
Saint Petersburg Mining University*

В данной статье рассмотрено становление личности в цифровом обществе на примере поэтики Егора Летова. Аналитика и компаративистский анализ научных и литературоведческих работ, разбирающих композиции и субъективное понимание строчек Игоря Федоровича Летова показал, что несмотря на наличие таланта и творческой гениальности эпоха цифровизации бросает несомненный вызов становлению личности каждому

Ключевые слова: Цифровая цивилизация, личность в информационном и сетевом обществе, Егор Летов, «Русское поле экспериментов», гений или безумец, «Вечность пахнет нефтью», философия жизни.

This article discusses the formation of a personality in a digital society, as well as the problems that can be encountered with the poetics of Egor Letov are also considered. Analysis and comparative analysis of scientific and literary works analyzing the compositions and subjective understanding of the lines of Igor Fedorovich Letov showed that despite the presence of talent and creative genius, the era of digitalization poses an undoubted challenge to the formation of a personality for everyone

Keywords: Digital civilization, personality in information and network society, Egor Letov, "Russian field of experiments", genius or madman, "Eternity smells of oil", philosophy of life.

В наши дни становится все больше и больше музыкантов, поэтов и других деятелей искусства. Все это развивается и меняется в ногу со временем. Например, в 18-19 веках была популярна классическая музыка, к середине 20 века от данного жанра композиторы стали потихоньку отходить и переходить к другим, таким как: блюз, джаз, рок-н-ролл. Позже появилась поп музыка и хип хоп культура, это все уже произошло к концу 70-ых – началу 80ых годов. Каждый из перечисленных жанров развивался очень быстро и продуктивно. Менялось звучание, смысл, принципы построение музыкального ряда. Просто, если раньше на такие преобразования уходили десятилетия, то сейчас этот процесс стал куда быстрее.

Говоря о музыкальном и поэтическом творчестве Игоря Федоровича Летова, можно заметить, что его композиции по звучанию и подаче относятся к панк-року, психоделическому року [1]. Выступал он под творческим псевдонимом «Егор Летов» и у него была своя группа – «Гражданская оборона», являющаяся одной из самых влиятельных и популярных отечественных панк-рок групп. Творчество данного поэта-музыканта полно загадок, для понимания которых можно обозначить проблему нахождения «особых людей» в цифровом и сетевом обществе. Летова как раз таки можно отнести к этим «особым людям».

Если же взять цифровую эпоху, то и тут можно выделить определенные плюсы. Например, владение информацией. Человек цифровой эпохи безо всякого труда найдет нужную ему информацию за значительно меньший срок, нежели человек доцифровой эпохи. Творчество Летова можно отнести скорее к доцифровой эпохе, опираясь на время, когда он жил, его видение мира и отношение к нему.

Услышав имя и фамилию: Егор Летов (Игорь Федорович Летов), сразу приходят в голову такие понятия, как: неординарность, экстравагантность, протест, элитарность и т.д. Почему же поэтика данного человека ассоциируется у многих людей с подобными вещами? В своем музыкальном творчестве Егор делал акцент больше на поэтику, нежели на музыкальную составляющую своих композиций, но в его поэтике открывается громаднейший мир афоризмов, строчек со скрытым смыслом, метафор [2]. Именно поэтому Игоря Федоровича самого можно назвать философом новейшей эпохи. В его творчестве встречается, как гениальность, так и безумие. Но все же гениальность преобладает. А вообще от гения до безумца недалеко. Как говорил Шопенгауэр: «Между гением и безумцем то сходство, что оба живут совершенно в другом мире, чем все остальные люди.»

Отметим, что тенденция цифровизации сильно увеличивает конкуренцию во всех аспектах жизни, будь то образование, наука, работа [3] и т.д. Ведь у каждого есть доступ ко всей информации и тут гораздо сложнее выделиться и проявить себя лучше, чем кто-то другой. Также в эпоху цифровизации становление личности определенно тяжелее, т.к. с трудоустройством на работу дела также обстоят, куда сложнее, чем в доцифровую, т.к. с развитием технологий, многие специальности просто вымерли из-за ненужности, ведь технологии спокойно их заменяют.

Литература:

1. Лётин Н.Ю. Мифопоэтический контекст поэзии Егора Летова, 2013. [электронный ресурс]// CyberLeninka – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoeticheskiy-kontekst-poezii-egora-letova>
2. Симакова В.Е. Поэтический мир Егора Летова, 2018 [электронный ресурс]// Язык. Культура. Коммуникации – URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/661/824>
3. Шестакова И.Г. Живые свидетели эры до-интернета, [электронный ресурс]// CyberLeninka – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhivye-svideteli-ery-do-interneta>

УДК 316.77
ББК 60.0

М.Д. Тихачева, И.Г. Шестакова
M. Tikhacheva, Irina G. Shestakova
letowa.marya02@mail.ru

Проблемы манипуляции массовым сознанием в цифровой цивилизации **Problems of mass consciousness manipulation in digital civilization**

Санкт-Петербургский горный университет
Saint Petersburg Mining University

В данной работе сделана попытка прояснить получила ли манипуляция массового сознания большее воздействие в эпоху цифрового транзита. В данной статье рассматриваются информационные обработки прошлого и настоящего и проводится анализ способов ее использования. Основное внимание уделяется вопросу интегрирование манипуляций в жизнь человека посредством использования современных технологий. Научная новизна исследования заключается в подходе к изучению основных понятий манипуляций сознания, исторических примеров и современных приемов ее применения. В результате определено существенное усиления способов информационной манипуляции.

Ключевые слова: манипуляция, сознание человека, цифровая цивилизация.

The purpose of the study is to find out whether the manipulation of mass consciousness has gained great popularity due to the development of modern technology. This article discusses the information processing of the past and present and analyzes the ways of its use. The main attention is paid to the issue of integrating manipulations into human life through the use of modern technologies. The scientific novelty of the research lies in the approach to the study of the basic concepts of manipulation of consciousness, historical examples and modern methods of its application. As a result, the value of information manipulation is determined now.

Keywords: manipulation, human consciousness, digital civilization.

Каждая личность в этом мире формируется под влиянием различных субъектов общества: друзей, родителей, деятелей какой-то конкретной сферы. Говоря о последних представителях, стоит отметить, что они сильно воздействуют на людей. И если же близкие люди делают это совершенно не осознанно, то профессионалы абсолютно намеренно программируют поведение человека, выявляя скрытые потребности и желания, которые по истине не имеют ничего общего с действительными. Развитие цифровой цивилизации послужило катализатором для активного интегрирования манипуляции в человеческие жизни [1]. В этой статье рассмотрим, как они производились ранее, и каким образом это достигается сейчас.

Одним из видов информационной обработки является идеологическая манипуляция [2]. Она представляет собой процесс незаметного навязывания определенной идеологии. Специалисты достигают данной цели посредством

использования СМИ, книг, сайтов и других. Обработка всегда была, есть и будет в любом обществе. В мировой истории бесчисленное множество примеров с использованием данного способа психологического воздействия. Рассмотрим один из них чуть более подробно.

В последнее время в СМИ чаще и чаще всплывает метод пропаганды, который приписывают германскому рейхсминистру Йозефу Геббельсу. Он заключается в том, что 60% информации выдается в интересах противника, однако, заработав его доверие, остальные 40% содержат в себе ложную. во времена Второй мировой войны была британская радиостанция, которую слушали люди, придерживающиеся антифашистских взглядов. Они абсолютно ничего не подозревали и поглощали все новости день за днем, принимая их за истину. Лишь после окончания войны весь мир узнал, кем же была разработана данная радиостанция. Этим человеком был тот самый Йозеф Геббельс, который транслировал новости, согласно принципу 60 на 40 [3]. Однако какое отношение этот исторический имеет в нынешнем времени? Предлагаю разобраться.

В результате информационного развития в современном мире намного больше пространства для использования такого принципа манипулирования. Сравнивая с прошлым, где посредством радио производилась обработка только голосом, то сейчас же к этому добавляется и визуальная составляющая. Так, например, зачастую в фильмах, описывающих исторические события, частично факты идут в расхождение с реальностью. Несмотря на то, что жанр такого кино, как правило, художественный, все же присутствие вымышленных эпизодов несет в себе четкое назначение - пробудить патриотические чувства. А благодаря красочной картинке и умело поставленной речи основная задача манипуляции достигается максимально.

Резюмируя все сказанное, можно сделать вывод, что безусловно количество манипуляций только увеличилось и стало применяться намного более профессионально и в более различных направлениях. Цифровая цивилизация оказала на это значительное влияние и во многом поспособствовала усилению информационной обработки массового сознания в связи с растущим количеством средств управления эмоциями, чувствами и желаниями человека.

Литература:

1. Человек и социум в новой реальности инфокоммуникационного мира // И. Г. Шестакова; Национальный минерально-сырьевой университет «Горный». СПб., 2015. 133 с.
2. Shestakova, I. Digital Civilization and Problems of Cultural Diversity: Political Actors or Infocommunication Technologies / I. Shestakova, S. Polanski // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2018. Vol. 289. P. 412–417.
3. Правило 60/40 и приход к власти нацистов. Wolf Kitses
4. Исторические неточности в фильмах // портал «Кино мира», URL: <http://www.kino-mira.ru/interesnie-fakty-iz-mira-kino/2134-istoricheskie-netochnosty-v-filmah.html>

**Технологии в инфосфере
Technologies in the infosphere**

УДК 343.95
ББК 88.4

И.Л. Третьяков
Ivan Tretyakov
mail@tretyakov.su

**Использование мобильных приложений в процессе информационного
сопровождения аддиктивных личностей, склонных к насилию
The use of mobile applications in the process of information support for addictive
individuals who are prone to violence**

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*

В статье освещается один из аспектов индивидуальной криминологической профилактики и ресоциализации девиантных граждан, склонных к насилию, связанный с использованием в практической работе специалистов многофункциональных мобильных приложений. Приводятся сведения о том, что мобильные приложения, разработанные специально для освободившихся из мест лишения свободы или прошедших курс комплексной реабилитации преступников-психоаномалов (с аддиктивными чертами характера), способны оградить «проблемную личность» от множества психотравмирующих ситуаций, укрепить позитивный эмоциональный настрой. Дается подробная характеристика аддиктивных личностей, уточняется широкий спектр их девиантных потребностей и предикторов криминальной активности. Обосновывается необходимость целенаправленного информационного воздействия на данную категорию граждан. Делается вывод о том, что цифровые технологии (в данном случае - мобильные приложения) позволяют отслеживать динамику психофизиологических показателей аддиктивных личностей, моделировать различные аспекты организации их жизнедеятельности, максимально оптимизировать механизмы социальной реадaptации и реинтеграции.

Ключевые слова: аддиктивная личность, мобильные приложения, информационные воздействия, ресоциализация, профилактика.

The Article highlights one of the aspects of the preventive measures aimed and resocialization of deviant individuals prone to violence. Practical implementation of such aspect involves the use of multifunctional mobile applications. The Author shows that mobile applications developed specially for people released from prison, as well as for criminals with addictive traits, who were treated with

comprehensive rehabilitation programs for correcting their mental anomaly, are very efficient to help a problematic individual cope with various psycho-traumatic situations, and strengthen his/her positive emotional attitude. The Article gives detailed characteristics of addictive individuals, explaining wide range of their deviant needs and predictors of criminal activity. The meaning and importance of targeted informational impact for such category of individuals is duly emphasized. The Author comes to the conclusion that digital technologies (in particular, mobile applications) are very effective tools for tracking the dynamics of psychophysiological indicators of addictive individuals, modelling various aspects of their vital activity, and obtaining best results in optimizing mechanisms of their social rehabilitation and reintegration.

Keywords: addictive personality, mobile applications, informational influences, resocialization, prevention.

Вопросы противодействия насильственным преступлениям (как и насилию целом) в значительной мере связаны с организацией индивидуальных профилактических мероприятий, которые не менее значимы, чем методы общесоциального и специально-криминологического воздействия на маргинальные и люмпенизированные слои населения. Следует помнить, что все три направления составляют единое целое и действуют в рамках централизованной системы под эгидой государства. Как показывает практика, на протяжении всей своей жизни абсолютно разные люди, находясь под влиянием неблагоприятных обстоятельств, могут прибегать к насилию. Таким образом, на скамье подсудимых оказываются рецидивисты и «случайные» преступники, душевнобольные и психически здоровые, субъекты как с низким, как и с высоким порогом агрессивности, подростки и престарелые, мужчины и женщины [1, стр. 126-134; 2, стр. 1, стр. 8]. Однако специалисты (криминологи, психологи, судебные психиатры) настаивают на существовании нескольких наиболее деструктивных («брутальных») социально-психологических типов, представители которых обладают наибольшей степенью общественной опасности и выраженной склонностью к насилию. Речь идет об аддиктивных личностях с устоявшимися антисоциальными установками [3, стр. 71-81].

Аддиктивное мироощущение формируется за счет искажения сознания, усиления девиантных влечений, потери критичности и самоконтроля, рассогласованности мыслительных процессов, иллюзорности восприятия. Но главное, что характеризует аддикта, так это бегство от реальности и выраженная патологическая зависимость: химическая, информационная, «предметная» или «поведенческая» (например, ролевая). Именно зависимость определяет специфические потребности аддикта, характер поступков, условно говоря, пронизывает «все его существование». Вопреки логике и здравому смыслу аддиктивная личность берёт в расчет лишь то, что соответствует ее желаниям, что вызывает «выброс эндорфинов». Есть все основания утверждать, что подавляющая часть хронических алкоголиков, наркоманов, серийных сексуальных преступников, пироманов и т.д. обладает широким перечнем патологических влечений по аддиктивному типу (аддикции редко проявляются изолированно, т.к. носят множественный, сочетанный характер).

Актуальность затронутой нами проблемы обусловлена тем, что данная категория лиц (причём довольно многочисленная) представляет серьёзную угрозу для общественного порядка и с ней нужно работать. Аддиктивные личности крайне «нестабильны», нуждаются в постоянном контроле и психокоррекции, так как не в состоянии самостоятельно адаптироваться к требованиям социума и постоянно преодолевать существующие трудности. Огромная роль по реабилитации граждан с криминально-психопатологическим анамнезом (имеются в виду аддиктивные личности) отводится специализированным медицинским, медико-социальным организациям и пенитенциарным учреждениям. В то же время, следует помнить, что, когда речь идет о личности, одной лишь медико-биологической интервенции недостаточно, поскольку личность-продукт социума и воздействия на нее должны быть в значительной мере социально ориентированными. Ни в коем случае нельзя игнорировать те латентные, «спящие» в недрах психики островки социальной активности, ранее не востребованные ни обществом, ни самим человеком адаптационные механизмы («рычаги»), способные пробудить в отдельных личностях новые, конструктивные формы осознанной деятельности и самовыживания.

Широкие возможности для раскрытия реабилитационных резервов представляют IT- технологии. Так, зарубежные коллеги предложили использовать специальные мобильные приложения в сфере организации медицинской и социально-наркологической помощи, а также при прогнозировании общей ситуации, связанной с наркопотреблением [4, р. 180-187]. Наши собственные исследования продемонстрировали, что аддиктивные личности (в частности, наркозависимые женщины, освободившиеся из мест лишения свободы) нуждаются в длительном социальном сопровождении с использованием цифровых технологий (речь шла о дистанционных курсах, тренингах, консультациях, о сетевой поддержке) [5, стр. 40-44].

Предпринятое нами экспериментальное исследование было нацелено на установление эффективности мобильных приложений и создание собственного гибридного программного обеспечения. Продолжительность исследования – с марта 2019 по май 2020 гг. Работа осуществлялась при непосредственной поддержке и активном участии специалистов Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет» (г. СПб) и ряда научных работников университета ИТМО. Уже на первоначальном этапе мы имели возможность убедиться в существовании значительного числа мобильных сайтов (довольно известных, востребованных и часто посещаемых), на которых размещалась информация о формах аддиктивного поведения, его причинах и последствиях, о способах преодоления зависимого поведения, о сильных и слабых сторонах реабилитационных мероприятий. Члены рабочей группы провели сетевой анализ, который выявил существенный недостаток подобных сайтов - низкий уровень взаимосвязи с клиентом. Таким образом, чтобы выйти на более высокий (профессиональный) уровень и подготовить качественное мобильное приложение, мы обратились к преподавателям и аспирантам ИТМО, которые в течение года смогли

решить поставленные перед ними задачи. Гибридное программное обеспечение, созданное на базе операционной системы Android включало в себя электронные сервисы (которые в значительной мере автоматизировали организацию реабилитационного процесса для аддиктивных личностей, их обучения и переобучения, трудоустройства) и онлайн-помощников (оказывающих консультационную помощь по социальным, медицинским, юридическим вопросам, а также в плане организации досуга, налаживания межличностных отношений).

В приложении были представлены различные варианты обучающих тренингов, подготовленных на основе методов когнитивно-поведенческой психотерапии (целью которой является повышение ресурсов стрессоустойчивости). Каждый тренинг был рассчитан на определенный возраст, тип личности, кроме того, учитывались: характер зависимости, особенности копинг-поведения, уровень дезадаптации, запросы и пожелания самого клиента. Использовались алгоритмы ролевых игр, в которых проигрывались эмоционально-значимые ситуации.

Важнейшей составной частью мобильного приложения являлась цифровая диагностика психофизиологических состояний аддиктивных личностей (осуществляемая при помощи доступных гаджетов китайского производства). В ряде случаев показатели артериального давления, пульса, частоты сердечных сокращений, дыхания, температуры или содержания глюкозы в крови свидетельствуют о фрустрационных переживаниях, аффективной неустойчивости, возможном «срыве» (например, рецидиве наркопотребления), об острой декомпенсации или реальной угрозе жизни и здоровью, что предполагает незамедлительное обращение за квалифицированной помощью.

Итак, подводя итог сказанному, обратим внимание на несколько наиболее существенных моментов. Прежде всего, следует отметить, что внедрение цифровых технологий в процессы реабилитации, ресоциализации и реинтеграции маргинальных личностей, входящих в «группу риска» (в связи с их склонностью к различным зависимостям и агрессивным реакциям) приведет к качественному преобразованию всей системы социальной защиты населения, нейтрализует многие криминогенные факторы, будет способствовать повышению уровня жизни, устранению целого ряда конфликтов, межличностных противоречий.

Одним из наиболее перспективных направлений цифровизации всего процесса комплексного сопровождения аддиктивных личностей является распространение (среди указанной категории граждан), специальных социально-ориентированных мобильных приложений.

Высокотехнологичные мобильные приложения способны усилить значимость когнитивной сферы в процессе принятия конкретным субъектом тех или иных решений, «запустить» процесс формирования в «девиантном сознании» идеальный образ адекватного, сильного, уверенного и пластичного человека, к которому следует стремиться. Не вызывает сомнений, что со временем, у человека, страдающего от различных форм патологической зависимости, мобильные приложения начнут

ассоциироваться с такими понятиями как безопасность, ответственность, востребованность, комфорт и благополучие.

Многофункциональные мобильные приложения имеют все шансы для того, чтобы, во-первых, стать своеобразным буфером между стрессом (с последующей декомпенсацией) и весьма уязвимой психопатической личностью, а во-вторых, взять на себя роль «электронного путеводителя» (информативного, быстрого, гибкого и т.д.).

Литература:

1. Третьяков И.Л. Мотив и цель преступления // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 6. С. 126-134.
2. Рутман М. Что там, на самом дне души? // Санкт-Петербургские ведомости. 10 сентября. 2021. С. 1, С. 8.
3. Шайдукова Л.К. Психодинамические концепции «аддиктивных» личностей // Психическое здоровье. 2009. №10. С. 71-81.
4. Kazemi, D.M., Li, S, Levine, M.J., Auten, B. & Granson, M. (2021). Systematic Review of Smartphone Apps as a mHealth Intervention to Address Substance Abuse in Adolescents and Adults. *Journal of Addictions Nursing*, Jul-Sep 01;32(3):180-187. doi: 10.1097/JAN.0000000000000416. PMID: 34473447.
5. Третьяков И.Л. Информационно-правовое сопровождение наркозависимых женщин, освободившихся из мест лишения свободы // Наркоконтроль № 2 (59). 2020, С. 40-44.

УДК 1:378.4:001.92

ББК 87.254.6

Т.С. Горина
Tatyana Gorina
tsgorina@gmail.com

Научное просветительство как компонент третьей миссии университета Scientific education as a component of the third mission of the University

*Волгоградский государственный университет
Volgograd State University*

В статье рассмотрена третья миссия высшего учебного заведения, выделены ее ключевые компоненты, обозначена связь с традиционными ролями университета. Основное внимание уделено анализу научно-просветительской деятельности как одному из направлений в рамках осуществления университетом третьей миссии. Подчеркивается, что популяризация научных знаний университетом стимулирует общественный интерес к науке; дает возможность большому количеству людей получить представление о ее эффективности, вкладе в развитие социума; способствует формированию критического мышления, умения адаптироваться к инновациям и социальным изменениям; помогает широкой аудитории отличить достоверную, научно обоснованную информацию от той, которая лишь выдается за таковую. Просветительская деятельность позволяет привлечь представителей различных социальных групп к участию в научной жизни, выступает способом рекрутирования слушателей многочисленных учебных программ в систему высшего образования с дальнейшей перспективой профессионального занятия наукой.

Ключевые слова: наука, информационное общество, университет, высшее образование, третья миссия университета, просветительская деятельность, популяризация науки.

The article examines the third mission of a higher educational institution, highlights its key components, identifies the connection with the traditional roles of the university. The focus is on the analysis of the popularization of science as part of the university's third mission. It is emphasized that the popularization of scientific knowledge by the university stimulates public interest in science; enables a large number of people to get an idea of its effectiveness, contribution to the development of society; promotes the formation of critical thinking, the ability to adapt to innovation and social change; helps a wide audience distinguish reliable, scientifically sound information from what is only passed off as such. Educational activities make it possible to involve members of various social groups in scientific life and are a way of recruiting students from numerous academic programmes into the higher education system with a further prospect of a professional career in science.

Keywords: science, information society, university, higher education, the third mission of the university, educational activities, popularization of science.

Переход к информационному обществу сопровождается пониманием того, что благополучие социума и его развитие основываются на производстве, распространении и применении знаний различного вида. Вместе с тем доступность высшего образования, его массовый характер, укрупнение университетов и усложнение их структуры, расширение интеграции университетов и общества привели к пересмотру роли высших учебных заведений в решении актуальных социальных проблем, осознанию их ответственности за повышение качества жизни на территории присутствия. Поэтому современный университет помимо традиционных функций, связанных с подготовкой профессиональных кадров и проведением научных исследований, выполняет и третью миссию.

Вопрос о том, что включает в себя третья миссия высшего учебного заведения, является дискуссионным. Можно выделить несколько ее ключевых компонентов: 1) производство и трансляцию знаний (в том числе в виде обучения в течение всей жизни); 2) создание и внедрение инноваций, трансфер технологий; 3) коммерциализацию, предпринимательскую деятельность; 4) социальную помощь (часто имеется ввиду некоммерческое взаимодействие вуза и различных стейкхолдеров). Некоторые авторы отождествляют третью миссию только с одним из этих элементов. Так, И. А. Стребулаев, объясняя успех Стэнфордского университета, отмечает, что в дополнение к традиционным для высших учебных заведений США двум «слонам» (преподаванию и научной деятельности) этот университет в середине XX в. добавил третье основание – коммерциализацию. Администрация разрешила профессорам работать вне учебного заведения, чтобы они смогли превратить свои идеи в источник дохода. Таким образом, каждый стэнфордский профессор имеет возможность стать предпринимателем [1]. В других подходах третья миссия представлена разнообразными вариантами сочетания четырех компонентов, указанных выше [2, 3, 4, 5].

При всех различиях в трактовках третьей миссии университета многочисленные точки зрения объединяет понимание того, что ее реализация благотворно влияет как на само учебное заведение, так и на его внешнюю среду. Активное, целенаправленное взаимодействие университета с местным сообществом изменяет не только ситуацию в городе и регионе, но и жизнь вуза, его восприятие в целом. Многие авторы признают, что третья миссия предполагает демонстрацию открытости университета: он

перестает быть замкнутой консервативной структурой, ориентированной на осуществление только образовательной и научной деятельности; происходит активное привлечение внешней аудитории; формируется более чуткое отношение к запросам, поступающим из окружающей среды. Исследователи согласны с тем, что качество реализации третьей миссии зависит того, как осуществляются первая и вторая: чем лучше развито образование и научно-исследовательская работа, тем плодотворнее будут проекты по выполнению третьей роли.

Пандемия коронавируса SARS-CoV-2 показала, как важно уделять внимание инновациям, вопросам устойчивого развития, информационному сопровождению изменений во всех подсистемах общества. Стало очевидно, что для эффективной деятельности в современном социуме, успешного решения возникающих в нем проблем человеку нужно обладать рядом знаний, умений и навыков, в том числе он должен быть способен найти необходимые данные, критически оценить их, быть в курсе ключевых научных открытий. Поэтому так значимо постоянное получение знаний в течение всей жизни, частью которого является популяризация науки как вид неформальных образовательных практик. Хотя научным просвещением занимаются не только преподаватели и студенты высших учебных заведений, но и научные сотрудники академических институтов, музеев, журналисты, представители других профессий (инженеры, врачи, юристы и т.п.), университет обладает рядом преимуществ. Это, к примеру, гораздо большие ресурсы для качественного осуществления просветительской деятельности; возможность задействовать молодежь, компетентную в конкретной научной области.

Распространение научных знаний в обществе как часть третьей миссии рассматривается в проекте «Наблюдательный совет европейских университетов» [6], цель создания которого состояла в предоставлении университетам надежных инструментов для управления научно-исследовательской деятельностью. По мнению Л. В. Константиновой, просветительская деятельность (наряду с социально-культурной, волонтерской, благотворительной) является частью социальной миссии высшего учебного заведения [7]. Результаты проекта «Европейские показатели и методология ранжирования для третьей миссии университета» показывают, что третья миссия включает несколько основных видов деятельности: непрерывное образование, обмен технологиями и инновациями, социальную вовлеченность [8, 9]. Частью последнего направления является информационно-просветительская работа.

Популяризация университетами новейших достижений различных областей знания стимулирует общественный интерес к науке; помогает широкой аудитории отличить достоверную, научно обоснованную информацию от той, которая лишь выдается за таковую; делать осознанный выбор; принимать рациональные решения. Люди получают представление об эффективности науки, ее вкладе в развитие социума, прозрачности процесса производства знаний наукой, что способствует формированию уважения к ученым, повышению их социального статуса, увеличению доверия к научным исследованиям. Общественная поддержка работников научной

сферы и просвещение выступают значимыми факторами борьбы с пандемией коронавируса SARS-CoV-2, во время которой жизненной необходимостью является следование рекомендациям специализированных организаций, новым правилам социального взаимодействия.

Просветительская деятельность университетов позволяет привлечь представителей различных социальных групп к участию в научной жизни, выступает способом рекрутирования слушателей многочисленных учебных программ в систему высшего образования с дальнейшей перспективой профессионального занятия наукой. Удобное для широкой публики изложение научного материала помогает получить обратную связь, выявить реальные проблемы, с которыми сталкиваются люди, вовлечь профессионалов в их решение. Благодаря научному просветительству вуз понимает, какие дополнительные ресурсы он способен предоставить сообществу. Сообщество, в свою очередь видит, чем оно может быть полезно университету. Например, его представители пополняют ряды студентов; появляется возможность апробации научного знания, производимого и транслируемого в высшей школе, в реальной жизни и т.п.

Распространение и эффективность научного просветительства можно объяснить проявлением в нем черт неформальных образовательных практик [10, 11], в том числе принципов добровольности и инициативы, свободы выбора, на которых основано участие в научно-просветительских мероприятиях, а также ориентации на конкретные образовательные запросы слушателей, развитие важных для них качеств, что предполагает гибкость в организации и методах обучения, быструю трансформацию научно-просветительских программ с учетом изменяющихся требований со стороны индивида и общества. Соответствие формы и содержания учебного процесса потребностям обучающихся повышает степень усвоения предоставляемой информации, обеспечивает высокую активность в процессе получения знаний, приобретающего глубокий личностный смысл. Слушатели испытывают внутреннюю ответственность за результаты такого обучения, оно становится более результативным.

Реализация третьей миссии в форме научного просветительства повышает эффективность выполнения образовательной и научно-исследовательской ролей университетом. Студентам участие в таких проектах в качестве лекторов и слушателей позволяет приобрести новые знания, сформировать навыки, которые важны для будущей профессиональной деятельности. Преподаватель в процессе популяризации науки получает дополнительную возможность для самореализации: он вправе подготовить лекцию на интересующую его тему, которая выходит за рамки университетской программы; использовать такие мероприятия как экспериментальные площадки для апробации различных обучающих технологий, форматов, подходов.

Таким образом, научно-просветительская деятельность может быть понята как одно из направлений в рамках осуществления университетом третьей миссии. Ознакомление широкой общественности с достижениями современной науки будет

способствовать формированию новых методов отбора, передачи и усвоения информации, развитию критического мышления, устойчивости к лженаучным знаниям, умения адаптироваться к инновациям и социальным изменениям, положительного отношения к ним. Распространение научного просветительства приведет к расширению возможностей для самообразования, привлечению молодежи к занятию профессиональной наукой, увеличению вариантов построения собственных жизненных и образовательных стратегий, что позволит раскрыть потенциал человека, о котором он порой даже не догадывается.

Литература:

1. Илья Стребулаев: венчурный капитал, кремниевая долина, Стэнфорд и политика инноваций [Экономика Хошимова («Hoshimov Iqtisodiyoti»)] // <https://www.youtube.com/watch?v=iMhxaN2LU2c>
2. «Вузпросвет». Третья миссия университетов [Институт Пушкина] // <https://www.youtube.com/watch?v=xcYMge3UhWQ>
3. Константинова Л.В. Современный университет – университет для общества // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16–1. С. 800-803.
4. Третья миссия университета [Точка кипения Медиациентр] // <https://www.youtube.com/playlist?list=PLGsnlpXnUcm25mBo8ipbcwSxxorzP>
5. Третья миссия университетов [Общероссийский гражданский форум] // <https://www.youtube.com/watch?v=9eNZU3WVRrA>
6. OEU. Methodological Guide // http://www.enid-europe.org/PRIME/documents/OEU_guide.pdf
7. Константинова Л.В. Современный университет – университет для общества // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16–1. С. 800-803.
8. Carrión A., García-Gutiérrez V.R., Bas M.C., Carot J.M. A new methodology for measuring third mission activities of universities // https://www.researchgate.net/publication/293632889_A_NEW_METHODODOLOGY_FOR_MEASURING_THIRD_MISSION_ACTIVITIES_OF_UNIVERSITIES
9. Green Paper. Fostering and Measuring 'Third Mission' in Higher Education Institutions // <https://www.dissgea.unipd.it/sites/dissgea.unipd.it/files/Green%20paper-p.pdf>
10. Атлас практик неформального образования / авт.-сост. М.С. Аверков, Н.М. Андерссон-Жулябина, Е.А. Вишневская, П.П. Глухов, Я.А. Ешматов, С.Г. Косарецкий, А.А. Попов; под науч. ред. А.А. Попова. – М.: Национальный книжный центр, 2019. – 264 с.
11. Ахметжанова Г.В., Вавилина К. В. Опыт организации неформального образования на примере образовательной программы «EUROSTARS» // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 4 (29). С. 17–20.

Новые формы популяризации научного знания в сетевом обществе New Forms of Scientific Knowledge Popularization in Network Society

*Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого
Peter the Grete St. Petersburg State Polytechnic University*

Статья посвящена новым моделям популяризации научного знания, которые в избытке появились и продолжают развиваться и трансформироваться в современном обществе. Игровые и развлекательные формы подачи публике разного рода информации зародились еще в доцифровую эпоху, в 80-е годы, уже тогда появился такой термин как инфотейнмент. Тотальное внедрение в повседневность информационных технологий вызвало лавинообразный рост производства различного научно-популярного контента. Он существует как наряду с традиционными формами популяризации науки, так и с новыми формами, не связанными с интернет-технологиями. Цель статьи – изучить новые формы популяризации науки и их влияние на массовое сознание современного общества.

Ключевые слова: научное знание, популяризация науки, инфотейнмент, сетевое общество, массовое сознание

The article deals with new models of scientific knowledge popularization, which abundantly appeared and continuously develops and transform in modern society. Various game and entertaining forms of information presentation emerged in pre-digital era, as early as the 80-s last century, when the term “infotainment” first appeared. Total implementation of IT into everyday life caused an avalanche growth of popular science content production. Digital content exists alongside with traditional popular science and new none-digital forms. The aim of the article is to investigate the new forms of popular science and their impact on mass consciousness of modern society.

Keywords: scientific knowledge, popular science, infotainment, digital society, mass consciousness

Научное знание является основой научной картины мира. Научное знание должно отвечать ряду критериев, среди которых предсказательная сила, верифицируемость (проверяемость на практике), системность и согласованность результатов [1].

Сложно не заметить существующего в как в мире в целом, так и в России общественного запроса на разного рода научную информацию, изложенную в упрощенной, доступной, наглядной форме. Популяризация научного знания существовала в нашей стране и в советскую эпоху, тогда это была одна из обязательных функций науки [2]. В последние годы это явление переживает новый взлет, появляются все новые и новые формы: научные фестивали [3], вебинары, научные кафе, видеоподкасты в интернете, квизы, квесты по научной тематике. Все они могут с большей или меньшей степенью справедливости быть обозначены таким термином как *инфотейнмент*, то есть подача информации в развлекательной форме [4].

Что же лежит в основе такого широкого и постоянно растущего интереса в обществе к научному знанию? И имеет ли это явление прямое отношение к росту

научной грамотности, критическому и аналитическому мышлению, или это всего лишь один из успешных и растущих сегментов шоу-бизнеса?

Вероятно, что, с одной стороны, такая тяга к науке обусловлена дезориентацией современного человека в потоках информации и желанием зафиксироваться в формировании своего взгляда на действительность за некие основания, считающиеся подтверждаемыми, истинными и заслуживающими доверия.

С другой стороны, рядовому потребителю информации зачастую сложно отличить научное знание от вненаучного (паранаучного, лженаучного, квазинаучного, псевдонаучного) [5].

Инфотейнмент - это калька с английского (англ. *Infotainment* от англ. *information* - информация и англ. *entertainment* - развлечение). Согласно Кембриджскому словарю этот термин изначально появился на телевидении, и означает подачу новостей и прочей информации в развлекательной, часто юмористической манере, и эта информация не всегда соответствует действительности. В последнее время, в связи с повсеместным распространением интернета и увеличением числа потребителей веб-контента, это слово все чаще применяется в отношении сетевых медиа. Социальные сети, созданные изначально для поддержания связей между людьми, и для того, чтобы человек мог высказать свой личный взгляд на то или иное событие или явление, оказались мощным оружием по распространению информации, в том числе информационно-развлекательного характера. Интерактивная природа социальных сетей позволяет потребителям информационно-развлекательного контента быть одновременно и производителями, создающими свои собственные сообщения, комментарии. Которые, в свою очередь часто используются медиа для создания новых статей.

Впервые слово «инфотейнмент» было использовано в сентябре 1980 года на научной конференции в Шеффилде, Великобритания. С 1980 по 1990 существовала группа британских исследователей в области информационных технологий, которая готовила юмористические шоу и выступала с ними на ряде профессиональных научных конференций.

Необходимо отметить коммерческую составляющую популяризации научного знания. Если проанализировать рекламу различных товаров медицинского, гигиенического или косметического назначения, почти вся она содержит некий научно-популярный компонент, зачастую начинающийся с расхожей фразы «Британские ученые доказали...» с дальнейшим перечислением неких научных терминов и цифр, призванных убедить потребителя принять верное решение при выборе соответствующего товара.

Если изначально целью информационно-развлекательных фильмов и передач было информирование общества для того, чтобы повысить общую осведомленность и, посредством этого, обезопасить, помочь принять верное решение в ряде сложных ситуаций, то впоследствии стала отмечаться способность медиа эксплуатировать эту возможность и даже сознательно исказить картину. Это делается в привлекательной для зрителя форме, с использованием видео-анимации, выведением на экран неких

обобщающих фраз в виде легко запоминающихся слоганов, претендующих на истинность, на окончательный вывод. Ряд признаков при этом может указывать на манипулятивную природу этого явления [6].

Данная проблема требует отдельного исследования и социально-философского осмысления для понимания ряда процессов, происходящих в современном обществе.

Литература:

1. Имре Лакатос Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. — 1995. — Москва: Медиум.
2. Лазаревич Э. А. Искусство популяризации науки (о роли В.И. Ленина в популяризации науки в СССР). — 2-е, перераб. и доп. — Москва: Наука, 1978.
3. Preview: Edinburgh International Science Festival //www.scotsman.com/whats-on/arts-and-entertainment/preview-edinburgh-international-science-festival-1583986
4. Ерёмина Д.А. Интерпретация термина «инфотейнмент» в немецких и российских исследованиях масс-медиа //www.mediascope.ru/node/1429
5. Десять подтверждений того, что мифы о мозге причиняют нам ущерб («Wired Magazine», США) //inosmi.ru/world/20141213/224841831.html
6. Maria Vogele Infotainment - Characteristics, History, Problems. — Multiple, United States: GRIN Verlag GmbH, 2013. — ISBN 9783656386865

УДК 324:008(470+571)

ББК 66.2:71.0(2)

Р.Р. Кучинскас
Richardas Kuchinskas
kuchinskas.rr@edu.spbstu.ru

Особенности обмена знаниями между сотрудниками в цифровой среде Peculiarities of knowledge exchange between employees in a digital environment

*Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого
Peter the Grete St. Petersburg State Polytechnic University*

Цифровизация современного мира так или иначе сказалась на особенностях обмена знаниями между людьми, в частности – между сотрудниками. Обмен знаниями стал проходить намного быстрее, но также цифровизация влечёт за собой и некоторые проблемы. В ходе анализа были выяснены преимущества для обмена знаниями, которые влечёт за собой развитие технологий, но так и их негативное влияние на когнитивные функции человека, а также на корпоративную среду. Были определены пути возможного решения возникших трудностей, и некоторые ограничения в условиях пользования информационными платформами. Таким образом, для решения данных проблем следует сфокусироваться на психологическом и эмоциональном состоянии сотрудников, проводить как можно больше совместных коллективных активностей и повышать коэффициент вовлечённости сотрудников в корпоративную жизнь.

Ключевые слова: Обмен знаниями, цифровая среда, сотрудники в цифровой среде, обмен знаниями в цифровой среде, плюсы и минусы обмена знаниями, особенности обмена знаниями.

The digitalization affected the peculiarities of the exchange of knowledge between employees. Knowledge exchange has become much faster, but digitalization also entails problems. In the course of the analysis, the advantages for the exchange of knowledge that the development of technologies entail, as well as their negative impact on human cognitive functions, as well as on the corporate environment, were found out. In order to solve these problems, one should focus on the psychological and emotional state of employees, carry out as many joint collective activities as possible and increase the coefficient of employee involvement in corporate life.

Keywords: knowledge exchange, digital environment, employees in a digital environment, knowledge exchange in a digital environment, pros and cons of knowledge exchange, features of knowledge exchange.)

Введение

Сотрудники используют различные способы связи друг с другом, и это не только мобильная связь, или переписка в интернете, используются такие сервисы как Zoom, Discord, Skype и другие, для того чтобы проводить совместные конференции, если нет возможности провести мероприятие в реальном времени. Можно транслировать мысли и опыт на огромные расстояния, именно, благодаря таким сервисам. Но, как и любое явление в современном мире, такой способ общения имеет свои минусы. Например, перебои сети, или выход из строя одного из устройств, может повлечь за собой срыв мероприятия [1].

Карантин, который возник 2 года назад, сильно повлиял на мир цифровых технологий в целом. Он стал толчком, заставившим компании, школы, университеты, государственные учреждения перейти на режим дистанционного общения. Благодаря ему качество информационных платформ для общения было значительно улучшено. С каждым днем компании оптимизируют работу таких платформ и сервисов. Как следствие, качество самой связи стало гораздо лучше, появилась возможность в крупных масштабах применять методы дистанционной связи. Случаются некоторые перебои, отсоединения от сети, или обычная перегрузка серверов, но все эти проблемы стараются решать как можно быстрее, потому что такой формат онлайн общения стал для наших современников привычным и удобным [2].

Можно сказать, что карантин повлиял положительно на развитие не только цифровых коммуникаций, но и мировой индустрии в целом. Из-за карантина вся цифровая индустрия стала востребованной во всем мире. На сегодняшний день имеется очень развитая цифровая среда, и значительный вклад в это принадлежит карантину, потому что он создал такие условия, в которых человеку стало необходимо обратить внимание на цифровую индустрию. И теперь специалисты различных областей, могут обмениваться опытом по всему миру, это позволяет ускорить разработку нового контента.

Анализ текущей ситуации

С учетом перечисленных обстоятельств, были поставлены следующие цели, исследования:

1. Выявить положительные и отрицательные стороны особенностей обмена знаниями в цифровой среде;
2. Выявить пути возможного решения возникших трудностей, и ограничения в условиях пользования информационными платформами;
3. Выявить, как повлиял карантин на развитие цифровой среды.

Положительные и отрицательные стороны особенностей обмена знаниями между сотрудниками в цифровой среде

Существуют различные барьеры при коммуникации между сотрудниками. К ним относятся: доверие, культура, расстояние, опыт, а также многие другие факторы. При

переходе общения в цифровую среду многие из этих барьеров ушли. Так, например, в международных компаниях теперь каждый может получить ответ от любого коллеги и с наступлением пандемии во многих компаниях стандартизировался язык общения. Так же стали активнее развиваться системы дистанционных курсов для сотрудника в виду того, что проведение очных вебинаров оказалось недоступным. Сотрудникам стало легче получить подтверждение и одобрение своих навыков и знаний благодаря быстрой реакции коллег, что в дальнейшем позволяет сотруднику не бояться поделиться своими знаниями или дать неверный ответ. По мере развития общения цифровой среды выявились не только положительные стороны, но и отрицательные.

Было выявлено множество как позитивных, так и негативных качеств обмена знаниями в цифровой среде, основанных на использовании информационных платформ, которые оформлены в форме таблиц. Анализ показал, что позитивные и негативные качества обмена знаниями в цифровой среде можно разбить на две подгруппы: особенности технологического и когнитивного обмена.

1	Технологический аспект	
	-	+
1.1	отсутствие общения по причинам, связанным с техническими неполадками	преодоление языковых барьеров
1.2	недостаточное эмоциональное наполнение при всех видах общения с помощью компьютера	использование видеосвязи (зрительный контакт) для повышения качества виртуального общения
1.3	ухудшение состояния здоровья сотрудников (зрение, сколиоз, раздражительность, утомляемость, ожирение)	доступность в практически любой точке мира
1.4	повышение порога входа для использования технологий	постоянное совершенствование и улучшение технологий
1.5		быстрый обмен информацией и новостями
1.6		возможность непрерывного и гибкого обучения на дистанционной основе
1.7		проведение удалённых экспериментов на реальном оборудовании
1.8		возможность демонстрационной сессии рабочего стола
1.9		более простая и объёмная обратная связь из-за развитых технологий
1.10		сокращение временных и бизнес-затрат
1.11		возможность демонстрационной сессии рабочего стола
1.12		Возможность комментирования и создания контента вне зависимости от ранга и занимаемой должности
1.13		совместная работа с документами

Как следствие очевидных преимуществ обмена знаний с применением цифровых технологий, возникают негативные последствия для когнитивного обмена знаний.

2	Культурный аспект	
	-	+
2.1	недостаточное эмоциональное наполнение при всех видах общения с помощью компьютера	эмоциональная разгрузка при стрессе (отсутствие прямого воздействия на человека)
2.2	низкий уровень культуры общения у сотрудников	письменное формирование мыслей, а также соблюдение формализма (положительно сказывается на поддержание корпоративной этики)
2.3	недостаток живого общения между сотрудниками пагубно влияет на развитие корпоративного духа	
2.4	усложнение создания условий для спонтанного обмена знаний	
2.5	усложнение создания внутреннего сообщества практиков	

Проведенный анализ показал, что позитивных качеств обмена знаниями в цифровой среде, основанных на использовании информационных платформ, больше, чем негативных.

Пути возможного решения возникших трудностей, и некоторые ограничения в условиях пользования информационных платформ

Что же можно предложить в случае, при наличии отрицательных моментов при использовании информационных платформ?

Существуют методы решения таких проблем.

И так, оборудование и связь, которые играют одну из ключевых ролей при обмене знаниями между сотрудниками в цифровой среде. Каждая организация должна выполнять обязательства по предоставлению необходимых условий для оптимального выполнения обязанностей, возложенных на сотрудников, обеспечив их современным оборудованием и бесперебойной связью. Так же обращает на себя внимание необходимость использования лицензионного контента.

Для успешного обмена знаниями внутри организации сотрудники должны обладать высокой организационной культурой, способствующей обмену знаниями между сотрудниками и подразделениями. Повышение уровня организационной культуры возможно при организации непрерывного и квалифицированного обучения сотрудников.

Речевая активность может быть повышена за счет разделения онлайн мероприятий на несколько частей. В первой части мероприятия, возможно, провести запись теоретической информации, а во второй - осуществить непосредственный диалог выступающего со слушателями.

Проведение ежеквартальной диспансеризации сотрудников может быть использовано для диагностики состояния здоровья сотрудников, с последующим лечением выявленных заболеваний за счет организации [5].

Заключение

В ходе работы выявлены положительные и отрицательные стороны особенностей обмена знаниями в цифровой среде на информационной платформе, которые были перечислены выше. Было выявлено что положительных сторон больше, чем отрицательных. Так же были определены пути возможного решения возникших трудностей, и некоторые ограничения в условиях пользования информационными платформами. В ходе работы было выяснено, что карантин, введенный из-за пандемии, в целом оказал положительное влияние на развитие не только цифровой коммуникации, но и мировой индустрии в целом. Основной проблемой технологического аспекта является стабильность и доступность технических средств, например любое интернет – соединение не может быть полностью стабильным и безопасным, его можно взломать, или дешифровать, можно прослушать материал. Другим, не менее важным, является культурный (когнитивный) аспект, так как технологии всё более отдаляют людей друг от друга и это сказывается на эмоциональном состоянии, а также на корпоративном духе и единстве коллектива, снижается вероятность образования общества практиков и спонтанного обмена знаниями. В то же время - письменное формирование мыслей, а также соблюдение формализма - положительно сказывается на поддержание корпоративной этики. Таким образом, для решения данных проблем следует сфокусироваться на психологическом и эмоциональном состоянии сотрудников, проводить как можно больше совместных коллективных активностей и повышать коэффициент вовлечённости сотрудников в корпоративную жизнь.

Литература:

1. Уолш, Т. 2062: время машин / Т. Уолш. Москва: АСТ, 2018. 320 с.
2. Форд, М. Роботы наступают. Развитие и будущее без работы / М. Форд. Москва: Альпина-нон-фикшн, 2014. 430 с.
3. Леонгард, Г. Технологии против человека / Г. Леонгард. Москва: АСТ, 2018. 320 с.
4. Курцвейл, Р. Эволюция разума / Р. Курцвейл. Москва: Эксмо, 2016. 448 с.
5. Паркер, Дж. Революция платформ. Как сетевые рынки меняют экономику — и как заставить их работать на вас / Дж. Паркер, С. Чаудари. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 389 с.
6. Ершова, Т. В. Цифровые платформы для исследований и разработок / Т. В. Ершова, Ю. Е. Хохлов. Информационное общество. 2017. № 6. С. 64–71.

Геймификация как прием коммуникативного взаимодействия между преподавателями и студентами в учебном процессе
Gamification as a method of communicative interaction between teachers and students in the educational process

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Образовательный процесс в вузе реализуется во взаимодействии его субъектов – преподавателей и студентов. Качество обучения напрямую зависит от качества взаимоотношений преподавателей и студентов, и от того, каким образом они будут взаимодействовать будут зависеть мотивация студента и качество обучения. Использование в процессе обучения нетрадиционных методов и приемов способствует творческому усвоению необходимой информации. Повышение познавательной активности является эффективным условием подготовки квалифицированного специалиста. Таким образом, особое значение при организации работы имеет сформированная мотивация к обучению. Одним из примеров включения студента в образовательный поток служит – геймификация. Геймификацию стоит рассматривать как полезный и интересный тренд, который является ответом на многие вызовы современности.

Ключевые слова: геймификация, образование, мотивация, студент, преподаватель.

The educational process at the university is implemented in the interaction of its subjects - teachers and students. The quality of training directly depends on the quality of the relationship between teachers and students, and the way in which they will interact will depend on the motivation of the student and the quality of training. The use of non-traditional methods and techniques in the learning process contributes to the creative assimilation of the necessary information. Increasing cognitive activity is an effective condition for training a qualified specialist. Thus, the formed motivation for learning is of particular importance in the organization of work. One example of a student's inclusion in the educational stream is gamification. Gamification should be considered as a useful and interesting trend, which is the answer to many challenges of our time.

Keywords: gamification, education, motivation, student, teacher.

Еще в прошлом веке, в годы научно-технической революции и эпохи НТР в России сложился определенный стереотип – деление профессионалов на «гуманитариев» и «технарей», а также их противопоставление. Долгое время сравнение «яркой творческой» и «сухой технической» работы считалось нормой, пока современное общество не перешло невидимую границу под названием «модификация» (рис.1.1). Нельзя утверждать, что все представители современного общества прошли так называемый апгрейд. Консерваторы придерживаются прежних стереотипов и отказываются идти в одном направлении с современным развитием мира.

Рисунок 1.1. Компетенции «гуманитарий-технар» по мнению консерваторов

Самое время обозначить рамки гуманитарного направления, как более творческого, и поговорить о людях с гуманитарным складом ума. Для него свойственны характерные особенности поведения – эмоциональность, чувственность, развитая интуиция. Гуманитарии умеют общаться и налаживать контакт с другими людьми, поэтому они добиваются успеха в сферах деятельности, подразумевающих общение. Гуманитарии открыты для диалога и обсуждения, выслушивают все точки зрения и легко признают собственную неправоту, если оппонент был достаточно убедителен. Чаще всего гуманитарии связывают свои профессии и увлечения с творческими видами деятельности. Такие творческие soft skills, как написание рассказов и стихов, увлечение живописью, работа в сфере дизайна, являются полезными и востребованными гуманитарными навыками. Упомянутые навыки – это только малая часть из всех гуманитарных навыков, которыми, кстати, владеют не все гуманитарии! В голове гуманитария постоянно возникают и взаимодействуют различные образы, поэтому творческие навыки soft skills у них более развиты. Он может достаточно отчетливо представить и «рассмотреть» образ непосредственно в своём воображении. Важно учитывать, что людей с чисто гуманитарным или чисто техническим складом ума мало. У большинства из нас присутствуют обе составляющие, просто одна из них превалирует, определяя интересы и способности. Не нужно ограничивать себя только гуманитарными сферами. Хорошо развитые социальные навыки востребованы везде. Многие профессии требуют от специалиста наличия и технической, и гуманитарной составляющей.

Современная реальность находится под давлением цифрового прогресса. Особые изменения произошли под влиянием пандемии COVID-19, которая позволила перезагрузить устоявшееся «нормальное» и модернизировать его в «новое нормальное». Совершенствование цифровых коммуникаций, подразумевающих собой публикацию материалов различных типов; коллаборацию онлайн-пространства и офлайн территории; работу с Big Data, влечёт за собой цифровое реконструирование мира. Данная модернизация требует от социологов обновленного взгляда и современного мышления для исследования общества, а именно цифрового сообщества.

С каждым годом люди совершают всё больше открытий, которые позволяют улучшать и развивать уровень жизни. Инструмент, который позволяет ежегодно оценивать уровень жизни различных стран и регионов называется «Human Development Index» [1]. Индекс человеческого развития (ИЧР) - это суммарный показатель средних достижений в ключевых аспектах человеческого развития:

- долгая и здоровая жизнь;
- наличие знаний;
- достойный уровень жизни.

Мы видим 3 ключевых критерия оценки, которым необходимо уделить особое внимание. Здравоохранение пополняется специалистами, которые дали клятву, в которой они обязуются всегда следовать определенным правилам поведения и лечить людей так, как завещал делать это греческий врач Гиппократ; инженеры разрабатывают медицинское оборудование, которое помогает диагностировать и лечить различного рода заболевания, а также проводить профилактические меры по их предотвращению; IT-специалисты создают приложения и платформы по улучшению коммуникации и взаимодействия общества с медицинскими услугами.

Образование занимает немаловажное место в человеческой жизни. От его качества, структурированности и адаптивности зависит результат не только определенного индивида, но и целого поколения. К примеру, обучение на глиняных дощечках сменилось на электронные учебники и тетради; основа теоретической базы сохранилась, модернизировалась под влиянием человеческого развития и осведомленности в различных сферах. Это говорит о том, что весь этот процесс зарождался, видоизменялся и будет совершенствоваться параллельно с развитием жизни общества. Развитие позволяет выявить востребованные специальности на рынке труда, и, следовательно, новые способы организации учебного процесса и подходы к взаимодействию с обучающимися. По содержанию образование сегодня становится все более прикладным, давая студентам не столько системность мышления и понимание происходящих процессов, сколько сумму навыков и компетенций, необходимых для успешного трудоустройства. В современном образовательном процессе выделяются три тенденции:

- учебные планы вузов становятся более гибкими, давая возможность самоопределения студентам, право выбора чему именно и как глубоко они хотят учиться;

- учебный процесс все больше ориентируется не на традиционные уроки в аудитории с преподавателем, а на самостоятельную работу студентов, которую преподаватель лишь корректирует;

- коммуникация между студентом и преподавателем становится все более цифровизированной.

Сегодня требуется высокая степень самоорганизации и мотивированности студентов, понимания целей и перспектив своего обучения. Современный мир требует универсальных специалистов, которые наравне владеют как техническими,

так и гуманитарными знаниями. Человек с ограниченным взглядом на мир и отсутствием желания к развитию универсальным специалистом не является и понижает свой уровень экспертности. Развитие новых навыков и освоение новых компетенций позволяет выявлять новые проблемные точки и, следовательно, помогает решать их. Так в современном мире появляются новые профессии и специалисты.

Из изучения общества, а именно образовательного общества в офлайн пространстве, социологи переходят к исследованию онлайн-аудитории в образовательном цифровом пространстве. Исследователи замечают изменение моделей поведения при функционировании людей цифрового мира. Как утверждают Д. Миллер и Х. Хорст, цифровые технологии становятся неотъемлемой частью того, что делает людей людьми. Общество в цифровом мире выглядит иначе, так как у него появляется антропологическая возможность – понять то, что делает человека человеком в современном мире [2]. Оцифровка смартфонами, цифровыми камерами и аксессуарами, социальными сетями таких сфер, как работа, общение, передвижение в пространстве, делает общество наиболее открытым и доступным для изучения и исследования социологами. Многие социологи обращаются к новой, "цифровой социологии" как к способу переориентации фокуса дисциплины на роль цифрового в общественной жизни. Социологам необходимо оценивать последствия этих повседневных цифровых технологий.

Использование геймификационных элементов даёт возможность студентам творческих профессий более многогранно себя выразить и развиваться в образовательном процессе. Геймификация ведет к пересмотру форматов обучения специалистов таких творческих направлений СПбПУ, ВШМиСО как «Реклама и связи с общественностью в отрасли», «Реклама в международном сотрудничестве», «Социологические исследования в рекламе и PR», а также «Научный PR». На помощь необходимым для получения теоретической базы семинарским и лекционным занятиям, приходят мотивационные списки лидеров, to-do-list, кольца активности и портфолио. При внедрении данных мотивационных методов необходимо соблюдать баланс между игрой и обучением. Не следует забывать, что целью игры является закрепление навыков и получение компетенций. Для внедрения геймификации на уровне вуза потребуется желание руководства, и здесь уже самим преподавателям придется сыграть в деловую игру и представить цели, задачи, игровые инструменты и механики, а самое главное – объяснить, каких результатов можно добиться с помощью системных изменений. У творческих студентов высокая потребность в самовыражении, им хочется раскрываться через игру и задействовать все креативные навыки. Геймификация ускоряет усвоение информации студентами во время занятий, позволяет более интегрировано включаться студентам творческих профессий в образовательный процесс и более многогранно выражать свой потенциал.

Следовательно, использование геймификации в обучении студентов творческих профессий даст им возможность более многогранно себя выразить и развиваться в образовательном процессе. Геймификация ведет к пересмотру форматов обучения:

несомненно, что для выполнения данных заданий требуется понимание теоретического материала (ТМ), но для усвоения ТМ необходима апробация сформировавшихся навыков. Данные геймификационные элементы обучения труднее оценивать, поэтому необходимо соответствовать реалиям современного мира и создавать новые системы оценки знаний студентов. Образовательный процесс – это вселенная, которая существует без учета мнений и интересов студента. Рассмотрим данное утверждение под призмой кругов Эйлера:

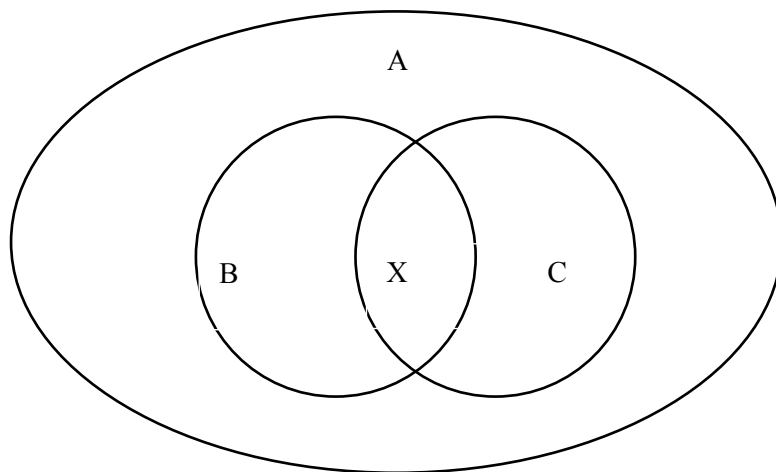

Рисунок 1.1. Геймификация под призмой кругов Эйлера

Рассмотрим данное взаимодействие, где А – образовательный процесс, В – преподаватель, С – студент, Х – геймификация образовательного процесса. В данной схеме «В» и «С» находятся в отношениях пересечения и подчинения от «А». Если мыслить шире, то существует некая сфера «У», которая обозначает современную жизнь. Тогда «А» будет находиться в подчинении от «У», что говорит о влиянии внешних факторов на систему образования. Рисунок иллюстративно отобразил желаемую ситуацию в современной системе образования, где:

- система образования соответствует современным тенденциям и внедряет новые технологии в свои планы;
- отношения между студентом и преподавателем находятся в дружеских отношениях, где преподаватель выступает в роли ментора и наставника;
- геймификационное взаимодействие между студентом и преподавателем имеет практический результат, что позволяет выпускникам завершать обучение в вузе с базой необходимых в работе практических навыков.

Такое обучение позволит поддерживать состояние потока как студента, так и преподавателя. Как написал Михай Чиксентмихайи в своей книге «Поток: Психология оптимального переживания» - «...поэтому информация, допускаемая нами в сознание, чрезвычайно важна; по сути, именно она определяет содержание и качество нашей жизни...».

Рассмотрим сообщество, заинтересованное в образовании в онлайн-среде – студенты 1-6 курса ВШМиСО СПбПУ. На основании данных, полученных из опроса,

произошло формулирование проблемы – отсутствие мотивационной составляющей в учебной жизни студентов. Инструментом мотивации и повышения заинтересованности могла бы стать геймификация. Студент 21 века живёт в моменте и не привык тратить время на переключения между вкладками – это момент, который стоит запомнить и решить. Было сформулировано предложение-гипотеза: рассмотреть возможность объединения и структурирования всех возможных и интересных для студента вариантов геймификации, что создаст личный мотивационный профиль учащегося, который станет неотъемлемой частью жизни в Высшей школе. В ходе проведения исследования были изучены: отношение студентов к цифровому миру, определено их присутствие в онлайн-пространстве, предпочтения при выборе приложений. Информация станет основой для создания прототипа для геймификационной платформы, которая станет портфолио для студента, за которое он будет вознагражден. После апробации необходимо принять во внимание мнение профессионалов своего дела и внести коррективы, если таковые имеются.

Геймификация в таком приложении работает по следующим принципам: таблицы лидеров или места, где отображаются лучшие результаты, поощрение постоянного включения в приложение, геймификация помогает понять, что студент сам отвечает за свой учебный путь. Геймификация работает, потому что она вызывает настоящие, сильные человеческие эмоции, такие как счастье, интрига, волнение и достижение.

Литература:

1. Human Development Report [Электронный ресурс]. – URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2013_en_technotes.pdf (дата обращения: 16.10.2021).
2. Ginzburg , F. (2012) Disability in the digital age . In H. Horstmann D. Miller(eds) Digital Anthropology. London : Berg , 101 - 126.

Социальные сети в политической коммуникации: контент-анализ публикаций в российских научных журналах за 2020-2021 гг.
Social networks in political communication: content analysis of publications in Russian scientific journals for 2020-2021

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)
Saint-Petersburg state electro technical university «LETI»

Возрастающая роль социальных сетей в политической коммуникации обусловлена прежде всего такими факторами, как технологическим развитием средств мобильной связи, доступностью устройств для пользователей, глобальным расширением медиа-пространства в Интернет. Пандемия коронавируса COVID-19 усилила тенденцию цифровизации большинства областей человеческой деятельности, в том числе разнообразные формы политического поведения. В предлагаемой статье представлены результаты контент-анализа публикаций в русскоязычных научных журналах, посвященных вопросам взаимосвязи уровня политической активности пользователей социальных сетей. Одним из результатов исследования является фиксация недостаточной разработанности понятийного словаря для описания изучаемой темы, что сказывается на качестве научной разработки изучаемой темы.

Ключевые слова: социальные сети, политические коммуникации, общественное мнение, изучение общественного мнения, контент-анализ

The growing role of social networks in political communication is primarily due to such factors as the technological development of mobile communications, the availability of devices for users, and the global expansion of the media space on the Internet. Pandemic of the COVID-19 has intensified the digitalization trend in most areas of human activity, including a variety of forms of political behavior. This article presents the results of a content analysis of publications in Russian-language scientific journals devoted to the relationship between the level of political activity of users of social networks. One of the conclusions is that conceptual vocabulary for describing the topic is underdeveloped, and that affects the quality of the scientific development of the topic under study.

Key words: social networks, political communication, public opinion, public opinion research, content analysis

Рост популярности социальных сетей – один из основных признаков культуры цифровой эпохи. Распространение сервисов приводит к изменениям в обществе и коммуникации, в том числе, политической. Физическое расстояние перестает иметь значение, роль горизонтальных связей, напротив, увеличивается, как и количество и разнообразие лидеров мнений. Блогеров называют инфлюенсерами и трендсеттерами – именно они всё чаще выходят на первый план в предвыборный период. Потенциал использования социальных сетей в электоральном поле, как принято считать, впервые оценили в США. К Интернет-технологиям во время президентской кампании 1992 года прибегал Билл Клинтон, несмотря на то, что в сети на тот момент функционировали порядка 50 сайтов [1]. На сайте Клинтона-кандидата были размещены его биография, программа и выступления. Сам политик называл себя

«президентом на заре Интернета». Теперь задействование социальных сетей является едва ли не обязательным пунктом для политических игроков. Влияние современных медиа осознают власти различных государств, внося изменения в свое законодательство. В России принимать законы, касающиеся данной сферы, начали в 2010 году. На сегодняшний день за виртуальные преступления можно получить реальные сроки. В то же время, исследователи из разных стран отмечают, что с развитием социальных сетей пользователи сталкиваются с информационной перегрузкой. Острым становится вопрос фильтрации и доверия распространяемому контенту. Самостоятельное значение приобретает оценка количества и качества научных публикаций, предметом изучения которых оказываются различные аспекты влияния социальных сетей на социальную и политическую активность их пользователей. Настоящим исследованием мы намерены отчасти прояснить этот вопрос. Далее представлены результаты контент-анализа публикаций в российских научных изданиях с целью выявить наиболее актуальные темы научного изучения социальных сетей, влияния социальных сетей на политическую активность их пользователей, а также охарактеризовать понятийный словарь, используемый авторами исследований.

Описание исследования

Базой для сбора эмпирических данных стал интернет-сайт eLibrary – российская научная электронная библиотека интегрирована с Российским индексом научного цитирования (РИНЦ). Согласно информации, размещенной на портале, к 2020 г. электронная библиотека содержит свыше 30 миллионов научных статей из более чем 3000 научных журналов.

Отбор данных проводился по наличию в статьях (заголовке, аннотации, ключевых словах, тексте) сочетания следующих терминов:

- «Социальные сети» и «политическая активность»
- «Социальные сети» и «политическое поведение»

Период публикаций был задан с января 2020 г. по июнь 2021 г. Объем выборки составил 414 статей.

В соответствии с задачами нашего исследования в качестве *категорий анализа* были выбраны:

- Упоминание указанных терминов в названии статьи (в том числе, названий конкретных статей – для определения степени интереса к различным площадкам)
- Функциональное описание социальных сетей в контексте политической деятельности (с точки зрения политических деятелей и граждан)
- Ключевые слова, используемые в приведённых научных публикациях (как маркеры, облегчающие поиск статей по данной тематике в процессе научной работы).

Единицей анализа стали опубликованные авторские аннотации к исследовательским статьям.

Единицей счёта служили упоминаемая в аннотации функциональная связь социальных сетей и политической коммуникации.

В приведенной таблице представлены результаты контент-анализа.

Таблица контент-анализа статей, опубликованных в российских научных журналах

Категории анализа	Единицы счёта	Число упоминаний
Упоминание терминов в заголовке статьи	Социальные сети + политическая активность	1
	Название конкретной социальной сети	0
Функциональное описание социальных сетей в контексте политической деятельность	Со стороны политических деятелей	12
	Со стороны пользователей	24
	С точки зрения методов исследования социальных сетей	2
Основные ключевые слова	Социальные сети	24
	Интернет	11
	Политическая активность	7
	Политическая коммуникация	7
	Молодежь	7
	Цифровизация	6
	Политическое участие	6
	Социальные медиа	6
	Протесты	4
	Политический протест	4
	Политическое поведение	4
	Политическая мобилизация	4
	Гражданская активность	4

Аналитический комментарий

Из 414 статей, показанных на сайте eLibrary.ru за указанный период по запросу, непосредственно социальным сетям Интернета в политическом контексте посвящено 56 публикаций (то есть 13%). Таким образом, можно говорить о заинтересованности в теме отечественных исследователей. Спектр интереса не ограничен только Россией: некоторые публикации за указанный период посвящены изучению (с точки зрения поведения как пользователей, так и политических деятелей) вопроса в других странах: Вьетнаме, Украине, Белоруссии, США, Казахстане. Ниже приведены выдержки из подобных статей:

Коммуникационные стратегии ведущих украинских политиков были направлены на создание репутационных рисков для оппонента за счет использования «неджентельменских» методов политической борьбы. Наиболее явными эти тенденции стали в противостоянии двух лидеров предвыборной гонки - Петра Порошенко и Владимира Зеленского [2]

На примере современных (после 2016 года) США и в особенности президентских кампаний 2016 и 2020 годов автор выявляет используемые в стране новые

инструменты внутриэлитной борьбы за политическую власть, такие как: критика оппонента или зоны его ответственности по социально значимым вопросам от лица неявно связанных с актором НКО; инструменты, использовавшиеся на фоне акций ВЛМ и захвата Капитолия; публикация в СМИ бездоказательной информации, порочащей оппонента; препятствование в распространении исходящей от оппонента информации на основе ее вероятной недостоверности или социальной опасности; флэшмоб в социальных сетях; использование форс-мажорной ситуации как повода для продвижения более выгодного формата политической активности; формирование негативных ожиданий вокруг будущих действий оппонента; критика оппонента от лица лидеров мнений, представляющих основные группы его электората; расширение права голоса на новые категории избирателей через придание гражданства или повышение статуса территории [3]

При этом сам термин «социальные сети» в сочетании с терминами «политическая активность», «политическое поведение» или «политическая деятельность» в заголовках статей практически не встречается: удалось найти лишь один пример:

Анализ активности политических партий на платформе социальных сетей в контексте предвыборной кампании 2021 год [4]

Формулировки заголовков статей на данную тему разнообразны, смысл и методы исследования авторы предпочитают раскрывать в аннотациях. Среди проанализированных работ видно, что большинство авторов сфокусированы на изучении поведения пользователей социальных сетей, изменения уровня политической активности и осведомленности, а также других потребительских аспектах (24 статьи, 42 % от общего числа). Среди основных рассматриваемых вопросов отметим следующие:

- Социальные сети как новая форма политической коммуникации для пользователей.

Сегодня социальные медиа стали не просто средством передачи информации и формой развлечений, а особой глобальной формой социального политического взаимодействия, все более проникающего в самые разные стороны жизни общества [5];

- Влияние социальных сетей на политическую активность граждан

Развитие электронных платформ сбора подписей, деклараций, социальные сети позволяют женщинам артикулировать свои гражданские позиции, наращивать свой социальный капитал, реализовывать групповые и социально значимые интересы [6];

- Социальные сети в протестной активности

Усиление протестного поведения молодежи детерминировано увеличением количества политической информации с высоким количеством лайков и репостов... [7]

При этом потенциал использования социальных сетей политическими деятелями, анализ задействования новых медиа в выборном процессе, оценка представленности субъектов власти также представляет интерес для исследователей,

но в значительно меньшей степени (этим вопросам посвящено 12 из проанализированных статей, что составляет 21 % от общего числа). Основные направления исследований:

- Медиаактивность политических партий и деятелей

В рамках настоящей статьи предлагается остановиться на религиозном аспекте самопрезентации руководства Чеченской республики в социальных сетях и рассмотреть, каким образом и в каком масштабе актуализируется «религиозное» на интернет-страницах политической и религиозной элиты республики [8]

- Новые инструменты для контроля канала коммуникации

Авторами приводится пример внедрения в работу органов власти автоматизированной системы управления негативными мнениями в социальных сетях «Инцидент Менеджмент» [9]

К отдельной группе можно отнести статьи, посвященные методологии исследования социальных сетей в контексте политической коммуникации. За исследуемый период было найдено 2 статьи по данной тематике (3,5 % от общего числа).

Появление и рост популярности социальных сетей, а также растущая цифровизация, проникающая в разнообразные сферы экономики и общества, оказали существенное влияние на сферу политики в целом и на процессы политической мобилизации и коммуникации, в частности. Методологический арсенал политической науки также оказался затронут указанными трансформационными процессами и начал пополняться новыми подходами и методами, предложенными в рамках недавно возникшей области знания, получившей название наук о данных [10]

Наличие подобных публикаций, на наш взгляд, позволяет сделать вывод, что на данный момент отечественные исследователи пока находятся в методологическом поиске, так как новые каналы коммуникации требуют новых методов изучения.

К основным темам публикаций отнесем следующие:

1. Социальные сети в контексте политических протестов (15 статей, 26%);
2. Влияние социальных сетей на политическую вовлечённость молодёжи (11 статей, 19 %);
3. Активность представителей власти в социальных сетях (5 статей, 8 %).

Говоря о выделенных авторами статей ключевых словах, список выглядит следующим образом (от большего числа упоминаний к меньшему): «социальные сети», «Интернет», «политическая активность», «политическая коммуникация», «молодежь», «цифровизация», «политическое участие», «социальные медиа», «протесты», «политический протест», «политическое поведение», «политическая мобилизация», «гражданская активность». В данный перечень вошли слова, которые встречались в статьях более трёх раз. Общее число ключевых слов и словосочетаний - 183, из них 147 слов (80 %) встретилось лишь раз (такие, например, как «цифросетевизация», «инфодемия», «демобилизация» и др.). Укажем также на использование синонимичных словосочетаний, например, «протестная активность»,

«протестный потенциал», «протестная мобилизация», «протестные настроения», в определенном смысле затрудняющих поиск публикаций по изучаемой тематике.

Выводы

Проведенный контент-анализ, позволяет сделать следующие выводы:

1. Число публикаций в русскоязычных научных журналах в изучаемый период свидетельствует, что социальные сети в политологическом контексте в целом вызывают интерес у отечественных исследователей.

2. Предметом исследовательского интереса тех, кто изучает данную тему, выступает взаимосвязь развития социальных сетей и изменения политического поведения пользователей, в меньшей степени – потенциал нового канала коммуникации для политических лидеров.

3. Определенно выражен интерес российских исследователей к изучению влияния социальных сетей на политическое поведение молодежи, на формирование и динамику протестных настроений.

4. Ключевые слова, используемые в статьях по изучаемой теме, свидетельствуют о том, что научный словарь для разработки указанных вопросов находится на этапе формирования.

Литература:

1. Авзалова Э.И. Интернет-коммуникации в избирательной кампании США, Известия Иркутского государственного университета, серия «Политология. Регионоведение», 2017. С. 186-193
2. Щетинина Н.Н. Маргинализация политических лидеров в массовых коммуникациях современной Украины, «Россия и современный мир», №1(110), 2021, DOI: 10.31249/rsm/2021.01.07
3. Басов О.Н., Инструменты внутриэлитной борьбы за политическую власть в современных США, «Вопросы национальных и федеративных отношений», №5(74), 2021, DOI: 10.35775/PSI.2021.74.5.022
4. Агурова А.А., Тихонова А.В. Анализ активности политических партий на платформе социальных сетей в контексте предвыборной кампании 2021 года, «Вопросы политологии», №11 (63), ООО «Издательство «Наука сегодня», Москва, 2020, с. 3195-3205 DOI: 10.35775/PSI.2020.63.11.016
5. Бадмацыренов Т.Б., Цыденов А.Б., Хандаров Ф.В., «Третье пространство», «Эхо-камеры» и онлайн-сообщества: воспроизводство политических идеологий в социальных сетях, «Политическая наука», №1, 2021, с 183-204, DOI: 10.31249/poln/2021.01.08
6. Кранзеева Е.А., Изменения политического сознания и поведения российских женщин: вызовы цифровизации, «Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение», №1-2 (25), 2021, с 258-266, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-258-266
7. Леньков Р.В., Колосова О.А., Ковалева С.В., Социально-психологическая диагностика и прогнозирование протестного поведения молодежи в цифровой среде, «Цифровая социология», №1, 2021, с 31-41
8. Михалева А.В., Религиозный фактор в региональной политике идентичности: на примере самопрезентации лидеров Чеченской республики в социальных сетях, «Вестник Пермского Федерального исследовательского центра», №3, 2020, с 44-58 DOI: 10.7242/2658-705X/2020.3.5
9. Фролов А.А., Барский Я.В., Особенности реагирования органов на протестную активность в Интернете, «Российский политический процесс в региональном измерении: истории, теория, практика», №14, 2021, с 124-127 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46389941>
10. Стукал Д.К., Беленков В.Е., Филиппов И.Б., Методы наук о данных в политических исследованиях: анализ протестной активности в социальных сетях, «Политическая наука», №1, 2021, с.46-75, DOI: 10.31249/poln/2021.01.02

Взаимодействия в социотехнических системах и системах электронного обучения
Interactions in sociotechnical systems and e-learning systems

УДК 659.3
ББК 88.52

.В. Чистяков, М.А. Третьяков, Д.Ю. Бунзя
Anatoly Chistyakov, Maxim Tretyakov, Daniel Bunzya
afrika28@yandex.ru
maxim1908199922@mail.ru
bunzya01@mail.ru

Социальная проблема восприятия качества жизни в условиях цифровизации основных сфер жизнедеятельности человека
The social problem of the perception of the quality of life in the conditions of digitalization of the main spheres of human activity

Шахтинский институт (филиал) ЮРГПУ(НПИ) им. М.И. Платова
Shakhty Institute (branch) SRSPU (NPI) named after M.I. Platov

Рассматривается социальная проблема восприятия качества жизни различными группами населения, в условиях цифровизации основных сфер жизнедеятельности, как тренда на снижение качества потребления.

Ключевые слова: социальные проблемы, восприятие, цифровизация, качество жизни, качество потребления, цифровизация экономики, цифровые услуги, цифровизация образования, цифровая медицина.

The social problem of the perception of the quality of life by various groups of the population, in the conditions of digitalization of the main spheres of life, as a trend to reduce the quality of consumption is considered.

Keywords: social problems, perception, digitalization, quality of life, quality of consumption, digitalization of the economy, digital services, digitalization of education, digital medicine.

Целью работы является изучение восприятия качества жизни в условиях цифровизации социально-экономических отношений в основных сферах жизнедеятельности человека [1].

Изучение социальной проблемы восприятия качества жизни в условиях цифровизации является актуальным, так как данная тема в научных исследованиях раскрыта не до конца. Проведение исследований по определению отношения людей к цифровизации среды их жизнедеятельности позволяет выделить актуальный перечень показателей качества жизни, системно проанализировать проблему восприятия качества жизни, на основании чего возможно усовершенствование социальных стандартов на важнейшие цифровые услуги.

Теоретико-методологической основой исследования является совокупность выводов и положений, которая содержится в работах российских ученых, исследователей и специалистов в области восприятия (Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, Л.А. Венгер). Социальное восприятие рассматривается на основе теории П. Бурдьё, а также используется теория особого социологического воображения Ч. Миллса и З. Баумана. В основе исследования лежат методологические принципы объективности, системности, конкретности исследования. Для сбора социологической информации восприятия применяются методы: анкетного опроса, анализ документов, сравнительный, статистический и интерпретация социологической информации. Так как восприятие рассматривается с социологической точки зрения, то используется теория социологического восприятия Ч. Миллса и З. Баумана. Понятие «восприятие» определяется с точки зрения П. Бурдьё, по утверждению которого, люди, занимающие разные позиции в обществе имеют разное социальное восприятие.

Для достижения целей исследования использовался психосемантический подход, состоящий в построении и анализе пространства восприятия [2].

Эмпирическое исследование было разделено на три этапа:

- первый этап - выделение списка цифровых услуг, составляющих качество жизни;

- второй этап - выявление конструктов с помощью техники репертуарных решеток (метод триад) – анкета в виде опросного листа с триадами цифровых услуг. Сбор данных за счет личных интервью с респондентами. Обработка полученной информации для составления шкал семантического дифференциала.

- третий этап – формализованная анкета с полученными шкалами для семантического дифференциала. Сбор данных за счет онлайн-интервью респондентов. Анализ данных с применением математического аппарата.

Для отбора показателей было сформулировано два следующих вопроса:

1. Если бы Вы не выбирали цифровые услуги, обеспечивающие качества жизни, то какие показатели Вы хотели бы больше всего улучшить?

2. А какой показатель качества жизни Вы меньше всего хотели бы улучшить?

Нам удалось определить, какие из показателей качества жизни являются важнейшими, а какие, наоборот, можно не рассматривать для изучения. Так, на первый вопрос больше всего было получено таких ответов как «качество цифрового медицинского обслуживания» и «качество цифрового образования», а на второй – «качество цифровой культуры и досуга», «качество цифровой сферы услуг», «качество цифровой безопасности». Таким образом определился следующий список показателей качества жизни: «качество цифрового медицинского обслуживания», «качество цифрового образования», «качество цифровой культуры и досуга», «качество сферы цифрового обслуживания и социальных услуг», «качество цифровой безопасности» [3, 4].

Сформированная «рамка» исследования позволила провести эмпирическое исследование, полностью основанное и объясненное с точки зрения теории. Таким образом, опираясь на полученные пространства восприятия, построенные на основе

анализа соответствий, можно сделать вывод о том, что восприятие качества жизни в условиях цифровизации социально-экономических отношений у людей с разным уровнем образования будет отличаться.

В качестве примера можно привести результаты оценки восприятия услуги «цифровая медицина» людьми с начальным (средним) профессиональным образованием и людей с высшим образованием, которое немного, но различается. Так, люди с высшим образованием воспринимают цифровую медицину как услугу, которая использует новейшие информационно-коммуникационные технологии и оборудование, считают ее понятной и очевидной, а результаты можно использовать в жизни и практической деятельности. Также люди с высшим образованием ассоциируют цифровую медицину с тем, что им интересно и тем, что цифровая услуга имеет широкое применение, конкретная.

Люди с начальным (средним) профессиональным образованием ассоциируют цифровую медицину только с тем, что ее результаты можно использовать в жизни и в практической деятельности. Таким образом, мы видим, что восприятие цифровой медицины на уровне людей с начальным (средним) профессиональным образованием действительно размытое, а имидж не сформирован, люди с начальным (средним) профессиональным образованием не понимают, чем действительно занимается цифровая медицина. Исходя из общей картины, можно утверждать, что имидж других показателей качества жизни сформирован достаточно четко и логично, потому что восприятие людьми с высшим образованием только усиливает признаки восприятия людьми с начальным (средним) профессиональным образованием, а в целом они естественно совпадают.

В современном гиперсвязанном мире разумное использование цифровых технологий может способствовать развитию всех сфер жизнедеятельности человека.

Литература:

1. Чистяков А.В., Третьяков М.А. Восприятие цифровизации экономики как тренда на снижение качества потребления // Коммуникативные стратегии информационного общества: труды XI Международн. науч.-теор. конф., 25-26 октября 2019 г. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. – С. 239-242.
2. Чистяков А.В. Дизайн исследований восприятия качества жизни в условиях цифровизации социально-экономических отношений // Коммуникативные стратегии информационного общества: труды XII Международн. науч.-теор. конф., 23-24 октября 2020 г. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. – С. 203-206.
3. Чистяков А.В., Третьяков М.А. Восприятие цифровизации здравоохранения как тренда на снижение качества медицинского обслуживания населения // Современные прикладные исследования: материалы четвертой национальной науч.-практ. конф., 16-18 марта 2020 г., г. Шахты / Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. – Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2020. – С. 266-270.
4. Чистяков А.В., Третьяков М.А. Расширение предоставления цифровых услуг в образовании - тренд на снижение качества обучения // Современные прикладные исследования: материалы четвертой национальной науч.-практ. конф., 16-18 марта 2020 г., г. Шахты / Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. – Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2020. – С. 270-274.

УДК 324:008(470+571)

ББК 66.2:71.0(2)

О.И. Васильева
Olga Vasilieva
Vasilieva_oi@spbstu.ru

**Субъект-объектные взаимодействия при организации проектирования в
современных техногенно-информационных средах**
Subject-object interactions in design in modern technogenic information environment

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*

В современных техногенно-информационных средах технологии вошли в интеллектуальную и духовную сферу человека, заменяя ему «живое» общение и взаимодействие с реальными людьми. Бурное развитие информационных технологий ставит философские вопросы об искусственном интеллекте. Возрастают риски для человека, общества и природы, исходящие от объекта проекторочной деятельности. В статье проанализированы философские взгляды на интеракции и соотношение субъекта и объекта в проектировании. Показано, что объект проектирования обладает значительной долей субъектности, оказывает не зависящее от создателя влияние на результаты проектирования, человека, социум, природу. Делается вывод о том, что социотехническое проектирование должно руководствоваться принципом равноправного сотрудничества человека, техники и природы, с учетом активного начала техники.

Ключевые слова: Субъект-объектные взаимодействия, проектирование, техногенно-информационные среды.

In modern technogenic information environments, technologies have entered the intellectual and spiritual sphere of human life and replaced "live" communication and interaction with real people. The rapid development of information technologies raises philosophical questions about artificial intelligence. Risks for humans, society and nature, coming from the object of design activities, are increasing. The article analyzes the philosophical views on interactions and the relationship between subject and object in design. It is shown that the design object has a significant share of subjectivity, it's influence on the results of design, human, society, nature doesn't depend on designer. It is concluded that socio-technical design should be guided by the principle of equal cooperation between man, technology and nature, taking into account the active position of technology.

Keywords: Subject-object interactions, design, technogenic information environments.

Современные техногенно-информационные среды характеризуются всепроникающим характером технологий во все сферы жизни. В первую очередь речь здесь идет, конечно, об информационных технологиях. Причем, если на заре своего появления технологии были призваны облегчить физическую сторону человеческой жизни, то в рамках своей эволюции они постепенно вошли сначала в интеллектуальную сферу человеческого существования, а затем и в духовную среду, влияя на эмоциональный фон индивида, заменяя ему «живое» общение и взаимодействие с реальными людьми [1].

Бурное развитие информационных технологий ставит философские вопросы об искусственном интеллекте. Останется ли он помощником человека и сможет открыть новые возможности для человеческого тела и разума [2] или, претендуя на

субъектность, поставит под угрозу индивидуальность человека и грозит «расчеловечиванием» [3,4]?

Что касается непосредственно создания технологий, то этот процесс из конструирования и инженерной деятельности в последнее время превратился в социотехническое проектирование, которое характеризуется не просто разработкой технического устройства, и даже не человеко-машинной системы (системотехническое проектирование), а сотворением объекта с учетом социальной специфики и требований и призванного встраиваться в социум, влиять на общественные связи и процессы [5]. Отсюда возрастают риски для человека, общества и природы, исходящие от объекта проектировочной деятельности.

Все эти факторы заставляют философов задуматься об интеракции субъекта и объекта в проектировании и по-новому взглянуть на соотношение этих, казалось бы, полярных категорий.

Философия постмодернизма стирает четкие различия активного субъективного начала человека и пассивной объектной роли технологий. Так Хайдеггер отрицает нейтральную сущность техники и постулирует ошибочность желания человека взять власть над технологиями. Наоборот ученый приходит к мысли, что люди находятся под гнетом техники, которая, сущностно являясь способом раскрытия бытия, не зависит от человека и сама обладает субъектностью [6].

Французский философ Ж. Бодрийяр артикулирует «смерть субъекта» в мире массовых коммуникаций, искажающих информацию, ведущих к созданию мира симулякров – искусственных копий реальных сущностей, в котором вынужден существовать человек и где невозможно различить действительность и фальш. Бодрийяр приписывает главенство объекта над человеком, оказавшимся в плену искусственных желаний и соблазнов, а значит утратившим свою субъектность [7].

Более мягкая позиция, в отношении субъектности объекта выражена в акторно-сетевой теории Латура. Проектирование приобретает гетерогенный характер, строится на дихотомии техногенных и социальных акторов, которые в равной степени влияют на результат и последствия проектирования. Субъект и объект находятся в постоянном взаимодействии и имеют равные роли в гибридной социотехнической сети, в которой находится проектировщик, да и любой индивид [8].

Взвешенные взгляды не вопрос интеракции человека и техники высказывает и В.А. Лекторский. Как сторонник «конструктивного реализма» ученый отмечает взаимное влияние конструктивной деятельности человека и искусственного мира, который также имеет свои законы, и они не зависят от творца. При этом социальная активность индивида, реализуемая с учетом понимания субъектности искусственного мира, может помочь человеку получать правдивые знания и не потеряться под гнетом технологий.

Таким образом, при осуществлении социотехнического проектирования важно руководствоваться принципом равноправного сотрудничества человека, техники и природы. Современные объекты проектирования как человеко-машинные системы и даже человекоподобные технологии обладают высокой степенью субъектности и это

активное начало техники должно приниматься во внимание при создании объектов технического мира наравне с социальными интересами и потребностями, инженерными факторами и природными аспектами.

Литература:

1. Горбунов Д.В., Нестеров А.Ю. Технологическое будущее России: вызов «Третьей природы» // Вестник Самарского университета. Аэрокосмическая техника, технологии и машиностроение. 2017. №4. С. 60-71.
2. Kurzweil, Ray. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. – Viking Penguin. – New York. – 2005. – 602 p.
3. Вызовы будущего: искусственный интеллект, технологии, этика // Экономические стратегии №6, 2019. С. 18-29
4. Лекторский В. А. Цифровизация жизни как глобальный антропологический вызов // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. — СПб.: СПбГУП, 2019. — 632 с. С.159-161.
5. В. С. Стёпин, В. Г. Горохов, М. А. Розов. Философия науки и техники. — М., 1999. <https://gtmarket.ru/library/basis/5348/5361>
6. Хайдеггер М. Вопрос о технике. Время и бытие: Статьи и выступления: Перевод с немецкого. — М., 1993. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 28.02.2013. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5565>
7. Ж. Бодрийяр. Фатальные стратегии; [пер. с фр. А. Качалова; науч. ред. текста к.ф.н. Д. Дамте].— М.: РИПОЛ классик, 2017. — 228 с.
8. А.И. Сивоконь. Акторно-сетевой подход: истоки и перспективы в социально-философском дискурсе // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. №1. С.162-169.

УДК 378

ББК 74

В.В. Евсеев¹, Л.М. Волкова²
Vladimir Evseev, Lyudmila Volkova
evseev_vv@spbstu.ru
volkovalm@bk.ru

Особенности дистанционной формы обучения в образовательном процессе **Features of distance learning in the educational process**

Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого¹
Peter the Great St. Petersburg State Polytechnic University¹
Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации²
St. Petersburg State University of Civil Aviation²

Статья посвящена анализу места, роли дистанционной формы обучения в образовательном процессе, и особенностей её применения. В период эпидемиологических ограничений, связанных с распространением коронавирусной инфекции COVID-19, сфера образования подверглась значительным изменениям. В связи с популяризацией дистанционного обучения, происходит интенсивное развитие рынка образовательных услуг, позволяющих обеспечить доступность получения базового и дополнительного образования всем слоям населения. Главным отличием дистанционного обучения является самостоятельная организованная работа обучающихся, а также подача материала посредством интернет-технологий. Делается вывод о том, что дистанционное обучение направлено на формирование единой виртуальной образовательной среды, удобной для всех участников образовательного процесса.

Ключевые слова: образовательный процесс, дистанционное обучение, самообразование, интернет-технологии, мотивация, самоорганизация обучения.

The article is devoted to the analysis of the place, the role of distance learning in the educational process, and its features of application. During the period of epidemiological restrictions associated with the spread of the coronavirus infection COVID-19, the education sector has undergone significant changes. In connection with the popularization of distance learning, there is an intensive development of the educational services market, which makes it possible to ensure the availability of basic and additional education for all segments of the population. The main difference between distance learning is the independent, organized work of students, as well as the presentation of material through Internet technologies. It is concluded that distance learning is aimed at creating a unified virtual educational environment that is convenient for all participants in the educational process.

Keywords: educational process, distance learning, self-education, Internet technologies, motivation, self-organization of training.

В современных условиях, образование является не только важной платформой профессионализма и необходимой ступенью получения знаний и навыков, применяемых в работе и в повседневности, но и приобретает своего рода популярность и «модную тенденцию» не только среди молодых людей, но и опытных специалистов. Образование через всю жизнь становится потребностью и основой накопления интеллектуального и физического капитала [1, 2, 3].

Востребованность высшего образования с возможностью овладения гибкими технологиями в современных условиях вызвана сложившейся ситуацией на рынке труда, и представляет общемировую тенденцию на углубление профессиональных навыков и получение дополнительного образования. Эта ситуация осложнилась условиями пандемии, резким спадом темпов экономического развития, ограниченностью «передвижений» и «закрытостью границ», уходом части коммуникаций в формат онлайн и потребностью социальной защиты населения.

Но, как никогда, современное производство сегодня нуждается в профессиональных кадрах различной направленности для выхода из кризиса и нарастания экономического капитала. В этих условиях появляется запрос на формирование мотивации к повышению интереса к процессам формирования и повышения уровня самовоспитания, самоорганизации и самообразования студентов в диапазоне личностного ландшафта образовательного и учебного процессов [4, 5, 6, 7]. Следует отметить, что важным моментом в данном процессе скорее выступает не самостоятельная работа в рамках учебного формата обучения, а *самоорганизация* субъектом собственного учебно-образовательного процесса [8, 9].

Стоит понимать, что в период эпидемиологических ограничений (пандемии) системы среднего и высшего профессионального образования, а также дополнительного образования резко изменили формат обучения и перешли от очного к дистанционному или смешанному формату. Подобные изменения произошли и в компаниях, чьи сферы деятельности позволяли перевести рабочий процесс из офлайн-режима в онлайн. Выходом в этой ситуации было стремление продолжить трудовой и обучающийся процесс в формате дистанционного (удаленного) обучения.

Дистанционное обучение — один из самых доступных способов заниматься *самообразованием*. Во-первых, обучающийся не привязан к месту проведения занятий, во-вторых, он самостоятельно выбирает удобное для себя время дополнительных занятий, в-третьих, имеет возможность выстраивать, либо

корректировать свой индивидуальный маршрут в образовательном процессе: набирать те курсы, которые ему действительно интересны, обмениваться опытом с другими обучающимися, а по окончании курса получить документ, подтверждающий его знания.

В учебном процессе дистанционного обучения существуют специальные технологии, методы и средства обучения, реализующиеся через интернет.

Форма дистанционного обучения порождает ряд противоречий [10]: оптимистичное западное мнение, с одной стороны, и критичное отношение российского педагогического сообщества к качеству дистанционного образования, с другой; экономия личного времени, с одной стороны, проблема мотивации у обучающихся, с другой; с одной стороны, у обучающихся есть возможность слушать лекции выдающихся педагогов, с другой же стороны, они в большинстве случаев лишены личного общения; обучающиеся имеют возможность больше времени посвящать практике, с одной стороны, с другой стороны, большой теоретический пласт они вынуждены изучать самостоятельно.

Дистанционное обучение как форма образования появилась, по мнению, М. Шлесер в 1982 году в каталоге заочных корреспондентских курсов университета штата Висконсин [11]. Доказательством данного утверждения можно считать английского изобретателя стенографии И. Питмана, который обучал собственных студентов посредством почтовых отправок. По подобному принципу осуществлялось обучение в школе «Общество Тикнор» в Ботоне, основанной А. Э. Тикнор. Позже Ч. Тусен и Г. Ланченштейдт создают Берлинский институт обучения иностранным языкам. В основу института легла заочная форма обучения [12].

Так же следует учесть, что главным отличием дистанционного обучения от очной формы обучения является самостоятельная организованная работа обучающихся, а также подача материала посредством интернет-технологий.

От заочной формы обучения (основная суть которого заключается в том, что обучающийся в течение года изучает материал самостоятельно, а с преподавателем взаимодействует лично лишь несколько раз в год) дистанционное обучение отличается в том, что во-первых, контактирование студент-преподаватель: они находятся в постоянном контакте; во-вторых, постоянно организовываются дискуссии и различные групповые занятия для обучающихся во время прохождения курса посредством интернет-технологий; в-третьих, обучающиеся имеют свободный доступ ко всем теоретическим материалам в сети интернет, что позволяет либо сократить количество установочных сессий в вузе, либо полностью отказаться от них.

Дистанционное обучение имеет свои плюсы и минусы. Из плюсов можно указать на такие элементы как: экономия времени, возможность обучаться «здесь и сейчас» в режиме онлайн, интерактивность, возможность самостоятельно выстраивать индивидуальный маршрут, исходя из потребностей. Минусами дистанционного обучения являются следующие: отсутствие личного контакта с человеком, зачастую отсутствует постоянный контроль со стороны обучающего, остро стоит вопрос мотивации.

Но несмотря на вышеизложенные преимущества отечественные исследователи выделяют следующие минусы дистанционного образования: сложности в установлении межличностных отношений у обучающихся между собой; трудности формирования малых учебных групп для эффективного сотрудничества; проблемы мотивации обучающихся; особенности учебного поведения обучающегося; отсутствие индивидуализации, а вместе с этим и сложности в определении особенностей восприятия информации обучающимся для наиболее эффективного выстраивания образовательного процесса [13, 14].

Дистанционное обучение сегодня используется в различных сферах деятельности, и является добротной альтернативой традиционному обучению. Области применения образования онлайн достаточно широки. Так, Американская газета «The New York Times» в статье «Год МООС» выделила следующие области применения дистанционного обучения:

- корпоративное обучение не только в компаниях и на предприятиях, но и в государственных структурах;
- дистанционное обучение при образовательных учреждениях: школах, учебных центрах, вузах и др.;
- профессиональная подготовка и переподготовка кадров;
- подготовка учеников школьного возраста к сдаче экзаменов экстерном по отдельным дисциплинам; дополнительное образование.

С определенной долей вероятности можно выделить основные отличительные черты дистанционного обучения [15, 16]: эффективность образовательного процесса вне зависимости от географического положения самого учебного процесса и обучающихся; удобство времени, места и темпа индивидуального учебного процесса для каждого субъекта обучения, более того, обучение может происходить параллельно за компьютером на рабочем месте «без отрыва от производства»; количество обучающихся не зависит от вместимости аудитории и в режиме онлайн этот параметр не имеет значения; функции и роль обучающего в данном процессе теперь представлены гораздо шире, чем в традиционной системе образования; дистанционное обучение дает возможность получить образование всем, независимо от материального положения и места проживания обучающегося, тем самым уменьшается / снимается социальная напряженность; появляется возможность импортировать и экспортировать образовательные услуги; создается ситуация, когда самоконтроль обучающегося преобладает над контролем со стороны преподавателя; в системе дистанционного обучения используются различные виды информационных технологий; в основе программ дистанционного обучения лежит модульный принцип, благодаря чему из отдельных курсов формируется учебный план, который полностью может отвечать потребностям обучающихся; расписание занятий может отличать асинхронность: обучающий, и обучающийся в образовательном процессе выстраивают свое расписание, и могут работать в удобном для себя режиме. Дистанционное обучение показало «необходимость разумной синергии традиционной и цифровой дидактики в профессиональной подготовке будущих специалистов» [17].

Таким образом, дистанционное обучение направлено на формирование единой виртуальной цифровой образовательной среды, удобной для всех участников образовательного процесса и служит альтернативой традиционной формы обучения.

Литература:

1. Баева Л.В. Социальные аспекты цифровизации образования в условиях пандемии: философский анализ // Logos et Praxis. 2021. #1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-aspekty-tsifrovizatsii-obrazovaniya-v-usloviyah-pandemii-filosofskiy-analiz> (дата обращения: 22.09.2021).
2. Волкова Л.М., Евсеев В.В., Голубев А.А. Образовательные стратегии для формирования специалиста, востребованного на рынке труда. Материалы VII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы социально-трудовых отношений», посвященной 60-летию основания Института социально-экономических исследований ДРИФ РАН. Махачкала. Издательство: Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН. 2019. С. 134-136.
3. Поздеева Е.Г. Цифровизация и социальное пространство: проблемные проекции на сферу образования. Информация–Коммуникация–Общество. 2019. Т. 1. С. 256-261.
4. Евсеев В.В. Влияние цифровой коммуникации на формирование профессиональной культуры студенческой молодежи. Молодежь XXI века: образ будущего. Материалы научной конференции XIII Ковалевские чтения. Санкт-Петербургский государственный университет. Издательство: ООО "Скифия-принт" (Санкт-Петербург), 2019. С. 313-314.
5. Шипунова О.Д., Евсеева Л.И. Тренды информационного общества и проблемы идеала образования. Философия коммуникации: Университетское образование в социокультурной динамике информационного общества. Под редакцией С.В.Клягина, О.Д. Шипуновой. Санкт-Петербург, 2015. С. 129 -139.
6. Евсеев В.В., Волкова Л.М., Погодина В.Л. Профессиональное и личностное развитие: культурологические аспекты динамики образовательной среды вуза. Коммуникативные стратегии информационного общества Труды XI Международной научно-теоретической конференции. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. С. 355-359.
7. Шипунова О.Д., Березовская И.П., Кедич С.И. Факторы личностной мотивации в моделировании среды обучения. Социология. 2019. № 4. С. 198-209.
8. Поздеева Е.Г., Евсеева Л.И. Проблемы адаптации студентов-первокурсников к дистанционным формам обучения в университете. Неделя науки СПбПУ Материалы научной конференции с международным участием. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 197-199.
9. Намазов А.К., Евсеев В.В., Кушелев С.А. Актуальные проблемы адаптации первокурсников к условиям обучения в вузе // Стратегические направления реформирования вузовской системы физической культуры: сб. науч. тр. всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 297-299.
10. Фомин А. А. Изменение стратегии образования в условиях пандемии // Digital. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-strategii-obrazovaniya-v-usloviyah-pandemii> (дата обращения: 07.09.2021).
11. Фролова Е.В., Рогач О.В., Рябова Т.М. Преимущества и риски перехода на дистанционное обучение в условиях пандемии // ПНиО. 2021. №6 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-i-riski-perehoda-na-distantsionnoe-obuchenie-v-usloviyah-pandemii> (дата обращения: 13.10.2021).
12. Бойкова А.В., Смеловская А.А. Обзор результатов использования дистанционных технологий обучения в различных странах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №1-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-rezultatov-ispolzovaniya-distantsionnyh-tehnologiy-obucheniya-v-razlichnyh-stranah> (дата обращения: 20.09.2021).
13. Рогачёва П.С., Семергей С.В. Проблемы дистанционного образования в период пандемии // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-distantsionnogo-obrazovaniya-v-period-pandemii> (дата обращения: 03.05.2021).
14. Радина Н.К., Балакина Ю.В. Вызовы образованию в условиях пандемии: обзор исследований // Вопросы образования. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-obrazovaniyu-v-usloviyah-pandemii-obzor-issledovaniy> (дата обращения: 23.07.2021).

15. Павлова А.А., Евсеева Л.И. Дистанционное обучение иностранных студентов: обобщение опыта и разработка рекомендаций. Технологии PR и рекламы в современном обществе. Инженеры смыслов: трансформация компетенций и мировые вызовы коммуникационной отрасли. Материалы научно-практической конференции с международным участием. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. С.322-327.
16. Шипунова О.Д., Поздеева Е.Г., Евсеева Л.И. Мультиагентный подход в анализе образовательной среды. Социология. 2020. № 6. С. 50-59.
17. Устинова О.Н., Волкова Л.М., Дасько М.А., Голубев А.А., Васильев Д.А. Цифровизация образования в современных условиях. Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 3 (193). С. 433-436. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2021.3.p433-436

УДК 378
ББК 74.0

Е.В. Касьянова
Elena Kasyanova
space201@inbox.ru

Возможности облачных сервисов при реализации медиаобразовательных проектов в техническом вузе
Possibilities of cloud services in the implementation of media education projects at a technical university

Сибирский государственный университет им. М.Ф.Решетнева
Reshetnev Siberian State University

Рассматривается актуальность подготовки ИТ-инженеров в условиях цифровизации. Затрагивается проблема академической мобильности в условиях цифровизации и удаленного обучения. Приводится применение онлайн сервисов для реализации медиаобразовательных проектов. Приведен пример практического воплощения. Отмечено, что навыки, приобретаемые при организации учебного процесса в облачных сервисах необходимы для развития университетов будущего.

Ключевые слова: облачные сервисы, ИТ-инженер, медиаобразовательный проект.

The relevance of training IT engineers in the context of digitalization is considered. The problem of academic mobility in the context of digitalization and distance learning is touched upon. The application of online services for the implementation of media education projects is given. An example of practical implementation is given. It is noted that the skills acquired in organizing the educational process in cloud services are necessary for the development of universities of the future.

Key words: cloud services, IT engineer, media education project.

Вступление России в Болонский процесс сопровождается продвижением в образовании ряда принципов, один из которых это академическая мобильность. Основная цель мобильности, в том, чтобы предоставить студентам широкие возможности в получении разностороннего образования по выбранному направлению обучения. В условиях глобальной цифровизации, академическая мобильность проявила себя в дистанционных технологиях обучения и применении облачных сервисов.

В связи с утверждением и реализацией Российским государством федерального

проекта «Кадры для цифровой экономики», обеспечение рынка труда специалистами в сфере информационных технологий становится более актуальной. Подготовка кадров для ИТ-индустрии должна учитывать внутреннюю политику развития образования, внешнеполитические факторы, интересы работодателей, а так же быть лично-значимой для молодого поколения.

В настоящее время дистанционные технологии применяются на всех уровнях образования, и стремятся проникнуть во все образовательные дисциплины и практики. Цифровизация образования предполагает построение новой интерактивной образовательной системы с возможностями осуществления эффективных виртуальных коммуникаций.

Данное исследование посвящено изучению особенностей организации медиаобразовательных проектов на основе облачных сервисов. Проведя анализ термина «облачной технологии», представленного институтом стандартов и технологий США «NIST Definition of Cloud Computing v15» выявлено, что рассматриваемая дифиниция определяется как модель облачных вычислений, модель доступа к ресурсам, сервисная модель и развертываемая модель [1].

Облачные сервисы нашли свое воплощение в образовании в различных моделях - как системы хранения, приложения для выполнения учебных заданий, платформа для предоставления образовательного контента, организация группового и индивидуального обучения.

Образовательный процесс формируется из различных компонентов – административного, организационного, методического и т.д., каждый из которых использует свой облачный сервис.

На базе облачных сервисов автором были реализованы медиаобразовательные проекты для студентов направления обучения 090301, 090302, 090304, 150304 СибГУ г. Красноярска, на базе курса «Информационные технологии» для освоения ИКТ – компетенций [2,4]. Основным сервисом для организации процесса обучения выступила платформа Google-класс. В курсе на платформе дистанционного обучения разработаны задания по этапам проекта. Для организации команд использовался сервис Google-документы, онлайн консультации проводились через сервис видеоконференций Zoom. Для предоставления отчетности и проверки выполнения этапов проекта использовалась платформа управления проектами Trello [3].

В 2020 г. медиаобразовательные проекты были реализованы полностью на основе рассмотренных облачных сервисов в дистанционном формате, и показали положительный результат. Таким образом, при формировании образовательного процесса в цифровой среде, облачные сервисы могут использоваться для организации различных компонент медиаобразовательных проектов, которые связаны между собой общей организационной схемой.

Рассмотренный автором подход может быть реализован при очном обучении, как поддержка учебного процесса, и при реализации в удаленной форме.

Литература:

1. The NIST Definition of Cloud Computing v15c [Электронный ресурс]. - URL:<http://csrc.nist.gov/publications/nistpubs/800-145/SP800-145.pdf> (дата обращения: 10.09.21).
2. Касьянова Е.В., Сафонов К.В. Методика развития медиакомпетенций студентов посредством медиаобразовательных проектов // Вестник красноярского государственного педагогического университета им. В.П.Астафьева. 2020. №2(52). С. 46-57.
3. Касьянова Е.В., Сафонов К.В. Применение сервиса Trello для реализации медиаобразовательных проектов // Цифровизация образования: теоретические и прикладные исследования современной науки Материалы XXVII Всероссийской научно-практической конференции. 2021. ООО «Издательство ВВМ». С.118-121.
4. Касьянова Е.В. Сафонов К.В. Особенности формирования ИКТ-компетентности будущих ИТ-инженеров посредством медиаобразовательных проектов // Мир науки, культуры, образования. 2021. №4 (89).

УДК 316.77

ББК 60.0

Т.В. Иванова, Т.Г. Самойленко
Tatyana Ivanova, Tatyana Samoylenko
IvanovaTV@vniig.ru
samoylenkotg@vniig.ru

**Организация непрерывного образования аспирантов с использованием
электронной информационно-образовательной среды на базе научно-
исследовательского института**

**Organization of continuous education for post-graduate students in conditions of
electronic information and educational environment in research institute**

*АО «Всероссийский научно-исследовательский институт им. Б.Е. Веденеева», Санкт-Петербург
JSC Russian Research Institute named after B.E. Vedeneev, St. Petersburg*

В тезисах показано, как электронная информационно-образовательная среда помогает сделать образовательный процесс в аспирантуре научно-исследовательского института непрерывным и систематическим, поскольку аспиранты во время учебного процесса могут находиться и в командировке, и в лаборатории, и на рабочем месте при непрерывном производственном процессе.

Ключевые слова: научно-исследовательский институт, электронная информационно-образовательная среда, локальная внутренняя сеть, корпоративная электронная почта, видеоконференции, портал общества, Система Электронного Документооборота.

The electronic information and educational environment helps to make the educational process continuous and systematic, since during the session post-graduate students can be on a business trip, in the laboratory or at the workplace with a continuous production process.

Keywords: research institute, electronic information and educational environment, local intranet, corporate e-mail, video conferencing, society portal, Electronic Document Management System.

В условиях непрерывного образования аспирантов решающее значение имеет электронная информационно-образовательная среда (далее – ЭИОС), обеспечивающая подготовку аспирантов в условиях научно-исследовательского института. Одновременное включение аспирантов в производственный и

образовательный процесс затрудняет их постоянное очное присутствие на учебных занятиях, а занятость в длительных командировках делает их обучение практически неосуществимым. В тоже время ограничения, связанные с эпидемиологической обстановкой в стране, оказывают существенное влияние на выбор форм и методов реализации образовательной программы в аспирантуре. Аспиранты вынуждены обучаться в удаленном режиме.

Эта ситуация потребовала адаптации созданной в институте ЭИОС к требованиям Федерального государственного образовательного стандарта по направлению 08.06.01 «Техника и технологии строительства», включающей в себя электронные информационные и электронные образовательные ресурсы (курсы лекций и презентаций в электронном виде), совокупность информационных и телекоммуникационных технологий, соответствующие технологические средства и обеспечивающей освоение аспирантами учебного материала независимо от места их нахождения.

ЭИОС обеспечивает: доступ к учебным планам, рабочим программам дисциплин (модулей), практик, и к изданиям электронных библиотечных систем и электронным образовательным ресурсам; фиксацию хода образовательного процесса, результатов промежуточной аттестации и результатов освоения основной образовательной программы; проведение всех видов занятий, процедур оценки результатов обучения, дистанционных образовательных технологий; формирование электронного портфолио обучающегося; архивирование документации.

По своей сути, организованное в последние годы обучение с применением ЭИОС в аспирантуре, является индивидуализированным. Взаимодействие с аспирантами в сети помогает выбрать гибкий план учебной работы и следовать ему с учетом их основной нагрузки на работе. Взаимодействие аспирантов с преподавателями осуществляется через организатора учебного процесса, который ведет строгий учет выполненных работ аспирантов и полученных ими результатов в ЭИОС. Осуществляемый в ЭИОС контроль результатов обучения носит конфиденциальный характер, что делает невозможным передачу персональных данных посторонним лицам. Наряду с образовательными задачами решаются и воспитательные задачи. Несмотря на то, что преподаватель либо организатор образовательного процесса и аспиранты находятся на удалении друг от друга и для общения используют доступные им технические средства, выбор которых определяется содержанием учебного процесса, осуществляется полное освоение учебного плана.

Важными концептуальными педагогическими положениями, на которых строится содержание непрерывного образования в аспирантуре являются: самостоятельная познавательная деятельность, активная профессиональная жизненная позиция, сотрудничество, четкий контроль и оценка.

Сотрудники института, поступающие в аспирантуру, имеют постоянный доступ к системе Интернет. Посредством корпоративной электронной почты пользователи локальной внутренней сети (далее – ЛВС), вход в которую осуществляется по

индивидуальному паролю, могут сообщить о своем намерении поступить в аспирантуру, сдать дать электронные копии своих документов или учебных работ, получить расписание и график сдачи вступительных экзаменов и т.д. Доступ к ЛВС может быть произведен с любых электронных устройств, в том числе с персонального компьютера, планшета, мобильного телефона. WebMail работает через Web-браузеры и любые почтовые программы.

В процессе обучения широкое применение получили технологии, обеспечивающие Web Видеоконференции. Greenlight это упрощенный веб интерфейс для корпоративного сервера веб конференций с открытым исходным кодом BigBlueButton. Пользователями этого приложения становятся аспиранты, организаторы аспирантуры, преподаватели, администрация.

Greenlight 2.0 использует концепцию персонализированной комнаты, которая связана с коротким «номерным знаком», таким как URL. Этот постоянный URL-адрес предоставляется каждому аспиранту, с помощью которого можно зайти в комнату «Аспирантура» и присоединиться с остальным. Такой веб интерфейс для корпоративного сервера позволяет регистрироваться и затем пройти авторизацию через Twitter, Google или через само приложение. В процессе пользования можно управлять настройками своей учетной записи и пользовательскими предпочтениями. Сеансы BigBlueButton проходят в специальных комнатах, которые создаются и управляются по мере необходимости. Записи лекций, которые могут носить публичный характер, сохраняются и воспроизводятся по усмотрению пользователя.

Для учета результатов обучения используются: Централизованная печать (самостоятельный вывод на печать промежуточных и окончательных результатов работ; формат документов А3, А4 на МФУ централизованной печати и А2 и более на устройствах помещения плоттерной через оператора); Портал общества (внутренний информационный ресурс ЛВС института в виде Web-сайта, предназначенного для документов, инструкций, видеоматериала, объявлений через личные кабинеты пользователей ЛВС, который доступен для пользователей, подключенных к сервису «Справочник сотрудников»); Система Электронного Документооборота (СЭД ВНИИГ), Редакция 2.0. Хранение учебной документации осуществляется в высокоскоростных защищенных хранилищах ЛВС, что обеспечивает безопасность и надежность хранения данных аспирантов.

Таким образом, ЭИОС обеспечивает: непрерывность образовательного процесса; повышение информационной открытости и прозрачности функционирования образовательного процесса; повышение оперативности и управляемости документационных процессов; сокращение затрат на делопроизводство; оптимизацию работы сотрудников и аспирантов; повышение контроля над исполнением документов и поручений, исполнительской дисциплиной; использование единой технологии обработки информации на всех уровнях управления; рациональную организацию информационных потоков и обеспечение их безопасности, повышение уровня безопасности, конфиденциальности и целостности информационных ресурсов института.

In the context of continuous education of postgraduate students, the electronic information and educational environment (hereinafter - EIE) is of decisive importance, providing training for graduate students in the conditions of a research institute. The simultaneous inclusion of graduate students in the production and educational processes makes it difficult for their constant full-time presence in classrooms, and being busy on long business trips makes their training practically impracticable. At the same time, restrictions associated with the epidemiological situation in the country have a significant impact on the choice of forms and methods for implementing the educational program in graduate school. Postgraduates are forced to study remotely.

This situation required the adaptation of the EIOS created at the institute to the requirements of the Federal State Educational Standard in the direction of 08.06.01 "Engineering and Construction Technologies", which includes electronic information and electronic educational resources (courses of lectures and presentations in electronic form), a set of information and telecommunication technologies, appropriate technological means and ensuring the development of educational material by graduate students regardless of their location.

EIOS provides: access to curricula, work programs of disciplines (modules), practices, and publications of electronic library systems and electronic educational resources; fixing the course of the educational process, the results of intermediate certification and the results of mastering the main educational program; conducting all types of classes, procedures for assessing learning outcomes, distance educational technologies; formation of an electronic portfolio of a student; archiving documentation.

In essence, the training organized in recent years with the use of EIEP in graduate school is individualized. Interacting with graduate students online helps to choose a flexible study plan and follow it, taking into account their main workload. The interaction of graduate students with teachers is carried out through the organizer of the educational process, which keeps a strict record of the completed work of graduate students and the results obtained by them in the EIOS. The monitoring of learning outcomes carried out in the EIOS is confidential, which makes it impossible to transfer personal data to unauthorized persons. Along with educational tasks, educational tasks are also solved. Despite the fact that the teacher or the organizer of the educational process and the graduate students are at a distance from each other and for communication they use the technical means available to them, the choice of which is determined by the content of the educational process, the full development of the curriculum is carried out.

Important conceptual pedagogical provisions on which the content of continuing education in graduate school is built are: independent cognitive activity, an active professional life position, cooperation, precise control and assessment.

Institute employees entering postgraduate studies have constant access to the Internet. By means of corporate e-mail, users of the local internal network (hereinafter referred to as LAN), which is logged into using an individual password, can inform about their intention to enroll in graduate school, submit electronic copies of their documents or study papers, get a schedule and schedule for passing entrance exams, etc. .d. Access to the LAN can be made

from any electronic device, including a personal computer, tablet, mobile phone. WebMail works through Web browsers and any email program.

In the process of training, technologies that provide Web Videoconferencing have been widely used. Greenlight is a lightweight web interface for the BigBlueButton open source enterprise web conferencing server. The users of this application are graduate students, organizers of graduate school, teachers, administration.

Greenlight 2.0 uses the concept of a personalized room, which is associated with a short “number plate” such as a URL. This permanent URL is provided to each graduate student through which they can enter the Graduate School room and join with the rest. Such a web interface for a corporate server allows you to register and then go through authorization through Twitter, Google or through the application itself. During use, you can manage your account settings and user preferences. BigBlueButton sessions take place in dedicated rooms that are created and managed as needed. Recordings of lectures, which may be of a public nature, are stored and reproduced at the discretion of the user.

To take into account the learning outcomes, the following are used: Centralized printing (independent printing of intermediate and final results of work; document format A3, A4 on MFP centralized printing and A2 and more on plotter room devices through an operator); Society's portal (an internal information resource of the Institute's LAN in the form of a Web site intended for documents, instructions, videos, announcements through the personal accounts of LAN users, which is available for users connected to the Employee Directory service); Electronic Document Management System (EDMS VNIIG), Edition 2.0. The storage of educational documentation is carried out in high-speed secure storage of the LAN, which ensures the safety and reliability of storing the data of graduate students.

Thus, EIOS provides: the continuity of the educational process; increasing information openness and transparency of the functioning of the educational process; increasing the efficiency and controllability of documentation processes; reducing the cost of office work; optimization of the work of employees and graduate students; increasing control over the execution of documents and instructions, executive discipline; the use of a unified information processing technology at all levels of management; rational organization of information flows and ensuring their security, increasing the level of security, confidentiality and integrity of information resources of the Institute.

Электронные учебники по профилям подготовки как средство повышения качества высшего профессионального образования в условиях пандемии и пост-пандемии

Multimedia-based tutorials on training profiles as a means of improving the quality of undergraduate education in a pandemic and post-pandemic

*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
Plekhanov Russian University of Economics*

Разработка электронных интерактивных учебников для высшей школы была актуализирована развитием цифрового общества. В условиях пандемии их востребованность значительно возросла. Но и после пандемии актуальность учебников с мультимедийным содержанием, которое может постоянно обновляться, будет только повышаться не только для дистанционных форматов обучения, но и для обучения офлайн. Многие современные проблемы высшего профессионального образования могут быть решены с помощью сквозных электронных учебников по ключевым профессиональным дисциплинам каждого профиля. Среди этих проблем: содержательные разрывы в образовании на разных программах одного и того же направления подготовки; согласование внутренней логики образовательных программ; повышение качества подготовки бакалавров, поступающих на программы магистратуры с непрофильным бакалавриатом или с большой академической разницей в профильных бакалаврских программах.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, образовательная программа, офлайн обучение, дистанционное обучение, электронный интерактивный учебник, мультимедийный контекст.

The development of multimedia-based tutorials for undergraduate education has been updated by the development of a digital society. In a pandemic, their demand has increased significantly. But even after the pandemic, the relevance of tutorials with multimedia content that can be constantly updated will only increase not only for distance learning formats, but also for offline learning. Many modern problems of undergraduate education can be solved with the help of end-to-end multimedia-based tutorials on key professional disciplines of each educational program. These problems include: substantive gaps in education in different programs of the same field of study; coordination of the internal logic of educational programs; improving the quality of preparation of bachelors entering master's programs with a non-core bachelor's degree or with a large academic difference in specialized bachelor's programs.

Key words: undergraduate education, educational program, offline learning, distance learning, multimedia-based tutorials, multimedia context.

Пандемия существенно изменила процесс осуществления высшего профессионального образования. В силу необходимости продолжать учебный процесс в условиях карантинов всеми преподавателями высшей школы освоены дистанционные форматы, в том числе на основе электронных образовательных ресурсов. Несомненно, у дистанционных форматов есть существенные недостатки в сравнении с работой со студентами в аудитории, среди которых: усложнение получения быстрой обратной связи и организации групповых форм работы, снижение

эмоционального отклика в условиях физической разделенности как самих студентов, так студентов и преподавателей, снижение уровня интерактивности и т.д. И, поскольку университет для студентов является не только местом получения профессионального образования, но и «вторым домом», местом 4-6 лет жизни с обретением новых друзей, развитием интересов, не связанных непосредственно с обучением той или иной профессией, с социальной активностью и т.д., дистанционные форматы не должны просто заменить живое обучение. Тем не менее, эти форматы будут распространяться и развиваться и, при наличии современного интерактивного инструментария, они способны стать полезным средством повышения качества высшего профессионального образования не только в условиях пандемии, но и в пост-пандемийное время.

Прежде всего, речь идет об электронных учебниках с мультимедийным контекстом, под которым понимается «наличие: гипертекста, возможности добавления закладок и заметок; графических изображений; аудио и видео фрагментов; анимации; трехмерных моделей; интерактивности контента; возможности отслеживания деятельности обучающихся; обратную связь» [1].

Такие учебники по разным дисциплинам уже создаются преподавателями и исследователями зарубежных [2, 3] и российских [4] университетов с разными целями: повысить современность и увлекательность учебного процесса, включить студентов в научно-исследовательскую работу, в проектную деятельность и т.д. Так, американские ученые – авторы интерактивного учебника по биологии Kramer M., Olson D., Walker J.D., отмечают, что предвалявшее создание учебника исследование показало, что более 80 % студентов игнорируют обычные учебники, при этом студенты активно включаются во взаимодействие с мультимедийными учебными пособиями, особенно в том случае, «когда они могут отслеживать свой прогресс и видеть, насколько они близки к завершению». В частности, ими была создана графика с пробирками, которые, с одной стороны, показывают студентам учебные цели каждого модуля, а с другой стороны, помогают им отслеживать свой прогресс при освоении этих модулей, поскольку, по мере выполнения учебных заданий по каждому модулю, происходит наполнение соответствующей пробирки, что создает дополнительный игровой стимул [5]

Тем не менее, дистанционное обучение показало, что особенно полезными для повышения качества обучения на программах бакалавриата и магистратуры могут быть сквозные электронные учебники по профилям подготовки, содержащие материалы по всем важнейшим профессиональным дисциплинам направленности (профиля) обучения. С чем это связано?

Во-первых, современная система образования не предполагает общего содержания обучения по одному и тому же направлению подготовки в разных ВУЗах. Многообразие образовательных программ свидетельствует о творческом подходе к организации профессионального образования в разных вузах в рамках одного направления подготовки. Но это многообразие ведет к тому, что выпускники одного и того же направления подготовки разных ВУЗов владеют совершенно разными

компетенциями, которые ФГОС ВО позволяет трактовать максимально широко. Это осложняет взаимопонимание практиков, имеющих одну и ту же квалификацию по диплому, но получивших принципиально разное образование. Трудности возникают также при переходе студентов бакалавриата или магистратуры их одного ВУЗа в другой, поскольку академическая разница между программами бывает значительной. И особенно заметно различие в результатах обучения на разных образовательных программах по одному и тому же направлению подготовки при поступлении бакалавров в магистратуру [6]. Сквозные профильные интерактивные электронные учебники могли бы стать средством, позволяющим студентам, переходящим в другие ВУЗы или на другие направления и профили осваивать основы неизученных ими дисциплин самостоятельно. Также эти учебники были бы хорошим подспорьем для подготовки для поступления на программы магистратуры.

Во-вторых, отсутствие общего для всех программ каждого направления подготовки содержания образовательного процесса требует особых усилий для согласования содержания дисциплин внутри каждого профиля. Такое согласование на основе разработанных электронных учебников, могло бы стать значительно более эффективным, поскольку, в отличие от печатных учебников, устаревающих уже к моменту их издания, в электронных интерактивных учебниках изменения в логике подачи материала, интерактивных способах работы с ним, включении самой современной литературы и т.д., могут вноситься по мере расширения понимания и развития самих образовательных программ.

Литература:

1. Любимова Е.М., Макарова Н.В., Суржикова О.В. Анализ требований к электронным формам школьных учебников // Проблемы и перспективы информатизации физико-математического образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, КФУ. 2016
URI: <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/109127>
2. Dalkir K., Katz R. (2020) Navigating Fake News, Alternative Facts, and Misinformation in a Post-Truth World. McGill University, Canada. 375 p.
3. Morie J.F., McCallum K. (2020) Handbook of Research on the Global Impacts and Roles of Immersive Media. Bridge Arts Media, USA & Vortex Immersion Media, USA. 2020. 539 p.
4. Осипова А.В. Комплексный подход к проектной работе в рамках дисциплины «Разработка брендбука» // В сборнике: Информационные и коммуникативные технологии. Проектная деятельность в образовательном и информационно-коммуникативном процессе: опыт и перспективы. Сборник научных статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2020. С. 361-366.
5. Kramer M., Olson D., Walker J.D. (2018) Design and Assessment of Online, Interactive Tutorials That Teach Science Process Skills. Life Sciences Education.
6. Осипова Е.А. Преодоление разрывов в освоении профессиональных компетенций при обучении в магистратуре выпускников профильного и непрофильного бакалавриата // Вестник РМАТ. 2020. № 4. С. 66-72.

УДК 316.77

ББК 60.0

В.В. Моргунов, И.Г. Шестакова

V.V. Morgunov, I.G. Shestakova

vova.morgunov2011@yandex.ru

Особенности самостоятельной работы с информацией в контексте инженерного образования
Features of independent work with information in the context of engineering education

Санкт-Петербургский горный университет

St. Petersburg Mining University

В данной работе рассматривается влияние цифровых технологий на самостоятельный поиск информации студентами, а также поднимается вопрос о необходимости введения курсов дополнительных компетенций, посвященных данной теме.

Ключевые слова: студент, интернет, информация, поиск.

This paper examines the impact of digital technologies on the independent search for information by students, and raises the question of the need to introduce courses of additional competencies dedicated to this topic.

Keywords: student, Internet, information, search.

В настоящее время в научных кругах очень часто обсуждается вопрос влияния цифровых технологий на образовательный процесс [1,2]. Рост интереса к данной теме во многом обусловлен временным переходом вузов на дистанционный формат обучения [3]. Говоря о цифровизации образования, обычно речь идёт о разработанных нововведениях в учебном процессе [4], однако достаточно редко рассматривается такой неотъемлемый элемент процесса обучения, как самостоятельная работа, включающая в себя поиск информации и её анализ. Более того стоит отметить, что именно данный элемент в значительной степени подвержен изменениям в результате ускорения технологического прогресса. Так, буквально за несколько десятилетий процесс поиска информации кардинально преобразился за счет появления цифровых технологий и сети Интернет. Для анализа данной темы в рамках работы в 2021/2022 учебном году было проведено анкетирование 350 респондентов из числа студентов Санкт-Петербургского горного университета различных курсов и специальностей.

Дабы оценить долю, которую занимают интернет ресурсы среди всех основных источников информации, респондентам был задан следующий вопрос: «Какой источник Вы чаще всего используете для поиска информации, необходимой для учебы?». Вариант «Интернет (статьи, электронные издания и тп...)» выбрало 81,6% респондентов, а вариант «Интернет (видео и аудио)» - 15,1%. Таким образом, можно сделать вывод, что 96,7% студентов используют Интернет в качестве основного источника информации. Для того чтобы более подробно изучить процесс поиска информации студентами технического университета, был проведен сравнительный анализ в зависимости от курса обучения, успеваемости и уровня мотивации по

следующим темам: количество времени на подготовку к занятию, способ запоминания информации, владение базовыми навыками поиска информации. На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Так, студент в среднем затрачивает около часа на подготовку по одному предмету, однако данный показатель в значительной мере зависит от мотивации студента. С понижением уровня мотивации сокращается и время на подготовку к занятию, а также сокращаются в процентном соотношении методы анализа информации, которые требуют большее количество времени. Речь идёт о ведении конспекта или структурирование информации в документе. Таким образом, фактор мотивации студента играет значительную роль в процессе самостоятельной подготовки. Если же говорить о навыках поиска информации, то здесь необходимо отметить достаточно низкую подготовленность студентов первых курсов. Данный вывод можно проиллюстрировать одним из вопросов: всего 17% студентов первого курса ответили, что часто используют комбинацию клавиш «Ctrl+F», однако к старшим курсам этот процент возрастает до 74%, а количество совсем не использующих падает до 8,7%. Аналогичная ситуация наблюдается с поисковым синтаксисом, однако даже к старшим курсам процент активного использования данного инструмента достигает только 40%. Поиск по изображению достаточно стабильно используется на всех курсах и составляет около 65%, однако тенденции к повышению процента использования с повышением курса не наблюдается. Отсюда можно сделать вывод, что студенты на ранних курсах могут сталкиваться с трудностями при самостоятельном поиске информации из-за отсутствия базовых навыков.

В заключении данной работы можно сделать вывод о необходимости введения дополнительных компетенций на тему «Поиск и работа с информацией», которые бы включали в себя как базовые навыки, так и более узконаправленные, например, проведение литературного обзора и патентного поиска. Таким образом, данный курс мог бы стать фундаментом не только для работы в рамках учебного процесса, но и первым шагом в сторону научной деятельности, познакомив студента со структурой научной публикации и процессом написания отдельных её составляющих.

Литература:

1. Минина В. Н. Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 84–101.
2. Шестакова, И. Г. Человеческий капитал в цифровую эпоху / И. Г. Шестакова // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2018. № 1.
3. Курмангулов А. А., Фролова О. И., Соловьева С. В. Перспективы внедрения электронного обучения в образовательный процесс медицинского вуза // Высшее образование в России. 2017, № 8/9. С. 116–120.
4. Неборский Е. В., Богуславский М. В., Ладыжец Н. С., Наумова Т. А. Изучение отношения студентов педагогических направлений подготовки к цифровой трансформации в вузе // Перспективы науки и образования. 2021. № 4 (52). С. 94-107.

Умные технологии в музыкальном образовании
Smart technologies in music education

УДК 378
ББК 74.489

И.Б. Горбунова
Irina B. Gorbunova
gorbunovaib@herzen.spb.ru

**О необходимости совершенствования типологии квалификаций в системе
современного музыкального образования**
**On the Need to Improve the Typology of Qualifications in the Contemporary System
of Musical Education**

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

В статье обсуждается широкий спектр проблем, связанный с быстрым развитием музыкально-компьютерных технологий и соответствующей ему необходимостью учёта новых требований при формировании классификатора базовых и дополнительных классификаций, которые относятся к подготовке современного музыканта. Проводится анализ основных тенденций в развитии национальной рамки квалификаций. Приводятся конкретные направления развития системы профессиональных квалификаций, связанные с подготовкой музыканта-педагога и специалиста в области разработки специализированного программного обеспечения, владеющего современными музыкально-компьютерными технологиями.

Ключевые слова: музыкально-компьютерные технологии, система квалификаций, музыкальное образование.

The article discusses a wide range of problems associated with the rapid development of music computer technologies and the corresponding need to take into account new requirements when forming a classifier of basic and additional classifications that relate to the training of a contemporary musician. The analysis of the main trends in the development of the national qualifications framework is carried out. The specific directions of the development of the system of professional qualifications related to the training of a music teacher and a specialist in the development of specialized software that owns modern music and computer technologies are given.

Keywords: music computer technologies, qualification system, musical education.

О необходимости совершенствования системы квалификаций говорят и пишут многие. Однако систематизированный и согласованный анализ ситуации удаётся представить немногим. Это понятно. Слишком большой спектр многоаспектных и многогранных проблем оказывается необходимым проанализировать в связи с исследованием основных характеристик понятия «квалификация», включая изучение международного опыта в этом направлении. С этим связаны многие нерешённые либо трудно решаемые проблемы, обусловленные необходимостью разработки и своевременного внедрения новых квалификационных требований, и, соответственно - новых образовательных стандартов, новых возможностей в подготовке специалистов, обладающих новой квалификацией. «Квалификации являются социальными конструктами, которые согласовываются между различными заинтересованными сторонами. Для их разработки, поддержания и развития необходимы нормативные, методические и организационные условия. <...> Потребность в новых квалификациях определяется на основе анализа потребности рынка, с одной стороны, и анализа квалификации имеющейся рабочей силы. Именно так возникли в международной практике квалификации, в российской терминологии получившие название практико-ориентированного бакалавра (или бакалавра короткого цикла). Полноценная НРК <национальная рамка квалификаций – И. Г.> предполагает наличие дескрипторов, ранжированных по уровням, а также типологию квалификаций, объем которых может варьировать на каждом уровне квалификации в зависимости от результатов обучения, которые они описывают», - отмечают авторы работы [1].

В наших работах мы не раз заостряли внимание на необходимости корректировки существующей системы квалификаций, необходимости внесения существенных изменений в имеющийся классификатор специальностей (см., например, статьи [2; 3]). Нужно отметить в этой связи, что и понятие «классификация» трактуется специалистами в нашей стране достаточно широко, особенно это проявляется в процессе, сопутствующем интеграции российской системы образования в существующие международные образовательные стандарты. И прежде всего проблемы в этой сфере связаны с неадекватным представлением о понятии «квалификация» среди российских учёных, занимающихся вопросами систематизации подготовки кадров для современной экономики и социальной сферы. Так, например, мы столкнулись с таким фактом, что ключевое понятие в данной сфере - термин «national vocational qualifications» или «национальные профессиональные квалификации» характеризуется в международной системе профессиональных квалификаций только как квалификации, получаемые в рамках профессионального образования. В сопоставлении с имеющейся в нашей стране системой профессионального, например, музыкального образования – это уровни квалификаций специалистов, окончивших музыкальные и музыкально-педагогические училища, колледжи искусств, университеты (в том числе – педагогические, академии музыки, консерватории и ряд других образовательных учреждений среднего и высшего звена, существующих в российской образовательной системе и связанной с подготовкой специалистов различных музыкальных

специальностей). При этом «под квалификацией в международной практике понимается и способность качественно выполнять какую-либо деятельность, и документы о наличии квалификации» [1]. В нашей стране, как отмечают авторы работы «Профессиональные стандарты как основа формирования рамки квалификаций»: «Отчетливо наблюдается иная тенденция, а именно - четкое разграничение квалификаций по образованию и профессиональных квалификаций. В этом разграничении заложены сильные риски. Во-первых, это риск девальвации профессионального образования (среднего и высшего), во-вторых, это риск нецелевого использования человеческих ресурсов – экзамены в образовательных организациях и независимая оценка квалификаций. В-третьих – это риск отсутствия сопоставимости и сравнимости двух типов квалификаций. И, в-четвертых, это неявная и неясная ценность для целевых групп. Более того, сами профессиональные квалификации формируются бессистемно, поскольку отсутствует типология квалификаций, а также четкие методические принципы и правила и требования к их формированию» [1].

Как нельзя в большей степени данная ситуация характеризует сложившиеся в нашей стране классификационные рамки в системе музыкального образования.

Широкий спектр проблем, связанный с быстрым, даже – прорывным развитием музыкально-компьютерных технологий и необходимостью учёта новых требований при формировании классификатора базовых и дополнительных классификаций, которые относятся к подготовке современного музыканта, определяет основные тенденции развития национальной рамки квалификаций. В качестве основных направлений, требующих незамедлительного решения и разработки новых квалификационных требований, выделим следующие:

- МКТ в общем образовании (как одно из средств обучения) [4],
- МКТ в профессиональном музыкальном образовании (как средство для расширения творческих возможностей),
- МКТ как средство реабилитации людей с ограниченными возможностями [5; 6],
- МКТ как новое направление в подготовке специалистов гуманитарно-технологического профиля [7; 8],
- МКТ в подготовке специалиста, владеющего искусством исполнительского мастерства на электронных (цифровых) музыкальных инструментах [9; 10],
- МКТ в сфере цифровых искусств [11].

Разработки по данным направлениям исследования способствуют:

- консолидации профессионального сообщества, объединению его ведущих творческих сил в выборе путей для осуществления духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения с учётом всех особенностей социально-культурного процесса современного развития нашего общества;

- содействию в разработке новых образовательных программ в сфере музыкального и, в целом, художественного образования, опирающихся на глобальные

возможности современных информационных и музыкально-компьютерных технологий;

- развитию существующих государственных образовательных стандартов.

Особо отметим, что необходимость совершенствования типологии квалификаций для системы современного музыкального образования связана не только с развитием уже существующих, традиционных направлений подготовки музыкантов, но также и с возникновением новых образовательных и научных областей, обусловленных развитием специализированного программного и аппаратного обеспечения, сетевых образовательных ресурсов и систем искусственного интеллекта, для использования и дальнейшей разработки которых требуется подготовка специалистов, бакалавров и магистров гуманитарно-технологических и инженерных специальностей, в полной мере владеющих современными музыкально-компьютерными технологиями.

Литература:

1. Олейникова О.Н., Муравьева А.А. Профессиональные стандарты как основа формирования рамки квалификаций: методическое пособие. М.: АНО Центр изучения проблем профессионального образования, 2011.
2. Горбунова И.Б. О Юрии Николаевиче Рагсе // В сборнике: Измерение музыки. Памяти Юрия Николаевича Рагса (1926-2012): сборник научных статей. Санкт-Петербург, 2015. С. 15-20.
3. Горбунова И.Б. Музыкально-компьютерные технологии как новая образовательная творческая среда // В сборнике: Актуальные вопросы современного университетского образования. Материалы XI Российско-Американской научно-практической конференции. 2008. С. 163-167.
4. Бергер Н.А., Горбунова И.Б., Яцентковская Н.А. Общее музыкальное образование в школе XXI века // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6 (55). С. 147-151.
5. Gorbunova I., Govorova A. Music Computer Technologies in Informatics and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairments: From the Experience // Lecture Notes in Computer Science. Proceedings. 2018. Pp. 381-389.
6. Gorbunova I.B., Voronov A.M. Music Computer Technologies in Computer Science and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairment. Int'l Conference Proceedings. 2018. Pp. 15-18.
7. Горбунова И.Б., Заливадный М.С. О математических методах в исследовании музыки и подготовке музыкантов // Проблемы музыкальной науки. 2013. № 1 (12). С. 264-268.
8. Горбунова И.Б., Чибирев С.В. Музыкально-компьютерные технологии и проблема моделирования процесса музыкального творчества // В сборнике: Региональная информатика "РИ-2014". Материалы XIV Санкт-Петербургской международной конференции. 2014. С. 293-294.
9. Gorbunova I.B. Electronic Musical Instruments: To the Problem of Formation of Performance Mastery // Int'l Conference Proceedings. 2018. Pp. 23-28. 99+1
10. Белов Г.Г., Горбунова И.Б. Новый инструмент музыканта // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 135-139.
11. Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Товпич И.О. Аудиовизуальный синтез: опыт музыкально-теоретического рассмотрения проблем // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6-1 (113). С. 162-175.

Педагогика сопричастности: возможности музыкально-компьютерных технологий в современной информационной образовательной среде
Pedagogy of involvement: the possibilities of music computer technologies in the modern information educational environment

РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
 Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg

В статье рассматриваются проблемы, связанные с формированием информационно-образовательной среды, используемой как инструмент для совершенствования процесса обучения; вопросы освоения содержания материала на основе использования предметной среды, использования современных педагогических технологий, включающих музыкально-компьютерные технологии и цифровые образовательные ресурсы. Обсуждаются возможности музыкально-компьютерных технологий и современной информационной образовательной среды для реализации основных принципов формирования педагогики сопричастности.

Ключевые слова: музыкально-компьютерные технологии, цифровые образовательные ресурсы, информационная образовательная среда.

The article deals with the problems associated with the formation of an information and educational environment used as a tool for improving the learning process; the issues of mastering the content of the material based on the use of the subject environment, the use of modern pedagogical technologies, including music and computer technologies and digital educational resources. The possibilities of music computer technologies and the modern information educational environment for the implementation of the basic principles of the formation of the pedagogy of participation are discussed.

Keywords: music computer technologies, digital educational resources, information educational environment.

Термины сотворчество, сотрудничество, сопричастность близки и понятны каждому музыканту – сотворчество с композитором, сотрудничество в оркестре, ансамбле, сопричастность к общему делу – это те понятия, те компоненты творчества, без осмысленного отношения к которым невозможно создание и исполнение музыки, музыкального произведения. Именно поэтому этот термин – «педагогика сопричастности», который, по сути, характеризует основное, ключевое направление педагогической науки в наши дни, обсуждается в рамках системы современного музыкального образования, поднимая общую для всех направлений педагогической методическую и методологическую проблему.

Вопрос создания особой образовательной среды, наполненной образовательным контентом, позволяющим через творчество, музыкальную деятельность, общение, построенное на принципах создания высокохудожественных учебных проектов творческого содержания, а также через взаимодействия в различных направлениях и видах деятельности человека развивать учащегося, который сопричастен ко

различным учебным, общественным, политическим, научным и другим видам деятельности человека и гражданина, является чрезвычайно актуальным для системы современного музыкального образования.

Большую роль в организации этого взаимодействия может сыграть (и уже играет!) общение со студентами педагогических вузов. Устанавливается своего рода наставничество студентов над школьниками в подготовке индивидуальных проектов по различным видам практической, учебно-творческой и другим видам их деятельности человека. Студентам это общение полезно в качестве активной формы прохождения педагогической практики, у школьников появляется индивидуальный куратор, который сопричастен ко многим тем аспектам учебной и внеучебной деятельности школьника, которые не видны педагогам внутри общешкольной жизнедеятельности. Полезной оказалась идея создания единой темы для группы индивидуальных проектов, которые в дальнейшем объединяются в нашу идею сопричастности с важными ценностями человека-гражданина. Тема, которую мы выбираем в данном случае, носит, прежде всего воспитательный характер.

Сейчас разработаны нормативные документы, связанные с организацией наставнической деятельности. Основными группами в процессе сотрудничества и взаимодействия являются различные учебные (внутри школы и вне школьных учреждений) сообщества: учителей и обучающихся, школьников со школьниками и родителями, учителей и другими наставниками, связанными с различными видами деятельности обучаемых. Сюда мы добавляем ещё и наставничество, связанное с разного рода взаимодействиями студентов и школьников, что очень важно также и в контексте профориентационной работы. У студентов в учебном плане предусмотрены различные виды учебно-исследовательские, организационно-исследовательские виды деятельности, например, такие дисциплины, как «Управление учебными проектами», «Организация учебно-исследовательской работы», «Организация дополнительного образования», «Производственная практика (учебная)», «Производственная практика (научная)» и мн. др.

Этот процесс наставничества и сотворчества можно организовать в дистанционном формате. В школе и в вузе должен быть руководитель этой практики-наставничества.

Удивительно ценный потенциал несут в себе музыкально-компьютерные технологии (МКТ) [1; 2] как инструмент для создания различных вариантов сетевого взаимодействия, построенного на широком многокомпонентном сотрудничестве в современной высокотехнологичной цифровой образовательной среде, как средство трансляции многовековой музыкальной культуры народов мира, как способ реализации взаимодействий обучаемых и их наставников, который опирается на педагогику сотрудничества и сопричастности в современной информационной образовательной среде. Так, создание специализированного программного обеспечения для реализации процесса обучения с использованием различных интерактивных систем музыкального образования и сетевых образовательных технологий (см., например, статьи [3]), использование возможностей осуществления

музыкально-творческой деятельности в современной студии звукозаписи [4; 5], а также активное внедрение аудиовизуальных технологий [6] позволяет организовать систему обучения и воспитания, построенную на взаимном доверии и формировании глубокой заинтересованности всех участников образовательного процесса в созидательной деятельности для достижения различных образовательных и воспитательных задач. В этот процесс могут быть активно включены участники образовательного процесса, имеющие ограниченные возможности по здоровью. Так, сотрудниками учебно-методической лаборатории «Музыкально-компьютерные технологии» Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена разрабатывается система инклюзивного музыкального образования для детей и студентов с глубокими нарушениями зрения (см. работы [7; 8]).

Перечисленные компоненты образовательного процесса, а также разработка соответствующего образовательного контента, построенного на использовании современных музыкально-компьютерных технологий и цифровых образовательных ресурсов, создаёт необходимые условия для реализации основных принципов педагогики сопричастности в системе современного музыкального образования.

Литература:

1. Горбунова И.Б. Музыкально-компьютерные технологии как новая образовательная творческая среда // В сборнике: Актуальные вопросы современного университетского образования. Материалы XI Российско-Американской научно-практической конференции. 2008. С. 163-167.
2. Горбунова И.Б., Романенко Л.Ю. Феномен музыкально-компьютерных технологий в современной культурологической и социогуманитарной теории и практике // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5-2 (112). С. 388-395.
3. Gorbunova I., Hiner N. Music Computer Technologies and Interactive Systems of Education in Digital Age School. Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). 2019. Pp. 124-128.
4. Горбунова И.Б., Панкова А.А., Родионов П.Д. Компьютерная музыка. Том: 2 Лаборатория звука. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2016.
5. Горбунова И.Б. Музыкальный звук: методические аспекты толкования // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 95-100.
6. Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Товпич И.О. Аудиовизуальный синтез: опыт музыкально-теоретического рассмотрения проблем // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6-1 (113). С. 162-175.
7. Gorbunova I.B., Voronov A.M. Music Computer Technologies in Computer Science and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairment. Int'l Conference Proceedings. 2018. Pp. 15-18.
8. Gorbunova I., Govorova A. Music Computer Technologies in Informatics and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairments: From the Experience. Lecture Notes in Computer Science. Proceedings. Springer. 2018. Pp. 381-389.

**Значение дисциплины «Музыкальная информатика» в педагогической
деятельности педагога-музыканта**
**The importance of the discipline "Musical informatics" in the pedagogical activity of a
teacher-musician**

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg

Цифровые музыкальные инструменты привлекают все большее количество преподавателей, так как цифровой инструментарий помогает осуществить новые возможности работы с музыкальным произведением, воплотить и реализовать то, что невозможно сделать при помощи акустических инструментов (звучание всего оркестра, запись исполнения, работу над звуковым пространством и т. д.). В связи с этим растёт объём информации, который необходим современному педагогу-музыканту для продуктивной деятельности, и её освоение стало невозможным с помощью традиционных средств. Для этого педагогу-музыканту необходимо обладать способностью и готовностью понимать сущность и значение информации в музыкально-творческих процессах, использовать для решения коммуникативных задач современные технические средства и музыкально-компьютерные технологии. Все эти возможности раскрываются в процессе изучения дисциплины «Музыкальная информатика». В статье рассматриваются основные образовательные задачи, которые решаются в процессе обучения музыкальной информатике

Ключевые слова: музыкальная информатика, музыкально-компьютерные технологии, цифровые электронные клавишные синтезаторы, информационные технологии.

Digital musical instruments attract an increasing number of teachers, as digital instruments help to realize new possibilities of working with a piece of music, to embody and realize what cannot be done with the help of acoustic instruments (the sound of the entire orchestra, recording performance, work on sound space, etc.). In this regard, the amount of information that a modern teacher-musician needs for productive activity is growing, and its development has become impossible using traditional means. To do this, a teacher-musician must have the ability and willingness to understand the essence and meaning of information in musical and creative processes, use modern technical means and music and computer technologies to solve communicative tasks. All these possibilities are revealed in the process of studying the discipline "Musical Informatics". The article discusses the main educational tasks that are solved in the process of learning musical informatics

Keywords: musical informatics, music computer technologies, digital electronic keyboard synthesizers, information technology.

Одну из главных задач в жизнедеятельности человека и всего человечества несёт Информация. Термин «Информация» трактуется с разных позиций по-разному, несмотря на широкую распространённость понятие «Информации» остаётся одним из дискуссионных в науке, а сам термин применяется в различных отраслях человеческой деятельности. Любую информацию мы воспринимаем как сведения о чём либо, в независимости от формы представления, так как любой предмет, объект, те или иные действия, любые графические знаки (в т. ч. письменные или нотные) уже включают в себя информацию.

Слово «информация» в переводе с латинского «сообщение», «разъяснение», а «информация» с точки зрения информатики - это снятие неопределённости знаний о чём-либо. Прогресс влечёт неизбежность получения, обработки и хранения огромного количества информации. Информационные ресурсы, новые инновационные технологии (ИТ), информатизация системы образования – всё это привело к формированию информационной культуры человека, которая включает знания об информационной среде, методах функционирования, умения ориентироваться в информационном пространстве. Роль информации настолько велика, что требует от современного преподавателя знаний в области информационных технологий, законов формирования цифровой образовательной среды, умений ориентации в цифровом пространстве.

Стремительное изменение методик и форм организации преподавания, влечёт владение инновационными средствами и быстрой адаптацией их к новым условиям и соответствующим требованиям. Педагогу необходимо обладать информационной культурой (ИК) для применения знаний, умений и навыков работы в цифровом пространстве, как показала ситуация, мгновенно реагировать на все изменения в социуме, и уметь быстро организовывать образовательный процесс, в новых реалиях времени. В связи с чем педагогу-музыканту необходимо ориентироваться в информационно-образовательной среде (ИОС), уметь использовать новые инструменты, информационные ресурсы и технологии в педагогической практике.

Рассматривая цифровые технологии как «новые инструменты профессиональной деятельности», педагогу-музыканту прежде всего необходимо проанализировать их потенциал, соотнести его с актуальными целями образования и определить, какую роль они будут играть в его деятельности и деятельности обучающихся.

Применяя новые достижения в области развития информационных технологий, внедряя их в педагогический процесс, педагогу-музыканту необходимо не только приобрести знания в области сетевых образовательных ресурсов, но и овладеть навыками работы с использованием музыкально-компьютерных технологий (МКТ), цифровых музыкальных инструментов. Повышая ИК, педагог-музыкант расширяет знания в области ИТ, овладеет современными средствами обучения (МКТ, клавишный синтезатор, планшетные технологии, интерактивные системы обучения и т. д.).

Разработке данных направлений в системе подготовки современного педагога-музыканта посвящена деятельность сотрудников учебно-методической лаборатории «Музыкально-компьютерные технологии» РГПУ им. А.И. Герцена под руководством профессора И.Б. Горбуновой. Создана комплексная инновационная образовательная система «Музыкально-компьютерные технологии в образовании», что в частности, отражено в создании новых образовательных стандартов подготовки бакалавров и магистров образования, в разработке программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки педагогов-музыкантов, в учебных пособиях и методических разработках (включая цифровые образовательные ресурсы), научных статьях, монографиях.

МКТ обеспечивают не только процесс коммуникации в обучении музыкантов, но и содержат новые формы получения и передачи информации, которые могут привести к преобразованию всего учебного процесса, формируя среду [1; 2].

Цифровые музыкальные инструменты привлекают все большее количество преподавателей, так как цифровой инструментарий помогает осуществить новые возможности работы с музыкальным произведением, воплотить и реализовать то, что невозможно сделать при помощи акустических инструментов (звучание всего оркестра, запись исполнения, работу над звуковым пространством и т. д.). В связи с этим растёт объём информации, который необходим современному педагогу-музыканту для продуктивной деятельности, и её освоение стало невозможным с помощью традиционных средств. Для этого педагогу-музыканту необходимо обладать способностью и готовностью понимать сущность и значение информации в музыкально-творческих процессах, использовать для решения коммуникативных задач современные технические средства и МКТ. Все эти возможности раскрываются в процессе изучения дисциплины «Музыкальная информатика».

Педагогу-музыканту необходимо овладеть ИК, которая включает следующие аспекты:

- сформированность знаний, умений и практических навыков к работе с использованием ИТ согласно профессионально-творческим задачам;
- готовность к освоению ИТ (повышение информационной компетентности) [3-5];
- готовность к использованию информационной образовательной среды для повышения качества образования;
- умение выстроить сетевое образовательное пространство с учётом требований, предъявляемых к обучающимся;
- использование различных форм и видов представления информации [6];
- готовность к использованию информационной образовательной среды для реализации инклюзивного музыкального образования [7; 8];
- выявление логических структурных связей для целостного восприятия представленной информации [9-11];
- готовность к системности информационных знаний и овладению смысловым значением информационных понятий.

Один из главных критериев повышения ИК преподавателя-музыканта – стремление к профессиональному самообразованию, саморазвитию, самореализации.

Преодолеть формализм в освоении новых знаний в области ИТ помогут привычные для педагога-музыканта средства – МКТ и ЭМС. Цифровые информационные технологии, МКТ и ЭМС создают условия для подготовки педагога-музыканта, владеющего кроме традиционных дисциплин музыкальным компьютером (МК) как новым специальным инструментом музыканта, цифровым инструментом (ЭМС), и внедряющего их в образовательный процесс.

Литература:

1. Горбунова И.Б. Музыкально-компьютерные технологии как новая образовательная творческая среда // В сборнике: Актуальные вопросы современного университетского образования. Материалы XI Российско-Американской научно-практической конференции. 2008. С. 163-167.
2. Горбунова И.Б., Романенко Л.Ю. Феномен музыкально-компьютерных технологий в современной культурологической и социогуманитарной теории и практике // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5-2 (112). С. 388-395.
3. Горбунова И.Б. Музыкальный звук: методические аспекты толкования // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 95-100.
4. Gorbunova I., Hiner H. Music Computer Technologies and Interactive Systems of Education in Digital Age School. Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). 2019. Pp. 124-128.
5. Горбунова И.Б., Горельченко А.В. Технологии и методики обучения. Музыкально-компьютерные технологии в системе начального музыкального образования / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2007.
6. Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Товпич И.О. Аудиовизуальный синтез: опыт музыкально-теоретического рассмотрения проблем // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6-1 (113). С. 162-175.
7. Gorbunova I., Govorova A. Music Computer Technologies in Informatics and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairments: From the Experience // Lecture Notes in Computer Science. Proceedings. 2018. Pp. 381-389.
8. Gorbunova I.B., Voronov A.M. Music Computer Technologies in Computer Science and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairment. Int'l Conference Proceedings. 2018. Pp. 15-18.
9. Gorbunova I.B., Chibirev S.V. Modeling the Process of Musical Creativity in Musical Instrument Digital Interface Format. Opcion. 2019. V. 35. No. Special Issue 22. Pp. 392-409 Горбунова И.Б. О Юрии Николаевиче Рагсе. В сборнике: Измерение музыки. Памяти Юрия Николаевича Рагса (1926-2012): сборник научных статей. Санкт-Петербург, 2015. С.: 15-20.
10. Горбунова И.Б., Чибирев С.В. Музыкально-компьютерные технологии и проблема моделирования процесса музыкального творчества // В сборнике: Региональная информатика "РИ-2014". Материалы XIV Санкт-Петербургской международной конференции. 2014. С. 293-294.
11. Горбунова И.Б., Заливадный М.С. О математических методах в исследовании музыки и подготовке музыкантов // Проблемы музыкальной науки. 2013. № 1 (12). С. 264-268.

УДК 378

ББК 60.0

М.В. Мицкевич
Mark V. Mitskevich
marcmitskevich@gmail.com

Музыкальная форма и музыкально-компьютерные технологии **Musical form and music computer technologies**

Центр внешкольной работы «Академический», Санкт-Петербург
Center for Extracurricular Work "Academic", St. Petersburg

В статье обозначены проблемы, с которыми сталкиваются сегодня многие музыканты, соприкасающиеся с областью электронной музыкальной композиции и использующие музыкально-компьютерных технологий как инструмент для творчества. Рассматривается вопрос практического владения компьютерными ресурсами, синтезаторами и другими инструментами, позволяющими музыканту раскрыть его творческий потенциал. Автор также акцентирует внимание на проблеме использования музыкально-компьютерных технологий как инструмента для эффективной организации инклюзивного музыкального образования.

Ключевые слова: музыкально-компьютерные технологии, музыкальная форма, композиция, секвенсор, синтезатор.

The article analyzes the problems that many musicians face today who come into contact with the field of electronic music composition and use music computer technologies as a tool for creativity are outlined. The question of practical possession of computer resources, synthesizers and other tools that allow a musician to unleash his creative potential is considered. The author also focuses on the problem of using music computer technologies as a means of teaching music and relevant tools for organizing inclusive musical education.

Keywords: music computer technologies, musical form, composition, sequencer, synthesizer.

Развитие музыкально–компьютерных технологий (МКТ) дает все более широкие возможности для их использования в выстраивании новой музыкальной логики сочинения [1, 2]. Традиционная форма музыки, как правило, определяется взаимодействием широкого спектра средств выразительности музыки. Драматургия вариативности материала разделов заранее продумывается. Подходящие элементы задают необходимый импульс развития всей композиции, а формообразующие разделы сплетены в единую линию, приводящую к кульминации и завершению. Такой тип музыкального мышления обусловлен огромным музыкантским опытом предшественников, и всегда заслуживает тщательного изучения в каждом отдельном случае.

Опыт сочинения в секвенсоре демонстрирует необходимость придумывания собственной музыкальной формы. Это обуславливается самой природой электронных звуков, и их взаимодействия между собой. Палитра магических возможностей работы с VST–instruments наталкивает на совершенно иной тип представления о создании компьютерной музыки. Для сочинителя открывается огромный мир широчайшей возможности использования любого звука (т. н. музыкального или шумового) в создании многовариантных структур на базе одного тембра [3, 4]. Это может быть как слияние, так и конфликт звуковых частот и тембров. Большое значение в освоении новых форм играет также экспериментирование с электронными шумовыми звуками в форме сочинения этюдов под абстрактный видеоматериал. Важная роль отведена и свободной импровизации, в которой форма может меняться на протяжении всего сочинения, заданная по случайным алгоритмам Launchpad и компьютерных программ. В процессе создания любого музыкального полотна всегда нужно помнить о достаточно важных вещах, таких как акустическое пространство и нюансировка. Зачастую, в погоне за быстрым результатом, вместо правильно выстроенной динамики звучания оркестровых инструментов, программное обеспечение создает только проблемы и обманчивое восприятие акустических свойств инструментов. Если не настроить правильную динамику у каждого инструмента, то - как результат - мы получим сплошной прямой поток звучания всего сразу. Конечно, ничто не заменит живое исполнение музыки оркестрантами, и только такое интерпретирование музыки является ценным. Написание музыки в нотном редакторе применимо для набора нот, редактуры партитуры. Но если довериться озвучиванию нот программой, многие

важные выразительные детали для построения формы просто могут затеряться, и музыка лишится своей красоты.

Методика преподавания МКТ может включать в себя такой важный вопрос как приобретение навыков построения музыкальной формы. Это поможет компьютерной музыке выйти на более качественный уровень. И компьютерные программы будут преимущественно пользоваться успехом не только у звукорежиссеров, чтобы корректировать MIDI-проекты, но и быть твердой платформой для создания целых музыкальных полотен, произведений искусства, как это и было изначально заложено величайшими отечественными музыкантами: Л. Терменом, Э. Артемьевым, С. Крейчи, А. Шнитке, Э. Денисовым, С. Губайдулиной и др.

Разрабатываемые на основе использования МКТ образовательные программы способны включать различные способы представления музыкальной информации, как, например, аудиовизуальные технологии [5] и многие другие. Система музыкального образования – профессионального, общего, дополнительного – способна использовать новый образовательный контент, цифровые образовательные ресурсы, доступные в Школе цифрового века [6]. Построенная на широком использовании специализированного программного обеспечения, система музыкального образования способна без особых ограничений осуществлять подготовку музыкантов различных творческих специализаций в системе инклюзивного музыкального образования [7].

Владение компьютерными ресурсами, музыкально-компьютерными технологиями, синтезаторами и другими инструментами, позволяющими музыканту раскрыть его творческий потенциал, даёт возможность современному раскрыть его творческий потенциал и осуществить все этапы создания музыкального произведения – от замысла до его исполнения.

Литература:

1. Горбунова И.Б. Музыкально-компьютерные технологии как новая образовательная творческая среда // В сборнике: Актуальные вопросы современного университетского образования. Материалы XI Российско-Американской научно-практической конференции. 2008. С. 163-167.
2. Горбунова И.Б., Романенко Л.Ю. Феномен музыкально-компьютерных технологий в современной культурологической и социогуманитарной теории и практике // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5-2 (112). С. 388-395.
3. Горбунова И.Б. Музыкальный звук: методические аспекты толкования // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 95-100.
4. Горбунова И.Б., Чибирев С.В. Музыкально-компьютерные технологии и проблема моделирования процесса музыкального творчества // В сборнике: Региональная информатика "РИ-2014". Материалы XIV Санкт-Петербургской международной конференции. 2014. С. 293-294.
5. Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Товпич И.О. Аудиовизуальный синтез: опыт музыкально-теоретического рассмотрения проблем // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6-1 (113). С. 162-175
6. Бергер Н.А., Горбунова И.Б., Яцентковская Н.А. Общее музыкальное образование в школе XXI века // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6 (55). С. 147-151.
7. Gorbunova I., Govorova A. Music Computer Technologies in Informatics and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairments: From the Experience // Lecture Notes in Computer Science. Proceedings. 2018. Pp. 381-389.

Профессиональная переподготовка и повышение квалификации педагога-музыканта в условиях реализации дистанционного образования
Professional retraining and advanced training of a teacher-musician in the context of the implementation of distance education

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
The Herzen State Pedagogical University of Russia

В статье рассмотрены особенности проектирования курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовки педагога-музыканта, реализованных с применением дистанционных образовательных технологий. Выделены учебные элементы системы дистанционного обучения СДО Moodle, позволяющие организовать как процесс обучения преподавателей различных музыкальных дисциплин, так и контрольные мероприятия, сопровождающие процесс такого обучения. Рассмотрена роль музыкально-компьютерных и аудиовизуальных технологий в реализации процесса дистанционного образования и возможность их использования в системе современного музыкального обучения.

Ключевые слова: дистанционное музыкальное образование, система дистанционного обучения Moodle, инструменты организации удаленного обучения, формы контроля в дистанционном музыкальном образовательном процессе.

The article deals with the features of the implementation of the distance musical educational process, identifies the educational elements of the distance learning system Moodle, allowing to organize both the process of teaching music teachers and control activities accompanying the process of such training. The role of music-computer and audiovisual technologies in the implementation of the process of distance education and the possibility of their use in the system of modern music education is considered.

Key words: distance musical education, distance learning system Moodle, remote learning tools, forms of control in the distance music educational process

В образовательном процессе педагога-музыканта (на всех этапах обучения) естественным и целесообразным является применение творческой проектной деятельности с использованием современных высокотехнологичных средств. *Проблема исследования* заключается в необходимости разработки методики дистанционного обучения педагогов-музыкантов, ориентированной на реализацию творческого обучения в условиях функционирования дистанционной образовательной среды (на примере системы дистанционного обучения Moodle).

Вариантов размещения мультимедийного контента может быть множество. Как правило, любой используемый в СДО Moodle учебный элемент можно применить не только для предоставления контента, но и для проверки усвоенного учебного материала. На основе многолетнего опыта реализации дистанционных курсов нами был выделен ряд наиболее эффективных контрольных инструментов СДО Moodle для применения в музыкальном образовании: видеозанятие, задание, тест, семинар,

форум, интерактивная лекция (см. подробнее работы [1-5]). Выбор производился с учетом особенностей организации учебного процесса в междисциплинарной сфере деятельности - музыкально-компьютерных технологий (МКТ), затрагивающих вопросы преподавания музыки и информатики [6; 7].

Дистанционное обучение может быть прекрасным и, в ряде случаев, незаменимым дополнением к очному музыкальному образованию, при реализации которого целесообразно использовать синхронно две формы обучения: офлайн и онлайн.

Офлайн обучение

Учащиеся записывают исполнение своих произведений. Учитель подробно знакомится с видео (аудиозаписями) и записывает видеосюжет со своими оценками и комментариями. Помимо очевидных минусов такого взаимодействия существуют и плюсы:

- у ученика есть возможность неоднократно ознакомиться с видеосюжетом педагога. Еще и еще раз возвращаясь к записи не только услышать, но глубже понять и осознать, что же от него требуется (на очном занятии далеко не с первого раза можно донести до ученика свои пожелания);

- в работе над музыкальными произведениями появляются широкие возможности по использованию дополнительных материалов (запись произведений в исполнении известных музыкантов, дополнительная информация о музыкальном произведении в наглядной, интересной форме, запись произведения по фрагментам (по частям, партиям, голосам и т. д.). Таким образом формируются условия для более детального анализа произведения, на что, зачастую не хватает время на уроках. Также, оперируя этим контентом удобно работать, например, над голосоведением, когда ученик играет верхний голос под аудиозапись педагога, который исполняет нижний голос в партии;

- ученики становятся более самостоятельными и наконец-то начинают слушать себя, свое исполнение, считать в слух. А происходит это так: перед отправкой записанного видео, они, конечно же его просматривают, и, к своему удивлению понимают, что со стороны звучит это не так, как им казалось ранее. Возникает естественное желание переиграть и не один раз. Во время последующих исполнений активизируется слух, появляется потребность сыграть лучше, повышается мотивация обучающегося. Исполнение на камеру дисциплинирует и психологически отличается от исполнения в классе;

- при просмотре таких видеозаписей для учителя становится понятна домашняя среда, в которой ученик обучается большую часть времени. Начиная от элементарных моментов (настроен ли инструмент, правильно ли настроена высота стула, подставки) и заканчивая эмоциональной атмосферой, которая показывает, насколько психологически-комфортно может проходить домашняя работа.

Онлайн обучение

Работа в онлайн режиме более напряженная для учителя, учеников, а также для родителей. Тем не менее, ее можно сделать оптимальной. Рабочее место учителя и

ученика следует организовать определенным образом, чтобы занятия проходили максимально эффективно. Например, в процессе реализации онлайн урока можно использовать или одну подвижную или две камеры. Так, чтобы ученик видел и руки учителя на инструменте и самого учителя. Также, можно использовать захват экрана, где, например, может быть отображен нотный текст, с которым в данный момент идет работа. Если есть техническая возможность, то данный вид работы может сопровождать пометками в нотах с помощью светового пера или сенсорного монитора.

Конечно, обязательным условием является наличие высокоскоростного Интернета. Чем выше качество связи, тем лучше звук, меньше рассинхронизация и других проблем, которые критичны для музыкальных занятий. Желательным условием является наличие качественных микрофона и наушников (гарнитуры). Звук с инструмента лучше снимать отдельным микрофоном или (если инструмент электронный) подключать по аудоканалу. В качестве аудиосистемы предпочтительнее использовать наушники, тогда звук из колонок не будет захватываться в микрофон, что искажает сигнал. Ученик же даже во время исполнения услышит своего учителя, который не будет вынужден повышать голос, чтобы быть услышанным за завесой шума, искажений и иных посторонних звуков.

Сотрудниками учебно-методической лаборатории «Музыкально-компьютерные технологии» Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена подготовлен ряд учебных пособий, среди которых отметим, например, пособие «Компьютерная музыка. Том 2: Лаборатория звука» [8], используя которые педагог-музыкант может проводить плодотворную творческую педагогическую работу в классе и которые могут быть использованы в процессе проведения курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовки преподавателей различных музыкальных дисциплин. Также считаем целесообразным и высокопродуктивным рассмотрение вопросов аудиовизуального синтеза [9] и синестезии искусств с использованием современных профессионально-ориентированных сред уровня конечного пользователя в системе дополнительного профессионального обучения педагога-музыканта, работающего в различных музыкально-образовательных учреждениях.

Оптимальная организация дистанционного рабочего процесса минимизировала некоторые негативные аспекты удаленного обучения и показала свою эффективность. Опыт с проведением офлайн занятий (как дополнительных) будет мной в дальнейшем использован в очном образовательном процессе.

Современный мир стремительно меняется, а вместе с ним, в головокружительном вихре меняются, технологии, образование и даже общество в целом. За этим круговоротом нельзя потерять вечные ценности, но в тоже время, надо уметь принимать ситуацию такой, какая она есть и твердой поступью двигаться к настоящим целям, умело используя при этом новые информационные технологии и адаптируя их под свои задачи.

Литература:

1. Панкова А.А. Критерии smart-обучения в музыкальном образовании // Новые образовательные стратегии в современном информационном пространстве: Материалы международной научной конференции / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Институт компьютерных наук и технологического образования. СПб., 2018. С. 167-171.
2. Панкова А.А. Музыкально-компьютерные технологии: дистанционные образовательные технологии в обучении студентов-музыкантов // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды IX Международной научно-теоретической конференции (26-27 октября 2017 г.) СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 344-347.
3. Панкова А.А. Роль компьютерного музыкального творчества в самоидентификации личности педагога-музыканта // Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (11–13 декабря 2018 г.) / Южный федеральный университет; под общ. ред. А.В. Черной. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Foundation, 2018. С. 508-511.
4. Панкова А.А. Цифровой контент и дистанционные технологии в музыкальном образовании // Региональная информатика «РИ-2018»: Материалы конференции. СПб., 2018. С. 397-400.
5. Панкова А.А. Использование учебных элементов СДО MOODLE при организации контрольных мероприятий в музыкальном образовании // Непрерывное образование. Материалы Международного форума: V Международной научно-практической конференции. Под редакцией И.А. Волошиной, И.О. Котляровой. 2019. С. 210-216.
6. Горбунова И.Б., Романенко Л.Ю. Феномен музыкально-компьютерных технологий в современной культурологической и социогуманитарной теории и практике // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5-2 (112). С. 388-395.
7. Горбунова И.Б. Музыкально-компьютерные технологии как новая образовательная творческая среда // В сборнике: Актуальные вопросы современного университетского образования. Материалы XI Российско-Американской научно-практической конференции. 2008. С. 163-167.
8. Горбунова И.Б., Панкова А.А., Родионов П.Д. Компьютерная музыка. Том 2: Лаборатория звука. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2016.
9. Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Товпич И.О. Аудиовизуальный синтез: опыт музыкально-теоретического рассмотрения проблем // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6-1 (113). С. 162-175.

УДК 378

ББК 66.2:71.0(2)

С.В. Чибирёв
Sergey V. Chibirev
ondyon@yandex.rul

Моделирование процесса музыкального творчества Modeling the process of musical creativity

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Herzen State Pedagogical University*

Развитие музыкально-компьютерных технологий и цифровых музыкальных инструментов позволяет проводить соответствующие эксперименты, также связанные с областью музыкального образования. Данная работа является исследованием, использующим модель процесса музыкального творчества, полученную в работе "Исследование музыкальных текстов в формате MIDI". Построение модели осуществлялось путём поэтапной декомпозиции нотной записи, многомерного статистического анализа с учётом циклической структуры музыкального фрагмента и скрининга результатов. Результаты моделирования процесса музыкального творчества с использованием музыкально-компьютерных технологий имеют особое значение для реализации различных видов инклюзивного музыкального образования.

Ключевые слова: музыкальное программирование, музыкально-компьютерные технологии, статистический анализ.

The development of music computer technologies and digital musical instruments allows for appropriate experiments, also related to the field of music education. This work is a study using a model of the process of musical creativity obtained in the work *Study of Musical Texts in MIDI Format*. The model was constructed by step-by-step decomposition of musical notation, multidimensional statistical analysis taking into account the cyclic structure of the musical fragment and screening of the results. The results of modeling the process of musical creativity using music computer technologies are of particular importance for the implementation of various types of inclusive music education.

Keywords: musical programming, music computer technologies, statistical analysis

В настоящее время при планировании исследований, даже в области различных гуманитарных наук, мы можем использовать наиболее активные исследовательские подходы, такие как эксперимент и моделирование. Взяв в качестве примера модель музыкального фрагмента, основанную на статистике нот, в данной статье мы представляем образец междисциплинарного исследования.

Идея исследования состоит в том, чтобы разработать несколько уравнений, которые могут количественно оценить некоторые вербальные характеристики музыкального фрагмента. Чтобы доказать актуальность этих уравнений, мы выяснили взаимосвязь между параметрами интегральной модели и экспертными значениями, характеризующими психологическое впечатление от музыки определенного музыкального фрагмента. Для исследования были взяты два типа данных: экспертные данные и расчетные данные из модели. Мы использовали группу из 70 студентов в качестве экспертов, которые оценивают музыкальные фрагменты по нескольким вербальным значениям. Затем мы использовали несколько формул для параметров модели (детерминанты матрицы вероятностей). Взяв каждую пару экспертных и расчетных значений, мы пытаемся найти корреляцию. Если корреляция высока для некоторой пары расчетных данных и экспертных данных, это означает, что мы можем использовать это уравнение для оценки вербальной характеристики музыкального фрагмента. В результате этого исследования мы получили проверенные формулы (на матрице вероятности музыкального фрагмента), которые могут оценить некоторые вербальные характеристики любого музыкального фрагмента.

Развитие музыкально-компьютерных технологий и цифровых музыкальных инструментов [1] позволяет проводить соответствующие эксперименты [2-3], также связанные с областью музыкального образования [4-7]. Результаты моделирования процесса музыкального творчества с использованием музыкально-компьютерных технологий имеют особое значение для реализации различных видов инклюзивного образования, где особенный интерес приобретают новые возможности для организации элементов инклюзивного *музыкального* образования [8-9].

Многие из сопряжённых с обсуждаемыми в статье вопросами рассматривались на научно-методических семинарах, организованных в учебно-методической лаборатории «Музыкально-компьютерные технологии» Российского государственного педагогического университет им. А.И. Герцена, что отражено в трудах сотрудников этой лаборатории (см., например, работу [10]).

Литература:

1. Горбунова И.Б. Музыкально-компьютерные технологии как новая образовательная творческая среда // Актуальные вопросы современного университетского образования. Материалы XI Российско-Американской научно-практической конференции. 2008. С. 163-167.
2. Горбунова И.Б., Чибирёв С.В. Музыкально-компьютерные технологии и проблема моделирования процесса музыкального творчества // Региональная информатика "РИ-2014". Материалы XIV Санкт-Петербургской международной конференции. 2014. С. 293-294.
3. Gorbunova I.B., Chibirev S.V. Modeling the Process of Musical Creativity in Musical Instrument Digital Interface Format. *Opcion*. 2019. V. 35. No. Special Issue 22. Pp. 392-409.
4. Горбунова И.Б., Панкова А.А., Родионов П.Д. Компьютерная музыка: Том 2: Лаборатория звука. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2016.
5. Горбунова И.Б., Заливадный М.С. О математических методах в исследовании музыки и подготовке музыкантов // Проблемы музыкальной науки. 2013. № 1 (12). С. 264-268.
6. Горбунова И.Б. О Юрии Николаевиче Рагсе // Измерение музыки. Памяти Юрия Николаевича Рагса (1926-2012): сборник научных статей. Санкт-Петербург, 2015. С. 15-20.
7. Горбунова И.Б. Музыкальный звук: методические аспекты толкования // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 95-100.
8. Gorbunova I.B., Voronov A.M. Music Computer Technologies in Computer Science and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairment. *Int'l Conference Proceedings*. 2018. Pp. 15-18.
9. Gorbunova I., Govorova A. Music Computer Technologies in Informatics and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairments: From the Experience. *Lecture Notes in Computer Science. Proceedings*. Springer. 2018. Pp. 381-389.
10. Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Товпич И.О. Аудиовизуальный синтез: опыт музыкально-теоретического рассмотрения проблем // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6-1 (113). С. 162-175.

УДК 378

ББК 74.489

К.Б. Давлетова

Klara Davletova

Информационная образовательная среда как инструмент для совершенствования процесса профессионального развития педагога-музыканта в системе дополнительного профессионального образования
Informational educational environment as a tool for improving the process of professional development of a music teacher in the system of additional professional education

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg

В статье рассматриваются проблемы, связанные с профессиональным развитием преподавателей музыкальных дисциплин в связи с формированием профессионально-ориентированной информационной образовательной среды, используемой как инструмент для совершенствования процесса обучения; обсуждаются вопросы освоения содержания материала на основе использования предметной среды, использования современных педагогических технологий, включающих музыкально-компьютерные технологии, электронные музыкальные инструменты и цифровые синтезаторы.

Ключевые слова: музыкально-компьютерные технологии, электронные музыкальные инструменты, цифровой синтезатор, информационная образовательная среда.

The article deals with the problems associated with the professional development of teachers of musical disciplines in connection with the formation of a professionally-oriented information educational environment used as a tool for improving the learning process; discusses the issues of mastering the content of the material based on the use of the subject environment, the use of modern pedagogical technologies, including music computer technologies, electronic musical instruments and digital synthesizers.

Keywords: music computer technologies, electronic musical instruments, digital synthesizer, information educational environment.

Требования образовательных стандартов диктуют необходимость разработки специального программно-методического обеспечения для обучения педагогов системы дополнительного образования детей, которое должно в большей степени учитывать их профессионально-личностные особенности, условия работы в Дворцах и Домах творчества, Центрах творческого развития и гуманитарного образования и требования педагогики дополнительного образования детей [1].

Большую роль в этом процессе играет подготовка специалистов, обладающих современными знаниями, организаторскими способностями, умениями решать нестандартные задачи в условиях постоянно меняющейся информационной образовательной среды, учитывающей реальные возможности и основания её высокотехнологичной составляющей. Информационная образовательная среда выступает как ресурс подготовки педагога-музыканта в условиях реализации курсов повышения квалификации. Так, современная профессионально-ориентированная информационная образовательная среда педагога-музыканта:

- 1) позволяет выстраивать собственную траекторию прохождения материалов курсов повышения квалификации;
- 2) открывает возможность индивидуального подхода с учетом профессиональных потребностей каждого педагога;
- 3) позволяет реализовать более интенсивный процесс обучения в условиях содержательной насыщенности обучающих курсов;
- 4) обеспечивает ориентированность на самообразование и самоопределение;
- 5) развивает контрольно-оценочную самостоятельность педагога-музыканта как одно из условий индивидуализации обучения [2-3].

Важнейшей целью любого профессионального обучения является удовлетворение социального заказа общества, а также индивидуальных потребностей обучаемых. Социальный заказ при подготовке педагогов профессионального обучения находит отражение в нормативных документах. В этом плане важнейшим ориентиром при проектировании содержания подготовки педагогов дополнительного образования является «Профессиональный стандарт педагога дополнительного образования детей и взрослых» [1].

Для педагогов системы дополнительного образования детей разработаны и реализуются дополнительные профессиональные программы курсов повышения квалификации трех уровней освоения:

1 уровень - «Инновационные методы и технологии в современном музыкальном образовании. Освоение возможностей клавишных синтезаторов» - программа для

начинающих педагогов в области освоения современных музыкальных технологий. На данном этапе обучения происходит ознакомление с информационными технологиями, применяемыми в образовании, освоение технических параметров электронного инструментария, формирование начальных профессиональных навыков аранжировки музыкального произведения, работа со звуком, синтезирование тембров, работа с музыкальными файлами и банками синтезаторов как основы для дальнейшего самостоятельного совершенствования в соответствии с требованиями профессиональной деятельности.

2 уровень - «Искусство аранжировки на цифровых синтезаторах» - программа второй ступени обучения для педагогов с опытом работы в области электронного музыкального творчества. Программа предусматривает детальную (углубленную) работу над аранжировкой, создание пользовательских стилей, тембров и т.д.

3 уровень - «Инновационные методы и технологии в современном музыкальном образовании. Музыкальный компьютер в классе синтезатора». Программа включает темы по освоению музыкально-компьютерных программ, работу в программах - нотных редакторах, аранжировку, работу с электронными ресурсами.

Основной задачей курсов повышения квалификации педагогов системы дополнительного образования детей становится подготовка педагогов-музыкантов к профессиональной деятельности в условиях высокотехнологичной информационной образовательной среды, получение знаний о новых достижениях в определенной сфере деятельности, в частности, в сфере музыкально-компьютерных технологий и электронных музыкальных инструментов, а также передовом педагогическом опыте. Важное значение имеет применение современных информационных и педагогических технологий в обучении детей, приобретение навыков и умений самостоятельного конструирования блоков учебно-тематического материала [4-6].

При организации курсов повышения квалификации мы используем системный подход, применяем разнообразные формы и методы обучения. В этой связи, одним из главных условий стало применение новых цифровых ресурсов и необходимость разработки условий для реализации всех направлений педагогической работы в условиях функционирования профессионально-ориентированной информационной образовательной среды. Так, именно эти средства открывают доступ к необходимой информации, совершенствуют процесс обучения, расширяют формы, возможности и педагогические технологии.

Опора на методики обучения с использованием музыкально-компьютерных технологий в системе начального музыкального образования [7; 8], общие принципы музыкального образования и воспитания в Школе цифрового века [9], включение в образовательный процесс современных электронных музыкальных инструментов и цифровых рабочих станций [10; 11], а также технологии аудиовизуального синтеза [12] и звукотембрального программирования (см. статью [13], а также в ряде других работ композитора и педагога М.Г. Сетлова: «Музыкальное программирование», «Программирование интерактивных систем в среде MAX/MSP», «Системы искусственного интеллекта в интерактивных аудиовизуальных инсталляциях и

перформансах», «Взаимодействие творчества и компьютерных технологий при обучении методам звукового синтеза в музыкальном и аудиовизуальном искусстве») позволяют создать все необходимые предпосылки для профессионально-ориентированного образовательного контента, необходимого для наполнения профессионально-ориентированной информационной образовательной среды педагога-музыканта.

Литература:

1. Профессиональный стандарт «Педагог дополнительного образования детей и взрослых». Приказ Министерства труда и социальной защиты 8.09.2015 г.
2. Дедюхина О.В. Индивидуальная образовательная деятельность педагога-музыканта [Электронный ресурс]. URL: <https://dop-obrazovanie.com/dlya-pedagogov/stati/pedagogicheskij-opyt/1860-individualnaya-obrazovatel'naya-deyatelnost-pedagoga-muzykanta> (дата обращения: 25.09.2021).
3. Чернобай Е.В. Особенности профессиональной деятельности учителя в современной информационной образовательной среде. URL: www.sevcb.ru/joomla/index.php?option=com_content&view.
4. Давлетова К.Б. Цифровой клавишный синтезатор в системе обучения педагогов-музыкантов УДОД. // Современное музыкальное образование – 2016. Материалы XV Международной научно-практической конференции / под общ. ред. И.Б. Горбуновой. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. С. 356-261.
5. Давлетова К.Б. Информационно-образовательная среда как ресурс подготовки к профессиональной деятельности педагога-музыканта системы дополнительного образования детей // Мир науки, культуры, образования. 2016. №5 (60). С. 231-235.
6. Давлетова К.Б., Новикова Л.П. Подготовка к профессиональной деятельности педагога-музыканта системы дополнительного образования в информационной образовательной среде. «Поколение нового тысячелетия: стратегии воспитания детей и молодежи в системе ДОД Санкт-Петербурга». СПб., 2019.
7. Горбунова И.Б. Музыкально-компьютерные технологии как новая образовательная творческая среда // В сборнике: Актуальные вопросы современного университетского образования. Материалы XI Российско-Американской научно-практической конференции. 2008. С. 163-167.
8. Горбунова И.Б., Горельченко А.В. Технологии и методики обучения. Музыкально-компьютерные технологии в системе начального музыкального образования / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2007.
9. Бергер Н.А., Горбунова И.Б., Яцентковская Н.А. Общее музыкальное образование в школе XXI века // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6 (55). С. 147-151.
10. Белов Г.Г., Горбунова И.Б. Новый инструмент музыканта // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 135-139.
11. Gorbunova I.B. Electronic Musical Instruments: To the Problem of Formation of Performance Mastery // Int'l Conference Proceedings. 2018. Pp. 23-28.
12. Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Товпич И.О. Аудиовизуальный синтез: опыт музыкально-теоретического рассмотрения проблем // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6-1 (113). С. 162-175.
13. Светлов М.Г. Системы искусственного интеллекта в интерактивной музыке, аудиовизуальных инсталляциях и перформансах // Современное музыкальное образование - 2010: материалы IX Международной научно-практической конференции / под общ. ред. И.Б. Горбуновой. СПб., 2011. С. 132-138.

Подготовка будущих учителей музыки в Республике Саха (Якутии) с опорой на традиции этномузыкальной культуры и использованием современных музыкально-компьютерных технологий
Training of future music teachers in Yakutia based on the traditions of ethnomusicology and the use of modern music computer technologies

*РГПУ им. А. И. Герцена, Якутский педагогический колледж им. С.Ф. Гоголева
Herzen State Pedagogical University, Yakut Pedagogical College named after S.F. Gogolev*

В статье рассматриваются основные принципы и содержание долгосрочных перспектив развития профессионального музыкального образования, которое основывается на широком использовании музыкально-компьютерных технологий, влиянии социально-культурной ситуации в мире и происходящих в обществе фундаментальных (базовых) процессах с опорой на традиции этномузыкальной культуры в Республике Саха (Якутии). Автор заостряет проблему необходимости создания специализированных учебных курсов, встроенных в программу подготовки будущих учителей музыки в Республике, а также подготовку студентов через участие в движении WorldSkills Russia.

Ключевые слова: этномузыкальная культура, тенденции развития профессионального образования в Якутии, информационные технологии.

The article discusses the basic principles and content of long-term prospects for the development of professional musical education, which is based on the widespread use of music computer technologies, the influence of the socio-cultural situation in the world and the fundamental (basic) processes taking place in society based on the traditions of ethnomusicology in the Republic of Sakha (Yakutia). The author highlights the problem of the need to create specialized training courses embedded in the training program for future music teachers in the Republic, as well as training students through participation in the WorldSkills Russia movement.

Keywords: ethnomusicology, trends in the development of professional education Yakutia, information technology.

Взаимодействие западной и восточной цивилизаций, славянской и тюркской культуры, мусульманской, христианской и буддийской религии в Республике Саха (Якутия) полностью сохраняют межнациональную стабильность в современных сложных внешнеполитических и межкультурных коммуникационных условиях. Для полиэтнической республики, каковой является Якутия, обозначенные тенденции детерминируют возрастание роли учителя музыки как носителя национальных и музыкально-культурных традиции народа Якутии.

В этих условиях профессиональная подготовка будущих учителей музыки приобретает особое значение, так как используя традиции этномузыкальной культуры, опираясь на духовные ценности, учителю музыки предстоит решать педагогические задачи, связанные с проблемами глобализации, особенностями монокультурного музыкального образования, а также идентифицирующее начало

своей национальной исключительности. В статье рассмотрены организационно-педагогические условия подготовки будущих учителей музыки – студентов педагогического колледжа в системе профессионального образования к развитию этномузыкальной культуры подростков Республики Саха (Якутия).

Автором анализируются возможности использования современных информационных и музыкально-компьютерных технологий (МКТ) [1, 2], которые играют порой ключевую роль как новый, современный инструмент передачи знаний и трансляции основ музыкальной и национальной (традиционной) составляющей знаний подрастающего поколения в формировании этномузыкальной культуры студентов, обучающихся на музыкально-педагогических направлениях подготовки в колледжах Республики Саха (Якутия).

Эффективным инструментом, позволяющим преодолевать обозначенные ограничения развития профессионального образования в нашей стране, является движение WorldSkills Russia. Объединение интересов государства, промышленности и бизнеса, образования и общества с использованием возможностей и регламентов этого международного движения позволит достичь значительных успехов в развитии профессионального образования.

К базовым процессам можно отнести:

- глобализацию (размытие социально-политических и культурно-исторических границ между ранее обособленными общественными системами);

- трансформацию понятия «ресурса» (переориентация корпоративных структур деятельности с использованием «традиционных» материальных, финансовых и организационных средств деятельности на новые, преимущественно сетевые системы кооперации для совместного доступа к тем или иным ресурсам);

- возрастание роли человеческого потенциала, традиционные институты воспроизводства и развития которого существенно отстали, особенно в качественном отношении, от темпов роста производительных сил и интенсивного процесса дифференциации типов профессиональной практики;

- кризисные явления практически во всех сферах жизни общества все убедительнее свидетельствуют, что человеческий капитал в глобальном, региональном, национальном, демографическом, отраслевом, корпоративном, профессиональном и индивидуальном измерениях приобретает первостепенную социокультурную и цивилизационную значимость, становясь особым сверхресурсом развития и самого выживания общества.

Роль WSR в профессиональном образовании становится более важной, в последнее время его рассматривают в аспекте развития общества, основанного на знаниях, что предполагает интерпретацию общественных процессов и ситуаций в зависимости от конвертации информационного ресурса и информационных потоков в знания в исторической и социокультурной перспективе. WSR предполагает преемственность в развитии современных обществ и культур воспроизводством не столько уклада жизни и коллективных привычек, сколько жизненно необходимого

знания, оно трактуется как основа существования любого культурно-специфичного сообщества.

МКТ – современные и востребованные технологии развития музыкальной и аудиовизуальной культуры - представляют собой мощнейший механизм воспроизводства и модернизации социальной реальности и культуры в системе общественного развития в нашей стране и за рубежом. Обращение к вопросам моделирования процесса музыкального творчества [3-5], использование возможностей аудиовизуальных технологий [6] и творческой работы в компьютерной студии звукозаписи [7-8] позволяет сформировать необходимые педагогические условия для подготовки будущих учителей музыки в Республике Саха (Якутии) с опорой на традиции этномызыкальной культуры и использование современных МКТ. Музыкально-компьютерные технологии позволяют также обеспечить эффективность внедрения процесса инклюзивного музыкального образования (см., например, работы [9-10] на различных этапах музыкально-образовательного процесса, а также в системе подготовки учителей музыки, когда студенты и учащиеся школ с ограниченными возможностями здоровья могут быть активными, полноценными участниками версификативного образовательного процесса.

Литература:

1. Горбунова И.Б. Музыкально-компьютерные технологии как новая образовательная творческая среда // Актуальные вопросы современного университетского образования. Материалы XI Российско-Американской научно-практической конференции. 2008. С. 163-167.
2. Горбунова И.Б., Романенко Л.Ю. Феномен музыкально-компьютерных технологий в современной культурологической и социогуманитарной теории и практике // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5-2 (112). С. 388-395.
3. Горбунова И.Б., Чибирев С.В. Музыкально-компьютерные технологии и проблема моделирования процесса музыкального творчества // Региональная информатика "РИ-2014". Материалы XIV Санкт-Петербургской международной конференции. 2014. С. 293-294.
4. Горбунова И.Б., Заливадный М.С. О математических методах в исследовании музыки и подготовке музыкантов // Проблемы музыкальной науки. 2013. № 1 (12). С. 264-268.
5. Горбунова И.Б. О Юрии Николаевиче Рагсе // Измерение музыки. Памяти Юрия Николаевича Рагса (1926-2012): сборник научных статей. Санкт-Петербург, 2015. С. 15-20.
6. Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Товпич И.О. Аудиовизуальный синтез: опыт музыкально-теоретического рассмотрения проблем // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6-1 (113). С. 162-175.
7. Горбунова И.Б. Музыкальный звук: методические аспекты толкования // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 95-100.
8. Горбунова И.Б., Панкова А.А., Родионов П.Д. Компьютерная музыка. Том 2: Лаборатория звука. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2016.
9. Gorbunova I., Govorova A. Music Computer Technologies in Informatics and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairments: From the Experience. Lecture Notes in Computer Science. Proceedings. Springer. 2018. Pp. 381-389.
10. Gorbunova I.B., Voronov A.M. Music Computer Technologies in Computer Science and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairment. Int'l Conference Proceedings. 2018. Pp. 15-18.

Профессиональное испытание для иностранных абитуриентов музыкальных направлений подготовки из Китая как опыт культурной коммуникации
Professional test for foreign applicants in musical areas of training from China as an experience of cultural communication

*Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
Herzen State Pedagogical University*

В статье рассматривается подход к процедуре вступительного профессионального испытания иностранных абитуриентов из Китая для обучения в творческом вузе на музыкальных направлениях подготовки. Автор предлагает к рассмотрению собственный педагогический опыт работы с иностранными студентами. Анализируется возможность формирования культурной коммуникации с первых этапов знакомства с потенциальным иностранным обучающимся в период вступительных испытаний по музыкально-теоретическим дисциплинам. Признается важным учет специфики подготовки абитуриента в сфере коммуникации музыкантов.

Ключевые слова: коммуникативная среда, иностранные студенты из КНР, вступительные испытания, музыкальное образование, высшее образование, абитуриент, музыкальная теория.

The article discusses the approach to the procedure of the entrance professional test of foreign applicants from China to study at a creative university in musical areas of training. The author offers to consider his own pedagogical experience of working with foreign students. The possibility of the formation of cultural communication from the first stages of acquaintance with a potential foreign student during the period of entrance examinations in musical-theoretical disciplines is analyzed. It is recognized that it is important to take into account the specifics of training an applicant in the field of communication of musicians.

Key words: communicative environment, foreign students from China, entrance examinations, music education, higher education, enrollee, music theory.

Впервые профессиональное взаимодействие вузе с потенциальным поступающим возникает в процессе приемной кампании. Обучение ведется в российских творческих вузах в подавляющем большинстве на русском языке. Поступающие из КНР абитуриенты зачастую имеют очень разную подготовку как в творческом, музыкально-теоретическом, музыкально-исполнительском плане, так и с точки зрения подготовки по русскому языку. В связи с этим, для достижения цели профессионального экзамена профессиональной направленности (здесь подразумевается комплексный экзамен, включающий проверку уровня знаний по музыкально-теоретическим дисциплинам) необходимо исключить языковой барьер для адекватности оценки.

Чаще всего экзамен включает в себя следующие виды заданий: написание диктанта; чтение с листа (примеры с отклонениями и модуляциями, хроматизмами, мелодической фигурацией, развитым ритмическим рисунком в простых или сложных

размерах); интонирование и определение на слух в тональности и от звука диатонических и хроматических интервалов и аккордов (трезвучия и их обращения, D7, DVII7 малый и уменьшенный, II7 с обращениями и разрешениями), гамм (мажорные и минорные трех видов); выполнение письменной работы по гармонизации мелодии, включающей отклонения в тональности первой степени родства, без применения неаккордовых звуков, построение гармонических оборотов (с применением диатонических и альтерированных аккордов, отклонений в родственные тональности) или определение и разрешение данных экзаменатором аккордов в тональности; выполнение с листа устного гармонического анализа фрагмента предложенного произведения русской и западноевропейской классической или романтической музыки.

При проверке музыкально-теоретических знаний иностранных абитуриентов, важно понять его подготовку в этой области, исключая языковой барьер. Ведь зачастую поступающий может не понять задание и не выполнить только по причине незнания языка - этот вопрос должен оцениваться на вступительном испытании по русскому языку. На профессиональном же испытании, важно понять уровень музыкально-теоретической подготовки. В связи с этим назрела проблема составления заданий с пояснениями на языке, родном для поступающего. Предлагается такой вариант оформления, например, по теме «Звук»:

1. Что такое нота?

什么是音符?

2. Где пишутся ноты?

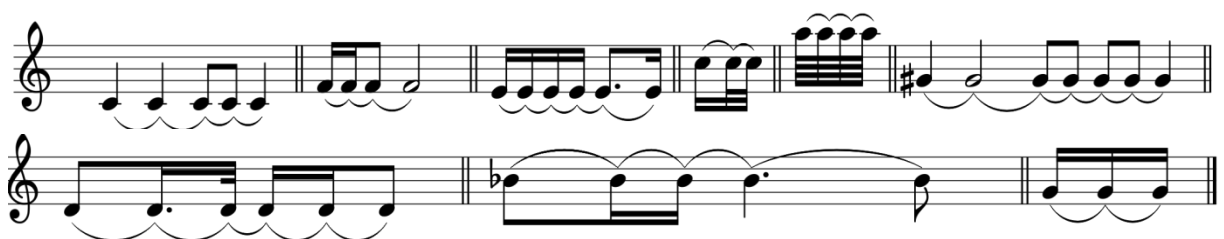
音符写在哪儿?

3. Напишите: 请写出:

целая a^5 , половинная C, четвертная E_1 , восьмая cis^1 , шестнадцатая d, тридцать вторая h.

4. Запишите одной нотой в каждом такте:

用一个音符代替下面每个小节，如下：

5. Сыграйте: 请演奏：

6. Запишите ноты и сыграйте на фортепиано в альтовом ключе:

请用中音谱号写出，并演奏：

cisis² – aisis¹ - aeses - ceses¹ - eses - ces² - hes - b² - d - as – cis¹ – his¹

7. Запишите ноты и сыграйте на фортепиано в теноровом ключе:

请用次中音谱号写出，并演奏：

c² – as¹ - F - cis¹ - E – c¹ - H - d² - d - As – c¹ – his²

8. На сколько точка увеличивает длительность ноты?

附点音符的附点增加多少时值？

9. Что такое пауза? 什么是休止符？

10. Напишите целую паузу. 写出全休止符.

11. Напишите половинную паузу. 写出二分休止符.

12. Напишите четвертную паузы. 写出四分休止符.

13. Напишите восьмую паузу. 写出八分休止符.

14. Напишите шестнадцатую паузу. 写出十六分休止符.

15. Сыграйте: 请弹奏：

16. Сыграйте: 请弹奏：

17. Сыграйте: 请弹奏：

18. Сыграйте:

请弹奏：

19. Что такое Da capo al fine? 什么是 Da capo al fine?

Таким образом, формирование культурной коммуникации должно начинаться с первого знакомства с иностранным абитуриентом из Китая на профессиональном испытании по музыкальным направлениям подготовки творческих вузов. Опыт показывает, что подобный подход позволяет глубже и адекватнее оценить подготовку будущего студента, грамотно наладить контакт с представителем другого государства, менталитета и музыкального образования.

Литература:

1. Мезенцева С.В. Современное коммуникационное пространство: к проблеме обучения музыканта // Философия человека в историческом контексте: сборник научных статей по материалам XXVI

- Международной конференции "Ребенок в современном мире. Формирование исторического сознания». Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 2019. С. 480-483.
2. Мезенцева С.В. Теория музыки: учебное пособие для иностранных студентов. Ч. I. «Звук. Нотное письмо. Ритм и метр. Интервалы. Лад и тональность». Переводчик Сон А.В. Хабаровск: Изд-во Хабаровского гос. ин-та искусств и культуры, 2015.
  3. 李重光编 (Ли Чунгуан). 音乐理论基础/李重光编 (Теория музыки). - 北京:人民音乐出版社 (Пекин: народное музыкальное издательство), 1962. (На кит. яз.)
  4. 杨通八 著 (Ян Тонпа). 和声分析教程 (Учебник гармонии). - 北京:人民音乐出版社 (Пекин: народное музыкальное издательство), 2013. (На кит. яз.)
  5. 张宁和、罗吉兰编 (Чжан Нинхэ, Ло Зилан) 音乐表情术语字典 (Словарь иностранных музыкальных терминов). - 北京:人民音乐出版社 (Пекин: народное музыкальное издательство), 2015.(На кит. яз.)
  6. 外国音乐表演用语词典 (Словарь иностранных музыкальных терминов).北京:人民音乐出版社 (Пекин: народное музыкальное издательство), 2015. (На кит. яз.)

УДК 378

ББК 74.489

Л.Э. Павлова
Lyudmila E. Pavlova
avgusta@list.ru

**Музыкально-творческие проекты по подготовке спектаклей театрального
отделения учащимися класса электронного музыкального синтезатора
Musical and creative projects for the preparation of performances of the theater
department by students of the electronic music synthesizer class at the children's
school of arts**

*РГПУ им. А.И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia*

Система образования предъявляет высокие требования к преподавателям электронного музыкального инструмента (ЭМИ) детских музыкальных школ и детских школ искусств. Совершенно по-новому ставится вопрос об образовательной среде преподавателя, возможностях и необходимости его профессионального роста и развития самого направления искусства исполнительского мастерства на ЭМИ. Особенные требования предъявляются к созданию музыкально-творческих проектов, важную роль среди которых играют творческие проекты, направленные на создание аранжировок для спектаклей театрального отделения в классе музыкального электронного синтезатора в детской школе искусств. Анализ данного музыкально-образовательного процесса посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: информационная образовательная среда, электронный музыкальный инструмент, музыкально-компьютерные технологии, музыкально-творческий проект.

The education system places high demands on teachers of electronic musical instruments (EMI) in children's music schools and children's art schools. A completely new question is raised about the educational environment of the teacher, the possibilities and necessity of his professional growth and the development of the very direction of the art of performing skills at EMI. Special requirements are imposed on the creation of musical and creative projects, an important role among which is played by creative projects aimed at creating arrangements for performances of the theater department in the classroom of a

musical electronic synthesizer at the children's art school. This article is devoted to the analysis of this musical and educational process.

Keywords: informational educational environment, electronic musical instrument, music computer technologies, musical and educational project.

Творческий проект, направленный на создание аранжировки для спектаклей театрального отделения в классе музыкального электронного синтезатора в детской школе искусств, представляет собой длительную, вдумчивую работу ученика во взаимодействии с педагогом-музыкантом и музыкальным звукорежиссёром с опорой на возможности современных музыкально-компьютерных технологий [1; 2]. Музыка в спектакле является важной эмоциональной частью, она воздействует на зрителя, помогая понять весь замысел режиссера. Зритель может пережить разные эмоциональные состояния за время спектакля. Музыка в спектакле, в котором играют дети, великий помощник и для детей-актеров, и для зрителей, и для педагогов-постановщиков. Музыкальное оформление детского спектакля имеет огромное значение: в нем содержится необходимая поддержка детям-актерам, через него у зрителей, формируется правильное восприятие происходящих событий (нужно учитывать, что детский зритель-особенный), для режиссера музыкальное оформление – это мощный инструмент воздействия на зрителя. Исходя из этого, запись музыки к спектаклю невероятно важна.

Режиссер, четко определившись в выявлении сверхзадачи спектакля, может использовать музыкальное произведение для раскрытия идейного замысла. Если сверхзадачей спектакля стало воспевание подвига главного героя, то время от времени может звучать жизнеутверждающая, вдохновляющая на подвиг мелодия. Музыка поможет постановщику передать историческую эпоху, в которой будут жить действующие лица. Например, по звучащей мелодии Великой Отечественной войны, зритель сразу поймет, что события происходят в 40-е годы, и он легче и быстрее сможет погрузиться в содержание спектакля. Античная музыка настроит зрителей на восприятия античной эпохи и т. д. Сама по себе музыка не должна быть случайной, каждый музыкальный кусочек должен подчиняться определенной задаче.

Есть музыка, которая звучит для создания атмосферы. Музыка режиссёр может передать атмосферу вдохновения, мира грез, передать щемящую тоску, лиричность, тревогу и т. д. В созданной музыкой атмосфере детям-актерам легче играть, а зрителям легче понять происходящее. С помощью музыки можно акцентировать внимание к отдельным, наиболее значимым местам, акцентировать настроение, напряженность действия или, наоборот, подчеркивать перемену в характере взаимоотношений героев.

Нами рассматривается роль электронного музыкального инструмента (ЭМИ) с его разнообразной тембральной и стилевой палитрой [3; 4] для записи музыкального оформления в этом процессе.

Ученики класса электронного музыкального инструмента Детской музыкальной школы им. М.И. Глинки г. Санкт-Петербурга приняли участие в музыкальном оформлении спектакля «Бармалей», подготовленного театральным отделением

образовательного учреждения. Для каждого персонажа была подобрана своя специфическая музыкальная характеристика. Для исполнения взрослых артистов использовались одни инструменты, а для детей-актёров режиссёр совместно с учащимися класса электронного музыкального инструмента подбирал звуки, спецэффекты исходя из возможностей электронного музыкального инструментария. В спектакле «Приключение Незнайки» важно было по секундам рассчитать некоторые сцены: движение, текст, мелодия, шумовой эффект. Звуковые эффекты помогали точно сыграть сцену с аварией машины, создать необходимый образ, чтобы зритель мог почувствовать весь спектр эмоций. Очень важно, чтобы спектакль выдерживал и сохранял свой темпо-ритм. Чтобы юные актеры не сбились на слишком медленный или слишком быстрый темпо-ритм, все точно подбирается для конкретных исполнителей. Особенно это касается веселых представлений. Каждое действующее лицо наделено своей отличительной особенностью, непохожестью, поэтому и музыка для каждого персонажа должна быть разной. Для каждого героя подбирается отдельная, своя мелодия, свой тембр, краска, четко передающая его характер. Для положительных героев мелодия может быть светлая, добрая, для отрицательных зловещая, тревожная.

При записи музыки необходимо учитывать индивидуальные возможности детей-актеров. Самое главное, чтобы маленькому актеру удобнее существовать на сцене. Удачно найденное музыкально-пластическое решение обогащает образ персонажа, делает спектакль ярче, интересней, поэтому актеры должны уметь правильно двигаться в характере музыкального произведения. Выразительные возможности музыки безграничны, музыка с ее ритмом и мелодией способна самым прямым путем влиять на чувства зрителя и непосредственно вызывать и закреплять на сцене необходимое актеру органичное самочувствие.

Стилевая и тембральная палитра современных рабочих станций – современных цифровых музыкальных инструментов – помогает расширить возможности преподавателя музыкальных дисциплин, а использование интерактивных музыкально-образовательных систем [5] позволяет существенным образом расширять границы и возможности реализации обучения музыке в различных направлениях образовательного процесса, включая систему инклюзивного музыкального образования [6; 7], возможности моделирования процесса музыкального творчества [8] с включением элементов аудиовизуального синтеза [9] и реализацией музыкально-творческих процессов, происходящих в современной студии компьютерной музыки [10; 11]. Великий музыкант, учёный, педагог Юрий Николаевич Рагс в своей работе «Акустические знания музыканта в системе музыкального образования» говорил о необходимости объединения знаний музыкантов и акустиков, педагогов-музыкантов и ученых-музыковедов, о необходимости изучения учёными музыкально-информационных систем. В работе [12] приводятся результаты исследований учёного, направленные на изучение возможностей включения в музыкально-образовательный процесс музыкальной информатики, музыкально-компьютерных технологий, психоакустики и других современных музыкально-информационных

систем, включая аудиовизуальный контент. Интерес учёного к данной проблеме и сформулированные им принципы построения музыкально-образовательного процесса иллюстрируют необходимость включения в систему современного музыкального образования, начиная с начальных его этапов, различных информационно-образовательных сред. Этот подход является чрезвычайно актуальным в выборе методов и образовательных технологий, нацеленных на реализацию процесса создания музыкальных композиций и аранжировок для спектаклей театрального отделения в классе музыкального электронного синтезатора детской школы искусств.

Литература:

1. Горбунова И.Б. Музыкально-компьютерные технологии как новая образовательная творческая среда // Актуальные вопросы современного университетского образования. Материалы XI Российско-Американской научно-практической конференции. 2008. С. 163-167.
2. Горбунова И.Б., Романенко Л.Ю. Феномен музыкально-компьютерных технологий в современной культурологической и социогуманитарной теории и практике // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5-2 (112). С. 388-395.
3. Gorbunova I.B. Electronic Musical Instruments: To the Problem of Formation of Performance Mastery // Int'l Conference Proceedings. 2018. Pp. 23-28.
4. Белов Г.Г., Горбунова И.Б. Новый инструмент музыканта // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 135-139.
5. Gorbunova I., Hiner N. Music Computer Technologies and Interactive Systems of Education in Digital Age School. Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). 2019. Pp. 124-128.
6. Gorbunova I., Govorova A. Music Computer Technologies in Informatics and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairments: From the Experience. Lecture Notes in Computer Science. Proceedings. Springer. 2018. Pp. 381-389.
7. Gorbunova I.B., Voronov A.M. Music Computer Technologies in Computer Science and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairment. Int'l Conference Proceedings. 2018. Pp. 15-18.
8. Горбунова И.Б., Чибирев С.В. Музыкально-компьютерные технологии и проблема моделирования процесса музыкального творчества // Региональная информатика "РИ-2014". Материалы XIV Санкт-Петербургской международной конференции. 2014. С. 293-294.
9. Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Товпич И.О. Аудиовизуальный синтез: опыт музыкально-теоретического рассмотрения проблем // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6-1 (113). С. 162-175.
10. Горбунова И.Б. Музыкальный звук: методические аспекты толкования // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 95-100.
11. Горбунова И.Б., Панкова А.А., Родионов П.Д. Компьютерная музыка. Том 2: Лаборатория звука. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2016.
12. Горбунова И.Б. О Юрии Николаевиче Раге // Измерение музыки. Памяти Юрия Николаевича Рага (1926-2012): сборник научных статей. Санкт-Петербург, 2015. С. 15-20.

**Коммуникативно-диалоговая деятельность педагога-музыканта в Школе XXI
века**
**Communicative and Dialogical Activity of a Music Teacher-ian in the School of the 21st
Century**

РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg

Изменяющаяся информационно-образовательная среда расширяет возможности доступа к новым знаниям, предлагает новые виды деятельности всех участников образовательного процесса. Для педагога более значимыми становятся виды деятельности по организации образовательного процесса: самостоятельной деятельности учащихся, различных видов межличностного взаимодействия, проектировании учебно-познавательной, развивающей деятельности учащихся, представлении в определённой структуре содержательных единиц материала. В статье рассматриваются подходы к организации деятельности педагога-музыканта в информационно-образовательной творческой среде.

Ключевые слова: педагог-музыкант, информационная образовательная среда, музыкально-компьютерные технологии, информационные технологии.

The changing information and educational environment expands the possibilities of access to new knowledge, offers new types of activities for all participants in the educational process. For the teacher, the types of activities for the organization of the educational process become more significant: independent activity of students, various types of interpersonal interaction, the design of educational, cognitive, developmental activities of students, the presentation of meaningful units of material in a certain structure. The article discusses approaches to the organization of the activity of a music teacher in the information and educational creative environment.

Keywords: music teacher, information educational environment, music computer technologies, information technologies.

В условиях непрерывно меняющегося и развивающегося информационного образовательного пространства успешная профессиональная деятельность возможна только при сформированной потребности саморазвития. Развитие и самосовершенствование педагога-музыканта реализуется не только через освоение новой информации (репертуара, информационных и педагогических технологий), расширение кругозора, но, в первую очередь проявляется в его творчестве, музыкальном и педагогическом. Педагогическое творчество музыканта через привлечение нового репертуара, совершенствование традиционных форм работы и создание новых форм, переосмысление содержательных линий, разработку и создание обучающего и развивающего контента приводит к позитивным изменениям, развитию информационной образовательной среды.

Изменяющаяся среда, в свою очередь, не только расширяет возможности доступа к новым знаниям, но и предлагает новые виды деятельности всех участников

образовательного процесса. Для учащихся большой удельный вес приобретают различные виды самостоятельной и исследовательской деятельности. Для педагога, соответственно, более значимыми становятся виды деятельности по организации образовательного процесса: самостоятельной деятельности учащихся, различных видов межличностного взаимодействия. Это, в свою очередь требует умения и потребности в точной постановке цели, определении задач, проектировании учебно-познавательной, развивающей деятельности учащихся, представлении в определённой структуре содержательных единиц материала.

Музыка как образовательная область требует двух противоположных, но взаимодополняющих подходов:

1. Подход к обучению, свойственный точным наукам: пошаговое освоение элементов учебного материала и действий, связанных с оперированием знакомыми элементами. Учитель является оператором дидактических средств, учащийся занимает позицию одного из объектов конструируемого обучения с заведомо фиксированными результатами (обучаемого), что соответствует распространённому пониманию технологического подхода [1].

2. Погружение в среду. Такой подход более типичен для дисциплин гуманитарного цикла, где наряду с контролируемым пошаговым освоением элементов необходимо их стихийное, неосознанное самоусвоение, так как сам элемент может менять свое значение в зависимости от контекста. Наиболее полно это реализуется в рамках поискового подхода [1], основанного на субъект-субъектных взаимодействиях. Учитель становится организатором коммуникативно-диалоговой деятельности.

Существенную роль в формировании коммуникативно-диалоговой деятельности педагога в Школе XXI века играет информационная образовательная среда [2], в работе педагога-музыканта - музыкально-компьютерные технологии [3]. Появление и активное становление нового цифрового образовательного инструментария [4] обуславливает необходимость разработки и внедрения новых образовательных технологий в системе современного музыкального образования [5]. Высокотехнологичная творческая образовательная среда создаёт условия для включения в музыкально-образовательный процесс аудиовизуальных технологий [6] и цифровых технологий, обеспечивающих возможность реализации эффективного обучения для детей с ограниченными возможностями здоровья (см., например, работы [7, 8]).

Музыкально-компьютерные технологии способны повлиять (и уже активно влияют) на организацию музыкально-образовательного процесса на различных его этапах в традиционно сложившейся системе профессионального образования: школа-училище-вуз, в системе общего образования, дополнительного образования детей и творческой молодёжи, а также в системе дошкольного музыкального обучения и различных других направлениях музыкально-образовательного процесса, таких, например, как система дополнительного профессионального образования (профессиональная переподготовка музыкантов, повышение квалификации

педагогов-музыкантов, дополнительная квалификация и др.), разработка новых программ подготовки бакалавров образования и магистров, система подготовки кадров высшей квалификации.

Литература:

1. Кларин М.В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии. (Анализ зарубежного опыта) - Рига, НПЦ «Эксперимент», 1995 - 176 с.
2. Бергер Н.А., Горбунова И.Б., Яцентковская Н.А. Общее музыкальное образование в школе XXI века // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6 (55). С. 147-151.
3. Горбунова И.Б. Музыкально-компьютерные технологии как новая образовательная творческая среда // В сборнике: Актуальные вопросы современного университетского образования. Материалы XI Российско-Американской научно-практической конференции. 2008. С. 163-167.
4. Белов Г.Г., Горбунова И.Б. Новый инструмент музыканта // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 135-139.
5. Горбунова И.Б., Горельченко А.В. Технологии и методики обучения. Музыкально-компьютерные технологии в системе начального музыкального образования / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2007.
6. Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Товпич И.О. Аудиовизуальный синтез: опыт музыкально-теоретического рассмотрения проблем // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6-1 (113). С. 162-175.
7. Gorbunova I., Govorova A. Music Computer Technologies in Informatics and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairments: From the Experience // Lecture Notes in Computer Science. Proceedings. 2018. Pp. 381-389.
8. Gorbunova I.B., Voronov A.M. Music Computer Technologies in Computer Science and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairment. Int'l Conference Proceedings. 2018. Pp. 15-18.

УДК 378

ББК 66.2:71.0(2)

М.А. Опехтина
Marina A. Opekhtina
opekhtinamarina@gmail.com

Формирование банка цифровых инструментов и его роль в учебно-воспитательном процессе дошкольной образовательной организации
Formation of a bank of digital tools and its role in the educational process of a preschool educational organization

РГПУ им. А.И. Герцена
Herzen State Pedagogical University

Система дошкольного образования требует методических разработок и формирования современных способов преподавания различных предметных областей и организации коммуникации внутри дошкольного образовательного учреждения, реализации взаимодействия между всеми участниками учебно-воспитательного процесса. Автором статьи рассматривается проблема формирования банка цифровых инструментов и электронных образовательных ресурсов его роль в учебно-воспитательном процессе дошкольной образовательной организации.

Ключевые слова: дошкольное образовательное учреждение, учебно-воспитательный процесс, электронные образовательные ресурсы.

The system of preschool education requires methodological developments and the formation of modern ways of teaching various subject areas and the organization of communication within a preschool educational institution, the implementation of interaction between all participants in the educational process. The author of the article considers the problem of the formation of a bank of digital tools and electronic educational resources, its role in the educational process of a preschool educational organization.

Keywords: preschool educational institution, educational process, electronic educational resources.

В современных условиях система дошкольного образования наряду с другими также требует современных способов преподавания и коммуникации. Безусловно, важным фактором является профессиональный и педагогически верный подход к тем материалам и продуктам, которые применяются в работе с детьми. Кроме методически оправданных решений о применении того или иного цифрового инструмента, системы или продукта, на педагогах и организаторах дошкольного обучения лежит ответственность за прогнозирование результата воздействия применяемых продуктов. В открытом доступе сегодня находится масса цифровых инструментов, игр, программ (см., например, в работе [1]) и иных дидактических материалов, как коммерческих, так и с открытой лицензией. Задача педагогов и организаторов грамотно организовать процедуру экспертизы цифрового ресурса, провести апробацию его использования в образовательном процессе, объединить прошедшие экспертизу и апробацию ресурсы, систематизировать их в соответствии с возрастными особенностями детей и темами комплексно-тематического планирования для дальнейшего внедрения в образовательный процесс.

Формирования банка цифровых инструментов и ресурсов, создаваемого педагогами дошкольного образовательного учреждения на основе разработанных для учреждения методических рекомендаций по различным предметным областям, является своевременным и чрезвычайно востребованным направлением деятельности в системе дошкольного образования.

Одним из целевых аспектов такой подготовки является разработка и реализация алгоритма формирования электронного ресурса – банка цифровых инструментов и ресурсов для дошкольной образовательной организации, создание пилотного варианта проекта его постепенного содержательного наполнения.

Создание электронного ресурса – банка цифровых инструментов и ресурсов для дошкольной образовательной организации позволяет:

- обеспечить образовательный процесс дошкольной организации цифровыми ресурсами и инструментами, соответствующими целям и задачам образовательной программы дошкольного образования и возрастным особенностям обучающихся;
- организовать эффективное взаимодействие всех участников образовательных отношений: педагогов, обучающихся, родителей (законных представителей) обучающихся;
- обеспечить диссеминацию передового педагогического опыта в области создания и использования цифровых ресурсов и инструментов в образовательном процессе дошкольной образовательной организации.

Основные задачи нашего исследования являются:

- изучение существующих подходов к разработке электронных образовательных ресурсов;

- анализ целей и задач разработки электронного образовательного ресурса как комплекса методических и дидактических материалов для профессиональной деятельности педагога дошкольного образовательного учреждения;

- разработка алгоритма формирования ресурса и пилотный проект наполнения в выбранной образовательной области;

- апробация и анкетирование разработанного проекта среди педагогов дошкольного образовательного учреждения;

- разработка ресурсного банка и информационной образовательной среды дошкольного образовательного учреждения и анализ их роли и места в целостном воспитательно-образовательном процессе учреждения.

Добавим, что базой нашего исследования является Государственное бюджетно дошкольное образовательное учреждение детский сад №30 Приморского района Санкт-Петербурга.

Литература:

1. Gorbunova I., Hiner N. Music Computer Technologies and Interactive Systems of Education in Digital Age School. Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). 2019. Pp. 124-128.

УДК 378

ББК 74.489

А.А. Рубцов
Anton A. Rubtsov
petershelter@mail.ru

Уроки музыки в классе музыкально-компьютерных технологий:

инструментальное исполнительство и пение

Music lessons in the music computer technology class: instrumental performance and singing

*Академической гимназии № 56 г. Санкт-Петербурга
Academic Gymnasium No. 56, St. Petersburg*

В статье рассматриваются вопросы организации музыкальной творческой деятельности на уроках музыки с использованием музыкально-компьютерных технологий и взаимосвязь детского инструментального музицирования и вокального воспитания в процессе целостного постижения начал музыкального искусства. Обосновывается эффективность музыкального развития детей в интегрированных процессах пения, игры на электронных музыкальных инструментах, инструментальной импровизации, музыкального творчества на компьютере. Раскрываются методы и приемы музыкально-педагогической работы, апробированные принципы и технологии разностороннего музицирования учеников начальной школы.

Ключевые слова: музыкально-компьютерные технологии, обучение музыке, общеобразовательная школа.

The article deals with the organization of musical creative activity in music lessons, in the study of music and computer technologies, and the relationship of children's instrumental music making and vocal education in the process of holistic comprehension of the principles of musical art. The effectiveness of children's musical development in the integrated processes of singing, playing musical instruments, instrumental improvisation, musical creativity on the computer is substantiated. The methods and techniques of musical and pedagogical work, the proven principles of the technology of versatile music-making of elementary school students are revealed.

Keywords: music computer technologies, musical education, secondary school.

Актуальность исследования. В современной гуманистической - личностно-ориентированной парадигме образования и воспитания на первое место выходит проблема всестороннего развития личности, и особое внимание уделяется развивающим технологиям. Во всех школьных дисциплинах повышается значимость и представленность практического элемента: когда получаемые знания неотделимы от решения практических задач, и в совокупности составляют систему компетенций, способствующих социальной и творческой самореализации. Освоение учащимися знаний и представлений в неотъемлемом единстве с практикой - важная, не теряющая актуальности в наши дни задача и уроков музыки, до сих пор требующая рассмотрения на все новых уровнях и аспектах осмысления. Полноценное включение ребенка в активную музыкальную деятельность (и, особо важно - коллективное музицирование) на уроках музыки в общем и дополнительном образовании - проблемное поле актуальных педагогических исследований, к которому обращаемся и мы в данной статье.

Цель исследования - разработать и описать методы и приемы эффективного музыкально-педагогического развития детей в интегрированных процессах пения, игры на музыкальных инструментах, инструментальной импровизации, музыкального творчества с использованием музыкально-компьютерных технологий [1; 2]. В достижение указанной цели определяются и касающиеся различных аспектов музыкальной педагогики *задачи исследования*: раскрыть возрастные, индивидуальные особенности и предпосылки обучения детей музыке в условиях начальной общеобразовательной школы; проанализировать объективные и субъективные факторы, осложняющие организацию детского музицирования на уроках музыки; изучить сложившиеся методы приобщения к игре на музыкальных инструментах учеников младшего школьного возраста на уроках музыки; проанализировать факторы мотивирующие поиск новых форм музыкальной деятельности учеников; разработать и апробировать эффективные формы приобщения детей к музыкальному творчеству, новые методы развития их музыкальных способностей; разработать и апробировать принципы организации интегрированной музыкальной деятельности на уроках: инструментального музицирования, пения и изучения основ музыкальной грамоты.

Научная новизна: предлагаемый к рассмотрению музыкальный материал (упражнения) впервые вводится в отечественную музыкально-педагогическую практику, и полагается в основу новой - интегрированной - формы постижения закономерностей музыкального искусства. Теоретическая значимость результатов

исследования – в разработанной и апробированной методической основе приобщения детей начальной школы к разностороннему индивидуальному и коллективному музицированию, и изучению нотной грамоты в единстве с музыкальной практикой.

Практическая значимость результатов исследования – в практической проверке и апробации рассматриваемого метода, и приемов, в качестве скорого и эффективного педагогического средства, вызывающего интерес учащихся, дающего возможность каждому ученику полноценно участвовать в музыкальном творческом процессе.

Первейшей и насущной задачей на музыкальных занятиях в общеобразовательных учебных учреждениях, собирающих детей с разным уровнем развития музыкальных способностей, становится создание для всех участников равных условий для творческого самовыражения в музыке [3; 4].

Решению этой задачи служат, задания, которые учитывают индивидуальные особенности учеников. Во-первых, это задания, развивающие творческое восприятие музыкальной коммуникации, пробуждающие желание музыкального взаимодействия и помогающие освоить язык этого взаимодействия без опоры на нотный текст (школьникам, занимающимся музыкой). Во-вторых, задания, направленные на то, чтобы помочь школьникам, не обучающимся игре на музыкальных инструментах, развить музыкальное мышление и отработать моторные навыки, в качестве достаточной основы для полноценного музыкального творчества - элементарной игры на музыкальном инструменте, совместного музицирования и сочинения музыки.

Опишем способ скорого и эффективного приобщения учеников начальной школы к инструментальному музицированию, в основе которого лежат вокальные упражнения. И рассмотрим связь вокальных упражнений, исполняемых сольфеджио, с активным изучением нотной грамоты, формированием опыта игры по нотам.

Под понятием «вокальные упражнения» мы понимаем музыкальный материал, предназначенный для группового и индивидуального пения в классе, который, являясь простой формой вокального воспитания учеников, не нацелен специально на формирование и совершенствование их вокальных навыков (качества звукоизвлечения, артикуляции, певческого дыхания и т. д.). Упражнения направлены не на вокальную, а интонационно-ритмическую тренировку, являясь интонационно-слуховыми упражнениями, обеспечивающими практическое освоение нотной грамоты и развитие музыкального восприятия и опыта.

Кабинет музыки, оборудованный специализированными компьютерами с миди-клавиатурами и наушниками, позволяет организовать эффективную групповую работу учащихся, в которой миди-клавиатура выступает в качестве тренажера по освоению базовой техники игры на клавишном электронном музыкальном инструменте (постановка рук, владение пальцами, ориентирование в клавиатуре, приобретение навыков позиционной игры).

Позитивно воспринимается обучающимися электронный музыкальный синтезатор – инструмент, отличающийся большими выразительными ресурсами и дающий возможность выбора тембра для создания художественного образа в

соответствии с настроением и замыслом играющего ребенка [5; 6]. Тембры мягкие, с мягкой атакой и продолжительные (например, флейты, хроматической перкуссии или Rhodes piano) удобны для начинающих исполнителей, придают их игре благозвучный, плавный и расслабляющий характер. Благодаря тембровым характеристикам, по сравнению с фортепиано, электронный музыкальный синтезатор способствует более активному и органичному включению учащихся в процесс музицирования.

Возможности использования аудиовизуальных технологий [7] в процесс музыкального образования в школе способствует развитию самых активных форм мышления, свойственных художественно-эстетическому воспитанию детей. Технологии и методики обучения музыке, сформированные на активном использовании музыкально-компьютерных технологий в системе начального музыкального образования [8] позволяют достичь в общеобразовательном учебном заведении

Литература:

1. Горбунова И.Б. Музыкально-компьютерные технологии как новая образовательная творческая среда // В сборнике: Актуальные вопросы современного университетского образования. Материалы XI Российско-Американской научно-практической конференции. 2008. С. 163-167.
2. Горбунова И.Б., Романенко Л.Ю. Феномен музыкально-компьютерных технологий в современной культурологической и социогуманитарной теории и практике // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5-2 (112). С. 388-395.
3. Gorbunova I., Hiner N. Music Computer Technologies and Interactive Systems of Education in Digital Age School. Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). 2019. Pp. 124-128.
4. Бергер Н.А., Горбунова И.Б., Яцентковская Н.А. Общее музыкальное образование в школе XXI века // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6 (55). С. 147-151.
5. Gorbunova I.B. Electronic Musical Instruments: To the Problem of Formation of Performance Mastery // Int'l Conference Proceedings. 2018. Pp. 23-28.
6. Белов Г.Г., Горбунова И.Б. Новый инструмент музыканта // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 135-139.
7. Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Товпич И.О. Аудиовизуальный синтез: опыт музыкально-теоретического рассмотрения проблем // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6-1 (113). С. 162-175.
8. Горбунова И.Б., Горельченко А.В. Технологии и методики обучения. Музыкально-компьютерные технологии в системе начального музыкального образования / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2007.

**О подготовке звукорежиссёров для профессиональной деятельности в
высокотехнологичной художественно-творческой среде**
**About the training of sound engineers for professional activity in a high-tech artistic
and creative environment**

РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

В статье рассматриваются вопросы применения музыкально-компьютерных технологий (МКТ) в обучении музыкальных звукорежиссёров; обсуждается необходимое программное и аппаратное обеспечение профессиональной деятельности педагога-музыканта для ведения учебной деятельности в условиях формирования высокотехнологичной информационной творческой образовательной среды.

Ключевые слова: музыкально-компьютерные технологии (МКТ), информационные технологии, музыкальная информатика.

The paper discusses the application of music and computer technologies (MCT) in the training of teachers of musical disciplines; discusses the necessary software and hardware for the professional activity of a music teacher to conduct educational activities in the conditions of formation of a high-tech information creative educational environment.

Keywords: music computer technologies (MCT), information technologies, musical informatics.

Основные направления деятельности звукорежиссёров в художественно-творческой цифровой среде определяют особенности подготовки слушателей программы повышения квалификации «Технологии создания аудиовизуальных проектов», которая является модулем программы профессиональной переподготовки «Технологии создания и художественной обработки звуковой информации» и обеспечивает получение слушателями необходимых знаний в области аудиовизуального искусства в процессе подготовки звукорежиссёров, обладающих профессиональными компетенциями в области использования аудиовизуальных технологий в процессе подготовки и реализации творческих проектов их концертной и сценической деятельности. Отмечается, что обязательным условием подготовки современных музыкальных звукорежиссёров является необходимость качественного обучения их процессом управления группой интеллектуальных летательных аппаратов – актуального и перспективного тренда научно-технологического развития в решении широкого круга творческих задач, в том числе и учебных.

Особое внимание авторами доклада уделяется необходимости ведения профессиональной деятельности звукорежиссёров в художественно-творческой

цифровой образовательной среде, обусловленной, в том числе, процессом развития и становления с музыкально-компьютерных технологий (МКТ) [1-2].

Программа повышения квалификации музыкальных звукорежиссёров «Технологии создания аудиовизуальных проектов», которая является модулем программы профессиональной переподготовки «Технологии создания и художественной обработки звуковой информации» обеспечивает получение слушателями необходимых знаний в области аудиовизуального искусства.

Практические занятия, разработанные коллективом авторов – сотрудников учебно-методической лаборатории «Музыкально-компьютерные технологии» Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, дают возможность получить навыки работы с видеоконтентом и повысить профессиональный уровень. В программе раскрывается возможность взаимодействия аудио- и видеоредакторов для создания озвученной видеоработы [3], особенности творческой и технологической деятельности в современной цифровой художественно-творческой среде [4-5]. Особое внимание уделяется подготовке людей с ограниченными возможностями здоровья по зрению [6-7], поскольку МКТ как новая цифровая творческая среда с её специфическими возможностями адаптации различных видов образовательной и творческой деятельности обладает уникальными возможностями для создания инклюзивной высокотехнологичной среды, позволяющей использовать современные технологии, направленные на активное включение звукорежиссёров с глубокими нарушениями зрения в различные направления профессиональной деятельности.

Литература:

1. Горбунова И.Б. Музыкально-компьютерные технологии как новая образовательная творческая среда // В сборнике: Актуальные вопросы современного университетского образования. Материалы XI Российско-Американской научно-практической конференции. 2008. С. 163-167.
2. Горбунова И.Б., Романенко Л.Ю. Феномен музыкально-компьютерных технологий в современной культурологической и социогуманитарной теории и практике // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5-2 (112). С. 388-395.
3. Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Товпич И.О. Аудиовизуальный синтез: опыт музыкально-теоретического рассмотрения проблем // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6-1 (113). С. 162-175.
4. Горбунова И.Б., Панкова А.А., Родионов П.Д. Компьютерная музыка. Том 2: Лаборатория звука. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2016.
5. Горбунова И.Б. Музыкальный звук: методические аспекты толкования // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 95-100.
6. Gorbunova I., Govorova A. Music Computer Technologies in Informatics and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairments: From the Experience // Lecture Notes in Computer Science. Proceedings. 2018. Pp. 381-389.
7. Gorbunova I.B., Voronov A.M. Music Computer Technologies in Computer Science and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairment. Int'l Conference Proceedings. 2018. Pp. 15-18.

Педагогические условия использования мобильных и музыкально-компьютерных технологий в повышении квалификации преподавателей музыкальных дисциплин
Pedagogical conditions for the use of mobile and music-computer technologies in the professional development of teachers of musical disciplines

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Herzen State Pedagogical University*

В статье рассматриваются педагогические условия использования мобильных технологий и музыкально-компьютерных технологий в повышении квалификации преподавателей музыкальных дисциплин. Эти условия, по мнению автора, должны соответствовать целям и задачам, особенностям построения образовательного процесса, а также основным тенденциям и приоритетам профессионального развития этой категории преподавателей в педагогических училищах и вузах, детских музыкальных школах и школах искусств, учреждениях дополнительного образования детей, где осуществляются различные направления музыкальной подготовки учащихся.

Ключевые слова: дистанционные технологии, музыкально-компьютерные технологии, мобильные технологии, преподавателя музыкальных дисциплин, детская школа искусств, электронное обучение.

The article discusses the pedagogical conditions for the use of mobile technologies and music and computer technologies in the professional development of teachers of musical disciplines. These conditions, according to the author, should correspond to the goals and objectives, the peculiarities of the educational process, as well as the main trends and priorities of professional development of this category of teachers in pedagogical colleges and universities, children's music schools and art schools, institutions of additional education for children, where various directions of musical training of students are carried out.

Keywords: distance technology, music computer technologies, mobile technology, music teacher, children's school of arts, e-learning.

Понимание сути педагогических условий является важным при построении любых педагогических систем и моделей, так как являются связующим звеном между целью и результатом (цель-условия-результат). Поэтому при построении модели повышения квалификации преподавателей музыкальных дисциплин с использованием мобильных технологий, необходимо определить логику построения комплекса педагогических условий их применения.

Основываясь на результатах исследования понятия “условие”, мы выделяем четыре типа:

- условия-предпосылки (обстоятельства),
- условия-обстановка,
- условия-требования,
- условия-инструмент

Чаще всего в педагогической науке учёными выделяются две большие группы условий: внешние и внутренние (Ю. К. Бабанский); общие и специфические (В. А. Сластёнин); объективные и субъективные (И. П. Подласый). В первую группу условий (внешние, общие или объективные) авторы относят природные и географические условия, условия государства, социальные и экономические условия, культурные и т. д. Во вторую группу (внутренние, специфические или субъективные) относят материальные и технические условия обеспечения учебного процесса, условия состава учащихся, условия воспитания семьи, условия коммуникации и т. д. Тем не менее, в своих работах авторы не используют понятие “педагогические условия”, тем не менее мы понимаем, что это условия, которые действуют в определённой педагогической действительности (реальности) и являются совокупностью конечных результатов педагогического процесса. Поэтому их по праву можно называть педагогическими условиями.

Отдельные авторы вкладывали в это понятие более широкий смысл, а некоторые структурно расширяли данное понятие, рассматривая его как феномен. В целом педагогические условия рассматриваются учёными с трёх позиций:

- 1) как совокупность возможностей материально-пространственной среды и мер педагогического воздействия;
- 2) как компонент конструируемой педагогической системы;
- 3) как инструмент проверки результатов научно-педагогического исследования.

Помимо этого, под педагогическими условиями часто понимают и дидактические условия, и психолого-педагогические, и организационно-педагогические условия. На наш взгляд, понятие «педагогические условия» содержит в себе весь комплекс перечисленных условий, и именно из-за их внутренней системности данное понятие каждый автор понимает по-своему.

На основе проведённого анализа мы выделяем следующую структуру педагогических условий, которую мы будем брать за основу при включения мобильных технологий и музыкально-компьютерных технологий (МКТ) в повышение квалификации преподавателей музыкальных дисциплин:

- внешние педагогические условия (предпосылки), влияющие на функционирование педагогической системы;
- внутренние педагогические условия, как компонент педагогической системы, влияющий на протекание педагогического процесса:
  - а) организационные условия, как мера воздействия на образовательную среду, форма организации обучения и управления педагогическим процессом;
  - б) дидактические условия, как процессуальные компоненты системы обучения (содержание, методы и приёмы, средства и т. д.);
  - в) материально-технические условия организации педагогического процесса;
  - г) психолого-педагогические условия как мера воздействия на развитие личности для достижения поставленных педагогических задач;
  - д) условия коммуникации и взаимодействия субъектов и объектов образовательной среды.

Педагогические условия использования мобильных технологий и МКТ в повышении квалификации преподавателей музыкальных дисциплин должны соответствовать целям и задачам, особенностям построения образовательного процесса, а также основным тенденциям и приоритетам профессионального развития этой категории преподавателей. Для реализации внедрения мобильного обучения в музыкальное образование была проанализирована целесообразность повышения квалификации преподавателей музыкальных дисциплин с использованием мобильных технологий и МКТ.

На основе проведённого нами анализа и теоретических результатов исследования нами было определено и обосновано, что личностно-профессиональное развитие преподавателей музыкальных дисциплин, которое определяет результативность повышения квалификации, будет обеспечивать следующий комплекс педагогических условий использования мобильных технологий и МКТ:

- построение и организация непрерывного функционирования персонифицированной цифровой образовательной среды преподавателей музыкальных дисциплин, состоящей из технологического, информационного, коммуникативного и организационного компонентов;

- проектирование содержания программ повышения квалификации преподавателей музыкальных дисциплин с использованием мобильных технологий и МКТ с учётом разнообразных потребностей и направленности их творческой и педагогической деятельности, а также с опорой на сохранение преемственности уникальной системы отечественного музыкального образования;

- материально-техническое оснащение процесса повышения квалификации преподавателей музыкальных дисциплин;

- организация взаимодействия и коммуникации преподавателей музыкальных дисциплин в процессе повышения квалификации с использованием мобильных технологий и МКТ в условиях функционирования персонифицированной цифровой образовательной среды;

- формирование готовности преподавателей музыкальных дисциплин к использованию мобильных технологий и МКТ в систематическом и непрерывном повышении квалификации, творческой и педагогической деятельности, а также в самообразовании.

Чёткое представление о содержании и критериях мобильного обучения, владение методикой применения мобильных технологий позволяют объективно оценивать и прогнозировать их внедрение в систему повышения квалификации, предоставляя максимальные возможности для выбора и реализации персонифицированных образовательных траекторий в зависимости от потребностей преподавателей музыкальных дисциплин, соотношения личностной направленности, собственной уникальности и самооценности и субъектного опыта.

Литература:

1. Горбунова И.Б., Чибирёв С.В. Музыкально-компьютерные технологии и проблема моделирования процесса музыкального творчества // Региональная информатика "РИ-2014". Материалы XIV Санкт-Петербургской международной конференции. 2014. С. 293-294.
2. Горбунова И.Б., Панкова А.А., Родионов П.Д. Компьютерная музыка. Том 2: Лаборатория звука. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2016.
3. Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Товпич И.О. Аудиовизуальный синтез: опыт музыкально-теоретического рассмотрения проблем // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6-1 (113). С. 162-175.
4. Горбунова И.Б., Горельченко А.В. Технологии и методики обучения. Музыкально-компьютерные технологии в системе начального музыкального образования / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2007.
5. Горбунова И.Б. О Юрии Николаевиче Рагсе // Измерение музыки. Памяти Юрия Николаевича Рагса (1926-2012): сборник научных статей. Санкт-Петербург, 2015. С. 15-20.
6. Горбунова И.Б. Музыкально-компьютерные технологии как новая образовательная творческая среда // Актуальные вопросы современного университетского образования. Материалы XI Российско-Американской научно-практической конференции. 2008. С. 163-167.
7. Gorbunova I., Hiner H. Music Computer Technologies and Interactive Systems of Education in Digital Age School. Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). 2019. Pp. 124-128.
8. Gorbunova I., Govorova A. Music Computer Technologies in Informatics and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairments: From the Experience. Lecture Notes in Computer Science. Proceedings. Springer. 2018. Pp. 381-389.
9. Gorbunova I.B., Voronov A.M. Music Computer Technologies in Computer Science and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairment. Int'l Conference Proceedings. 2018. Pp. 15-18.

CONTENTS

Page

Plenary session

Olga Shipunova. Intelligence Structures in the Information Society	6
Elena Pozdeeva. Attitude towards artificial intelligence: challenges and reality	10
Elena Tunda, Vladimir Tunda. Artificial intelligence and the human mind	15
Olga M. Korchazhkina. The process of cognition from the information approach viewpoint	27
Naum Katz. New Trend in University Education: Covid-19 Pandemic and Transition to “E-Learning”	31

The media environment of the information society. Philosophy, technology and politics

Elena Papchenko. Philosophy of technique: challenges of information society	37
Natalya Lomakina. The media environment as a factor in the emergence of a new type of rationality	40
Natalya Lomakina. The media environment as a factor in the emergence of a new type of rationality	40
Alexej Kornienko. The Phenomenon of Digitalization in the Context of M. Heidegger’s Philosophy of Technology	43
Svetlana Chernenkaya. Transformation of communication practices in a networked society	46
Aleksandr Malkevich. The Phenomenon of New Media in the Context of Political Communication	49
Lidiya Evseeva, Anna Matveevskaya. Electronic communications in the transformation of political interactions	54
Gennady Bakulev, Natalia Grigoreva. The Concept of Uses and Gratifications in Social Media Research	58
Tatiana Karulina. On the peculiarities of the construction and use of ideology in Germany in the 20s-30s of the twentieth century	63
Zhanna Fedorova, Elena Uboytseva. Digital negativism: axiology, ontology, ideology?	68
Ekaterina Kutsaenko. The potential of social media in implementing post-truth policy	70
Olga Vlasova. Historicism as a communicative concept, paradigm and disciplinary matrix of the humanities	72

Alexandr Dyakov. The Critics of the Historicism as a Critics of the Foundations of Humanities	77
Maxim Kapitanov. Criticism of historicism in the works of Michel Foucault	81
Ilya Kolpakov, Irina G. Shestakova. Beacon of moral values in the information storm	84
Maxim Krupoderov, Irina G. Shestakova. Social utopia: yesterday today tomorrow	86
Stepan Teplinsky, Irina G. Shestakova. The development of ethno-cultural conflicts in a post-modern and globalised society	88
Cyberanthropology in the context of countering man-made and sociocultural threats	
Irina P. Berezovskaya, Svetlana V. Shapiro. Communication processes in the mixed reality world	91
Elena Gashkova. The problem of ethical verification: from fake to deepfake	96
Irina Saltanovich. "Hyperconnected" world as a factor in the formation of a new type of society	98
Leonid Petryakov. Interference and dispersion of human behavior as a result of interpretation of techno-socio-cultural situation	109
Anatoly Chistyakov. Deproblematization of the social problem of perception of the quality of life in the digitalized environment of human existence	111
Galina Anoshchenko. Social communication in the paradigm of modern science	113
Oksana Iatsenko, Abgaryan Natalia. Professional language as a determinant of communication in the context of a global challenge	116
Alexander Prischepa. The scientific and technological revolution and its role in the development of the information society in the USSR in the second half of the XX century	118
Nikolay Sushkov, Irina G. Shestakova. Religious Ethics in the Challenges of the Modern World	121
Communicative strategies in state administration and public self-government	
Tatyana Shaulova. Big data and information and analytical support of public administration	124
Tatyana Semenova, Ali Al-Dirawi. Interaction between the state and enterprises in the development of the oil and gas industry: the experience of the Middle East countries	128
Anna S. Safonova. Fundraising in post-pandemic conditions: new opportunities and challenges	130

Marina Sirotina. Social networks as a tool to enhance the image of public civil employees	135
Irina Smirnova. A modern system of criteria and approaches to evaluating the effectiveness of municipal employees in St. Petersburg and the Leningrad Region	139
Evgeniya Rachina, Anna Matveevskaya. Communicative strategies for development of Russian tourism in increasing the country's role in the world market	145
Intercultural communication in a networked society	
Nadezhda Bezuglova. Intercultural communication and its problems in a networked society	151
V.A. Serkova. Inculturation, Acculturation and Transculturation as Communication Strategies	159
Natalia A. Orekhovskaya, Aleksey Yu. Oborsky, Aynara N. Amerslanova. Cosmopolitanism of young people – an objective reality of the digital world?	161
Ruslan Saduov. Linguistic and Cultural Landscape as a Tool for Effective Communication in Order to Improve the Region's Language Policy	163
Svetlana Mezentseva. Formation of cultural communication with foreign applicants in the process of entrance creative tests	165
Yu Yang. About the "Promenade" Production of "The Queen of Spades" Directed by A. Legchakov	167
Yu Yang. About "The Queen of Spades" Directed by Lydia Steier (the German Opera on the Rhine in Düsseldorf / Duisburg) – from the Perspective of a "Doctrine about the Everyday Things Order"	169
Wu Luyin. Containing Professor Yi's Texts, New, Valuable Edition in Russia...	171
Wu Zhuofen, Igor' Smirnov. ELOQUENDA HISTORICI VOCE... IV. About Zoltán Kodály's Role in the Development of Musical Education in Hungary	174
Igor' Smirnov, Wu Zhuofen. ELOQUENDA HISTORICI VOCE... V. The Ancient East's Great Civilizations: Learning Musical Art as an Important Factor in Education	176
Nataliya G. Tsenkova (Dilovska), Dimitrina Zh. Gizdova. Experience of Analyzing Igor' V. Kochubey's Piece of Poetry "Amoenitas Desolationis" Hermeneutically	179
D.O.Popov, Irina G. Shestakova. Globalisation as a cause of intercultural problems in the network society	181
Personality in the information and network society: Technologies of manipulation of behavior and consciousness	
Vera Lobastova. Formation of personality in the information society	184

Violetta Gaputina. Features of the content of blogs of influencers in the social network "Instagram"	186
Vladislav Ivanov. Portrait of the protagonist of a computer game In the genre of action	191
Anna Popova, Anna Ruzheinikova. Formation of online identity	196
Irina Berezovskaya. The problem of the development of critical thinking in the information society	203
Daria Bylieva. Lie Detection Technologies: A New Stage	206
Elena Nikitina. Semantic focuses of a text. Communicative sense	209
Danil Zinchenko. Analysis of Libertarian memes	211
Alexey Ukrainskiy. Research of Internet memes containing quotes from Soviet films	219
Ilya Bezus, Irina G. Shestakova. Critical analysis of the socio-cultural phenomenon "Russian toska"	225
V.V. Titov, Irina G. Shestakova. Yegor Letov - a genius or a madman?	228
M. Tikhacheva, Irina G. Shestakova. Problems of mass consciousness manipulation in digital civilization	230
Technologies in the infosphere	
Ivan Tretyakov. The use of mobile applications in the process of information support for addictive individuals who are prone to violence	232
Tatyana Gorina. Scientific education as a component of the third mission of the University	236
Olga A. Efremenko. New Forms of Scientific Knowledge Popularization in Network Society	241
Richardas Kuchinskas. Peculiarities of knowledge exchange between employees in a digital environment	243
Olessya Baranova, Iuliia Obuhova. Gamification as a method of communicative interaction between teachers and students in the educational process	248
Aleksandra Pisareva. Social networks in political communication: content analysis of publications in Russian scientific journals for 2020-2021	254
Interactions in sociotechnical systems and e-learning systems	
Anatoly Chistyakov, Maxim Tretyakov, Daniel Bunzya. The social problem of the perception of the quality of life in the conditions of digitalization of the main spheres of human activity	260

Olga Vasilieva. Subject-object interactions in design in modern technogenic information environment	263
Vladimir Evseev, Lyudmila Volkova. Features of distance learning in the educational process	265
Elena Kasyanova. Possibilities of cloud services in the implementation of media education projects at a technical university	270
Tatyana Ivanova, Tatyana Samoylenko. Organization of continuous education for post-graduate students in conditions of electronic information and educational environment in research institute	272
Elena Osipova. Multimedia-based tutorials on training profiles as a means of improving the quality of undergraduate education in a pandemic and post-pandemic	277
V.V. Morgunov, I.G. Shestakova. Features of independent work with information in the context of engineering education	280
Smart technologies in music education	
Irina B. Gorbunova. On the Need to Improve the Typology of Qualifications in the Contemporary System of Musical Education	282
Irina O. Tovpich. Pedagogy of involvement: the possibilities of music computer technologies in the modern information educational environment	286
Elena Bazhukova. The importance of the discipline "Musical informatics" in the pedagogical activity of a teacher-musician	289
Mark V. Mitskevich. Musical form and music computer technologies	292
Anastasiya Pankova. Professional retraining and advanced training of a teacher-musician in the context of the implementation of distance education	295
Sergey V. Chibirev. Modeling the process of musical creativity	298
Klara Davletova. Informational educational environment as a tool for improving the process of professional development of a music teacher in the system of additional professional education	300
Oleg Spiridonov. Training of future music teachers in Yakutia based on the traditions of ethnomusicology and the use of modern music computer technologies	304
Svetlana Mezentseva. Professional test for foreign applicants in musical areas of training from China as an experience of cultural communication	307
Lyudmila E. Pavlova. Musical and creative projects for the preparation of performances of the theater department by students of the electronic music synthesizer class at the children's school of arts	310
Nina A. Yatsentkovskaya. Communicative and Dialogical Activity of a Music Teacher-	

ian in the School of the 21 st Century	314
Marina A. Opekhtina. Formation of a bank of digital tools and its role in the educational process of a preschool educational organization	316
Anton A. Rubtsov. Music lessons in the music computer technology class: instrumental performance and singing	318
Elena Balabanova, Olga Yasinskaya. About the training of sound engineers for professional activity in a high-tech artistic and creative environment	322
Mariya Goncharova. Pedagogical conditions for the use of mobile and music-computer technologies in the professional development of teachers of musical disciplines	324

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Пленарная сессия

О.Д. Шипунова. Интеллектуальные структуры в информационном обществе	6
Е.Г. Поздеева. Отношение к искусственному интеллекту: вызовы и реальность	10
Е.А. Тунда, В.А. Тунда. Искусственный интеллект и разум человека	15
О.М. Корчажкина. Процесс познания с позиции информационного подхода	27
Наум Кац. Новый Тренд в Университетском Образовании: Пандемия Ковид – 19 и Переход к “E-Learning”	31

Медиа-среда информационного общества. Философия, технологии и политика

Е.В. Папченко. Философия техники: вызовы информационного общества	37
Н.Б. Ломакина. Медиасреда как фактор возникновения нового типа рациональности	40
А.Г. Корниенко. Феномен цифровизации в контексте философии техники М. Хайдеггера	43
С.В. Черненькая. Трансформация коммуникативных практик в сетевом обществе	46
А.А. Малькевич. Феномен новых медиа в контексте политической коммуникации	49
Л.И. Евсева, А.С. Матвеевская. Электронные коммуникации в трансформации политических взаимодействий	54
Г.П. Бакулев, Н.Г. Григорьева. Концепция обретения пользы и удовлетворения в исследованиях социальных медиа	58
Т.Б. Карулина. К особенностям строительства и использования идеологии в Германии 20-х -30 годов двадцатого века	63
Ж.В. Федорова, Е.В. Убойцева. Digital-негативизм: аксиология, онтология, идеология?	68
Е.И. Куцаенко. Потенциал социальных медиа в реализации политики постправды	70
О.А. Власова. Историзм как коммуникативный концепт, парадигма и дисциплинарная матрица гуманитарных наук	72
А.В. Дьяков. Критика историзма как критика оснований гуманитарных наук	77
М.С. Капитанов. Критика историзма в трудах Мишеля Фуко	81
И.А. Колпаков, И.Г. Шестакова. Маяк нравственных ценностей в условиях	

информационной бури	84
М.Р. Круподеров, И.Г. Шестакова. Социальная утопия: вчера сегодня завтра	86
С.Е. Теплинский, И.Г. Шестакова. Развитие этнокультурных конфликтов в обществе постмодерна и период глобализации	88
Ценностная проблематика киберантропологии в контексте противодействия техногенным и социокультурным угрозам в условиях цифровой медиасреды	
И.П. Березовская, С.В. Шапиро. Коммуникативные процессы в мире смешанной реальности	91
Е.М. Гашкова. Проблема этической верификации: от фейка к дипфейку	96
И.П. Салтанович. «Гиперсвязанный» мир как фактор формирования нового типа социума	98
Л.Д. Петряков. Интерференция и дисперсия поведения человека как результат интерпретации техно-социо-культурной ситуации	109
А.В. Чистяков. Депроблематизация социальной проблемы восприятия качества жизни в цифровизированной среде существования человека	111
Г.С. Анощенко. Социальная коммуникация в парадигме современной науки	113
О.Ю. Яценко, Н.Б. Абгарян. Профессиональный язык как детерминанта коммуникации в условиях глобального вызова	116
А.С. Прищепа. Научно-техническая революция и ее роль в развитии информационного общества в СССР во второй половине XX века	118
Н.А. Сушков, И.Г. Шестакова. Религиозная этика в условиях вызовов современного мира	121
Коммуникативные стратегии в государственном управлении и общественном самоуправлении	
Т.В. Шаулова. Большие данные и информационно-аналитическое обеспечение государственного управления	124
Т.Ю. Семёнова, Али Саид Аль Дирави. Взаимодействие государства и предприятий в развитии нефтегазовой отрасли: опыт стран Ближнего Востока	128
А.С. Сафонова. Фандрайзинг в условиях постпандемии: новые возможности и вызовы	130
М.Е. Сиротина. Социальные сети как инструмент повышения имиджа государственных гражданских служащих	135
И.С. Смирнова. Современная система критериев и подходы к оценке эффективности деятельности муниципальных служащих в Санкт-Петербурге и	

Ленинградской области	139
Е.А. Рачина, А.С. Матвеевская. Коммуникативные стратегии развития российского туризма в повышении роли страны на мировом рынке	145
Межкультурная коммуникация в сетевом обществе	
Н.П. Безуглова. Межкультурная коммуникация и её проблемы в сетевом обществе	151
В.А. Серкова. Инкультурация, аккультурация и трансккультурация как коммуникативные стратегии	159
Н.А. Ореховская, А.Ю. Оборский, А.Н. Амерсланова. Космополитизм молодежи – объективная реальность цифрового мира?	161
Р.Т. Садуов. Культурно-языковой ландшафт как инструмент эффективной коммуникации с целью улучшения языковой политики региона	163
С.В. Мезенцева. Формирование культурной коммуникации с иностранными абитуриентами в процессе вступительных творческих испытаний	165
Юй Ян. О «променадной» постановке «Пиковой дамы» режиссера А. Легчакова	167
Юй Ян. О «Пиковой даме» в постановке Лидии Штайер (Немецкая опера на Рейне в Дюссельдорфе / Дуйсбурге) – с позиций «учения о порядке обыденных вещей»	169
У Луинь. Новое, ценнейшее издание с текстами Профессора И в России...	171
У Чжофэнь, И.В. Смирнов. ELOQUENDA HISTORICI VOCE... IV. О роли Золтана Кодая в развитии музыкального воспитания в Венгрии	174
И.В. Смирнов, У Чжофэнь. ELOQUENDA HISTORICI VOCE... V. Великие цивилизации Древнего Востока: обучение музыкальному искусству как важный фактор воспитания	176
Наталия Г. Ценкова (Диловска), Димитрина Ж. Гиздова. Опыт на херменевтичен анализ на стихотворение на Игор В. Кочубей “Amoenitas Desolationis”	179
Д.О. Попов, И.Г. Шестакова. Глобализация как причина возникновения межкультурных проблем в сетевом обществе	181
Личность в информационном и сетевом обществе: Технологии манипуляций поведением и сознанием	
В.А. Лобастова. Созидание личности в информационном обществе	184
В.А. Гапутина. Особенности контента блогов инфлюенсеров в социальной сети «Instagram»	186
В.Б. Иванов. Портрет главного героя компьютерной игры в жанре action	191
А.А. Попова, А.В. Ружейникова. Формирование идентичности в онлайн	

пространстве	196
И.П. Березовская. Проблема развития критического мышления в информационном обществе	203
Д.С. Быльева. Технологии определения лжи: новый этап	206
Е.С. Никитина. Смысловые фокусы текста. Коммуникативный смысл	209
Д.А. Зинченко. Анализ либертарианских мемов	211
А.М. Украинский. Исследование интернет-мемов, содержащих цитаты из советских фильмов	219
И.А. Безус, И.Г. Шестакова. Критический анализ социо-культурного феномена «Русская тоска»	225
В.В. Титов, И.Г. Шестакова. Егор Летов – гений или безумец?	228
М.Д. Тихачева, И.Г. Шестакова. Проблемы манипуляции массовым сознанием в цифровой цивилизации	230
Технологии в инфосфере	
И.Л. Третьяков. Использование мобильных приложений в процессе информационного сопровождения аддиктивных личностей, склонных к насилию	232
Т.С. Горина. Научное просветительство как компонент третьей миссии университета	236
О.А. Ефременко. Новые формы популяризации научного знания в сетевом обществе	241
Р.Р. Кучинская. Особенности обмена знаниями между сотрудниками в цифровой среде	243
О.А. Баранова, Ю.О. Обухова. Геймификация как прием коммуникативного взаимодействия между преподавателями и студентами в учебном процессе	248
А.Н. Писарева. Социальные сети в политической коммуникации: контент-анализ публикаций в российских научных журналах за 2020-2021 гг.	254
Взаимодействия в социотехнических системах и системах электронного обучения	
А.В. Чистяков, М.А. Третьяков, Д.Ю. Бунзя. Социальная проблема восприятия качества жизни в условиях цифровизации основных сфер жизнедеятельности человека	260
О.И. Васильева. Субъект-объектные взаимодействия при организации проектирования в современных техногенно-информационных средах	263

В.В. Евсеев, Л.М. Волкова. Особенности дистанционной формы обучения в образовательном процессе	265
Е.В. Касьянова. Возможности облачных сервисов при реализации медиаобразовательных проектов в техническом вузе	270
Т.В. Иванова, Т.Г. Самойленко. Организация непрерывного образования аспирантов с использованием электронной информационно-образовательной среды на базе научно-исследовательского института	272
Е.А. Осипова. Электронные учебники по профилям подготовки как средство повышения качества высшего профессионального образования в условиях пандемии и пост-пандемии	277
В.В. Моргунов, И.Г. Шестакова. Особенности самостоятельной работы с информацией в контексте инженерного образования	280
Умные технологии в музыкальном образовании	
И.Б. Горбунова. О необходимости совершенствования типологии квалификаций в системе современного музыкального образования	282
И.О. Товпич. Педагогика сопричастности: возможности музыкально-компьютерных технологий в современной информационной образовательной среде	286
Е.Н. Бажукова. Значение дисциплины «Музыкальная информатика» в педагогической деятельности педагога-музыканта	289
М.В. Мицкевич. Музыкальная форма и музыкально-компьютерные технологии	292
А.А. Панкова. Профессиональная переподготовка и повышение квалификации педагога-музыканта в условиях реализации дистанционного образования	295
С.В. Чибирёв. Моделирование процесса музыкального творчества	298
К.Б. Давлетова. Информационная образовательная среда как инструмент для совершенствования процесса профессионального развития педагога-музыканта в системе дополнительного профессионального образования	300
О.А. Спиридонов. Подготовка будущих учителей музыки в Республике Саха (Якутии) с опорой на традиции этномызыкальной культуры и использованием современных музыкально-компьютерных технологий	304
С.В. Мезенцева. Профессиональное испытание для иностранных абитуриентов музыкальных направлений подготовки из Китая как опыт культурной коммуникации	307
Л.Э. Павлова. Музыкально-творческие проекты по подготовке спектаклей театрального отделения учащимися класса электронного музыкального синтезатора	310

Н.А. Яцентковская. Коммуникативно-диалоговая деятельность педагога-музыканта в Школе XXI века	314
М.А. Опехтина. Формирование банка цифровых инструментов и его роль в учебно-воспитательном процессе дошкольной образовательной организации	316
А.А. Рубцов. Уроки музыки в классе музыкально-компьютерных технологий: инструментальное исполнительство и пение	318
Е.А. Балабанова, О.Л. Ясинская. О подготовке звукорежиссёров для профессиональной деятельности в высокотехнологичной художественно-творческой среде	322
М.С. Гончарова. Педагогические условия использования мобильных и музыкально-компьютерных технологий в повышении квалификации преподавателей музыкальных дисциплин	324
CONTENTS	328

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Труды XIII Международной
научно-теоретической конференции

22–23 октября 2021 года

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, т. 2; 95 3004 – научная и производственная литература

Подписано в печать 29.11.2021. Формат 60×84/16. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 21,25. Тираж 48. Заказ 5447.

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного оргкомитетом конференции,
в Издательско-полиграфическом центре Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
Тел.: (812) 552-77-17; 550-40-14.